

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Соловьева Юлия Олеговна

**РОССИЙСКИЙ ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЖАНРОВЫЕ,
КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор
Карасик Владимир Ильич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Российский популярно-юридический дискурс как объект лингвистического исследования	15
1.1. Современные подходы к определению дискурса. Проблемы классификации институциональных дискурсов.....	15
1.2. Гибридизация как процесс эволюционного развития институциональных дискурсов	20
1.3. Популярный дискурс как коммуникативный феномен.....	35
1.4. Юридический дискурс как вид институционального дискурса	45
1.4.1. Подходы к определению юридического дискурса	45
1.4.2. Полевое строение юридического дискурса	51
1.5. Конститутивные признаки российского популярно-юридического дискурса	59
1.6. Типология современного российского популярно-юридического дискурса.....	87
Выводы по главе 1.....	108
Глава 2. Жанры современного российского популярно-юридического дискурса.....	114
2.1. Подходы к определению понятия «речевой жанр». Методологические проблемы выделения и разграничения жанров популярно-юридического дискурса	114
2.2. Жанровые разновидности популярно-юридического дискурса.....	126
2.2.1. Жанр «научно-популярная книга о праве».....	126
2.2.2. Жанр «книга юридических советов».....	139
2.2.3. Жанр «юридическая консультация»	146
2.2.4. Жанр «правовой комментарий для неспециалиста».....	155
2.2.5. Жанр «публичная лекция правовой тематики».....	162
Выводы по главе 2.....	171

Глава 3. Когнитивно-семантические характеристики современного русского популярно-юридического дискурса.....	176
3.1. Виды адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса.....	177
3.2. Модели адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса.....	180
3.2.1. Адаптация по линии текстового расширения	184
3.2.2. Адаптация по линии текстовой компрессии	221
Выводы по главе 3.....	234
Глава 4. Прагмалингвистические характеристики современного русского популярно-юридического дискурса.....	240
4.1. Гетерогенный стилистический характер текстов популярно-юридического дискурса.....	240
4.2. Коммуникативная политональность популярно-юридического дискурса	251
Выводы по главе 4.....	285
Глава 5. Аксиологические характеристики современного русского популярно-юридического дискурса.....	289
5.1. Особенности объективации ценностей в текстах популярно-юридического дискурса.....	289
5.2. Репрезентация лингвокультурного типажа «русский юрист» в текстах популярно-юридического дискурса	342
Выводы по главе 5.....	353
Заключение.....	357
Библиография	361
Список источников фактического материала	396
Приложение	406

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование выполнено в русле дискурсологии, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики и аксиолингвистики. **Объектом изучения** является современный российский популярно-юридический дискурс как коммуникативный феномен. В качестве **предмета исследования** выступают его жанровые, когнитивно-семантические, прагмалингвистические и аксиологические характеристики.

Знание основных правовых норм, в частности, своих прав, свобод и обязанностей обеспечивает гармоничное сосуществование членов социума и выступает необходимой предпосылкой формирования гражданского общества. Президентом и правительством Российской Федерации принимаются различные законодательные меры по урегулированию ситуации в области правового просвещения. Актуальными нормативно-правовыми документами в данной связи являются: «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168); Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 324-ФЗ; Постановление Правительства РФ от 01.07.2022 N 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности» и ряд других федеральных законов и программ, направленных на преодоление правового нигилизма граждан и формирование уважения к закону. К сожалению, несмотря на доступность информации и обилие разнообразных ресурсов, уровень правового просвещения в нашей стране по-прежнему остается достаточно низким, так как многие российские граждане не обладают даже минимально необходимыми правовыми знаниями и навыками.

Как показало исследование российского аналитического центра НАФИ в 2020 году, Индекс правовой грамотности граждан Российской Федерации (интегральный показатель, основанный на трех компонентах: знаниях, навыках и установках в сфере

защиты прав) составил 47 пунктов из 100 возможных, что представляется достаточно низким показателем. При этом 48% россиян хотели бы повысить свой уровень правовой грамотности, а 22 % респондентов сталкивались с нарушением своих прав, связанных с недостаточностью правовых знаний. Только 50% российских граждан считают, что соблюдение закона необходимо при любых обстоятельствах, при этом примерно каждый десятый опрошенный допускает возможность нарушения закона при условии отсутствия санкций. Полученные статистические данные указывают на то, что проблема оптимизации правового просвещения граждан нашей страны для повышения уровня их правовой грамотности до сих пор остается нерешенной.

Актуальность темы диссертационного исследования детерминирована следующими факторами: 1) изучение популярно-юридического дискурса позволяет выработать действенные способы адаптации юридических текстов для эффективной интериоризации правовых знаний с учетом специфики обыденного типа правосознания адресата; 2) понимание особенностей продуцирования и функционирования текстов популярно-юридического дискурса, обладающего большим потенциалом семиозиса, дает возможность не только анализировать, но и целенаправленно корректировать представления членов социума об институте права и его агентах, что формирует мотивацию для добровольного следования нормам, устанавливаемым данным институтом; 3) выявление средств объективации правовых ценностей, транслируемых посредством популярно-юридического дискурса, способствует выработке оптимального механизма трансформации норм института права в личностно значимые поведенческие ориентиры массового адресата, тем самым формируя устойчивую систему аксиологических координат, в рамках которой нормы права преобразуются во внутренний нравственно-правовой императив субъекта.

Степень разработанности проблемы. Популярный дискурс становился объектом исследования ряда отечественных лингвистов (Аверин 2022, Календр 2017,

Медведев 2019, Очерedyкo 2010, Петушинская 2008, Щитова 2019). Однако исследователями по-прежнему не сформулировано единое определение популярного дискурса, не выделены критерии типологии, не описана система жанров, не установлены универсальные семантические, стилистические, прагматические и другие характеристики популярных дискурсов. Большинство исследований проводилось на материале англоязычных текстов, в связи с чем соответствующие русскоязычные популярные дискурсы не получили достаточного освещения в лингвистической науке. Отметим также, что ранее учеными исследовались конститутивные признаки преимущественно профессионального юридического дискурса, при этом полученные выводы экстраполировались на все разновидности юридического дискурса.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: популярно-юридический дискурс является подвидом юридического дискурса, который имеет гибридную природу, определяющую его конститутивные признаки, жанровые разновидности и дискурсивно-специфические свойства, и может быть охарактеризован в когнитивно-семантическом, прагмалингвистическом и аксиологическом аспектах.

Целью исследования является комплексное описание современного российского популярно-юридического дискурса как дискурса гибридного типа. Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- 1) сформулировать теоретико-методологическую концепцию гибридного дискурса и предложить операциональную модель его образования;
- 2) разработать структурно-функциональную модель юридического дискурса, определив в ней статус и место популярно-юридического подвида;
- 3) выявить специфику конститутивных признаков популярно-юридического дискурса с учетом его гибридной природы;
- 4) разработать критерии типологии российского популярно-юридического дискурса;

- 5) провести комплексную жанрово-типологическую систематизацию российского популярно-юридического дискурса;
- 6) выявить когнитивно-семантические модели трансформации специального юридического текста в условиях популярного дискурса;
- 7) установить прагмалингвистические характеристики российского популярно-юридического дискурса;
- 8) выявить аксиологический потенциал текстов российского популярно-юридического дискурса.

Материалом исследования послужили: 1) научно-популярные книги: «Правоведение для всех» А. Русаковича (2017), «Занимательное правоведение» В. Кизяковского (2019), «Основы права: теория, практика и как с этим жить» В. Оробинского (2022), «Как устроено право» А. Русаковича (2024) общим объемом 1 980 страниц; 2) книги юридических советов: «Адвокат для дилетантов: гид по праву» Ю. Дубининой (2019), «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!» А. Сидорова (2014), «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» Е. Николаевой (2019) общим объемом 507 страниц; 3) 120 публикаций из рубрики «Общественная приемная» национального правового журнала «Человек и закон» за 2022–2023 гг.; 4) 100 постов рубрики «Юридическая консультация» специального проекта «Российской газеты» за 2023–2025 гг.; 5) 203 правовых комментария из национального правового журнала «Человек и закон», печатного издания «Российская газета» и ее интернет-портала *RG.RU* за 2022–2025 гг.; 6) 130 лекций правовой тематики объемом 2 406 минут (40 часов). В качестве **единицы исследования** рассматривались текстовые фрагменты, принадлежащие популярно-юридическому дискурсу.

В работе использовались следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки, понятийное моделирование, дефиниционный анализ, контекстуальный

анализ, интерпретативный анализ, когнитивно-семантический анализ, лингвостилистический и лингвопрагматический анализ.

Методологическую основу исследования составляют научные труды в рамках следующих направлений:

– *теории дискурса* [Арутюнова 1998, Бейлинсон 2001, Викулова 2022, Добросклонская 2024, Ирисханова 2010, Календр 2017, Карасик 2004, 2008, 2015, 2025, Кибрик 2010, Кожемякин 2008, Красных 2008, Левицкий 2024, Наумова 2021, Олянич 2015, Сафронова 2016, Соколова 2020, Хотног 2019, Шейгал 2004, Alexu 1996, Brown 1998, van Dijk 1997, 2008, Coulthard 2014, Mayr 2008, Weiss, Wodak 2003 и др.];

– *юрислингвистики* [Аверин 2022, Богатырев 2016, Борисова 2016, Голев 2006, Дубровская 2010, Зайцева 2011, Кожемякин 2011, Колесникова 2007, Косоногова 2015, Крапивкина 2011, Кургаева 2018, Палашевская 2010, 2012, Торгашева 2011, Туранин 2017, Храмцова 2009, Чернышев 2016, Шлепнев 2017, Fletcher 1987, Goodrich 1987, Gibbons 2003, Tiersma 1999, Zhenhua 2019 и др.];

– *генристики* [Бахтин 1986, Вежбицкая 1997, Дементьев 2010, 2016, Дускаева 2016, Седов 2011, Шмелева 1997, Щипицина 2019, Bauman 2006, Bhatia 2006, Biber 2009, Swales 1990 и др.];

– *когнитивной лингвистики* [Демьянков 2025, Дьякова 2011, Ионова 2006, Карасик 2009, Молчанова 2019, Первухина 2015, Устинова 2019 и др.];

– *прагмалингвистики* [Арутюнова 1998, Багдасарян 2000, Белошицкая 2022, Борботько 2024, Иссерс 2008, Нефедов 2020, Сулейманова 2024, Тупикова 2010, Федулова 2010, Формановская 2007, Шишкина 2013, Halliday 1978 и др.];

– *лингвокультурологии и лингвоаксиологии* [Алефиренко 2010, Богданова 2023, Вежбицкая 2002, Воркачев 2001, Гудков 1999, Дмитриева 2006, Дубровская 2017, Карасик 2012, 2015, Красных 2008, Слышкин 2004 и др.].

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) разработана теоретико-методологическая концепция гибридного дискурса и

операциональная формула его образования;

- 2) предложена структурно-функциональная модель юридического дискурса, включающая профессиональный, научный, популярный, художественный и обиходный подвиды, пригодная для экстраполяции на другие институциональные дискурсы;
- 3) выявлены и описаны конститутивные признаки, а также когнитивно-семантические, прагмалингвистические и аксиологические характеристики популярно-юридического дискурса;
- 4) впервые проведена жанрово-типологическая систематизация современного российского популярно-юридического дискурса.

Личным вкладом соискателя является разработка комплексного подхода к исследованию популярно-юридического дискурса как дискурса гибридного типа, включая выделение его жанровых разновидностей, описание моделей адаптации специальной информации, установление его прагматического и аксиологического потенциала. В работе предложена и апробирована четырехпараметрическая рамка описания популярно-юридического дискурса, предполагающая его комплексное исследование в текстовом, коммуникативном, инструментальном и аксиологическом измерениях.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийно-категориального аппарата лингвистики в области исследования гибридных дискурсов, предложении операциональной формулы гибридного дискурса, а также разработке переносимой модели описания популярного дискурса, обеспечивающей комплексное изучение его характеристик, что вносит вклад в развитие теории дискурса.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения полученных данных в курсах по языкознанию, стилистике, анализу текста, юрислингвистике, прагмалингвистике, теории дискурса. Результаты исследования могут послужить методической основой для создания просветительских

продуктов в области права: книг, лекций, образовательных программ по повышению правовой грамотности, направленных на трансформацию правовых норм в поведенческие паттерны носителей обыденного правосознания. Полученные выводы также могут служить разработке критериев экспертизы текстов популярно-юридического дискурса на предмет их достоверности, отсутствия манипулятивности и соответствия нормам института права.

На защиту выносятся следующие положения:

1. **Гибридный дискурс** – это сложное коммуникативное образование, формирующееся на основе базового институционального дискурса, определяющего предметную сферу гибридного дискурса (терминосистему, дискурсивные формулы, ключевые концепты и т.д.), в который инвариантно интегрируются транслирующий дискурс, служащий каналом передачи информации посредством своих жанров, и опционально инкорпорируемые дискурсы, объединенные содержанием (проблематикой) базового дискурса, при этом реализующие коммуникативные цели гибридного дискурса. Модель образования гибридного дискурса может быть бинарной или трехчастной.
2. Юридический дискурс имеет полевое строение и включает: 1) **профессиональный юридический дискурс**, 2) **научный юридический дискурс**, 3) **популярно-юридический дискурс**, 4) **художественный юридический дискурс** и 5) **обиходный юридический дискурс**. В качестве институционального ядра выступает профессиональный юридический дискурс. Собственно институциональным признается общение только в первых трех сферах. Четвертая и пятая периферийные сферы, хотя и относятся к юридическому дискурсу предметным содержанием и использованием коммуникантами юридических терминов либо в качестве стилистических приемов (художественный юридический дискурс), либо в их упрощённом, обыденном понимании (обиходный юридический дискурс) представляют собой коммуникацию неинституционального характера.

3. **Популярно-юридический дискурс** – это подвид юридического дискурса, имеющий гибридную природу, характеризующийся собственными конститутивными признаками и системой жанров, имманентно связанный с базовым (профессиональным) юридическим дискурсом тематическим содержанием, базовыми концептами и терминосистемой, представленной в доступной для неспециалистов форме.

4. В силу своей гибридной природы популярно-юридический дискурс демонстрирует отличия от других подвидов юридического дискурса на уровне таких конститутивных признаков как участники, хронотоп, коммуникативная цель, разновидности и жанры, дискурсивные стратегии.

5. На основании критерия «канал общения» представляется возможным типологизировать популярно-юридический дискурс как ***дистантный, дистантно-виртуализованный, контактный, контактно-виртуализованный и виртуальный***. По критерию «коммуникативная цель» дифференцируются ***просветительский, инструктирующий, информирующий, развлекательный и презентационный*** типы популярно-юридического дискурса. Современный российский популярно-юридический дискурс реализуется преимущественно в дистантном и дистантно-виртуализованном форматах. Преобладающая часть текстов относится к инструктирующему типу дискурса, направленному на выработку поведенческих моделей и механизмов защиты своих прав неспециалистами.

6. На основании композиционных, тематических и коммуникативных особенностей представляется обоснованным выделить и описать пять основных жанров современного российского популярно-юридического дискурса: **«научно-популярная книга о праве», «книга юридических советов», «юридическая консультация», «правовой комментарий для неспециалиста» и «публичная лекция правовой тематики».**

7. Адаптация специального юридического текста к условиям популярно-юридического дискурса может осуществляться либо по линии текстового расширения (посредством моделей амплификации и денотатной экспликации), либо по линии текстовой компрессии (посредством модели редуцирования). Гибридный характер дискурса и разнообразие доступных каналов коммуникации в ряде случаев приводит к наложению разнонаправленных моделей адаптации специальной информации, а также смещению фокуса внимания адресантом при сообщении информации о референте или когнитивном событии для достижения необходимого коммуникативного эффекта.

8. Современный российский популярно-юридический дискурс имеет гетерогенный стилистический характер, проявляющийся во взаимодействии в его коммуникативном пространстве научного, публицистического и разговорного стилей при ярко выраженной доминанте официально-делового стиля. Каждый из выделенных жанров популярно-юридического дискурса характеризуется индивидуальной относительно устойчивой стилевой комбинаторикой. Изучаемый дискурс является политональным по своей коммуникативной характеристике, демонстрируя широкие возможности переакцентуации и наложения друг на друга разных типов тональности, в том числе, перевода общения из серьезного в шутливый диапазон.

9. Популярно-юридический дискурс обладает значительным ценностно-нормативным потенциалом, транслируемым на массового адресата посредством: 1) базовых правовых концептов; 2) юридических скриптов; 3) аллюзий к прецедентным феноменам; 3) невербальных эмблем института права. Репрезентация лингвокультурного типажа «российский юрист» в текстах популярно-юридического дискурса характеризуется амбивалентностью, а стереотипизированные отрицательные ценностные характеристики типажа (нечестность, корыстолюбие, недобросовестность и др.) диссонируют с аксиологическими ориентирами русской национальной культуры.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены на конференциях: *международных*: «Иностранные языки в экосистеме современного университета» (Архангельск, 2021), «Конгресс по когнитивной лингвистике» (Москва, 2022), «Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства» (Волгоград, 2021, 2022, 2023), «Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика» (Москва, 2022), «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, 2022, 2023), «Гуманитарные технологии в современном мире» (Светлогорск, 2022, 2023) «Диалог культур и цивилизаций» (Москва, 2022), «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (Гродно, 2022), «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (Москва, 2022, 2024), «Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций поколения» (Москва, 2023, 2024), «Конгресс по когнитивной лингвистике» (Нижний Новгород, 2024), «Журналистика XXI века: в пространстве культуры» (Санкт-Петербург, 2023), «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 2023), «Психология языка и психолингвистика: истоки и современность» (Москва, 2023), «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 2025); *всероссийских*: «Язык и культура в эпоху глобализации» (Санкт-Петербург, 2022), «Педагогический дискурс: в современной научной парадигме и образовательной практике» (Москва, 2023), «Коммуникация – Дискурс – Дискурсивные практики» (Москва, 2023), «Когнитивные исследования языка и дискурса» (Москва, 2025); *национальных*: «Коммуникация – общество – человек» (Ярославль, 2023), «Язык, сознание, коммуникация: проблемы информационного общества» (Москва, 2023); *круглых столов*: «Когнитивные описания языка: концепции, методы, процедуры. Круглый стол памяти Е.С. Кубряковой» (Москва, 2024).

По теме диссертации опубликованы 45 работ общим объемом 19.14 п.л., включая 20 работ (8,86 п.л.) в изданиях, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, из них 9 работ в изданиях, включенных в ядро РИНЦ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, списка источников фактического материала и приложения, содержащего список примеров.

ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЙ ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Современные подходы к определению дискурса. Проблемы классификации институциональных дискурсов

Дискурсология или теория дискурса является одним из ключевых и активно развивающихся направлений коммуникативной лингвистики в русле антропоцентрической парадигмы современного отечественного и зарубежного языкознания. Становление данного направления было обусловлено осознанием исследователями того факта, что именно в рамках дискурса возникают и разворачиваются межличностные отношения между коммуникантами, а также формируется социальная практика, в ходе которой субъект, используя общественные институты, воздействует на систему общественных отношений и развивается в ходе данного взаимодействия [El Mustapha Lahlali, 2007]. А.Э. Левицкий полагает, что дискурс является неотъемлемой частью всех сфер жизни человека, помогая обозначить различные поведенческие, повседневные нормы жизни социума [Левицкий, 2023: 24]. Как справедливо отмечает О.С. Иссерс, дискурсивная практика определяет социальную практику через тексты [Иссерс, 2011: 229]. По нашему мнению, в дискурсе не только отражается социокультурная реальность, но он сам выступает основным инструментом ее конструирования и трансформации в сознании языкового коллектива.

Многомерное и сложное понятие «дискурс», которое вплоть до 1960-х гг. использовалось как синоним текста и речи, является одним из «узловых» для целого ряда смежных с лингвистикой наук, таких как психология, социология и культурология, а также для многочисленных направлений лингвистики: прагмалингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и др., в связи с чем он получил большое количество определений. Становится

очевидным, что анализ дискурса выходит за рамки одной области знания и требует объединенных усилий лингвистов, социологов, психологов, литературоведов, философов и т.д., а его типология может основываться на различных параметрах и характеристиках. Наиболее многочисленными, безусловно, являются работы, в которых дискурс трактуется с лингвистических позиций. Несмотря на многообразие подходов к исследованию дискурса, существует ряд предпосылок, способствующих их гомогенизации. Так, современные исследователи в своих работах отходят от статической модели представления о языке, но берут за основу его динамическую модель, при которой осуществляемая коммуникация рассматривается в ситуативном и культурном контексте.

Так, по мнению Ю.С. Степанова, дискурс – это «особое использование языка» для выражения особой ментальности или даже особой идеологии [Степанов, 1995: 38–39]. М. Фуко (Michel Foucault) определяет дискурс как «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996: 29]. Т. ван Дейк, изучавший как структурные компоненты, так и прагматическую составляющую дискурса, приходит к выводу, что дискурс – это связанная последовательность письменных или устных высказываний, возникающих в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий [Дейк, 2013]. Согласно определению В.В. Красных, дискурс – это «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных, 2001: 200]. Е.А. Кожемякин полагает, что дискурс представляет собой не столько результат человеческой деятельности, сколько саму деятельность. Дискурс в его понимании – это «произведенная в определенных исторических и социальных рамках, особым

образом организованная и тематически сфокусированная система знаковых форм, рецепция которых способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение» [Кожемякин, 2007: 59].

Широкое распространение в отечественной дискурсологии получило определение дискурса, предложенное Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, погруженная в жизнь» [ЛЭС: 136–137]. Подобное толкование дискурса позволяет проанализировать личности участников общения с самых разных позиций, приняв во внимание контекст общения, пресуппозиции коммуникантов, речевые стратегии и транслируемые ценности.

В данной работе мы придерживались социолингвистического подхода к изучению дискурса, предложенного В.И. Карасиком, который рассматривает дискурс как общение людей, принадлежащих к какой-либо социальной группе, с учетом типичной речеповеденческой ситуации [Карасик, 2002: 194]. На этом основании ученый выделяет *личностно-ориентированный дискурс*, подразделяющийся на *бытовой* и *бытийный*, и *статусно-ориентированный* или *институциональный дискурс*, к которому относятся *политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский* и другие дискурсы. При этом, как полагает исследователь, бытовое, обыденное общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне. Данный вывод коррелирует с наблюдениями Н.Д. Голева о том, что естественный язык в потенциале является носителем специального языка (особого функционирования языка в той или иной сфере) [Голев, 2006: 11].

В зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в определенный исторический промежуток времени, статусноориентированный дискурс может приобретать институциональный или неинституциональный характер. Под «институтом» мы, вслед за Е.А. Кожемякиным, будем понимать «совокупность устойчивых формальных и неформальных норм и правил, регулирующих определенный круг общественных отношений» [Кожемякин, 2007: 58]. Как известно, институты обладают способностью создавать дискурсы и влиять на их формирование. Естественнo предположить, что институциональный дискурс появляется и исчезает вместе с соответствующим социальным институтом.

В.И. Карасик определяет «институциональное общение», как коммуникацию представителей общественных институтов (агентов) друг с другом или с людьми, не принадлежащими к институту (клиентами). В ходе указанного речевого взаимодействия коммуниканты реализуют свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых детерминировано потребностями общества на конкретном этапе развития [Карасик, 1998:190–191]. По мнению Е.И. Шейгал, институциональный дискурс реализуется в рамках того или иного социального института, составной частью организации которого выступает общение [Шейгал, 2004: 42]. Как полагает О.В. Косоногова, институциональный дискурс осуществляется, как правило, в соответствующих социальных институтах, представляющих из себя совокупность лиц и учреждений, исполняющих конкретную социальную роль [Косоногова, 2015: 63]. По наблюдению исследователя, для осуществления своих коммуникативных целей агенты социального института прибегают к использованию определенных типов/жанров дискурса. Например, для юридического дискурса такими жанрами выступают заключение договора, защитительная речь в суде и др. [Косоногова, 2015: 63]. Институциональный дискурс при этом служит не только отражению и «означиванию» деятельности института, но и способом его бытия [Кожемякин, 2007: 59]. Как следствие, можно утверждать, что

дискурс, в свою очередь, формирует тот или иной общественный институт, что подтверждает следующее высказывание А. Майр (Andrea Mayr): «Стратегическое использование языка служит определенной репрезентации мира, а также задает параметры обсуждения той или иной темы. Анализируя ситуации, в которых дискурсы легитимизируют определенные институциональные практики, авторы предпринимают попытку выявить глубинную идеологию, определяющую институциональную повестку» [Mayr, 2008: 4] (*Перевод наш. – Ю.С.*).

Е.А. Кожемякин считает политический, религиозный, медицинский, юридический, и педагогический дискурсы наиболее значимыми институциональными дискурсами, обладающими большим потенциалом семиозиса, что позволяет им конструировать и реконструировать социокультурную реальность [Кожемякин, 2007: 59]. Отличительной особенностью юридического дискурса является то, что статус этой реальности определяется в ходе самой дискурсивной практики, а решения принимаются на основе текстов юридических документов. Речевая деятельность, таким образом, представляет собой как суть юридической практики, так и способ существования права [Палашевская, 2010: 535].

Как известно, ни один современный дискурс не существует в «замкнутом пространстве». Дискурсы постоянно конкурируют за общественное влияние, контактируют между собой, трансформируются в результате этого взаимодействия, заимствуют друг у друга коммуникативные стратегии, жанры и т.д. Е.А. Кожемякин, в частности, полагает, что кооперация дискурсов направлена на конструирование социальных смыслов. Например, политический и юридический дискурсы могут решать единую задачу легитимации общественных отношений [Кожемякин, 2007: 59].

А.А. Кибрик объясняет проблему классификации современных типов дискурса большим количеством переменных с невероятным потенциалом комбинаторики [Кибрик, 2010]. В этой связи лингвистами ощущается необходимость смещения исследовательского интереса с «чистых» типов дискурса к «комбинаторным»,

которые можно назвать гибридными или смешанными типами дискурса. Актуальность таких исследований на текущем этапе развития детерминирована их включенностью в антропоцентрическую парадигму современной лингвистики и нацеленностью на поиск научного знания междисциплинарного уровня.

По мнению Т.В. Дубровской, в настоящее время изучение гибридных типов дискурса представляется перспективным направлением исследований, так как в таких типах дискурса находит отражение взаимодействие различных общественных институтов, которые не существуют изолированно, и влияние этого взаимодействия на речевые практики [Дубровская, 2010: 34]. Таким образом, всестороннее изучение гибридных типов дискурса может способствовать пониманию процессов, происходящих в современном обществе, а также определению каналов трансляции системы ценностей социума.

1.2. Гибридизация как процесс эволюционного развития институциональных дискурсов

Прежде чем приступить к рассмотрению свойств гибридных дискурсивных образований и предпосылок их формирования, считаем целесообразным обратиться к термину «гибридность» применительно к языку и тексту. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой приводятся следующие определения слова «гибридный»: 1. Скрещенный/смешанный/ гибридный язык. 2. Составленный из генетически разнородных элементов [Ахманова, 2004: 94]. Гибридность в языке проявляется в скрещении знаков одной или нескольких семиотических систем (видовые и родовые отношения). Понятия «гибрид» и «гибридность» были изначально заимствованы лингвистикой из естественнонаучной парадигмы для обозначения контаминации вербальных единиц (устойчивых и свободных сочетаний, различных изобразительно-выразительных средств и т.п.). Так, О.К. Ирисханова

полагает, что гибридность является свойством языка, сформировавшимся в ходе естественной эволюции человека [Ирисханова, 2010: 28]. Исследователь отмечает, что более высокая степень адаптации, приобретаемая биологическими объектами при гибридном скрещивании, наблюдается и в языковом аспекте, находя отражение в «продуктивности процессов языковой гибридизации на структурном уровне, обогащении семантики гибридных единиц, их способности образовывать открытые классы с размытыми границами и расширении диапазона выполняемых ими коммуникативных функций» [Ирисханова, 2010: 29].

Экстраполяция термина на семиотику и лингвистику, в частности, его трансляция в область дискурс-анализа связана с необходимостью изучения предпосылок гибридизации дискурсов, а также новых свойств, приобретаемых в итоге смешанными дискурсивными образованиями. Термин «гибридный дискурс» восходит к «двуакцентной и двустильной гибридной конструкции» М.М. Бахтина. В его понимании данная конструкция реализуется на уровне текста, синтаксиса и лексики и представляет собой «высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности совмещены два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два языка, два смысловых и ценностных кругозора» [Бахтин, 2012: 57]. Исследователь отмечает как отсутствие формальной (композиционной и синтаксической) границы между данными высказываниями, так и приобретение гибридной конструкцией дополнительного смысла или акцента.

По наблюдениям Н.В. Филатовой, понятие гибридности текста коррелирует с понятиями полифонии и интертекстуальности. Понятие «текстовой полифонии» также было введено М.М. Бахтиным и разрабатывалось в многочисленных трудах представителей русской и французской семиотических школ. Современные когнитивисты оперируют понятием «дискурсивная полифония», основанным на принципе «послойной» организации речевого потока при текстопорождении.

Каждый такой «слой» или полифоническое включение, несет некую «дотекстовую» информацию, характерную для определенного текстотипа. Как отмечает Н.В. Филатова, полифонические включения характеризуются специфическими маркерами и содержательно выражают цели, аксиологические ориентиры, субъектнообъектные позиции и тематические приоритеты релевантных дискурсов [Филатова, 2012: 42].

Анализируя корреляцию понятий «гибридность» и «полифония», мы опираемся на вывод О.К. Ирисхановой о том, что гибридизация результируется в появлении единиц, обладающих более широкими функциями по сравнению со своими «родителями» [Ирисханова, 2011: 63], что, на наш взгляд, является принципиальным отличием гибридных текстов от текстов, содержащих полифонические включения. Интересным в данной связи представляется то, что, как отмечают исследователи (В.А. Гапутина, К.А. Наумова, О.А. Солопова, О.В. Соколова и др.), свойства «родительского» дискурса регулярно проявляются в дискурсивном пространстве гибрида, а элементы инкорпорируемых дискурсов (полифонические включения) репрезентируются нерегулярно и могут обнаруживаться только в отдельных жанровых разновидностях или сферах распространения. Данное наблюдение справедливо и для популярно-юридического дискурса, в разных жанрах которого инвариантно представлены и широко эксплицированы характерные элементы/единицы «родительского» юридического дискурса (терминология, дискурсивные клише, прецедентные тексты, невербальные эмблемы и т.д.), в то время как включения других дискурсов (научного, политического, исторического, художественного и др.) носят спорадический характер. Сам популярный дискурс при этом реализует нехарактерные для «родительского» дискурса дополнительные функции (например, просветительскую), коррелирующие с основными коммуникативными целями юридического дискурса.

В отличие от других форм взаимодействия текстов, к примеру, ранее упомянутой интертекстуальности, для которой характерны «диалогические» отношения на уровне языковых выражений, коммуникативных систем и контекстов, в основе гибридных текстов лежит сочетание гетерогенных текстовых (или языковых, жанровых, кодовых и др.) элементов. При этом взаимодействие элементов в гибридных текстах направлено непосредственно на формирование новых свойств, возникающих в результате синтеза различных компонентов. Анализируя структурную гетерогенность гибридных текстов, О.В. Соколова, в частности, отмечает преодоление внутреннего противопоставления между элементами, а также приобретение данными текстами новых свойств, возникающих в результате синтеза различных компонентов – формально-семантической неаддитивности и дизъюнктивности [Соколова, 2020: 55]. Мы можем утверждать, что исследуемый популярно-юридический дискурс также характеризуется неаддитивностью, проявляющейся, в частности, в его коммуникативной политональности и гетерогенном стилевом характере, являющихся результатом взаимодействия разных институциональных дискурсов в его коммуникативном пространстве. Равным образом дизъюнктивность популярно-юридического дискурса как дискурса гибридного типа проявляется в приобретении высказываниями, относящимися к предметной сфере юридического дискурса, дополнительных оттенков смыслов и вариативности их интерпретаций, зависящих от ситуации общения и интенции адресанта. Так, смысл, выводимый из используемых адресантами дискурса единиц, не предопределяется заранее значениями данных единиц и может отличаться от их значений в текстах профессионального юридического дискурса (например, саркастическое обыгрывание прототипных юридических ситуаций или эмоциональная окраска высказывания, создаваемая посредством использования клише юридического дискурса в непривычном коммуникативном контексте).

Исследователи О.А. Солопова и К.А. Наумова отмечают, что рассматриваемые ими гибридные подвиды современного американского военного дискурса представляют собой образования, сформировавшиеся не просто в результате сочетания и наложения друг на друга разных дискурс-основ. По их мнению, взаимопроникновение и интеграция характеристик взаимодействующих типов дискурса приводят к возникновению качественно нового формата институционального дискурса, сущность которого не сводится к сложению компонентов дискурса-основы (неаддитивность) [Солопова, Наумова, 2018: 15]. Вышеупомянутые лингвисты приходят к выводу о том, что несмотря на наличие общей дискурс-основы и ряда интегральных компонентов, таких как хронотоп, стратегии, дискурсивные формулы, прецедентные тексты и др., гибридные типы дискурса могут демонстрировать принципиальные различия на уровне ключевых компонентов (агенты, цели, ценности).

Считаем важным указать, что в ходе исследования гибридизации юридического дискурса нами отмечены различия между его профессиональным и популярным подвидами в отношении хронотопа, стратегий и целей, однако, по нашим наблюдениям, дискурсивные формулы и прецедентные тексты юридического дискурса неизменно характеризуют все его подвиды и выступают в качестве вербальных эмблем. Система ценностей института права популяризируется в текстах изучаемого гибридного дискурса, который наряду с профессиональным юридическим дискурсом принимает активное участие в конструировании правовой реальности.

Существует несколько подходов к изучению и классификации гибридных дискурсов, в зависимости от типов гибридности, присутствующих в них, и способов ее выражения. Так, А.В. Хотног предлагает изучать типологию гибридности на основе двух критериев: родовидового критерия и критерия «единицы языка – речи» [Хотног, 2019: 190]. Исходя из критерия «родовидовые отношения» А.В. Хотног выделяет поликодовую/монокодовую гибридность, возникающую в результате смешения

разных по природе (креолизированный текст), либо однородных знаков, и полиязыковую/моноязыковую гибридность, возникающую в результате смешения знаков разных языков, либо одного языка. Термин «поликодовые гибридные тексты» встречается также в трудах О.В. Соколовой, которая относит данный феномен к контаминации дискурсов и отмечает совмещение в указанных текстах типологических черт каждого из взаимодействующих дискурсов. Формирование новых коммуникативных, семиотических и языковых свойств гибридного текста в результате такого наложения позволяет передать одно и то же сообщение с помощью различных кодов [Соколова, 2020: 68]. Таким образом, в отличие от А.В. Хотного под «поликодовостью» О.В. Соколова понимает не смешение знаков разных семиотических систем, а совмещение различных кодов при передаче сообщения [Соколова, 2020: 65].

Исходя из данной концепции, О.В. Соколова выделяет следующие типы гибридизации: языковую, жанровую, поликодовую и мультимедийную [Соколова, 2020: 55]. Междискурсивные образования, в которых соединяются слова, высказывания и крупные текстовые фрагменты, принадлежащие разным дискурсам, исследователь относит к языковым гибридам [Соколова, 2020: 59]. Под мультимедийными гибридными текстами понимаются тексты, задействующие два и более канала передачи информации. Использование инновационных технологий и подключение новых медиаканалов позволяет сформировать технически и структурно осложненный канал коммуникации и максимально вовлечь ресурсы трансляции сообщения адресантом и интерпретации ее адресатом [Соколова, 2020: 77].

В данной связи необходимо отметить, что современный популярно-юридический дискурс характеризуется всеми выделенными на сегодняшний день типами гибридизации: языковой, жанровой, поликодовой и мультимедийной, что будет доказано далее в работе. Мы относим популярно-юридический дискурс к гибриднему типу, поскольку он совмещает в себе семантически и стилистически

разнородные элементы, в том числе заимствованные у других институциональных дискурсов, что приводит к образованию дискурса с новыми уникальными свойствами. Мы оперируем термином «гибридный», а не, скажем, «смешанный» тип дискурса, поскольку в результате объединения в коммуникативном пространстве изучаемого дискурса различных элементов, оно сохраняет гетерогенный (а не гомогенный, как предполагает смешение) характер. Популярно-юридический дискурс, на наш взгляд, также нельзя назвать «комбинированным», поскольку взаимодействующие в его поле различные виды дискурса не сохраняют свои индивидуальные черты. Напротив, наблюдается процесс их переплетения и взаимопроникновения, в результате чего формируется отдельный подвид дискурса, обладающий собственными свойствами и характеристиками, не являющимися простой суммой компонентов взаимодействующих дискурсов.

Далее целесообразно рассмотреть причины и предпосылки, способствующие активному процессу формирования гибридных дискурсивных образований. Как отмечают многие исследователи в данной области, гибридизация непосредственно связана с когнитивными способностями человека к созданию и восприятию гибридных объектов. О.К. Ирисханова, в частности, приходит к выводу о том, что гибридизация является универсальной когнитивной способностью человека, творческое освоение мира которым выражается в способности порождать ментальные «пространства-бленды» [Ирисханова, 2011: 63]. По мнению ученого, гибридность естественна для языка и, несмотря на творческую деятельность индивида, регулируется законами, которые не зависят и не всегда осознаются говорящим [Ирисханова, 2010: 28]. Данный вывод коррелирует с мнением Т.В. Тюленевой о том, что существованию преднамеренной гибридности способствует такое свойство языковой личности как лингвокреативность, обусловленная стремлением и способностью индивида к творческой речевой деятельности [Тюленева, 2012: 5]. Т.В.

Устинова также полагает, что лингвокреативность представляет собой сущностное свойство речемыслительной деятельности человека [Устинова, 2019: 10].

Анализируя причины появления гибридных дискурсивных образований, мы выделяем несколько факторов, способствующих процессу гибридизации различных видов институционального и персонального общения. Во-первых, разновидности институционального общения разграничены весьма условно, а границы между социальными институтами нередко оказываются размытыми, что приводит к генерации гибридных типов/форматов профессиональных дискурсов. Кроме того, с исчезновением какого-либо института свойственный ему дискурс имеет тенденцию к «растворению» в смежных видах дискурса.

Во-вторых, институциональность имеет градуальный характер. По мнению В.И. Карасика, в институциональном дискурсе, можно выделить ядро (общение базовых участников) и периферию. Зачастую гибридизация наблюдается в периферийных жанрах институционального дискурса, в которых осуществляется контакт представителя института с человеком, не принадлежащим к данному общественному институту [Карасик, 2002: 292–293].

С.А. Данилова также полагает, что ядро любого дискурса составляют прототипичные жанры, с которыми дискурс ассоциируется в первую очередь, и в которых в концентрированной форме выражена социальная миссия института [Данилова, 2015]. Периферию, по мнению ученого, составляют жанры, общие для разных типов дискурсов. Они обеспечивают непрерывность дискурсивного континуума и междискурсивное взаимодействие. Исходя из предпосылки полевого строения институционального дискурса, процессы гибридизации, на наш взгляд, имеют *центробежный* характер. Вследствие этого, наименьший потенциал гибридизации будет свойственен жанрам, находящимся вблизи ядра, т.е. прототипичным жанрам профессионального общения между представителями института.

Еще одной предпосылкой появления все большего числа гибридных дискурсивных образований является глобальное расширение массмедийного дискурса, а также его пересечение с политическим, развлекательным, рекламным, педагогическим и другими дискурсами. Рост популярности телевидения и компьютерной коммуникативной среды, постоянное совершенствование информационных технологий и каналов передачи информации, трансформация традиционных СМИ и создание новых медиаформатов размывают границы личностно-ориентированного и институционального общения, что влечет за собой появление гибридных форматов институционального дискурса и его транспонированных разновидностей [Карасик, 2012: 71]. О.В. Соколова в данной связи отмечает, что увеличение количества каналов коммуникации, а также расширение способов и видов контакта между различными культурами и языками, приводят к формированию новых механизмов междискурсивного взаимодействия [Соколова, 2020: 50]. В свою очередь интернет с его бесконечным потенциалом аккумулятивного воздействия позволил масс-медиа выйти на максимально близкую дистанцию с адресатом, а современные интернет-форматы предоставляют неограниченные возможности для установления контакта представителей разных институтов с общественностью.

По наблюдениям исследователей гибридных текстов, попадая в медийное пространство, институциональный дискурс видоизменяется, приобретая многие специфические черты медиадискурса. Гибридность проявляется как в скрещивании единиц взаимодействующих дискурсов в коммуникативном пространстве медийного дискурса, так и в приобретении институциональным дискурсом вербальных и невербальных средств и приемов, характерных для современной медиакommunikации, что повышает эффективность восприятия адресатом указанных текстов [Гапутина, 2019: 9]. Равным образом, медиадискурс приобретает специфические признаки того институционального дискурса, с которым он непосредственно взаимодействует, в

частности, транслирует систему ценностей, закрепленных за определенным социальным институтом. В результате подобной интеграции формируются принципиально новые по своим дискурсивным свойствам стабильные гибридные образования.

Обзор релевантных исследований в данной области показал, что процесс гибридизации, в частности, взаимодействие массмедийного и других институциональных дискурсов на этапе образования, стабилизации и развития гибридных дискурсивных образований, а также влияние на этот процесс экстралингвистических факторов остается актуальной проблемой современной лингвистики. Необходимо продолжать изучение упомянутого междискурсивного взаимодействия (гибридизации) для выявления механизмов апроприации разнородных дискурсивных элементов, интерференции «родительского» дискурса или дискурса-основы (Гапутина, 2019; Наумова, 2021; Соколова, 2020; Солопова, 2018) и обратного влияния на него со стороны инкорпорируемых дискурсов с учетом социокультурной ситуации. На наш взгляд, назрела необходимость выделения основных положений и применения нового подхода к анализу дискурса, основанного на учете такого его имманентного свойства как способность к гибридизации. Данный подход позволил бы разработать новую классификацию типов дискурсов, основанную на оценке их комбинаторного потенциала, который мы считаем возможным обозначить как *индекс гибридизации*.

Необходимо отметить, что не все институциональные дискурсы в равной мере обладают способностью к гибридизации. Так, медийный дискурс, который очевидно имеет *высокий индекс гибридизации*, может вступать во взаимодействие со всеми другими видами институционального и персонального общения, чего нельзя утверждать, скажем, в отношении религиозного или военного дискурсов, которые мы относим к дискурсам с *низким индексом гибридизации*. Причина такого ограниченного потенциала междискурсивного взаимодействия, на наш взгляд, заключается не только

в жесткой трафаретности коммуникации того или иного института. Юридический дискурс, например, построен по строгим канонам, весьма сложен и требует помощи посредника для понимания обывателем, что, в частности, сближает его с религиозным дискурсом. Тем не менее, в отличие от последнего, юридический дискурс демонстрирует достаточно большой потенциал гибридизации, образуя медийный юридический, рекламно-юридический и другие гибридные дискурсы, не говоря уже о большом разнообразии гибридных жанров. По нашему мнению, большой комбинаторный потенциал имманентно присущ юридическому дискурсу, так как он базируется на системе социального контроля, уже созданной с помощью других институтов (и их дискурсов), например, образования, религии и т.д. Предметная сфера юридического дискурса априори является смешанной и регулирует общественную жизнь в самых разных областях. Мы разделяем мнение Е.А. Кожемякина о том, что аксиологическая система юридического дискурса основана на ценностях, ряд из которых уже также сформирован другими культурными институтами. Так, риск потерять свободу в наказание за совершение преступления основан на представлении о свободе как ценности, которое члены общества получают в процессе образования. Причинение смерти другому человеку или причинение имущественного вреда являются нарушениями моральных и этических норм, изначально сформулированных институтом религии. «Право функционирует в поле уже сформированных социальных отношений, значений и смыслов, используя те из них, которые эффективно используются в качестве инструментов контроля» [Кожемякин, 2011: 132]. Взаимодействие института права с другими социальными и культурными институтами является двусторонним, так как именно юридический дискурс помогает другим институтам демаркировать легитимное и нелегитимное поведение в рамках деятельности своих институтов, а также регулировать отношения внутри института (между агентами) и за его границами (между агентами и клиентами, между агентами и маргиналами). Упомянутые факторы делают процессы гибридизации дискурса

института права, активно функционирующего в межинституциональной среде, неизбежными и очень динамичными.

Представляется интересным также рассмотреть причины, приводящие не к акселерации, а к замедлению процессов гибридизации как эволюционного развития всех современных дискурсов. Например, в религиозном дискурсе в отличие от других институциональных дискурсов используются «консервативные» языковые стратегии, включающие помимо специальной терминологии, также употребление устаревшей лексики (например, элементов старославянского языка). «"Консервация" как семантических структур, так и языкового «узуса» предполагает сохранение догматического потенциала дискурса, ориентацию на точное воспроизведение сакрального текста, в котором, как полагается, зафиксировано "истинное знание"» [Кожемякин, 2010: 38]. Религиозный дискурс также отличается от других дискурсов тем, что он исключает критическое действие по отношению к себе адресата, а любые попытки рационального анализа текстов данного дискурса встречают активное сопротивление представителей института. Религиозный дискурс направлен в основном на реализацию монологических высказываний, в отличие, например, от юридического или медицинского дискурсов. Заметим к тому же, что и коммуниканты упомянутых дискурсов всегда являются реальными, т.е. эмпирически наблюдаемыми. Е.А. Кожемякин полагает, что несмотря на жанровое и стилистическое многообразие, тексты религиозного дискурса образуют интраинституциональное текстовое единство, не вступая в междискурсивные связи. Мы не полностью разделяем данное суждение, поскольку, как показывают проводимые исследования (Очередько, 2010), современный дискурс института религии также оказывается вовлеченным в процессы гибридизации. Пересечение религиозного дискурса с массмедийным и виртуальным привело к образованию гибридных жанров, таких как «религиозно-популярная статья», «религиозно-популярное интернет-письмо» и др.

Таким образом, мы приходим к выводу, что низкий комбинаторный потенциал того или иного институционального дискурса обусловлен «закрытостью» самого института как осознанным выбором его агентов. «Противодействие» со стороны агентов института выражается в использовании таких языковых средств и коммуникативных стратегий, которые ограничивают свободный доступ массового адресата (непосвященных/неспециалистов) к текстам институционального дискурса. Однако, на наш взгляд, упомянутое противодействие может лишь замедлить, но не остановить процесс гибридизации институциональных дискурсов в современных условиях.

Мы предполагаем, что гибридизации в той или иной степени подвергаются все современные институциональные дискурсы, а популяризации – только те, которые являются наиболее актуальными для членов социума в конкретный период времени (например, военный дискурс после начала СВО). Исследуя гибридную природу военно-политического и военно-публицистического дискурсов, К.А. Наумова заключает, что агенты военно-политического дискурса, такие как главы государств, руководители военных ведомств и др. уделяют основное внимание моделированию собственного имиджа в глазах населения, а сам дискурс является замкнутым [Наумова, 2021: 10]. Военно-публицистический дискурс в свою очередь направлен во внешний мир, а его агенты – СМИ репрезентируют себя через критику или одобрение клиентов института [Наумова, 2021: 10]. Данные выводы подтверждают нашу мысль о том, что интенсивность и сроки гибридизации дискурса находятся в прямой зависимости от содействия/противодействия агентов релевантного социального института расширению его контактов с массовым адресатом («направленности во внешний мир»), а также возможности (допустимости) критической оценки адресатом агентов и деятельности данного института.

Е.И. Шейгал приходит к выводу, что в рамках общественно-институциональной коммуникации могут быть представлены две линии взаимодействия: «институт —

общество» и «общество — институт» [Шейгал, 2004: 265]. Исследователь военного дискурса Л.А. Шашок в этой связи полагает, что коммуникация по линии «институт — общество» осуществляется через жанры, представляющие собой «обезличенные» в основном перформативные высказывания институтов, а коммуникация по линии «общество — институт» реализуется через массмедийные жанры, посредством которых общество может субъективно оценивать деятельность института/государства и вступать в прямой контакт/полемику с его представителями [Шашок, 2018: 118]. На основе этих наблюдений мы можем предположить, что в направлении коммуникации «институт — общество» дискурсивная гибридизация носит межинституциональный характер (например, военно-политический, военно-публицистический, рекламно-юридический дискурсы и т.д.), а по линии «общество — институт» дискурсивная гибридизация будет сочетаться с включением элементов личностно-ориентированного общения или бытового дискурса.

Гибридизация дискурса в целом представляет собой его усложнение, в результате которого возникают новые коммуникативные образования, обладающие большим потенциалом воздействия на адресата. К.А. Наумова выделяет в гибридном дискурсе *дискурс-основу* и *дискурс-дополнение*. Ученый полагает, что дискурс-основа определяет содержание гибридного дискурса, а дискурс-дополнение — сферу его функционирования [Наумова, 2021: 8]. Мы не вполне согласны с данной номинацией компонентов гибридного дискурса и концепцией модели его образования. В частности, мы не считаем термин «*дискурс-дополнение*» полностью отражающим специфику осуществляемого дискурсивного взаимодействия. Как отмечают сами исследователи О.А. Солопова и К.А. Наумова, сущность образуемого гибридного дискурса «не сводится к простой сумме составляющих дискурсивных компонентов (неаддитивность)» [Солопова, Наумова, 2018: 15]. Таким образом, нельзя считать, что все другие дискурсы, функционирующие в коммуникативном пространстве гибрида, являются просто «дополнениями» к его основе.

Мы, в свою очередь, предлагаем следующую формулу для определения компонентов гибридного дискурса:

$$\text{Базовый дискурс} + \text{транслирующий дискурс (+ инкорпорируемый дискурс/дискурсы)} = \text{гибридный дискурс}$$

или кратко:

$$БД + ТД (+ИД) = ГД$$

Мы полагаем, что модель образования гибридного дискурса может быть как бинарной (*БД + ТД*), так и трехчастной (*БД + ТД + ИД*). Базовый дискурс использует транслирующий дискурс как канал коммуникации с широкой аудиторией, при этом заимствуя его жанры и зачастую стратегии. Данные компоненты входят в инвариант формируемого гибридного образования. Например, в текстах юридической рекламы базовым дискурсом, определяющим предметную сферу данного гибридного образования, будет служить юридический, а транслировать специальную информацию он будет посредством стратегий и системы жанров рекламного дискурса (бинарная модель). В тексте статьи правовой тематики базовый юридический дискурс может пересекаться с научным, историческим, политическим, военным и др. дискурсами, инкорпорированными в его коммуникативное пространство, а массмедийный дискурс будет выступать в качестве транслирующего дискурса, предоставляя возможность базовому дискурсу «заимствовать» один из своих ключевых жанров (трехчастная модель).

В процессе гибридизации дискурс может вовлекать в себя тексты разных жанров других институциональных и неинституциональных дискурсов. Такое взаимодействие получило название *интертекстуальности*, под которой мы, вслед за О.С. Иссерс, понимаем такое взаимодействие дискурсов, при котором в текстах, принадлежащих одному типу дискурса, репрезентированы синтаксические конструкции, речевые обороты, фразеологизмы, лексические единицы и т.д. других дискурсов (Иссерс, 2015: 39, 45–50). В коммуникативном пространстве гибридного

дискурса может функционировать неограниченное количество элементов/текстов инкорпорируемых дискурсов, но все они будут объединены содержанием исходного дискурса и служить средством реализации коммуникативных целей представляемого им социального института.

Таким образом, *гибридный дискурс – это сложное коммуникативное образование, формирующееся на основе базового институционального дискурса, определяющего предметную сферу гибридного дискурса (терминосистему, дискурсивные формулы, ключевые концепты и т.д.), в который инвариантно интегрируются транслирующий дискурс, служащий каналом передачи информации посредством своих жанров, и опционально инкорпорируемые дискурсы, объединенные содержанием (проблематикой) базового дискурса, но реализующие коммуникативные цели гибридного дискурса.*

1.3. Популярный дискурс как коммуникативный феномен

Различные общественные институты, с которыми члены социума вступают во взаимодействие, ищут способы повышения эффективности осуществляемой коммуникации и усиления своего влияния на потенциальных клиентов. В этом мы усматриваем основную причину образования популярных дискурсов, производных от соответствующих институциональных дискурсов. С усилением значения или социальной роли того или иного института появляется необходимость популяризации его дискурса, т.е. перехода профессионального общения в доступный неспециалистам формат.

Мы полагаем, что популяризация того или иного институционального дискурса напрямую связана с потребностями общества и государства в конкретный период времени. Если ранее исследователи выделяли и описывали собственно только «научно-популярный дискурс», служащий популяризации науки и призванный

повышать уровень фоновых знаний адресата в той или иной ее отрасли, то современные популярные дискурсы (популярно-юридический, популярно-экономический, популярно-медицинский, религиозно-популярный и др.) больше ориентированы на передачу коллективному адресату процедурного знания, таким образом регулируя его поведение в обществе в соответствии с задаваемыми паттернами.

Особенно интересным в данной связи представляется тот факт, что даже те институциональные дискурсы, которые изначально считались «закрытыми», такие как, например, религиозный или военный, со временем также подверглись популяризации. Большую роль в этих процессах играют средства массовой информации и интернет. Благодаря им каждый общественный институт получил возможность непрерывного, и, самое главное, управляемого контакта с массовой аудиторией.

В качестве недавнего примера можно привести популяризацию военного дискурса в условиях СВО. Если раньше интерес к военной терминологии был прерогативой исключительно представителей института, то сегодня уже и массовый адресат, активно следящий за ходом упомянутого военного конфликта, имеет некоторое представление о специальной терминологии и профессиональном жаргоне, обозначающих различные виды вооружений и военные стратегии, знаком с характеристиками военных орудий и установок, а также именами ключевых военных персоналий настоящего и прошлого. Военные специалисты объясняют значения профессиональных терминов военной науки в разного рода новостных и аналитических телевизионных передачах, на страницах интернет-форумов и персональных блогов. При переводе в популярный формат, по нашим наблюдениям, в коммуникативное пространство военного дискурса интегрировались исторический, политический, экономический и юридический дискурсы, что свидетельствует об имманентно гибридной природе популярных дискурсов, речь о которой пойдет далее

в работе. Данный пример наглядно демонстрирует, что при переходе из профессионального в популярный формат институциональный дискурс подвергается «расщеплению» и гибридизации, с заменой ряда ключевых специфических свойств свойствами взаимодействующих в его пространстве дискурсов.

Среди причин интенсивного развития современных дискурсов в направлении популяризации в современной России, как нам кажется, можно выделить установку государства на повышение общего уровня просвещения (в том числе, правового) своих граждан, неоднократно позиционируемую в качестве одного из социальных приоритетов. Знания всегда выступали одной из исконных ценностей русского общества, что подтверждается многочисленными пословицами: «Знания дороже богатства», «Красна птица перьями, а человек знанием», «Не гордись званием, а гордись знанием», «Знание человека возвышают, а невежество унижает» и многими другими. По наблюдению С.Ю. Полуйковой, в просветительском дискурсе XXI в. возможно выделить такие направления как профессиональное, политическое, правовое, гражданское, научное, медицинское просвещение и т.п. Однако ценностное наполнение просветительского дискурса в целом отражает традиционно сложившееся в нашей стране понимание просвещения как деятельности для общественной пользы, «способствующей поступательному развитию человека и позитивному преобразованию общества» [Полуйкова, 2012: 106].

Для целей нашего исследования представляется необходимым рассмотреть различия между смежными понятиями «популяризация» и «просвещение». В соответствующей статье «Психолого-педагогического словаря» Е.С. Рапацевича «просвещение» определяется как «разновидность образовательной деятельности, рассчитанная на большую, обычно не расчлененную на устойчивые учебные группы какую-либо официально не зарегистрированную и не оформленную аудиторию. Основная задача – широкое распространение знаний и иных достижений культуры,

способствующих правильному пониманию жизни в целом или отдельных ее сторон <...>» [Рапацевич, 2006].

С.М. Вишнякова в своем словаре «Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика» определяет просвещение как разновидность образовательной деятельности. «Основная задача — широкое распространение знаний и иных достижений культуры, отвечающих запросам времени и способствующих правильному пониманию жизни в целом или ее отдельных сторон, а также пропаганда тех или иных идей, их внедрение в сознание людей в целях привлечения к участию в их воплощении <...>» [Вишнякова, 1999].

Сравним данные определения со значением понятия «популяризация» (от фр. *popularisation*). Согласно «Толковому словарю иностранных слов Л.П. Крысина» данная лексема имеет два значения: 1. Изложение какого-нибудь вопроса в *популярной*, общедоступной форме. 2. Распространение чего-нибудь, стремление сделать что-нибудь широко известным, *популярным* [Крысин, 1998]. В соответствии с этими двумя значениями толкуется однокоренной глагол «популяризировать»: 1. Излагая, делать популярным, доступным. 2) Делать широко известным, распространенным [Ефремова, 2000]. В качестве синонимов слова «популяризация» в словарях приводятся лексемы «разъяснение», «растолкование», «распространение», «реклама», «продвижение», «пропаганда». По нашему мнению, все эти значения находят свое отражение в функциях популярного дискурса.

В.И. Коньков понимает под популяризацией «адаптацию научного знания, представленного в профессиональной научной среде, к интересам массовой аудитории в целом или к ее отдельному сегменту» [Коньков, 2022: 61]. По определению Н.В. Дивеевой, популяризация науки — это «особая разновидность массовых коммуникаций, предметом деятельности которых является передача научного знания» [Дивеева, 2014: 55].

Для разграничения понятий «просвещение» и «популяризация» мы, в свою очередь, опирались на предложенную В.И. Карасиком классификацию типов знания. Прежде всего ученый отмечает, что знания или объективная информация о действительности являются неоднородным образованием, которое может быть представлено в виде двухуровневой модели: 1) ориентационное (поверхностное) – фундаментальное (глубокое) знание, 2) фундаментальное знание, состоящее из субстанционального (систематизированного) и процедурного (контекстуализируемого) знания.

По признаку полноты информации в рамках данной классификации противопоставляются *фундаментальное знание* (систематизированная и полная информация об объекте) и *ориентационное знание* (своего рода тематический указатель на сферу познаваемой действительности). Специфика ориентационного знания заключается в его лабильности и необходимости постоянной перепроверки. Ориентационное знание не ассоциируется с личностными ценностями человека, в то время как фундаментальное знание достаточно стабильно, насыщено личностными смыслами и в определённой степени пересекается с верой [Карасик, 2009b: 33]. В.И. Карасик указывает на тенденцию кардинального изменения баланса между типами знаний в современном российском образовании и просвещении – значительном сокращении роли и объема передаваемого субстанционального знания (что видится нам целью просвещения) и увеличении объема ориентационных знаний. Эти наблюдения коррелируют с точкой зрения М.А. Шульги, которая отмечает, что у современного коллективного адресата формируется убеждение, что «научное знание, если оно мгновенно не обращается в пользу, не имеет никакой ценности, а фундаментальные исследования, кропотливые и растянутые на никто не знает какой отрезок времени, – пустая (бесполезная) трата времени, сил и средств» [Шульга, 2019: 774]. В целом, такое положение вещей мы можем наблюдать и в области передачи правовых знаний, когда основной акцент делается не на понимании адресатом сути

явлений правовой действительности, а на формировании у него навыков ориентирования в конкретной юридической ситуации.

По признаку качества информации могут быть противопоставлены *субстанциональное знание* (система сведений о том или ином фрагменте действительности в отрыве от способа освоения этой действительности и применения полученных знаний) и *процедурное знание* (ориентиры использования полученных знаний в практической деятельности). В процессе передачи процедурного знания новая информация распредмечивается для познающего субъекта, подчеркиваются личностные смыслы обретения новых знаний. «Передача процедурного знания сориентирована на тонкую настройку приобщения субъекта к культуре с учётом его индивидуальных особенностей, акцент делается не на усвоении некоторой информации как вещи в себе, а на распредмечивании этой информации для познающего субъекта, на подчеркивании личностных и ситуативных смыслов обретения знания и на формировании определённых когнитивных установок у этого субъекта» [Карасик, 2009b: 33].

Специфика передачи субстанционального знания состоит в том, что субъект должен сам выбрать способ такого освоения познаваемого мира и быть способен применить полученные знания на практике. М.А. Шульга в данной связи приходит к заключению, что просвещение, не формирующее у человека посредством «ментальных и физических движений» навыки дальнейшего самостоятельного обучения, «обречено на “популяризацию”, предусматривающую не просто распространение знаний как таковое, но распространение знаний в форме, доступной для понимания широким кругом людей и интересной для них» [Шульга, 2019: 774].

По наблюдениям исследователей (Дивеева, 2014; Кобзева, 2012; Кэндо, 2000; Матяшевская, 2020; Соловьева, 2022; Шульга, 2019; Щипицина, 2019 и др.), в последнее время в российском обществе преобладает тенденция распространения новых знаний (в том числе, специальных) в доступной для понимания широким

кругом адресатов и интересной для них форме. Таким образом, происходит подмена просвещения, для которого субъекту необходимо прикладывать ментальные усилия, популяризацией, при которой доступность и увлекательность становятся критериями отношения к популяризируемому знанию. Научное знание видится субъектом как инструмент решения проблемы в конкретной ситуации, что не формирует у него мотивации к познавательной деятельности в целом.

Подводя некоторые итоги, можно утверждать, что на сегодняшний день складывается ситуация, при которой просвещение понимается исследователями как распространение знаний и культуры посредством передачи субстанционального знания, а популяризация, нацеленная на облечение знания в доступную форму, сводится к передаче процедурного или ориентационного знания. В отличие от просвещения, призванного расширять фоновые знания массового адресата и приобщать его к достижениям культуры, популяризация предполагает обеспечение доступности специальных знаний для понимания и практического применения адресатом-неспециалистом, а также тиражирование определенных когнитивных установок и поведенческих паттернов. В таком ключе, А.С. Аверин усматривает цель популяризации правовой информации в «обеспечении её доступности для понимания и практического использования гражданами, не обладающими специальными юридическими познаниями» [Аверин, 2022: 10].

В данной связи считаем важным заметить, что, на наш взгляд, современный популярно-юридический дискурс в разных жанровых разновидностях может служить эффективной передаче как субстанционального, так и процедурного правового знания, способствуя таким образом как повышению общей правовой культуры граждан, так и обеспечению защиты их прав и интересов в конкретных юридических ситуациях, что доказывается далее в работе. В целом, популяризация права как понятие представляется нам более широким, нежели «правовое просвещение» (которое оно также включает), так как может получать специфическую реализацию в

развлекательных, рекламных и др. гибридных текстах юридического дискурса. Соответственно, популярно-юридический дискурс будет тесно пересекаться и даже в ряде случаев (в сфере правового просвещения) смыкаться с просветительским, но в его коммуникативном пространстве помимо упомянутого дискурса будет функционировать ряд других дискурсов, объединенных общим содержанием и терминологией. Необходимо указать, что современный российский популярно-юридический дискурс, адаптируясь к изменившимся условиям коммуникации, подвергается значительной модификации, выходя на новый уровень поликодовости и междискурсивного взаимодействия.

Таким образом, в рамках предлагаемой нами концепции, под *формой популяризации права* понимается «устойчивая коммуникативная модель, используемая популяризаторами для правового просвещения массовой аудитории неспециалистов, с целью пропаганды законопослушного образа жизни, соответствующего политике и идеологии государства и обеспечивающего безопасное сосуществование членов общества» [Соловьева, 2022: 206]. Под *популяризацией институционального дискурса* мы понимаем его трансформацию, включающую в себя качественные изменения его конститутивных признаков, в результате которых специальная информация, образующая предметную сферу дискурса, подвергается адаптации и распрямечиванию для адресата-неспециалиста. Дискурс, используемый для передачи специальной информации в упрощенной/адаптированной и увлекательной форме с целью расширения аудитории адресатов, мы будем называть ***популярным***.

Согласно нашим представлениям, популяризация выступает последующим этапом гибридизации институционального дискурса, характеризующимся максимальной степенью его «расщепления». Популяризация институционального дискурса делает передаваемую специальную информацию максимально доступной для коллективного адресата (а не только клиентов института), представляя ее в

доступной для понимания и увлекательной форме. Этот процесс может быть представлен следующим образом:

Институциональный (профессиональный) дискурс → гибридный дискурс → популярный дискурс

Следовательно, любой популярный дискурс имманентно является гибридным. Популяризация дискурса, на наш взгляд, является неизбежным этапом его эволюционного развития. Такая трансформация многократно увеличивает потенциал дискурсивного воздействия, а в ряде случаев, создает предпосылки манипулятивного управления общественным сознанием, например, посредством формирования определенных ментальных моделей событий в интересах представителей релевантного социального института. Многообразие жанровой палитры популярного дискурса зависит от актуальности его предметной области для адресата в течение длительного периода времени. В процессе гибридизации меняется (расширяется) состав как адресантов, так и адресатов гибридного дискурса по сравнению с исходным дискурсом, а также модифицируются цели и актуализируемые ценности, характерные для исходного дискурса.

Апроприация популярным дискурсом специфических элементов базового институционального дискурса при этом сочетается с интегрированием в него элементов других дискурсов, взаимодействующих в коммуникативном пространстве нового дискурсивного образования и служащих реализации коммуникативных целей популярного дискурса. Популярный дискурс смыкается с просветительским, так как он тоже нацелен на распространение знаний среди широких масс населения, однако в отличие от просветительского дискурса он не направлен на передачу коллективному адресату фундаментальных знаний и формирование интереса к освоению мира в целом.

Несмотря на появившееся в последнее время работы, посвященные изучению популярных дискурсов, имеющие безусловную теоретическую значимость (Аверин,

2022; Календр, 2017; Костяшина; 2008; Медведев, Щитова, 2019; Петушинская, 2008; Очередыко, 2010 и др.), исследователями по-прежнему не дано определение популярного дискурса и не установлено его место в классификации дискурсов. Авторы работ не могут сойтись во мнении о том, является ли популярный дискурс самостоятельным видом дискурса, видовой разновидностью институционального дискурса или вообще межстилевым образованием.

Например, А.С. Аверин, исследующий англоязычный популярно-юридический дискурс, считает его отдельным видом юридического дискурса, обладающим самостоятельным дискурсивным статусом [Аверин, 2020: 14]. Ю.В. Очередыко определяет религиозно-популярный дискурс как «подтип религиозного дискурса» [Очередыко, 2010: 4]. Исследователь популярно-медицинского дискурса А.А. Календр полагает, что данный дискурс представляет собой «специфический гибридный тип медицинского и медийного дискурса», соединяя в себе профессиональное и популяризационное общение [Календр, 2017: 3]. Е.Г. Петушинская рассматривает популярно-экономический дискурс как один из типов масс-медиального дискурса [Петушинская, 2008: 8].

Между учеными также отсутствует согласие по вопросу сферы функционирования популярных дискурсов. Так, А.С. Аверин полагает, что основной сферой функционирования популярно-юридического дискурса является сеть Интернет. По наблюдениям ученого, популярно-юридические тексты публикуются на тематических сайтах в виде разъяснительных статей, либо ответов юристов на вопросы пользователей [Аверин, 2022: 10]. Д.С. Медведев и О.Г. Щитова также рассматривают Интернет в качестве основной сферы функционирования популярно-юридического дискурса, который в данной связи получает узкое определение «научно-популярного юридического интернет-дискурса» (НПЮИД). Технологические возможности Интернета приводят к дальнейшему распространению дискурса в сетевых средствах массовой информации и социальных сетях в жанрах

«блог», «влог» и «пост» [Медведев, Щитова, 2019: 71]. Е.Г. Петушинская приходит к выводу о том, что популярно-экономический дискурс реализуется в письменном виде в газетных и журнальных текстах и их электронных версиях [Петушинская, 2008: 8]. Некоторые исследователи (Ю.В. Очередыко, А.А. Календр) придерживаются мнения, что популярный дискурс может реализовываться в устной форме, в то время как другие (А.С. Аверин, Е.Г. Петушинская) рассматривают письменный формат как основной или единственно возможный способ коммуникативного воплощения популярного дискурса.

Большинство указанных исследований проводилось на материале англоязычных (британских и американских) текстов, в связи с чем соответствующие русскоязычные популярные дискурсы не получили должного освещения в лингвистической науке. Не описана во всем своем многообразии и жанровая палитра современных популярных дискурсов. Таким образом, основными задачами данной работы нами виделись: 1) систематизация существующих научных представлений о современном популярном дискурсе как о коммуникативном феномене; 2) разработка критериев типологии популярного дискурса на основе русскоязычного популярно-юридического дискурса; 3) выделение и описание жанровых разновидностей российского популярно-юридического дискурса; 4) установление когнитивно-семантических, прагмалингвистических и аксиологических характеристик российского популярно-юридического дискурса на современном этапе.

1.4. Юридический дискурс как вид институционального дискурса

1.4.1. Подходы к определению юридического дискурса

Юридический дискурс ориентирован на все слои общества и, по мнению исследователей (Кожемякин, 2011, 2013; Косоногова, 2015; Палашевская, 2012; Чернышев, 2016; Alexy, 1996; Cheng, 2019; Danesi, 2019; Dijk, 1997; Gavins, 2007;

Habermas, 1992; Lee, 2025; Zhenhua, 2019 и др.), является одним из самых актуальных и востребованных дискурсов современности. По наблюдению Е.А. Кожемякина, дискурс института права направлен не только на точное описание положения дел в социальной реальности, но и на осуществление действий по ее изменению [Кожемякин, 2013: 126]. Такого же мнения придерживаются Johanna Niemi-Kiesiläinen, Päivi Honkatukia и Minna Ruuskanen, высказывая мысль о том, что юридический дискурс влияет на социальную практику и имеет приоритет над другими дискурсами, так как его статус подкреплён авторитетом государства. Такое влияние наделяет юридический дискурс исключительной способностью к нормированию общественных отношений [Niemi-Kiesiläinen, Honkatukia, Ruuskanen, 2016: 86].

Большое влияние на формирование современных подходов к пониманию юридического дискурса оказали исследования Ю. Хабермаса, опирающиеся на общую теорию коммуникативного действия, в основе которой лежит представление о коммуникации как основе социальной интеграции и рациональности. Автор полагает, что правовые нормы должны основываться на понимании и согласии, а право должно быть результатом рационального обсуждения, когда все стороны имеют возможность представить свои аргументы. Данная концепция с момента ее возникновения вызывает многочисленные дискуссии. И хотя ее критики указывают на невозможность создания «идеальной» дискурсивной ситуации, описанной Ю. Хабермасом, у такой теории юридического дискурса есть много сторонников.

Например, профессор Школы права имени Бенджамина Н. Кардозо (США) Р. Алекси (Robert Alexy), следуя идеям немецкого ученого, полагает, что юридический дискурс – это частный случай общей дискурсивной практики в рамках четко обозначенных институциональных границ [Alexy, 1996: 1034]. Его рассуждения о теории Ю. Хабермаса очевидно помещают его в ряды сторонников данных представлений о дискурсе института права, поскольку он полагает, что содержание данного дискурса может быть реализовано только в институциональных рамках

правовой системы. С другой стороны, позитивное право зависит от институционального дискурса, так как он позволяет отождествить законность с легитимизацией, таким образом увязывая между собой идеальную и существующую правовые реальности [Alexy, 1996: 1027].

Юридический дискурс, на наш взгляд, является одним из самых влиятельных институциональных дискурсов, так как посредством данного дискурса регулируется поведение и легитимируются аксиологические ориентиры членов социума. Согласно концепции Т. Ван Дейка, юридический дискурс, наряду с политическим относится к так называемым «дискурсам подавления». В силу сложности интерпретации, а также облигаторного характера большинства своих текстов он лишает адресата-обывателя возможности критического анализа правовой реальности, оказывая суггестивное воздействие на его сознание. Таким образом, исследование юридического дискурса и производных от него гибридных дискурсов представляется актуальным не только в силу их особой социальной и культурной значимости, но также из-за распространенного непонимания юридических текстов и интенций представителей института права коллективным адресатом.

В современной лингвистике наметилось несколько подходов к исследованию юридического дискурса. Так, зонтичный термин «юридический дискурс» изучается с позиций социолингвистики, прагмалингвистики, когнитивистики, лингвокультурологии, лингвосемиотики, психолингвистики, дискурс-анализа, юрислингвистики и др. Однако несмотря на большое количество работ, посвященных изучению самых разных аспектов юридического дискурса (Баламакова, 2010; Богатырев, 2016; Борисова, 2016; Глинская, 2013; Голев, 2004, 2006, 2015; Дубровская, 2016; Дьякова, 2011; Зайцева, 2011; Карасик, 2000, 2002; Кожемякин, 2011; Колесникова, 2007; Косоногова, 2015; Крапивкина, 2011; Кургаева, 2018; Мазнева, 2015; Мальцева, 2011; Палашевская, 2012; Петрук, 2007; Первухина, 2015; Попова, 2005; Сафронова, 2016; Торгашева, 2011; Туранин, 2017; Тютюнова, 2008;

Федулова, 2010; Храмцова, 2009; Чернышев, 2016; Шлепнев, 2017; Dijk, 1997; Habermas, 1992; Cheng, 2019; Danesi, 2019; Zurn, 2011 и др.) по-прежнему отсутствует однозначное определение понятия «юридический дискурс» и не установлено его соотношение с понятием «правовой дискурс». Большинство ученых сходится во мнении, что термин «правовой» является более широким и подходящим для обозначения дискурса в сфере права, так как в переводе с латинского языка лексема *juridicus* (от которой произошло слово «юридический») означает «судебный, относящийся к праву». Н.Г. Храмцова, например, в своих исследованиях оперирует именно понятием «правовой дискурс», который, как она полагает, существует в двух измерениях: реальном и виртуальном. В реальном измерении он представляет собой речевую деятельность в области правовой коммуникации, связанную с реальной жизнью, и возникающие в процессе этой деятельности речевые произведения. Виртуальное измерение видится ученым как «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых являются мир права и, кроме того, тезаурус прецедентных высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере» [Храмцова, 2009: 82]. На наш взгляд, концепция автора коррелирует с выводами исследователей юридического дискурса, в котором также могут быть выделены упомянутые измерения. Кроме того, термин «юридический дискурс» широко используется в отечественных лингвистических исследованиях, в связи с чем мы считаем целесообразным оперировать именно этим термином, и, соответственно, термином «популярно-юридический» дискурс. Рассмотрим ряд определений юридического дискурса в рамках различных подходов, предлагаемых отечественными и зарубежными исследователями.

В русле *социолингвистического подхода* И.В. Палашевская дефинирует юридический дискурс как разновидность институционального дискурса, представляющую собой «статусно-ориентированное взаимодействие участников в

соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [Палашевская, 2010: 535]. О.В. Косоногова определяет юридический дискурс как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна их этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции и/или встречаются в рамках пересечения данного дискурса с другими типами дискурса (исторического, политического, педагогического, военного, дискурсом СМИ, художественным дискурсом и др.» [Косоногова, 2015: 66]. Л.Е. Попова рассматривает юридический дискурс одновременно в социолингвистическом и когнитивном аспектах, поскольку, с одной стороны, юридический дискурс представляет собой форму институционального общения юристов в их профессиональной деятельности, а с другой – форму проявления языка, используемую для выражения особой ментальности и создания специфической картины мира [Попова, 2005: 28].

С позиции *деятельностного подхода* Е.А. Кожемякин характеризует юридический дискурс как «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [Кожемякин, 2011: 131]. А.В. Чернышев считает данный дискурс языковой деятельностью (речью), функционирующей в сфере права, и отмечает, что «юридический дискурс с необходимостью прослеживается везде, где обсуждаются и решаются правовые вопросы» [Чернышев, 2016: 24].

В рамках *текстового подхода* Л.А. Борисова приходит к выводу, что юридический дискурс – это «комплексная взаимосвязь многих текстов (типов текста),

функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы, а именно сферы юриспруденции» [Борисова, 2016: 135]. Т.С. Сафронова понимает под юридическим дискурсом «совокупность правовых и законодательных текстов, реализуемых в рамках юридической компетенции» [Сафронова, 2016: 88]. Наконец, М.В. Торгашева представляет юридический дискурс в виде сферы, в ядре которой находятся тексты действующих законов [Торгашева, 2011: 158].

Профессор Шанхайского университета Цзяотун Л. Чжэньхуа (Liu Zhenhua) считает юридический дискурс языком, используемым в сфере права, т.е. языком закона. Следуя представлениям о «текстовом мире» Дж. Гавинс, согласно которым необходимо обращать внимание не только на характеристики текста, но и на условия его продуцирования и рецепции [Gavins, 2007: 8], ученый высказывает мысль о том, что общепринятые значения единиц языка обогащаются за счет юридического смысла, создаваемого в результате функционирования языка в рамках законодательного, судебного и правоохранительного типов юридического дискурса, основной целью которого является поддержание общественного порядка. Семантика языковых единиц в юридическом дискурсе неотъемлемо связана с понятиями «справедливость» и «правосудие», а сам дискурс имеет идеациональный характер. Поскольку тексты юридического дискурса продуцируются людьми, то их уровень владения языком, профессионализм, ценности, убеждения, взгляды и интенции находят непосредственное отражение в дискурсе [Zhenhua, 2019: 95–96].

Определяя юридический дискурс с позиции *дискурс-анализа*, М. Фуко (Michel Foucault) полагает, что он представляет из себя связную последовательность высказываний о правовой действительности, условиями конструирования которых выступают ситуативный контекст и культурно-идеологическая среда [Фуко, 1996]. С ним солидаризируется О.А. Крапивкина, которая считает, что юридический дискурс — это «связная последовательность высказываний по правовым вопросам,

детерминированных контекстуально (контекстом ситуации и контекстом культуры)» [Крапивкина, Непомилов, 2014].

Многие зарубежные исследователи также отмечают тесную взаимосвязь между правом и языком, требующую понимания принципов функционирования юридического языка в различных коммуникативных ситуациях. Так, Б. Браун (Beverly Brown) подчеркивает пересечение языка права и самого права как языка. Ученый приходит к выводу о том, что юридическая речь функционирует в разных регистрах, а характер связи между социальным, юридическим и языковым факторами влияет на участников и ситуацию общения [Brown, 1998: 1]. П.М. Тиерсма (Peter M. Tiersma) опровергает представления о гомогенном характере юридического английского языка, указывая на то, что он демонстрирует значительную вариативность в зависимости от модуса общения, степени формализованности, жанра и т.д. [Tiersma, 1999: 4]. Д. Флетчер (George Fletcher) из Колумбийской школы права высказывает мысль о том, что само право – это и есть юридический дискурс, а язык и правовая культура связаны гораздо глубже, чем принято представлять [Fletcher, 1987: 340].

Таким образом, становится очевидно, что сфера юридического дискурса охватывает не только лингвистические и структурные характеристики юридических текстов, но и транслируемые посредством данных текстов социальные нормы и культурные ценности. Мы солидаризируемся с представлениями отечественных и зарубежных исследователей юридического дискурса о том, что изучение текстов юридического дискурса должно осуществляться с обязательным учетом социального, культурного и институционального контекста, вербальных и невербальных эмблем, а также ценностей института права, объективированных в данных текстах.

1.4.2. Полевое строение юридического дискурса

С усилением влияния и технических возможностей средств массовой информации, а также экспансивным развитием компьютерных технологий границы современных институциональных дискурсов, в том числе юридического, становятся условными и зачастую оказываются размытыми, что приводит к активной гибридизации на периферии институционального общения. По наблюдению М.В. Торгашевой, ядро юридического дискурса, которое составляют закон и его язык, плавно переходит в периферийные области, такие как профессиональная деятельность и бытовое общение юристов, медийные и художественные тексты. В этих социальных сферах закон подвергается рефлексии, обсуждению, а на его интерпретацию оказывают влияние факторы личностного характера – эмоциональные, когнитивные и другие [Торгашева, 2011: 162].

В целом, понимание юридического дискурса как исключительно профессиональной коммуникации представляется нам не совсем корректным, так как зона проникновения юридического языка распространяется не только на сферу профессионального общения. «В жизни законы реализуются, обсуждаются профессионалами и непрофессионалами, комментируются, обыгрываются, критикуются, являются поводом для бытовых разговоров, используются в речах прокуроров и адвокатов, судей и политиков, фигурируют в художественных произведениях – словом, они входят в нашу повседневную жизнь, вплетаются в общую коммуникацию, причем самыми разнообразными способами» [Торгашева, 2011: 159].

Как показывают исследования [Аверин, 2022; Косоногова, 2015; Крапивкина, 2011; Силанова, 2016; Шейгал, 2004], юридический дискурс может пересекаться с другими видами институционального дискурса (педагогическим, политическим, массмедийным, рекламным и др.), а также с персональным дискурсом в зависимости от тематики текстов и коммуникативных целей. О.А. Крапивкина в данной связи подвергает сомнению сложившуюся точку зрения на юридический дискурс как

исключительно институциональное образование, утверждая, что в нем сплетаются как институциональные, так и персонализированные формы коммуникации. Исследователь выделяет две основополагающие ипостаси юридического дискурса – публичную и приватную (популярную). По ее мнению, правовая коммуникация на одном полюсе юридического дискурса представлена в сфере публичных отношений (законодательная и судебная деятельность) с участием государства и его органов, а на другом – в сфере частных отношений с участием отдельных индивидов. Разъясняющие тексты, написанные профессионалами для лиц, не имеющих правовых знаний, исследователь относит ко второму полюсу вышеупомянутой коммуникации [Крапивкина, 2011: 2–5].

Согласно представлениям В.И. Карасика, любой институциональный дискурс реализуется в трех базовых разновидностях: 1) профессиональный дискурс, 2) популяризационный (просветительский) дискурс, 3) теоретический дискурс специалистов [Карасик, 2024]. Опираясь на эту концепцию, мы предлагаем пятиполевую модель строения юридического дискурса, которая может быть экстраполирована на другие институциональные дискурсы. По нашему мнению, юридический дискурс включает в себя: 1) **профессиональный юридический дискурс**, 2) **научный юридический дискурс**, 3) **популярно-юридический дискурс**, 4) **художественный юридический дискурс** и 5) **обиходный юридический дискурс** (*Схема 1*). При этом собственно институциональным следует признать общение только в первых трех сферах. Первые две сферы юридического дискурса достаточно автономны и закрыты для «непосвященных». Четвертая и пятая сферы, хотя и относящиеся к юридическому дискурсу предметным содержанием и использованием коммуникантами юридических терминов либо в качестве стилистических приемов (художественный юридический дискурс), либо в их упрощённом, обыденном понимании (обиходный юридический дискурс), представляются общением неинституционального характера.

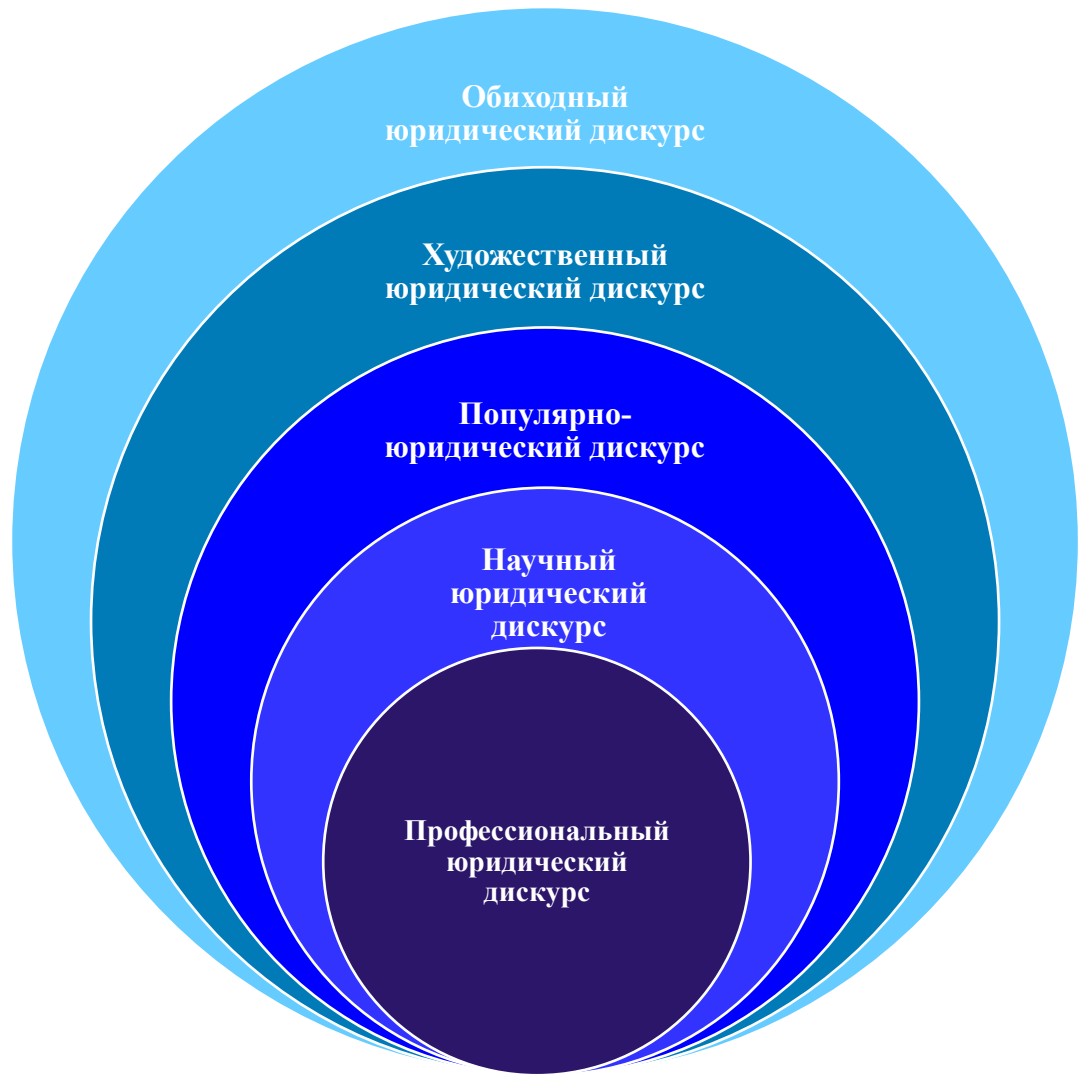

Схема 1. Полевое строение юридического дискурса

Исходя из представления о градуальном характере любого институционального дискурса, в соответствии с которым в центре строения дискурса находятся жанры, которые в наибольшей степени соответствуют его основному назначению [Карасик, 2002: 234], мы полагаем, что ядром юридического дискурса является **профессиональный юридический дискурс**, ключевой целью которого выступает урегулирование социальных отношений. Данный дискурс реализуется в текстах жанров, относящихся к разным отраслевым поддискурсам юридического дискурса: законодательному, судебному, правоохранительному, пенитенциарному,

нотариальному, адвокатскому и др., составляющим квинтэссенцию юридического дискурса.

Л.С. Бейлинсон понимает профессиональный дискурс как общение специалистов между собой или с клиентами института, которые нуждаются в профессиональной помощи или консультации. По мнению ученого, профессиональный дискурс пересекается с институциональным и представляет собой его особый ракурс. При этом собственно институциональным признается общение представителя института и человека со стороны (например, адвоката и клиента, врача и пациента) [Бейлинсон, 2008, 2009].

Мы солидаризируемся с данным подходом в том, что профессиональный юридический дискурс служит коммуникации между представителями института права и его клиентами (гражданами), которым требуется юридическая помощь. Ситуацию личного общения агентов института по правовым вопросам мы в рамках предлагаемой концепции относим к персонализированному профессиональному дискурсу.

Необходимо отметить, что профессиональный дискурс на сегодняшний момент является одним из наиболее интересных для изучения видов дискурса, так как коммуникативный процесс осуществляется в определенной (профессиональной) коммуникативной сфере носителями специальных профессиональных знаний. По мнению И.Д. Зайцевой, профессия как система знаний представляет собой некий артефакт дискурсивных конвенций профессионального сообщества. При этом профессионализм определяется исследователем как приобщение к этим конвенциям [Зайцева, 2010: 35]. Как отмечает исследователь, каждый тип профессионального дискурса характеризуется специфическим набором терминов, номенов, прагмонимов, единиц профессионального просторечия и реализует определенные коммуникативные цели. Мы разделяем данные выводы и считаем необходимым указать в данной связи, что именно «ядерные» жанры институционального дискурса

характеризуются максимальной терминологической плотностью. Стилиевой доминантой текстов профессионального юридического дискурса выступает официально-деловой стиль.

Следующую сферу (поле) образуют жанры *научного юридического дискурса*: монографии, диссертации, научные статьи в специализированных журналах, учебники, доклады на конференциях и т.д. Право изучается будущими специалистами, проводятся научные исследования в области юриспруденции и правоведения и т.д., что находит отражение в перечисленных жанрах. Логично предположить, что в данной сфере используется научный стиль изложения. По наблюдению О.В. Косоноговой, в структуру юридической науки входят общетеоретические, исторические и отраслевые науки, изучающие право и структуру правовой системы с разных позиций. Ученый считает необходимым разграничить, собственно, язык права и язык правоведения. Первый является компонентой юридического дискурса, а второй – научного (научно-юридического) дискурса [Косоногова, 2015: 64]. Данная позиция подтверждает наши наблюдения о функционировании языка права в рамках как профессионального, так и научного юридического дискурсов. Выделяемый нами научный юридический дискурс коррелирует с теоретическим дискурсом специалистов в предложенной В.И. Карасиком типологии разновидностей институционального дискурса [Карасик, 2024: 185]. Данный тип дискурса является закрытым для посторонних и с его помощью осуществляется коммуникация между агентами релевантного института, имеющими соответствующий уровень подготовки.

Однако поскольку на представителей института возлагается обязанность донести слово закона до рядовых граждан, юристам приходится переходить на язык, понятный обывателям. По мнению А.С. Глищенко [Аверина], назначение популярных правовых текстов заключается в преодолении «лингвистической пропасти», которая отделяет профессионалов от обычных людей [Глищенко, 2018: 38]. Следовательно,

специальная информация подвергается адаптации, вторичной категоризации и концептуализации, чтобы сделать сложный язык права доступным для понимания неспециалистами. Трансформация дискурса из профессионального в популярный формат часто происходит через замену профессиональной лексики общеупотребительной. В коммуникативном поле *популярно-юридического дискурса* осуществляется контакт агентов института права не только с потенциальными клиентами института для разрешения конкретных юридических ситуаций, но и с массовым адресатом с целью повышения уровня правовой грамотности последнего.

Основным каналом коммуникации в рамках популярно-юридического дискурса выступают средства массовой информации, в том числе сетевые. Посредством СМИ законы, резонансные события в сфере права и деятельность представителей института становятся достоянием общественности и активно ею обсуждаются. Таким образом, правовые тексты оказываются погруженными в сферу публицистики, с использованием соответствующего функционального стиля языка.

Исследуя особенности популяризации в медийной среде, В.И. Коньков замечает, что в ней встречаются научно-популярные тексты, которые по своим стилистическим свойствам и функциональной принадлежности относятся к разновидности научного стиля и корреспондируют с соответствующей формой общественного сознания [Коньков, 2022: 62–63]. Данное наблюдение подтверждает наш вывод о том, что современный популярно-юридический дискурс (как и любой другой популярный дискурс) служит, в том числе, просветительской цели, а, следовательно, передаче не только процедурного, но и субстанционального знания. С учетом высокого индекса гибридизации медийного дискурса, а также того факта, что в периферийных сферах происходит наложение дискурсов даже в рамках одного текста, тексты популярно-юридического дискурса приобретают гетерогенный стилистический характер, одновременно включая элементы официально-делового, публицистического и разговорного стилей.

Еще одной интересной и важной сферой, в которой своеобразно представлен юридический дискурс, выступают художественные тексты (литература, кинотексты и др.), образующие *художественный юридический дискурс*. Юридический дискурс в художественной литературе востребован и достаточно широко используется. По наблюдениям М.В. Головушкиной, юридические термины в художественном тексте выполняют сюжетообразующую функцию и выступают в качестве фона, на котором разворачиваются события, помогая автору создать необходимую атмосферу [Головушкина, 2021: 52]. Юридические термины, часто используемые авторами художественных произведений в качестве основы для метафорического переноса, приобретают новые значения, получают символический смысл, демонстрируют тенденцию к появлению экспрессивных и эмоционально-оценочных сем. Особенности юридического подстиля обыгрываются авторами художественных текстов, становясь своеобразным стилистическим приемом. «Преломляясь сквозь призму творческого воображения, иронии, под острым взглядом писателя язык закона и сам закон начинают звучать совершенно по-особому» [Торгашева, 2011: 161].

Однако законы и разнообразные юридические ситуации могут обсуждаться не только агентами и клиентами института права. С ростом правосознания рядовые граждане все чаще рассуждают на правовые темы, используя общую юридическую терминологию в бытовых разговорах. Такую сферу общения, в которую не вовлечены агенты правового института, но которая по своему предметному содержанию относится к юридическому дискурсу, мы предлагаем называть *обиходным юридическим дискурсом*.

Таким образом мы полагаем, что в полевую структуру юридического дискурса входят сферы, отличающиеся друг от друга целями, используемыми стилями языка и жанровой палитрой, но объединенные предметным содержанием, а именно, отнесенностью к области права. По нашим наблюдениям, правовая информация может содержаться в текстах, используемых в самых разных областях человеческой

деятельности. Следовательно, современная модель исследования юридического дискурса, по нашему мнению, должна строиться исходя из его широкого понимания, включая как анализ юридических текстов в разнообразных ситуациях институционального и неинституционального общения, так и изучение экстралингвистических, прежде всего, культурных факторов, оказывающих влияние на формирование и функционирование дискурса института права.

1.5. Конститутивные признаки российского популярно-юридического дискурса

В рамках предлагаемой нами концепции считаем важным указать, что ранее учеными исследовались конститутивные признаки только профессионального юридического дискурса, а полученные выводы экстраполировались на все разновидности юридического дискурса. Согласно нашим представлениям, популярно-юридический дискурс демонстрирует отличия от других подвидов юридического дискурса, в том числе, на уровне конститутивных признаков, что обусловлено его гибридной природой. В ходе анализа мы опирались на развернутую модель изучения институционального дискурса, предложенную В.И. Карасиком, включающую следующие конститутивные признаки: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности (в том числе ключевые концепты); 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные (культурогенные) тексты; 9) дискурсивные формулы [Карасик, 2000: 11], [Карасик, 2002: 209]. Для более наглядной манифестации различий между профессиональным и популярным подвидами юридического дискурса нами был проведен сопоставительный анализ указанных признаков, результаты которого представлены в данной работе.

Участниками профессионального юридического дискурса являются государство в лице своих представителей (агентов института права) и граждане (клиенты института). Состав участников популярно-юридического дискурса, по

нашим наблюдениям, является гораздо более широким и разнородным, что объясняется его гибридной природой. В отличие от профессионального юридического дискурса адресанты популярно-юридического дискурса могут не иметь специального образования в сфере права/юриспруденции. В частности, представляется возможным выделить пять типов субъектов, выступающих в качестве адресантов в разных жанрах рассматриваемого дискурса: 1) ученые-правоведы; 2) юристы-практики (адвокаты, судьи и др.), 3) журналисты, пишущие статьи правовой тематики; 4) педагоги, занимающиеся правовым просвещением; 5) организаторы разного рода мероприятий по популяризации права.

По справедливому наблюдению Е.А. Кожемякина, адресат юридического дискурса нуждается в помощи коммуникационного посредника для правильного толкования текстов [Кожемякин, 2008: 233]. Задача такого медиатора в популярно-юридическом дискурсе еще сложнее, так как включает не только толкование юридического текста, но и облечение его в доступную и в ряде случаев увлекательную форму.

Ученые-правоведы, занимающиеся передачей субстанционального знания в жанрах научно-популярной книги, публичной лекции и др., должны обязательно учитывать, что адресат современного популярно-юридического дискурса размыт и неоднороден, и его прежде всего необходимо убедить в том, что приобретаемые знания будут ему полезны. О.Б. Сиротинина обращает внимание на непосредственную зависимость успеха коммуникации с целью передачи научной информации от учета адресантом потребностей потенциального адресата [Сиротинина, 2019: 266]. Пытаясь расширить аудиторию адресатов, авторы современных научно-популярных книг о праве проявляют большую креативность, активно задействуя в них креолизованные тексты, а также тексты комических и художественных жанров, о чем речь пойдет далее в работе. Традиционный формат научно-популярной лекции подвергается виртуализации, что позволяет передавать

сложную специальную информацию в интерактивной и увлекательной форме, включающей разнообразный аудиовизуальный контент.

Юристы-практики как адресанты популярно-юридического дискурса могут выступать либо от своего лица, либо от лица государственных органов и учреждений, но их цель в обоих случаях состоит в хранении и трансляции норм своего института. Деятельность субъектов данного типа состоит в основном в передаче процедурного правового знания, а функция продуцируемых ими текстов коррелирует с регулятивной функцией юридического дискурса.

Как мы уже упоминали ранее, в настоящее время состав популяризаторов права претерпевает качественные изменения, обусловленные появлением новых каналов и средств передачи специальной информации. В частности, современные популяризаторы права активно задействуют медийное пространство, в котором актуализируются правовые концепты, а юридические термины подвергаются медиатизации. Мы солидаризируемся с Р.Н. Абрамовым, который считает, что информационное главенство в системе популяризации науки теперь принадлежит не ученым, а представителям медиасферы, произвольно переупаковывающим научное знание в современные популярные форматы [Абрамов, 2014: 120]. Журналисты в роли популяризаторов права конструируют медийную правовую реальность, а современная правовая журналистика выполняет как просветительскую, так и идеологическую функции.

Поскольку ошибки адресата в декодировании текста могут привести к неправильному пониманию правовой нормы и, как следствие, к противоправному поведению, на такого «уполномоченного посредника» возлагается серьезная ответственность, предполагающая либо его профессиональную подготовку в правовой сфере, либо (при отсутствии юридического образования) необходимость консультации с соответствующими специалистами. Л.В. Соцуро в данной связи обращает внимание на то, что эффективность коммуникации напрямую зависит от

уровня компетентности и правосознания толкователя/адаптора, которым в данном случае выступает журналист [Соцуро, 1997: 20]. Последний должен не только владеть соответствующим понятийным аппаратом, но и хорошо разбираться в структуре и особенностях функционирования правовой системы своей страны.

По мнению Е.В. Баркановой, юридическое медиаобразование сегодня приобретает особую актуальность [Барканова, 2015: 1]. Ю.А. Потапов также указывает на необходимость включения в федеральные государственные образовательные стандарты по направлению подготовки «Журналистика» компетенций, позволяющих журналистам корректно вести себя в правовом поле и избегать неточностей и ошибок при толковании/адаптации юридических текстов [Потапов, 2018: 262]. Подготовке журналистов, занимающихся правовым просвещением, уделяется большое внимание, так как их деятельность включает в себя не только информирование граждан о правах и обязанностях, но и создание имиджа и передачу ценностей института права, таких как «закон», «справедливость», «правосудие» и др. [Соловьева, 2022d: 67].

Журналист как адресант популярно-юридического дискурса выступает либо в роли адаптора юридических текстов-источников для широкой аудитории неспециалистов (как правило, в жанре комментария), либо в роли просветителя, прививая адресату интерес к вопросам права и устройству правовой системы (в жанрах научно-популярной статьи правовой тематики, журналистского расследования, интервью со специалистом и др.). В зависимости от коммуникативной задачи варьируются стратегии и приемы, применяемые для ее решения.

Педагоги как популяризаторы права способствуют распространению правовой культуры через систему образования и воспитания, организовывая соответствующие мероприятия вне «сетки» уроков: часы правовой грамотности, интеллектуальные игры, викторины и квесты правовой тематики, правовые олимпиады, конкурсы исследовательских и творческих работ и т.д.

Деятельность пятого типа субъектов популярно-юридического дискурса, реализуемая Министерством просвещения, органами местного самоуправления в области образования, адвокатскими палатами и юридическими ассоциациями, объединена целью повышения уровня правовой грамотности представителей разных слоев населения путем передачи им как субстанционального, так и процедурного правового знания и законодательно закреплена в рамках государственной политики.

Что касается адресатов популярно-юридического дискурса, то их аудитория расширяется по сравнению с профессиональным юридическим дискурсом, включая не только клиентов института права, но и массового адресата без юридического образования. На наш взгляд, на основании потребностей в получении юридической информации можно выделить следующие типы адресатов рассматриваемого дискурса: 1) **таргетированный адресат** (нуждающийся в получении конкретной юридической информации или услуги в данный момент времени); 2) **заинтересованный адресат** (интересующийся вопросами права из личной или профессиональной мотивации в краткосрочной и долгосрочной перспективе); 3) **незаинтересованный адресат** (вступающий в незапланированный контакт с юридической информацией). Потребности в специальной информации у адресатов первого типа являются актуальными, а у второго и третьего – потенциальными. По наблюдению С.Ю. Полуйковой, в случае актуальной потребности индивид осознает необходимость получения определенной информации. В случае, если потребность существует в потенциале, индивид может не осознавать ее важности в конкретный период времени, с чем связаны трудности, возникающие у автора просветительского текста при выборе соответствующих стратегий и средств воздействия [Полуйкова, 2012: 107]. Считаем важным заметить, что в зависимости от ситуации индивид может по-разному реагировать на юридическую информацию в разные периоды жизни и при необходимости переходить из одной категории адресатов в другую.

В данной связи представляет интерес наблюдение В.А. Буряковской о том, что большинство текстов СМИ предназначено для разнородной аудитории и не рассчитано на внимательное прочтение [Буряковская, 2014: 31]. Тем не менее, ученый полагает возможным выделение отдельных групп адресатов, к которым прицельно апеллирует то или иное средство массовой информации и которые составляют его целевую аудиторию. По нашему мнению, заинтересованный адресат массмедийного популярно-юридического дискурса отличается выраженной интенцией и стремлением к поиску именно юридической информации [Соловьева, 2022а: 16].

Таргетированный адресат популярно-юридического дискурса не только вступает в добровольный контакт со специальной информацией, но и осуществляет ее активный поиск. Как замечает Л. Фестингер, если какая-либо информации имеет прямое отношение к предстоящему или возможному поведению индивида, то последний демонстрирует значительную мотивацию к получению соответствующих когнитивных элементов [Фестингер, 1999: 163]. Как правило, таргетированный адресат заинтересован в получении юридической консультации, так как оказался в жизненных обстоятельствах, требующих профессиональной помощи.

Мотивация к усвоению юридической информации у второго типа адресата может варьироваться от удовольствия от получения новых сведений до связи этой информации с профессиональной сферой деятельности адресата. По мнению С.Ю. Полуйковой, активность поиска конкретной информации в данном случае определяется степенью когнитивного диссонанса у адресата (чем больше диссонанс между имеющейся и новой информацией, тем активнее поиск) [Полуйкова, 2012: 107–108]. Увеличение когнитивного диссонанса, по мнению Л. Фестингера, может привести к тому, что в конечном итоге он превысит сопротивление индивида и приведет к изменению когнитивных элементов, с помощью которых можно заметно уменьшить или даже полностью устранить этот диссонанс [Фестингер, 1999: 168].

Наконец, незаинтересованный адресат получает юридическую информацию, не предпринимая добровольных действий. Контакт с информацией может быть случайным или вынужденным. В первом случае индивид ищет интересующие его сведения из иной области и обнаруживает юридическую информацию, нерелевантную для него на данном этапе, но к которой он может обратиться в будущем. В ситуации вынужденного восприятия новая информация (например, о вступивших в силу законах, изменении ответственности в той или иной юридической ситуации) принудительно доводится до сведения адресата. При этом данная информация настолько широко тиражируется (например, посредством СМИ), что контакта с ней становится невозможным избежать.

Таким образом, субъекты популярно-юридического дискурса могут иметь дело либо с аудиторией, предрасположенной к усвоению специальной информации, владеющей основными юридическими понятиями и имеющей фоновые знания в правовой сфере, либо с теми, кто не заинтересован или по объективным причинам (незнание терминологии, непонимание логики юридических документов) не готов к восприятию упомянутой информации. Несмотря на разные коммуникативные задачи, деятельность популяризаторов в обоих случаях будет направлена на конструирование реальности, необходимой институту права и государству в целом.

К организации хронотопа профессионального юридического дискурса предъявляются строгие требования, что позволяет считать его в максимальной степени ситуативно-обусловленным. Анализируя сферу функционирования юридического дискурса, А.В. Чернышев отмечает, что данный дискурс прослеживается везде, где обсуждаются и решаются правовые вопросы [Чернышев, 2016: 24]. По наблюдению Л.А. Борисовой, хронотопом юридического дискурса является обстановка, характерная для правового диалога, который может иметь устную и письменную формы [Борисова, 2016: 136]. К.А. Петрук также полагает, что хронотоп юридического дискурса составляют время и место, типичные для

юридического диалога [Петрук, 2007: 6]. О.В. Косоногова понимает под хронотопом прототипное место общения агентов и клиентов института права (тюрьма, зал судебных заседаний и др.) [Косоногова, 2015:63]. В данной связи мы солидаризируемся с выводами Е.А. Кожемякина о том, что пространство и время осуществления статусно-обусловленных ролевых действий участниками профессионального юридического дискурса (например, здание суда и время судебного разбирательства) являются такими же обязательными элементами дискурсивной практики, как и собственно высказывания. Вместе они образуют так называемую «архитектуру» юридического дискурса [Кожемякин, 2011: 142].

Ввиду широких возможностей современных каналов передачи информации четкое определение хронотопа популярно-юридического дискурса представляется возможным не во всех его типах и жанрах. В частности, прототипными местами функционирования текстов контактного популярно-юридического дискурса (в жанрах публичной лекции правовой тематики, просветительского мероприятия и т.д.) могут быть юридические факультеты вузов, библиотеки, тематические клубы, литературные гостиные, офисы юридических ассоциаций и адвокатских коллегий.

Особое значение для государства имеет раннее приобщение подрастающего поколения российских граждан к правовой культуре. Так, по мнению Н.А. Троян, «ненормативность сознания в большей степени выражена у молодежи (допустимость для себя различных асоциальных явлений), чем у представителей среднего или старшего поколения» [Троян, 2017: 83]. В связи с этим фактом мероприятия по правовому просвещению и популяризации права часто проводятся в школах, детских домах, летних школах, лагерях и т.п.

Адресат массмедийного популярно-юридического дискурса, дистантного по своему формату, может совпадать с целевой аудиторией газеты, журнала, телепередачи правовой тематики и т.д., что позволяет условно установить хронотоп, привязанный ко времени выхода издания или каналу трансляции передачи. Наконец,

адресат виртуального или виртуализованного популярно-юридического дискурса, имеющий неограниченный доступ к различным платформам и профильным сайтам юридических организаций, может получать необходимую правовую информацию в любое удобное для себя время, находясь в любом месте, где есть доступ к ресурсам сети интернет.

Тематика профессионального юридического дискурса многообразна и ситуативно обусловлена взаимодействием участников в рамках тех отраслей права, в которых возникает необходимость урегулирования общественных отношений. В данной связи мы разделяем точку зрения А.В. Чернышева о том, что ведущей темой и основным мотивом юридического дискурса является содержание закона и соответствие ему того или иного рассматриваемого события/юридической ситуации [Чернышев, 2016: 24].

Тематика текстов популярно-юридического дискурса определяется их актуальностью для адресата и может варьироваться в разных типах и жанрах рассматриваемого дискурса. Исходя из нашего широкого понимания популярно-юридического дискурса, его тематическое наполнение может быть достаточно разнообразным и в отдельных жанрах включать в себя помимо практического руководства по поведению в тех или иных юридических ситуациях также разъяснение сущности правовых явлений, устройства правовой системы, биографическую информацию о представителях института, внесших большой вклад в правовую историю страны и т.д. Например, научно-популярные книги о праве служат передаче примарно субстанционального знания, поэтому в них присутствуют разделы, посвященные вопросам функционирования системы права, государственно-территориального устройства, законотворчества, а также объяснению ключевых юридических понятий. Тематическими доминантами современного массмедийного популярно-юридического дискурса в таких жанрах как интервью со специалистом, правовой комментарий для неспециалиста и др. являются: законодательство,

правоприменение, резонансные преступления, деятельность сотрудников правоохранительных органов в России и за рубежом, выдающиеся юридические персоналии прошлого и современности и др. [Соловьева, 2022а: 19].

По мнению А.С. Аверина, тексты популярно-юридического дискурса носят практический характер и разъясняют правила поведения в различных юридических ситуациях: возмещение ущерба, правоотношения разного рода, налогообложение и т.д. [Аверин, 2022: 12]. Д.С. Медведева и О.Г. Щитовой утверждают, что тематика популярно-юридического дискурса связана с поведением адресата «в конфликтных ситуациях, возникающих в сфере защиты прав потребителей, социального обеспечения (пенсии, пособия, выплаты), трудовых споров и т.п.» [Медведев, Щитова, 2019: 71]. Данные наблюдения совпадают с нашими выводами относительно тематики популярно-юридического дискурса инструктирующего типа, охватывающей такие области как: защита прав потребителей, в том числе в сфере ЖКХ, вопросы семейного, трудового, налогового, автомобильного права, а также различные ситуации взаимодействия граждан с правоохранительными органами (полиция, ГИБДД) и органами правосудия (мировые и федеральные суды, служба судебных приставов).

Основная цель юридического дискурса видится исследователями как регулирование и упорядочивание социальных отношений между индивидуумами. По мнению К.А. Петрук, юридический дискурс направлен на закрепление за членами общества определенных прав, свобод и ответственности, а также на обеспечение корреспондирования правовой системы доминирующим ценностям и идеалам [Петрук, 2007: 6]. О.В. Косоногова считает целесообразным формулировать цель общения в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации в рамках юридического дискурса (например, выявление обстоятельств совершения преступления, установление вины или невиновности подозреваемого и др.) [Косоногова, 2015: 63]. Е.А. Кожемякин формулирует цель юридического дискурса

более глобально, утверждая, что он не только регулирует отношения между членами общества, но и нормирует социальную реальность в целом. Задача юристов, по его мнению, заключается не только в разъяснении тех или иных юридических ситуаций с помощью категориально-понятийного аппарата дискурса, но и в корректировке/реконструировании действительности в соответствии с принятыми правовым институтом нормами и конвенциями [Кожемякин, 2011: 132].

Языковые особенности затрудняют понимание юридических текстов неспециалистами, не знакомыми со специальной терминологией и формальной юридической логикой. Поэтому как лингвисты, так и правоведы не раз поднимали вопрос о необходимости упрощения юридического языка, практически недоступного носителю обыденного сознания. В данной связи мы полностью разделяем позицию Н.Д. Голева, который полагает, что упрощение юридического языка для достижения некоей социальной гармонии между профессиональным и обыденным типами правового сознания имеет очевидные границы и является вторичным. Основную цель ученый усматривает в повышении уровня правосознания и юридической грамотности рядовых граждан [Голев, 2004: 46]. Решению данной фундаментальной проблемы, на наш взгляд, эффективно служат тексты популярно-юридического дискурса.

Согласно точке зрения А.С. Аверина, целью коммуникации в рамках популярно-юридического дискурса является разрешение юридических вопросов [Аверин, 2022: 8]. По нашему мнению, коммуникативная цель рассматриваемого дискурса является более масштабной и заключается в диссеминации субстанционального и процедурного правового знания, способствующей как повышению общего уровня правовой грамотности населения, так и устранению и профилактике возникновения юридических проблем в обществе.

По наблюдениям Л.С. Бейлинсон, в настоящее время возникли и получили широкое распространение жанры профессионально-юридического дискурса, «явной целью которых является просвещение, а одной из скрытых целей – укрепление

престижа института права и его представителей» [Бейлинсон, 2008: 44]. Нами также отмечена такая дополнительная цель популярно-юридического дискурса как конструирование положительного имиджа представителей института права (судей, адвокатов, полицейских и др.), способствующее выработке доверительного отношения к служителям закона, что в итоге приводит к формированию у граждан моделей законопослушного образа жизни.

В данной связи представляется интересной концепция дискурсной матрицы институциональной культуры, предложенная Е.А. Кожемякиным. Ученый полагает, что границы дискурсов «эмпирически не фиксируемы, явно не маркированы и размыты», а дискурсы «существуют не в форме соприкасающихся плоскостей, но в динамичной форме векторов, направление каждого из которых задано некоторой проблемой» [Кожемякин, 2007: 62]. Возникновение того или иного дискурса связано с необходимостью эту проблему решить. Фундаментальную проблему юридического дискурса Е.А. Кожемякин усматривает в регулировании правовых отношений между субъектами социума. Мы солидаризируемся с выводами ученого, и, развивая положения данной концепции, полагаем, что все взаимодействующие дискурсы в рамках популярно-юридического дискурса в конечном итоге будут способствовать решению проблемы базового юридического дискурса и прямо или косвенно служить упорядочиванию и нормированию общественных отношений. Именно на этом основании одни тексты будут «втягиваться» в коммуникативное пространство гибридного популярно-юридического дискурса как тематически близкие и способствующие решению указанной фундаментальной проблемы, а другие исключаться как нерелевантные.

В соответствии с целями профессионального юридического дискурса исследователи выделяют его основные функции: регулятивную, перформативную, информативную, интерпретационную, кумулятивную, презентационную и кодовую [Крапивкина, Непомилов, 2014; Палашевская, 2010; Хомутова, Шефер, 2019].

Регулятивная функция заключается в регламентации отношений между агентами внутри института и между агентами и клиентами. *Перформативная* функция определяет коммуникативные практики, организующие мир права [Палашевская, 2010: 536]. В.И. Карасик связывает понятие перформативности в юридическом дискурсе с понятием фактуальности. Ученый полагает, что перформативность как аспект коммуникации служит организации фактов в сознании участников юридического дискурса с учетом ценностных доминант профессионального юридического мира и актуальных смыслов реального общения [Карасик, 2009а: 387]. О.А. Крапивкина и Л.А. Непомилов определяют перформативность как «изменение действительности в результате осуществления действия» [Крапивкина, Непомилов, 2014]. Таким образом, перформативность юридического дискурса означает свойство текстов данного дискурса производить на адресата действие, необходимое адресанту.

По мнению И.В. Палашевской, генерирование, трансляция и ретрансляция смыслов, определяющих суть института, являются реализацией *информативной* функции юридического дискурса [Палашевская, 2010: 536]. О.А. Крапивкина и Л.А. Непомилов усматривают реализацию данной функции в сообщении о принятом решении или произошедшем событии [Крапивкина, Непомилов, 2014].

Особое значение для успеха правовой коммуникации имеет *интерпретационная* функция, которая позволяет участникам дискурса трактовать смысл производимых коммуникативных действий. Как мы помним, тексты юридического дискурса сложны для понимания обывателя и нуждаются в толковании посредниками – представителями института. Необходимость однозначной трактовки юридических терминов и правовых/законодательных текстов сближает юридический дискурс с научным, в котором неопределенность интерпретации также неприемлема. По наблюдению Е.А. Кожемякина, «только институционально закрепленная трактовка юридических терминов представляется правильной, в то время как обыденная интерпретация априори номинируется как неверная» [Кожемякин, 2011:

135–136]. По мнению ученого, при помощи языка юридического дискурса фиксируется примат юридической картины мира над обыденной.

Кумулятивная функция дискурса состоит в формировании так называемой «институциональной памяти» [Палашевская, 2010: 536]. Данный термин коррелирует с понятием «институциональной культуры», предложенным Е.А. Кожемякиным. Как было указано ранее, в задачи агентов института права входят хранение и воспроизведение норм и правил, фиксирующих данный институт [Кожемякин, 2007: 59].

Презентационная функция заключается в создании привлекательного имиджа института права и его агентов, что является необходимым условием достижения целей института. По наблюдению К.А. Наумовой, выбор стратегии, жанра и прецедентных текстов являются инструментами реализации презентационной функции [Наумова, 2021: 8].

Кодовая (парольная) функция связана с созданием специального языка для осуществления институциональной деятельности и установления границ между агентами и клиентами института права. Как отмечает Е.А. Кожемякин, язык юридического дискурса представляет собой «сложный код» [Кожемякин, 2013: 126]. Специальные термины, дискурсивные формулы и сложный синтаксис призваны закрепить дискурсивную асимметрию [Наумова, 2021: 8], т.е. четко разграничить «своих» и «чужих». В связи с этим мы разделяем мнение И.В. Палашевской о том, что реализация кодовой функции юридического языка приводит к тому, что коммуникативное действие становится зашифрованным для «непосвященных» [Палашевская, 2010: 538].

Помимо вышеперечисленных, некоторые исследователи выделяют также *прескриптивную* (прямые или косвенные предписания реципиенту совершить определенные действия или воздержаться от них), *аргументирующую* (обоснование правовой позиции) и *агитационную/декларативную* (провозглашение определенных

социальных и правовых ценностей и идей) функции юридического дискурса [Крапивкина, Непомилов, 2014; Жолос, Шевченко, 2017; Хомутова, Шефер, 2019]. Е.А. Кожемякин, в свою очередь, полагает, что юридический дискурс выполняет *конструирующую* и *побуждающую* функции, которые реализуются посредством таких специфичных речевых актов как перформативы, декларативы и комиссивы [Кожемякин, 2011: 136].

Анализ текстов популярно-юридического дискурса разных жанров показывает, что они прямо или косвенно выполняют все упомянутые функции юридического дискурса. В ряде случаев эти функции может отличать только специфика реализации в популярном дискурсе. Например, интерпретационная функция, исключая субъективность трактовки адресантом терминов и фактов в профессиональном юридическом дискурсе, практически всегда сопровождается оценочностью и идеологическим зарядом в популярно-юридическом дискурсе. Кодовая функция, реализуемая особыми способами в адаптированных текстах популярно-юридического дискурса, направлена не на создание бинарной оппозиции «агент – клиент» института права, а на формирование у адресата ощущения получения доступа к «коду» закрытого общественного института, что стимулирует его мотивацию к освоению зашифрованного языка специалистов.

Наш особый интерес был вызван приобретением популярно-юридическим дискурсом в силу его гибридной природы новых функций, нехарактерных для профессионального юридического дискурса, в частности, *просветительской* и *развлекательной* функций. Просветительская функция реализуется в основном в текстах научно-популярных книг, статей и публичных лекций о праве, нацеленных на повышение общего уровня правовой грамотности и правосознания массового адресата. Что касается развлекательной функции, в той или иной степени реализуемой во всех жанрах изучаемого дискурса, то ее возникновение связано как с функционированием популярно-юридического в жанрах транслирующего медийного

дискурса, который, как известно, сегодня сближается с развлекательным, так и с изменением современного формата популяризации науки в целом.

Благодаря развитию информационных технологий традиционные формы популяризации науки (в том числе, правовых знаний) в России подвергаются трансформации и конвергируют с новыми формами. Н.В. Дивеева в данной связи указывает на «размывание или полную утрату границ между некоторыми организационно-событийными и медийными формами» современной популяризации [Дивеева, 2014: 117]. Интерактивная и увлекательная форма подачи специальной информации становится непрямым условием современной популяризации. Если ранее формула популяризации науки выглядела как ИНФОРМИРОВАНИЕ + АДАПТАЦИЯ, то со временем в ней появился дополнительный компонент, без которого уже невозможно представить себе современную популяризацию: ИНФОРМИРОВАНИЕ + АДАПТАЦИЯ + РАЗВЛЕЧЕНИЕ [Соловьева, 2022b: 208]. Многие исследователи в данной области (Дивеева, 2014; Кобзева, 2012; Кэндо, 2000; Соловьева, 2022; Федотова, 2011; Щипицина, 2019) отмечают усиление рекреативного начала в практике популяризации науки, а также приходят к заключению, что научно-популярная информация может использоваться не только для передачи необходимых знаний, но и как инструмент развлечения. М.А. Шульга в данной связи замечает, что отношение субъекта к популяризируемому знанию сегодня определяется ключевым критерием «нравится – не нравится» [Шульга, 2019: 775]. Под вторую категорию, по наблюдению исследователя, попадает вся информация, изложенная недоступно или неувлекательно.

Н.В. Дивеева выделяет такие проявления рекреативного начала в популяризации науки как зрелищность и интерактивность [Дивеева, 2014: 124]. Яркость и привлекательность традиционно использовались популяризаторами для поддержания мотивации и расширения целевой аудитории. Однако степень зрелищности современных научно-популярных передач ставит их в один ряд с

телевизионными шоу. Интерактивность научно-популярных программ/изданий напрямую связана с развитием информационных технологий и улучшением компетенций адресата в области взаимодействия с объектами, имеющими виртуальную природу. По нашим наблюдениям, мультимедийное сопровождение текстов популярно-юридического дискурса выполняет не только функцию аттракции и служит развлечению адресата, но и способствует оказанию на него суггестивного воздействия при рецепции новой или сложной информации.

Как показало исследование, тексты популярно-юридического дискурса как в прямой, так и в завуалированной форме выполняют также *рекламную функцию*, заключающуюся в рекомендации обратиться за помощью к конкретным поставщикам юридических услуг посредством манифестации их высоких профессиональных качеств. Заметим, что маркетинговая функция популярно-юридического дискурса также указывалась в работах А.С. Аверина, посвященных исследованию релевантного англоязычного дискурса [Аверин, 2022]. В данной связи считаем важным указать, что в отличие от других видов рекламы товаров и услуг юридическая реклама играет значимую социальную роль, привлекая внимание адресата к важности защиты прав человека, что косвенно пропагандирует законопослушный образ жизни и служит профилактике правонарушений.

Стратегии профессионального юридического дискурса детерминированы его целью и, по мнению ряда исследователей [Борисова, 2016; Хомутова, Шефер, 2019; Searle, 2004], заключаются в формулировании правовой нормы, ее истолковании и применении на практике. Под коммуникативной (речевой) стратегией мы, вслед за О.С. Иссерс, понимаем «специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем “глобального намерения”» [Иссерс, 2008: 104]. Согласно выводам ученого, речевые стратегии имеют когнитивные измерения (планирование, контроль и т.д.), однако их индикаторы недоступны для лингвистического анализа. Наблюдаемыми в этом случае являются лишь языковые

средства, с помощью которых упомянутые стратегии (цели) могут быть реализованы. Семантические, стилистические и прагматические средства, выбираемые говорящим, определяются непосредственно речевыми стратегиями. С помощью различных средств коммуниканты представляют собственные интерпретации обсуждаемых проблем, тем и событий, преследуя цель сделать их общими для всех участников общения.

К.А. Петрук выделяет такие стратегии юридического дискурса как *разъяснение, регулирование, регламентация, контроль, предписание и организация* [Петрук, 2007: 6]. И.В. Палашевская полагает, что стратегии юридического дискурса в целом можно разделить на *агональные* (принуждения, предостережения и др.) и *консенсусные* (дозволения, одобрения, поощрения и др.) [Палашевская, 2010: 539].

Выделенные стратегии определяют использование соответствующих языковых средств и жанровых форматов. На разных этапах правовой коммуникации в рамках упомянутых стратегий реализуются соответствующие тактики, заключающиеся в использовании таких речевых актов как *императивы* (требования относительно того или иного поведения участников юридического дискурса, находящие свое отражение в нормах права), *директивы* (указания, призванные добиться совершения адресатом каких-либо действий, которые необходимы адресанту, например, вызов в суд, апелляция, обращение судьи к присяжным и т.д.), *перформативы* (коммуникативные поступки, отождествляемые с действием и устанавливаемые субъектами нормотворчества, например, решение суда), *репрезентативы* (коммуникативные акты, призванные зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о какой-либо ситуации или за истинность/достоверность сообщаемой информации, например, клятвы, свидетельские или экспертные показания), *декларативы* (речевые действия уполномоченных агентов, которые представляют собой одновременно и институциональный факт, и перформативный акт, например, объявление о закрытии судебного заседания) и *комиссивы* (возложение адресантом на адресата обязательства

совершить некое будущее действие или следовать определенному алгоритму поведения при совершении будущего действия, например, договоры/контракты, завещания и т.д.).

Согласно утверждению Д.Н. Шлепнева, понятие правовой нормы лежит в основе любого юридического текста. Правовая норма «создается, реализуется, разъясняется, сам текст производится в силу правовой нормы, или же текст порождается, чтобы обеспечить применение нормы через другой текст» [Шлепнев, 2017: 176]. Норма должна отвечать интересам общества и ценностям культуры языкового коллектива. «Юридическая версия социальной реальности, ее смысловая организация, создается, существует и изменяется через предписанные в юридических императивах социально значимые действия правовых субъектов» [Палашевская, 2010: 100].

Правовая норма обязательна к исполнению всеми субъектами, в отношении которых она сформулирована. «Право исходит из необходимости принуждения отдельных членов общества подчиняться общесоциальным нормам, и этой функции подчинены всего его компоненты, включая языковые. Отсюда вытекает, что ведущая интенциональность юридических текстов – волеизъявление законодателя, а ведущая модальность – императивная (командная)» [Голев, 2006: 23]. По мнению Н.Д. Голева, для юридических документов «неприемлема модальность сослагательного наклонения в любых ее оттенках (желательности, предположения, сомнения, допущения)» [Голев, 2006: 26]. Ученый также отмечает, что глаголы в повелительном наклонении не используются в текстах законов из-за своей принадлежности к разговорному дискурсу. Императивность носит имплицитный характер и заключена в семантике глаголов в форме изъявительного наклонения.

По наблюдению И.В. Палашевской, юридические императивы эксплицитно либо имплицитно содержат модальность долженствования. Исследователь выделяет категорические императивы (деонтические операторы – *не может, невозможно, не*

вправе, не допускается) и императивы «активной обязанности» (деонтические операторы – *обязан, обязательно, необходимо, подлежит*) [Палашевская, 2010: 102]. Наряду с ними существуют еще императивы-рекомендации, которые предписывают субъекту определенные правила поведения в менее жесткой и категоричной форме (*рекомендуется, следует лучше* и др.). Таким образом, императивность юридического дискурса, по мнению ученого, имеет градуальный характер, при котором наиболее значимыми и обязательными к исполнению представляются императивы, сформулированные в конституционных нормах.

Как показал анализ, императивы широко эксплицированы в текстах популярно-юридического дискурса. При этом категорические императивы используются в основном в приводимых выдержках из нормативно-правовых актов или при цитировании законов. Сами адресанты популярно-юридического дискурса более склонны к использованию императивов-рекомендаций, имеющих менее жесткие формулировки и в силу этого потенциально вызывающих меньшую резистентность адресата. Конструкции с глаголами в повелительном наклонении, не употребляющиеся в профессиональном юридическом дискурсе (Голев, 2006), являются частотными в текстах популярно-юридического дискурса. Сочетание категоричности императивов с шутливой тональностью или субъективной оценкой адресанта в ряде случаев призвана смягчить безапелляционность высказываний.

Что касается остальных вышеупомянутых речевых актов, служащих реализации стратегий профессионального юридического дискурса, то их использование носит окказиональный характер и определяется тематикой популярного текста и интенцией адресанта. По нашим наблюдениям, популярно-юридическим дискурсом выработан собственный арсенал стратегий, способствующих достижению его коммуникативных целей, включающий: ***ценностно-ориентирующую, информирующую, инструктирующую и развивающую*** стратегии.

В данной связи необходимо указать, что по степени «глобальности» коммуникативного намерения О.С. Иссерс выделяет *общие* и *частные* речевые стратегии; по функциональному критерию – *основные* (семантические и когнитивные) и *вспомогательные* речевые стратегии. Основные стратегии являются наиболее значимыми для коммуникации и связаны с оказанием непосредственного влияния на поведенческие установки и систему ценностей адресата. Вспомогательные стратегии призваны обеспечивать оптимальное взаимодействие с адресатом с целью реализации основных стратегий.

Мы разделяем мнение исследователя о том, что конечной целью любой речевой стратегии выступает «коррекция модели мира адресата» [Иссерс, 2008: 104]. Исходя из этой предпосылки, мы считаем ценностно-ориентирующую стратегию основной стратегией популярно-юридического дискурса, реализуемой во всех его типах и жанрах. С помощью данной стратегии формируется уважительное отношение людей к закону, что выступает ключевым аксиологическим ориентиром юридического дискурса в целом. Помимо этого, адресанты в рамках данной стратегии акцентируют ценность человеческой жизни и необходимость соблюдения прав человека как предпосылки построения модели современного общества, основанной на принципах гуманизма и справедливости.

Вспомогательными стратегиями популярно-юридического дискурса, способствующими решению коммуникативных задач в рамках основной стратегии, являются информирующая, инструктирующая и развивающая стратегии, используемые адресантами дискурса в зависимости от жанра текста.

По мнению Т.А. Воронцовой, *информирующая стратегия* является доминантной для текстов научно-популярного дискурса, авторами которых могут являться как ученые, так и журналисты [Воронцова, 2013: 26]. Использование адресантами данной стратегии, согласно выводам исследователя, подразумевает употребление специальных терминов без объяснений и дефиниций. По нашим

наблюдениям, информирующая стратегия используется во всех выделенных жанрах изучаемого дискурса. Информирование может сопровождаться разъяснением специальных понятий и оценкой сообщаемой информации адресантом в разных жанрах популярно-юридического дискурса. С помощью данной стратегии адресантом в адаптированной форме сообщается специальная информация, призванная повысить осведомленность или изменить точку зрения массовой аудитории, если информация подается под определенным углом.

К *инструктирующей стратегии* адресанты изучаемого дискурса, как правило, прибегают в случае, если адресат испытывает нехватку фоновых знаний в конкретной области права. Посредством данной стратегии агенты института права пытаются урегулировать и скорректировать поведение адресата-неспециалиста в разнообразных юридических ситуациях. Инструктирующая стратегия является доминантной в текстах жанров «книга юридических советов» и «юридическая консультация».

Наконец, *развивающая стратегия* направлена на расширение кругозора адресата популярно-юридического дискурса и формирование у него адекватной правовой картины мира. Данная стратегия используется преимущественно в жанрах «научно-популярная книга о праве» и «публичная лекция правовой тематики». Считаем важным указать, что при реализации развивающей стратегии популярно-юридический дискурс сочетает массовое просвещение с развлечением, распространяя специальные знания в увлекательной и доступной для неспециалистов форме.

Среди частных стратегий изучаемого дискурса мы выделяем *оценивающую, развлекательную и рекламную стратегии* также опосредованно служащие достижению его коммуникативных целей. По нашим наблюдениям, адресанты популярно-юридического дискурса, стремясь сформировать необходимую им правовую картину мира неспециалистов, часто высказывают оценку (как правило, критическую) различных нормативно-правовых актов, юридических документов, деятельности представителей юридической профессии и т.д. Необходимо

подчеркнуть, что наличие оценки принципиально отличает популярно-юридический дискурс от профессионального. И если терминологическая плотность юридического дискурса достигает максимальной концентрации в ядре, представленном профессиональным дискурсом, то оценочность, наоборот, усиливается в периферийных полях (жанрах) юридического дискурса (популярно-юридическом и обиходно-юридическом дискурсах).

Средствами реализации развлекательной стратегии в текстах популярно-юридического дискурса выступают юмор и ирония (представленные в том числе посредством включений текстовых фрагментов комических жанров), исторические и личные нарративы, аудиовизуальные эффекты, интерактивные форматы. Присутствие элементов развлечения в текстах популярного дискурса служит созданию непринужденной атмосферы коммуникации, адресант которой, в силу профессиональной подготовки априори занимает доминирующую позицию, а также способствует эффективной интериоризации специальной информации в сознании неспециалиста, делая изучение сложных правовых вопросов увлекательным и доступным.

Наконец, популяризация института права предполагает рекламирование деятельности и продвижение услуг его агентов (высококвалифицированных и добросовестных представителей профессии), что обуславливает использование средств агитации в рамках соответствующей речевой стратегии. Тексты жанров «юридическая консультация», «правовой комментарий для неспециалиста» и даже «книга юридических советов» часто содержат рекламу юридических услуг. В подобных текстах манифестируется высокий профессионализм конкретных специалистов и содержится эксплицитная оценка качества предлагаемых услуг [Соловьева, 2022с: 70–71]. Наши наблюдения в данном аспекте совпадают с наблюдениями А.С. Аверина о том, что тексты популярно-юридического дискурса выполняют еще и маркетинговую функцию, которая заключается в продвижении

юридических услуг посредством указания на недостаточность предлагаемого разъяснительного текста [Аверин, 2022: 11]. Возвращаясь к дефиниционному анализу слова «популяризация», отметим, что авторами соответствующих словарей в качестве синонимов приводятся такие лексемы как «реклама» и «рекламирование». Этим, на наш взгляд, также объясняется регулярное присутствие юридической рекламы в текстах популярно-юридического дискурса.

Под дискурсивными формулами В.И. Карасик понимает обороты речи, характерные для общения в соответствующем социальном институте [Карасик, 2000: 15], которые, как правило, конкретизируются в клише и легко распознаются носителями языка [Карасик, 2002: 233]. Е.И. Шейгал высказывает мнение, что институциональное общение в отличие от личностно-ориентированного использует систему профессионально-ориентированных знаков, включающих лексику, фразеологию и паремиологию [Шейгал, 2000: 15]. О.В. Косоногова считает юридические клише своеобразными структурно-семантическими маркерами юридического дискурса [Косоногова, 2015: 64]. Л.С. Бейлинсон, в свою очередь, трактует дискурсивные формулы достаточно широко, подразумевая под ними как профессионально-маркированные лексические и фразеологические единицы (однословные либо неоднословные термины и профессионализмы), так и типичные для данного дискурса высказывания. Исследователь полагает, что стандартизация общения, достигаемая посредством использования дискурсивных формул, необходима для нивелирования личностно-маркированных признаков его участников, что способствует акцентированию внимания не на форме общения, а на его содержании [Бейлинсон, 2008: 45].

Дискурсивные формулы объединяют всех представителей института и используются ими как для общения, так и для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к институту, что позволяет говорить о реализации их кодовой или парольной функции. Расшифровка этого «кода», согласно представлениям Н.Д.

Голева, «требуется особых герменевтических презумпций, особой культуры мышления, сформированной многими поколениями людей со специальным юридическим мышлением» [Голев, 2004: 45]. Нельзя не согласиться с Н.Д. Голевым в том, что профессиональный язык, играя, безусловно важную культурно-знаковую роль, в ряде случаев может служить помехой эффективности коммуникации. В качестве примера ученый приводит орфоэпические варианты употребления слов «возбУждено» или «осУждены» в профессиональном юридическом языке (которые, в частности, употребляются адресантами и в устных жанрах популярно-юридического дискурса, например, в комментариях специалистов). Несмотря на то, что такое специфическое ударение позволяет моментально идентифицировать говорящего как представителя института права, по мнению Н.Д. Голева, адресат каждый раз сталкивается с дилеммой, решая вопрос о том, какой вариант произношения правильный. Такой профессионально-маркированный вариант произношения может восприниматься как признак неграмотности за орбитой юридического дискурса. «Сама по себе тенденция к дифференциации совершенно необходима и неизбежна <...>, но у формы с паронимическим смешением минусы явно доминируют над плюсами» [Голев, 2004: 55].

Мы, в свою очередь, под «дискурсивными формулами» юридического дискурса понимаем устойчивые, часто повторяющиеся речевые обороты, служащие мгновенному «распознаванию» коммуникантами ситуации, как имеющей отношение к сфере права («в соответствии с действующим законодательством/настоящим Кодексом», «в отношении лиц», «признать виновным в преступлении», «законом устанавливается/ предусматривается/ регулируется/ определяется/ уточняется», «законом усиливается ответственность», «законом вводится уголовная ответственность» и др.). Такое понимание коррелирует с выводами В.И. Карасика о том, что любая коммуникативная ситуация в рамках институционального общения включает в себя вербальные и невербальные «эмблемы», позволяющие адресату

отнести данную ситуацию к релевантному дискурсу [Карасик, 2015: 188]. К вербальным эмблемам юридического дискурса мы относим собственно юридические термины (в том числе на латинском языке), профессионализмы и дискурсивные клише.

Большой научный интерес представляет выделение Л.С. Бейлинсон различных модусов институционального дискурса (общение индивидуального агента с индивидуальным агентом, общение коллективного агента с индивидуальным агентом, общение индивидуального агента с индивидуальным клиентом и общение индивидуального агента с коллективным клиентом), в каждом из которых, как утверждает ученый, используются специфические формулы институционального дискурса [Бейлинсон, 2008: 44]. Данные наблюдения согласуются с выводами Т.Н. Хомутовой и Е.А. Шефер, которые полагают, что дискурсивные формулы юридического дискурса отличаются разнообразием, а каждый его жанр (устный или письменный) характеризуется своим набором формул [Хомутова, Шефер, 2019: 46].

Как показал анализ популярно-юридического дискурса в данном аспекте, юридические клише, которые широко эксплицированы и безусловно преобладают во всех его текстах, могут сочетаться с клише других дискурсов в зависимости от жанра. Так, в жанрах «научно-популярная книга о праве» и «публичная лекция правовой тематики», юридические клише тесно переплетены с клише научного дискурса («необходимо отметить», «следует подчеркнуть», «особого внимания заслуживает», «таким образом, можно сделать вывод», «рассмотрим подробнее» и др.). В жанре «правовой комментарий для неспециалиста» наряду с юридическими широко представлены клише медийного дискурса («в свете последних событий», «остро стоит вопрос», «обеспечить достойный уровень жизни», «в кратчайшие сроки», «в рамках мероприятия», «на благо общества» и др.). В жанрах «книга юридических советов» и «юридическая консультация» юридические клише зачастую сочетаются с использованием оборотов разговорного языка («как говорится», «в принципе»,

«короче говоря», «честно говоря», «правда...» и т.д.). Присутствие данных комбинаций различных клише подтверждает взаимодействие множества дискурсов в коммуникативном пространстве гибридного популярного дискурса.

Л.С. Бейлинсон также приходит к заключению, что насыщенность дискурса формулами варьируется в зависимости от ситуации и участников общения. Если имеет место коммуникация между агентами института по профессиональным вопросам, то дискурсивные формулы будут широко эксплицированы. В случае общения агента с клиентом института количество используемых институциональных формул уменьшается, а их значение нуждается в интерпретации для «непосвященных» (клиентов). Данное наблюдение соотносится с нашим представлением о том, что профессиональный юридический дискурс находится в институциональном ядре юридического дискурса, а использование дискурсивных формул носит центробежный характер как в количественном, так и в качественном отношении (чем дальше от ядра, тем меньше формул, и тем менее точным становится их воспроизведение).

В данной связи считаем важным указать, что популярно-юридический дискурс не имеет собственной терминосистемы или дискурсивных клише, но «заимствует» их у профессионального юридического дискурса. Различия наблюдаются только в частотности употребления и в способе презентации таких единиц в популярном дискурсе, предполагающем их адаптацию и разъяснение. Следовательно, это подтверждает нашу гипотезу о том, что популярно-юридический дискурс не является самостоятельным видом дискурса, находящимся на одной ступени классификационного деления с профессиональным юридическим дискурсом, как, например, полагает А.С. Аверин [Аверин, 2020: 14], но представляет собой подвид юридического дискурса, который, в отличие от профессионального юридического дискурса, находится на периферии юридического дискурса. Исходя из данной

предпосылки, предлагаем следующее определение популярно-юридического дискурса:

Популярно-юридический дискурс – это подвид юридического дискурса, имеющий гибридную природу, характеризующийся собственными конститутивными признаками и системой жанров, имманентно связанный с базовым (профессиональным) юридическим дискурсом тематическим содержанием, основными концептами и терминосистемой, представленной в доступной для неспециалистов форме.

Предлагаемая нами модель описания популярно-юридического дискурса основывается на выделенных В.И. Карасиком объектном, субъектном и инструментальном измерениях дискурса [Карасик, 2015: 73] и, на наш взгляд, может быть экстраполирована на все выделяемые популярные дискурсы. На основе **текстового параметра**, коррелирующего с объектным подходом по В.И. Карасику, тексты популярного дискурса разных жанров изучаются с учетом их содержания и топикальных доминант. Рассмотрение **коммуникативного параметра** в рамках субъектного подхода предполагает изучение характерных для данного популярного дискурса коммуникативных ситуаций, включая участников общения, хронотоп, цели, коммуникативные стратегии и дискурсивные формулы. **Инструментальный параметр** позволяет проанализировать коммуникативную тональность популярного дискурса и ее вариативность в зависимости от используемого канала общения, а также способы самопрезентации субъектов в разных типах и жанрах рассматриваемого дискурса. В соответствии с прагмалингвистическим подходом важность в данном измерении представляет изучение не только самого текста, но и связи между языковой формой и намерениями говорящего. Помимо этого, считаем необходимым изучение **аксиологического параметра** популярного дискурса, в частности, его концептосферы, этнокультурных аксиологических доминант, а также типажных характеристик представителей релевантного социального института.

1.6. Типология современного российского популярно-юридического дискурса

Дискурс представляет собой многомерное образование, и его типологизация возможна на основании любого признака (тематики, коммуникативной тональности, способов воздействия и информирования, канала общения и т.д.). При определении критериев классификации рассматриваемого популярно-юридического дискурса наше внимание привлекло исследование Н.В. Юдиной об основных источниках получения правовой информации гражданами нашей страны. Согласно данным, полученным в ходе проведенного ученым социологического опроса, лидирующее место в рейтинге вышеупомянутых источников занимают телевидение (1-е место) и интернет (2-е место). В списке популярных источников информации были также названы газеты и журналы (4-е место) и специальная литература (5-е место). Специфическим для правовой культуры нашей страны мы считаем высокий показатель общения с родственниками и друзьями как источника получения правовой информации (3-е место). Последними в списке оказались собственно консультации специалистов по правовым вопросам (7-е место) [Юдина, 2016: 117–118]. Таким образом, опрос показал, что сфера функционирования российского популярно-юридического дискурса не ограничивается только профильными сайтами в сети интернет, как было отмечено А.С. Авериним в отношении американского популярно-юридического дискурса [Аверин, 2022: 6].

Недавние социологические опросы, в частности, опрос на тему «Правовое просвещение граждан», проведенный в 2025 году в Ханты-Мансийском автономном округе, свидетельствуют о том, что современными источниками получения правовой информации являются СМИ (газеты, радио, телевидение) – 48,95% и свободный поиск в интернете – 44,70%. Эти данные подтверждают общую тенденцию, согласно которой традиционные и сетевые СМИ пользуются неизменной популярностью и доверием граждан Российской Федерации. При этом основным источником правовой

информации для экономически активного населения до 45–50 лет, согласно опросам ВЦИОМ и ФОМ, на сегодняшний день выступает интернет. Тот факт, что за юридической консультацией обращается только каждый шестой из числа респондентов, свидетельствует как о высокой стоимости юридических услуг, так и об отсутствии доверия граждан к представителям юридической профессии.

С учетом основных источников получения правовой информации гражданами РФ, мы предлагаем типологию изучаемого дискурса, основанную на двух значимых критериях: каналу общения и коммуникативной цели, что, на наш взгляд, позволяет выявить закономерности формирования и специфические признаки текстов популярно-юридического дискурса разных жанров.

Типы популярно-юридического дискурса по критерию «канал общения»

Опираясь на режимный подход к дискурсу, предложенный В.И. Карасиком, представляется возможным выделить следующие типы современного российского популярно-юридического дискурса: *дистантный популярно-юридический дискурс, дистантно-виртуализованный популярно-юридический дискурс, контактный популярно-юридический дискурс, контактно-виртуализованный популярно-юридический дискурс* и *виртуальный популярно-юридический дискурс*.

К медиумам *дистантного* типа дискурса мы относим традиционные печатные издания: книги, газеты, журналы, а также радио и телевидение. Программы правовой тематики на телевидении («Человек и закон», «Следствие вели...», судебные ток-шоу и др.) и радио («Имеем право», «Права человека» и др.), правовые журналы, в том числе, корпоративные («Человек и закон», «Российский адвокат» и др.), а также юридические рубрики в газетах («Российская газета», «Ведомости» и др.) пользуются неизменной популярностью у заинтересованного адресата, который в данном случае может совпадать с целевой аудиторией издания/канала/программы.

В зависимости от степени упрощения юридического языка, М.А. Силанова выделяет несколько категорий изданий правовой тематики: специализированные юридические, деловые и массовые медиаресурсы [Силанова, 2017]. Естественно предположить, что наибольшая плотность юридических терминов характерна для специализированных юридических изданий. Что касается узуса в массовых изданиях, то он, по наблюдению М.А. Силановой, складывается из лексем юридического дискурса, которые являются общеизвестными и не нуждаются в экспликации и комментировании [Силанова, 2017]. Тематика специализированных изданий посвящена вопросам, связанным с устройством и функционированием института права, а также деятельностью его представителей. Тематика текстов массовых изданий в основном ориентирована на конкретные потребности защиты прав адресата в той или иной юридической ситуации.

Традиционными (хотя, по нашим наблюдениям, менее популярными сегодня) жанрами дистантного популярно-юридического дискурса являются «документальный фильм» и «документальная передача правовой тематики». По нашему мнению, научно-популярное начало в современных документальных фильмах размывается в связи с новыми тенденциями популяризации науки: «Размытость научно-популярного начала в данном жанре на сегодняшний день объясняется развлекательным уклоном современных научно-популярных программ в целом, поскольку современный популяризатор помещен в условия жесточайшей конкуренции за внимание читателя / зрителя» [Соловьева, 2022b: 207].

Необходимо указать, что на современном этапе развития популяризации ее традиционные формы становятся менее эффективными и теряют конкурентоспособность по сравнению с новыми форматами. По этой причине традиционные форматы вступают в конвергенцию с новыми, более актуальными для современного общества, в частности, посредством виртуализации. Упомянутая конвергенция, объединяющая в единое целое реальное и виртуальное пространства,

приводит к пересечению юридического дискурса с большим количеством других дискурсов. Результатом происходящей гибридизации является появление новых жанровых разновидностей, далеких от институционального «ядра» юридического дискурса. По мнению А.С. Аверина, интернет-версии традиционных СМИ становятся неотъемлемой частью современного медиаконтента и завоевывают массовую аудиторию [Аверин, 2020:115].

Жанры *дистантно-виртуализованного* популярно-юридического дискурса совпадают с жанрами дистантного популярно-юридического дискурса, однако в этом типе дискурса такие традиционные медиумы как книга, журнал или газета, сохраняя свой привычный физический носитель, издаются также в электронном формате, зачастую приобретая интерактивную форму. Например, интересующую книгу о праве адресат может приобрести в книжном магазине, скачать для чтения на телефон или другое электронное устройство, или же слушать в формате аудиокниги. Традиционный формат радиопередачи также сегодня переведен в электронное измерение. На сайтах радиоканалов заинтересованный адресат можно ознакомиться со свежими и архивными выпусками любимых передач, а также неоднократно прослушать необходимую информацию в удобное для себя время.

Современные печатные издания правовой тематики, как правило, сочетают традиционный дистантный и электронный форматы, тем самым расширяя потенциальную аудиторию адресатов. Например, национальный правовой журнал «Человек и закон» в традиционном печатном формате издается с 1970 года и ориентирован в основном на читательскую аудиторию, интересующуюся вопросами права. В журнале публикуются тексты разных жанров, представляющие интерес как для специалистов, так и для неспециалистов, для понимания которых специальная информация подвергается адаптации и комментируется. Помимо традиционной печатной формы читателю доступна также аналогичная электронная версия с ограниченным, либо полным (при наличии подписки) доступом к контенту журнала.

В настоящее время важную роль в популяризации права играют медиаплатформы, позволяющие адресату/пользователю осуществлять просмотр, прочтение, прослушивание и комментирование печатного и/или аудиовизуального контента, т.е. быть активным деятельностным участником информационно-коммуникационных процессов [Красноярова, 2016: 49]. По наблюдению Т.Г. Добросклонской и Н.Б. Смольской, новые мультимедийные платформы предоставляют профессиональным журналистам и обычным пользователям инновационные инструменты для создания и распространения контента, так как сетевые тексты успешно синтезировали инструментарий традиционных СМИ и современные мультимедийные технологии [Добросклонская, Смольская, 2023: 123]. Основными компонентами современной медиаплатформы являются: печатный носитель, его электронная версия, представленная посредством интернет-ресурса, а также опционально радио или телеканал. Широкие возможности медиаплатформы приводят к трансформации традиционных медийных жанров и образованию новых форм, таких как пост-статья, видеокомментарий и др.

В качестве популяризаторов, размещающих материалы правовой тематики на медиаплатформах, могут выступать юристы, журналисты, преподаватели, имеющие юридическое образование, а также в принципе любой желающий, интересующийся вопросами права. Таким образом, достоверность сведений, сообщаемых массовой аудитории пользователей, напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки адресанта, который в ряде случаев может и не обладать достаточными знаниями в релевантной сфере. Субъективный ракурс подачи специальной информации может также приводить к конструированию искаженной правовой картины мира в сознании адресата-неспециалиста.

Крупнейшей в России медийной платформой, на которой публикуются электронные версии всех журналов правовой тематики, является вебсайт «Закон.ру» (*zakon.ru*), инициатором создания которого выступила издательская группа

«ЗАКОН». На данном сайте размещены электронные версии всех журналов, выпускаемых издательством, информация о предстоящих профессиональных и просветительских мероприятиях, а также блоги практикующих юристов, судей, законодателей, общественных деятелей, в которых обсуждаются новые законы и актуальные юридические вопросы. Сайт «Закон.руВКонтакте» насчитывает 91 817 подписчиков, из которых только 17 153 пользователя (среди них 3 629 студентов) являются непосредственно юристами. Таким образом, бóльшую часть аудитории социальной сети «Закон.ру», предназначенной, прежде всего для юристов, составляют именно неспециалисты, интересующиеся вопросами права.

В целом, считаем важным заметить, что тексты дистантного популярно-юридического дискурса посредством виртуализации приобретают новые свойства и функции, носят поликодовый и полимодальный характер, в связи с чем, по нашему мнению, значительно усиливается потенциал их суггестивного воздействия на массовую аудиторию.

Контактный популярно-юридический дискурс реализуется в основном в жанре «публичная лекция правовой тематики», хотя может также использоваться адресантами в рамках разного рода просветительских мероприятий, тренингов, конкурсов и т.д., посвященных вопросам права. Целевой аудиторией адресанта публичной лекции могут выступать представители самых разных возрастных и профессиональных групп. Прототипными местами чтения публичных лекций о праве, как правило, являются лекционные залы образовательных учреждений, библиотеки, литературные гостиные, культурные центры и тематические клубы. Преподаватели юридических факультетов учреждений высшего образования с целью привлечения абитуриентов традиционно организуют разного рода мероприятия по правовому просвещению школьников (например, школы или кружки юных юристов, криминалистов и т.д.). Однако развитие информационных технологий и пандемия коронавируса способствовали модификации прежних форматов популяризации.

Публичные лекции начали проводиться не к контактным, а в виртуальном формате, который в большинстве случаев сохранился и после окончания пандемии.

Современные популяризаторы делают большой акцент на правовом просвещении подрастающего поколения, предлагая вниманию школьников широкий спектр мероприятий (квесты, квизы и т.д.), позволяющих в развлекательной форме передавать им необходимые правовые знания. Ставшие популярными в России Фестиваль науки «NAUKA 0+», а также Всероссийская просветительская акция «Ученые – в школы» являются актуальными примерами подобных мероприятий. Например, в 2019 году Саратовским государственным университетом имени Н. Г. Чернышевского были организованы такие популяризационные мероприятия для школьников как: юридический квест «Правосудие: искусство добра и справедливости» и юридический квиз «Знаешь ли ты свои права и обязанности?». Участникам шуточного юридического квеста было предложено решить некоторые правовые задачи, в частности, определить, какое конституционное право или обязанность были зашифрованы в предлагаемых известных песнях и мультфильмах, а юридический квиз включал разнообразные вопросы правовой тематики. В 2022 году в рамках Всероссийского фестиваля науки «NAUKA 0+» юридическим факультетом МГУ был проведен целый ряд мероприятий, направленных на повышение уровня правовой грамотности молодого поколения и формирование интереса к изучению права. Эти мероприятия включали чтение публичных лекций по праву, мастер-классы и выставки, организаторы которых рассказывали участникам о возможностях современной криминалистической техники и т.д. Подобные мероприятия, на наш взгляд, не только популяризируют правовую науку, но и позволяют сформировать правильные аксиологические ориентиры у молодого поколения. Так, интерактивная лекция доцента кафедры криминалистики, директора НОЦ «Право и СМИ» юридического факультета МГУ, к.ю.н. Е.С. Крюковой «Криминалистика и массмедиа» в рамках фестиваля науки (09.10.2022) была посвящена приемам, которые

используются при демонстрации преступной деятельности в художественных фильмах, сериалах, музыкальных произведениях и комиксах. В частности, лектор обратила внимание подростков на негативную сторону романтизации образа преступника в современном обществе и развеяла некоторые мифы о работе юриста.

Однако в связи с развитием технологий контактный формат общения все чаще заменяется *контактно-виртуализованным*. К жанрам данного типа популярно-юридического дискурса мы относим интернет-лекцию и онлайн-консультацию специалиста по правовым вопросам. Как считает А.И. Матяшевская, традиционный жанр лекции эволюционирует под воздействием цифровых технологий, все больше смыкаясь с массовой культурой [Матяшевская, 2020: 239]. Интерактивная и увлекательная форма подачи специальной информации становятся обязательными атрибутами современной лекции. В связи с этим Н.А. Кобзевой был введен термин *edutainment-лекция* (education + entertainment), что подчеркивает актуальный на сегодняшний день принцип получения знаний в развлекательной форме [Кобзева, 2012: 192]. Для того, чтобы привлечь и удержать внимание аудитории лекторы используют различные тактики, позволяющие сократить дистанцию с адресатом, в частности, апелляции к личному опыту и нарративы. Сложные юридические понятия, как правило, вводятся в упрощенной (адаптированной) форме, либо сопровождаются одновременным объяснением, что способствует более успешному усвоению специальной информации. Адресантами также может подчеркиваться важность получаемых правовых знаний лично для адресата (распредмечивание специального или научного знания).

По справедливому наблюдению В.А. Лущикова и М.В. Терских, сегодня телевидение стремительно теряет молодую аудиторию, так как для поиска необходимой информации молодежь всё чаще обращается к интернету и ютуб-платформе [Лущиков, Терских, 2018]. «Основываясь на гедонистической функции медиа и апеллируя к эмоциям адресата, последние позволяют передавать

необходимую информацию, в том числе научную, в сочетании с развлечением (инфотейнментизация), что приводит к появлению принципиально новых механизмов и способов познания окружающего мира <...>» [Соловьева, 2022е: 443].

Интернет-лекция в отличие от традиционной (контактной) лекции рассчитана на широкий и неоднородный круг адресатов, в связи с чем популяризатору приходится прикладывать дополнительные усилия для удержания внимания потенциальной аудитории, о которой у него отсутствует четкое представление. Разнородность слушателей требует от лектора особого мастерства и креативности при выборе эффективных средств коммуникации. По наблюдению Г.Г. Молчановой, 18% жителей нашей страны, родившиеся после 2000-го года (сентениалы), характеризуются клиповым сознанием и способностью усваивать новую информацию малыми порциями [Молчанова, 2021: 12]. Этот фактор также необходимо учитывать популяризаторам права, осознающим особую важность правового просвещения молодого поколения. Так, например, в цикле интернет-лекций «Веселые ролики об основах права», рассчитанных в основном на молодую аудиторию, автор – Артем Русакович сопровождает объяснения основ права многочисленными мультимедийными «включениями», содержащими аллюзии к популярным произведениям массовой культуры (художественным фильмам, сериалам, телешоу и др.), эффективно используя интерактивные возможности данного канала общения при передаче сложной специальной информации адресату, мышление которого характеризуется вышеупомянутой «клиповостью», т.е. неспособностью с достаточной глубиной и продолжительностью погружаться в какую-либо тему, а также концентрироваться на усвоении сложных понятий.

Что касается онлайн-консультаций юристов, то в последнее время они приобретают всю бóльшую популярность. Так, например, в 2008 году был создан специальный проект «Правовой центр “Человек и закон”», на сайте которого адресат может бесплатно получить квалифицированную юридическую помощь, обратившись

к специалистам – ведущим рубрики «Вопрос-ответ». Помимо ответов на интересующие вопросы, которые даются юристами рубрики в доступной для неспециалистов форме, на сайте также можно найти рекламную информацию об экспертах правового центра, отличающихся высоким профессионализмом, о котором свидетельствуют благодарственные отклики клиентов, получивших качественную юридическую помощь и сообщения о выигранных судебных разбирательствах.

«Российская газета» на своем сайте *pravo.rg.ru* также создала специальный проект «Юридическая консультация», который был отмечен всероссийской интернет-премией «Прометей». В рамках проекта высококвалифицированные эксперты, проходящие строгий отбор со стороны редакции и Ассоциации юристов России, в режиме онлайн оказывают бесплатную юридическую поддержку всем желающим. Данная рубрика аккумулирует обширную базу различных жизненных ситуаций, а все вопросы и ответы проходят обязательную модерацию со стороны редакции.

В силу дигитализации всех сфер общественной жизни все более широкое распространение получают жанры *виртуального* популярно-юридического дискурса, такие как блоги (влоги) и посты, создаваемые юристами в интернете, а также подкасты правовой тематики. Так, например, на сайте правового центра «Человек и закон» в формате постов, содержащих помимо текста также видео, ссылки и другие мультимедийные элементы, адресат может ознакомиться с комментариями специалистов по поводу новых законов, вступивших в силу, а также узнать об интересных случаях из отечественной/зарубежной судебной и юридической практики.

Наш интерес при рассмотрении жанров виртуального популярно-юридического вызвало наблюдение В.И. Конькова о том, что в современной коммуникативной среде интернета востребованы тексты так называемой «вторичной популяризации». Их специфику исследователь усматривает в том, что изложение какой-либо научной проблемы переводится в сферу повседневности [Коньков, 2022: 65]. В качестве одного

из таких примеров ученый приводит блог, в котором автор работает в сфере устной многоканальной речи, используя широкий арсенал интонационных средств, мимики, жестов и т.д. [Коньков, 2022: 65]. Интерес представляют рассуждения В.И. Конькова о причинах успеха популяризации знаний посредством личных блогов, которые автор усматривает в недоверии адресата к официальным СМИ, характерном для постперестроечных поколений. «Блогер привлекает слушателей прежде всего как личность, как образец для подражания: как достичь успеха и приобрести высокий коммуникативный статус» [Коньков, 2022: 65]. Ученый отмечает, что зачастую научная проблематика при такой «вторичной популяризации» отходит на задний план, а аудитория игнорирует изъясны в речи адресанта-блогера. На наш взгляд, это довольно опасная тенденция, так как суггестивное воздействие, оказываемое на адресата, принимающего на веру адаптированную блогером специальную информацию, способствует не только искажению правовой картины мира адресата, но в ряде случаев к развитию лженауки.

Рассмотрение виртуального типа дискурса также невозможно без изучения подкастов юристов, создаваемых ими для информирования населения и разъяснения актуальных правовых вопросов («Приговорчики в строю», «Право Слово», AntonIvanov и др.). Согласно определению С.С. Распоповой и Т.А. Саблиной, подкастинг – это «формат создания и распространения звуковой информации в сети Интернет через внедрение мультимедиаконтента (аудио или видео) в RSS-канал» [Распопова, Саблина, 2018: 5]. Главным достоинством подкастинга, завоевавшего многомиллионную аудиторию пользователей интернета, по мнению А.А. Журавлевой, являются его практически неограниченные возможности, а именно, жанровое разнообразие, гибкий хронометраж программ, технико-технологическая доступность, постоянная связь с аудиторией и возможности последующего развития и корректировки подкаста [Журавлева, 2020: 112]. В отличие от похожего на него видеоблога подкаст позволяет автоматически отправлять адресату-подписчику

информацию о появлении новой информации. А.А. Журавлева делает вывод о том, что подкасты, как и радиопрограммы, выполняют информационную, образовательную, развлекательную и другие функции [Журавлева, 2020: 114]. Ученый выделяет «классические» просветительские подкасты и подкасты-лайфхаки. Данный вывод коррелирует с нашими наблюдениями о том, что тексты современного популярно-юридического дискурса служат передаче не только субстанционального, но и процедурного правового знания.

Типы популярно-юридического дискурса по критерию «коммуникативная цель»

Согласно данному критерию, мы выделяем такие типы современного российского популярно-юридического дискурса как: *просветительский популярно-юридический дискурс, инструктирующий популярно-юридический дискурс, информирующий популярно-юридический дискурс, развлекательный популярно-юридический дискурс и презентационный популярно-юридический дискурс.*

Типологизация популярно-юридического дискурса в функциональном аспекте вызывает определенные проблемы, так как тексты одного и того же жанра зачастую выполняют одновременно несколько функций. В коммуникативном пространстве данных текстов взаимодействуют разные институциональные дискурсы, что подтверждает их гибридную природу. Мы разделяем мнение Е.А. Костяшиной о том, что в таком случае каждый из взаимодействующих дискурсов может считаться самостоятельным «речевым квантом», входящим в единое дискурсивное пространство [Костяшина, 2008: 7]. Интересным в данной связи представляется также наблюдение М.В. Лиханова о том, что в результате взаимодействия разных институциональных дискурсов (которые он называет «субдискурсами») в едином коммуникативном пространстве формируется дискурс «высокого порядка», в каждом жанре которого создается новая дискурсивная комбинация [Лиханов, 2017: 12]. Тем

не менее, в отношении текстов популярно-юридического дискурса разных жанров, объединенных предметной областью, представляется возможным установить функциональную доминанту, которая детерминирована коммуникативной целью релевантного жанра.

Просветительский популярно-юридический дискурс, по нашим наблюдениям, реализуется в научно-популярных книгах, научно-популярных статьях, а также публичных лекциях правовой тематики. По критерию «канал общения» дискурс в данном жанре может быть: 1) дистантным – печатная книга/статья; 2) дистантно-виртуализованным – электронная книга или аудиокнига на цифровом носителе, статья в сетевых СМИ; 3) контактным – публичная лекция; 4) контактно-виртуализованным – интернет-лекция. Тексты данного типа рассчитаны на заинтересованного адресата, который стремится углубить свои знания в области права с целью стать юридически грамотным человеком.

В коммуникативном пространстве данного типа дискурса пересекаются юридический, научный, просветительский, исторический и педагогический дискурсы. В организационном плане таким текстам присущ ряд характеристик педагогического общения, которое в данном случае не требует обязательной фиксации полученных знаний. В отличие от текстов педагогического дискурса, направленного на социализацию членов общества, рассматриваемые тексты призваны мотивировать и удовлетворять интерес к правовым вопросам представителей широких масс населения.

Сложная правовая информация в таких текстах, как правило, представлена в доступной и увлекательной форме. Уровень адаптации специального знания при этом варьируется в соответствии с пресуппозициями и потребностями предполагаемого целевого адресата. Адресанты используют широкий и разнообразный арсенал средств, позволяющих установить контакт с наибольшим количеством адресатов-неспециалистов. Такие характеристики научного стиля как отвлеченность,

обобщённость, отсутствие образности, объективность и безличность изложения при популяризации сменяются на прямо противоположные [Алексеевичева, 2010: 234]. В результате, тексты просветительского типа становятся смешанными по составу информации, сочетая в себе объективные сведения и образные языковые средства, научные термины и стилистические тропы, элементы экспрессивного синтаксиса, вопросно-ответные комплексы и т.д. Терминологическая плотность таких текстов ниже, чем у научных юридических текстов. При этом используются, как правило, общеупотребительные, т.е. знакомые адресату термины, а все узкоспециальные термины подвергаются адаптации. Научные дефиниции заменяются упрощенными определениями, сопровождающимися экзemplификацией.

Тексты данного типа дискурса расширяют правовые знания адресата-неспециалиста, который получает представление об основных юридических понятиях и устройстве правовой системы государства, функциях представителей института права и т.д., на основе которого в его сознании конструируется правовая реальность. Считаем важным указать, что, как показало исследование, одни и те же адресанты популярно-юридического дискурса могут выбирать разные жанры для передачи специальной информации. Так, например, А. Русакович, книги которого вошли в эмпирическую базу исследования, также является автором цикла публичных лекций о праве и ведет свой блог.

В качестве основных жанров *инструктирующего популярно-юридического дискурса* мы выделили «книгу юридических советов» и «юридическую консультацию». По критерию «канал общения» дискурс в данном жанре, по нашим наблюдениям, может быть: 1) дистантным – печатная книга или рубрика в печатном издании; 2) дистантно-виртуализованным – электронная книга, аудиокнига на цифровом носителе; и 3) контактно-виртуализованным – электронная приемная юриста. Что касается традиционной очной юридической консультации, то, в данном случае, именно режим общения является ключевым для определения принадлежности

данного жанра к профессиональному юридическому дискурсу. В дистантном и дистантно-виртуализованном форматах юридическая консультация ориентирована уже не на клиента института права, а на массового адресата.

Книги юридических советов рассчитаны на заинтересованного адресата, которому правовая информация необходима для решения практических вопросов в перспективе. Если просветительский тип популярно-юридического дискурса направлен на формирование правовой картины мира массового адресата, то посредством дискурса инструктирующего типа граждане получают конкретные рекомендации о том, как вести себя в той или иной юридической ситуации, чтобы не нарушить закон или защитить свои права. В связи с этим в текстах дискурса данного типа адресантами часто приводятся образцы различных юридических документов (исковых заявлений, ходатайств, претензий, договоров и т.д.), а также ссылки на релевантные нормативно-правовые акты, описываются реальные примеры конфликтных ситуаций и даются пошаговые инструкции как себя вести в каждой из них.

Коммуникация между адресантом и адресатом в жанре «юридическая консультация» имеет диалогический характер и представлена в вопросно-ответной форме. Тексты данного жанра рассчитаны на таргетированного адресата, столкнувшегося с определенной юридической проблемой и нуждающегося в скорейшем ее разрешении, что позволяет адресантам не использовать дополнительные мотивационные тактики. Кроме того, в рассматриваемых текстах косвенно реализуется также презентационный популярно-юридический дискурс, так как все они содержат юридическую рекламу. Адресантами инструктирующего типа дискурса, как правило, являются практикующие юристы, которые зачастую предлагают свои профессиональные услуги. Для их получения адресату необходимо по ссылке перейти в личный блог автора, содержащий необходимую контактную информацию.

К *информирующему* типу мы относим «правовой комментарий для неспециалиста» – один из значимых жанров популярно-юридического дискурса. Назначение такого комментария, выполняющего информативную, интерпретационную и регулятивную функции, состоит в разъяснении смысла новой специальной информации (в том числе, дополнительного) и ее значения для адресата, а также субъективной оценке сообщаемой информации адресантом.

С учётом канала общения дискурс данного типа может быть: 1) дистантным (комментарий в печатном журнале или газете, комментарий специалиста по радио или телевидению); 2) дистантно-виртуализованным (комментарий в электронной версии газеты или журнала); и 3) виртуальным (комментарий на сайте интернет-портала правовой информации, комментарий на сайте правового центра и др.). Данный тип дискурса может быть реализован как в форме письменной, так и устной коммуникации (например, комментарий специалиста в новостной или аналитической телепрограмме).

Пояснения вступающих в силу нормативно-правовых актов необходимы неспециалистам для систематизации знаний в рамках правовой картины мира и упорядочивания своих действий в соответствии с законодательно зафиксированными ориентирами. В отличие от правовых комментариев для специалистов данные тексты характеризуются упрощением специальной информации на лексическом и синтаксическом уровнях языка, а также оценочным ракурсом ее подачи.

По характеру взаимодействия со специальной информацией адресат текстов изучаемого жанра может относиться как к заинтересованному, так и к незаинтересованному типу, поскольку контакт с упомянутой информацией часто происходит незапланированно и обусловлен не личным интересом адресата, а внешними факторами (например, решением правительства Российской Федерации внести те или иные законодательные изменения).

Развлекательный популярно-юридический дискурс реализуется в дистантном и дистантно-виртуализованном форматах в жанрах «теле/радиопередача правовой тематики», «журналистское расследование» и «судебное шоу» и предназначен как для заинтересованного, так и для незаинтересованного адресата. Популярной отечественной документальной передачей, посвященной истории советского и российского уголовного права, является цикл «Следствие вели...» с ведущим Леонидом Каневским на телеканале «НТВ». Из выпусков передач телезрители узнают о достижениях отечественной криминалистики и резонансных преступлениях прошлого. Просветительскую ценность данных программ мы усматриваем в описании и интерпретации некоторых реалий советского времени, незнакомых современному поколению телезрителей. Таким образом создатели программы стремятся вызвать интерес и сформировать уважительное отношение к закону у поколения, правовое просвещение которого имеет особую значимость для государства. Упоминания заслуживает также телепрограмма «Первого канала» «Человек и закон», которая выходит в телеэфир с 1970 года. В данной программе освещаются деятельность сотрудников правоохранительных органов, важнейшие события в политической и социальной жизни страны, а темой журналистских расследований постоянных корреспондентов становятся резонансные преступления и громкие разоблачения.

Популяризации правовых знаний также служат специализированные каналы, такие как, например, телеканал «Зал суда» российского телеоператора «Триколор», который обеспечивает полное погружение зрителя в институциональный контекст. Судебные шоу («Судебные страсти», «Дела семейные», «Час суда», «Бракоразводные процессы» и др.) переносят адресата-неспециалиста в зал судебного заседания, помогая разобраться в сложной терминологии и особенностях судебного процесса. Замысел продюсеров таких шоу состоит в том, чтобы зритель мог стать более просвещенным в юридических вопросах, узнав о новых законах или поправках [Белов, 2022]. Исходя из нашей типологии адресатов популярно-юридического дискурса,

данные телепередачи в основном рассчитаны на заинтересованного адресата, поскольку специальная тематика таких программ является своеобразным фильтром для потенциального адресата [Соловьева, 2022b: 207].

Исследуя американские телепередачи и телепроекты юридической направленности, А.С. Аверин делает вывод о том, что они не могут быть отнесены к популярно-юридическому дискурсу, так как «популяризируют юридический дискурс не для его разъяснения» [Аверин, 2020: 110–111]. На этом основании ученый полагает, что данные тексты принадлежат к развлекательно-познавательному юридическому дискурсу, отмечая при этом, что регулярный просмотр таких телепередач повышает уровень правовой грамотности зрителей [Аверин, 2020: 110]. По нашему мнению, данный вывод позволяет отнести тексты упомянутых телевизионных жанров к популярно-юридическому дискурсу, так как они способствуют правовой навигации массового адресата и стимулируют его интерес к более глубокому изучению правовых аспектов общественной жизни [Соловьева, 2022b: 208].

Как показало исследование, судьи в рамках шоу могут разъяснять «сторонам» содержание потенциально непонятных специальных терминов и регулировать их действия в конкретной юридической ситуации. Нашу позицию подтверждают, в частности, релевантные наблюдения корреспондента С. Белова, который связывает популярность судебных шоу с возможностью для зрителя-обывателя получить элементарные юридические знания на простом языке [Белов, 2022]. Мы не отрицаем доминирование развлекательного начала в подобных жанрах, детерминированного особенностями когнитивных механизмов современного адресата, который «становится все более требовательным и искушенным в выборе объекта своего интереса из непрерывного потока самой разнообразной информации» [Соловьева, 2022b: 208]. Доказательством принадлежности текстов данных жанров к популярно-юридическому дискурсу, по нашему мнению, служит упрощенный характер

представления специальной информации и экспликация сложных юридических понятий посредством общелитературного языка.

Презентационный популярно-юридический дискурс реализуется в интервью с юристами, судьями, представителями правоохранительных органов, а также в биографических очерках представителей юридической профессии. Интересной с данной точки зрения представляется книга А.С. Сидорова «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!», вошедшая в эмпирическую базу нашего исследования. По своей глобальной коммуникативной цели она принадлежит инструктирующему типу дискурса. Однако ее можно отнести и к презентационному популярно-юридическому дискурсу, поскольку автор раскрывает адресату различные нюансы юридической профессии и доказывает, какой сложной и важной для общества является работа добросовестного адвоката/юриста.

Дискурс данного типа может быть дистантным (публикация интервью/биографического очерка в газете или журнале, интервью в телепрограмме и т.д.) и дистантно-виртуализованным (публикации в электронных СМИ). Тексты данных жанров рассчитаны как на заинтересованного, так и на незаинтересованного адресата.

Выделяя данный тип дискурса, мы опирались на классификацию функций юридического дискурса И.В. Палашевской. По мнению ученого, презентационная функция (как символическая, так и ритуальная), заключается в создании привлекательного для общества имиджа института и его агентов [Палашевская, 2010: 536]. Необходимо отметить, что профессиональная деятельность и частная жизнь служителей закона всегда вызывали повышенный общественный интерес, так как именно они прежде всего задают модель поведения в правовом обществе. Защищая права рядовых граждан, они тем самым укрепляют авторитет власти и повышают уровень доверия к ней. Как показывают исследования (Васильева, 2021; Возженикова, 2021; Дубнякова, 2013; Золотайко, 2020; Нестерова, 2022; Снегова, 2005; Соловьева,

2023 и др.), образ представителя института права прочно стереотипизирован в сознании массового адресата и на протяжении долгого времени остается отрицательным. Тексты презентационного дискурса способствуют моделированию положительного образа агентов института, позволяя адресату получить представление не только о трудовой деятельности, но и личной жизни и внутреннем мире представителей юридической профессии.

Интервью с юристом представляет собой гибридный жанр, образуемый при пересечении юридического и медийного дискурсов. Форма диалога, в которой вводится специальная информация, неизменно вызывает интерес, а свои суждения о правовых вопросах адресат в дальнейшем выстраивает с опорой на точку зрения интервьюируемого. По нашим наблюдениям, интервью в данном типе дискурса чаще всего бывают экспертными (комментарий какого-либо профессионального вопроса, связанного с деятельностью интервьюируемого) и личностными (интервьюируемый специалист раскрывает свой внутренний мир, делится своими взглядами, переживаниями, мечтами и т.д.).

Биографический очерк, в свою очередь, позволяет журналисту создать полноценный портрет интересующей личности из профессионального мира права, осветив подробности личной жизни, описав характер и внутренний мир героя очерка. По нашим наблюдениям, авторы очерков намеренно акцентируют те аспекты портретируемого образа, которые необходимы для корректировки представлений адресата. В данной связи мы солидаризируемся с выводом Л.М. Григорьевой, отметившей возрастающую популярность биографических очерков в современной российской журнальной периодике, о том, что тексты данного жанра выполняют также ценностно-ориентирующую функцию [Григорьева, 2010: 8].

Подводя итоги анализа разных типов популярно-юридического дискурса, выделенных по каналу общения и коммуникативной цели, необходимо отметить их пересечение и наложение друг на друга в разных жанрах изучаемого дискурса. Так,

становится очевидным, что популярно-юридический дискурс функционирует во всех современных коммуникативных форматах, развиваясь в технологическом отношении вместе с современным информационным обществом. Тексты дискурса в самых разных жанрах служат основной коммуникативной цели – повышению уровня правовой грамотности адресата, способствуя реализации глобальной цели юридического дискурса – нормированию социальной реальности и упорядочиванию поведения индивидов в обществе. На наш взгляд, тексты просветительского, инструктирующего и информирующего типов популярно-юридического дискурса вызывают наибольший исследовательский интерес и представляются особенно значимыми для правового просвещения граждан РФ.

Выводы по главе 1

Современный этап развития дискурсологии характеризуется смещением интереса исследователей к гибридным типам дискурса. Подобные исследования, включенные в антропоцентрическую лингвистическую парадигму, нацелены на поиск междисциплинарного знания, отвечающего потребностям современной науки о языке.

Гибридизация институциональных дискурсов, играющих важную роль в конструировании социальной реальности, является результатом взаимодействия различных общественных институтов, находящего отражение в речевой практике. Исследователями выделяются такие типы гибридизации как: языковая, жанровая, поликодовая и мультимедийная. Все указанные типы характеризуют служащий объектом изучения популярно-юридический дискурс.

Указанный дискурс определяется как «гибридный», а не «смешанный» или «комбинированный», поскольку его коммуникативное пространство в результате объединения различных элементов сохраняет гетерогенный характер, а сам дискурс приобретает индивидуальные свойства, не являющиеся простой суммой характеристик взаимодействующих дискурсов.

Гибридизация является этапом эволюционного развития современных институциональных дискурсов. Основными причинами гибридизации дискурсов выступают: 1) размытые границы между социальными институтами, приводящие к генерации смешанных форматов дискурсов; 2) экспансивное развитие массмедийного дискурса как канала передачи информации для всех институциональных дискурсов; 3) совершенствование информационных технологий и создание новых форматов, оптимизирующих коммуникацию институтов с массовым адресатом.

Выделяются дискурсы с высоким и низким потенциалом междискурсивного взаимодействия или *индексом гибридизации*. Высокий комбинаторный потенциал

юридического дискурса объясняется его априори смешанной предметной сферой, регулирующей общественную жизнь в самых разных областях. Кроме того, аксиологическая система юридического дискурса основана на ценностях, сформированных ранее другими культурными институтами.

В работе предлагается операциональная формула для определения компонентов гибридного дискурса: *базовый дискурс + транслирующий дискурс (+ инкорпорируемый дискурс/дискурсы) = гибридный дискурс*. Базовый дискурс использует транслирующий дискурс как канал коммуникации с массовой аудиторией адресатов, при этом заимствуя его жанры и зачастую стратегии. Включения элементов инкорпорируемых дискурсов носят спорадический характер и подчинены коммуникативным целям гибридного дискурса.

На основании указанной формулы представляется возможным вывести следующее рабочее определение гибридного дискурса: *гибридный дискурс – это сложное коммуникативное образование, формирующееся на основе базового институционального дискурса, определяющего предметную сферу гибридного дискурса (терминосистему, дискурсивные формулы, ключевые концепты и т.д.), в который инвариантно интегрируются транслирующий дискурс, служащий каналом передачи информации посредством своих жанров, и опционально инкорпорируемые дискурсы, объединенные содержанием (проблематикой) базового дискурса, но реализующие коммуникативные цели гибридного дискурса*.

Различные общественные институты ищут способы повышения эффективности осуществляемой коммуникации и усиления своего влияния не только на потенциальных клиентов, но и на массового адресата, что служит предпосылкой образования популярных дискурсов. Популяризация дискурса того или иного института напрямую связана с потребностями общества и государства в конкретный период времени. Главную роль в процессах популяризации институциональных дискурсов играют средства массовой информации и интернет.

Целью популяризации в отличие от просвещения является не расширение фоновых знаний массового адресата и приобщение его к достижениям культуры, а обеспечение доступности специальных знаний для понимания и практического применения массовым адресатом, в том числе, тиражирование определенных когнитивных установок и поведенческих паттернов.

Популяризация выступает последующим этапом гибридизации институционального дискурса, характеризующимся максимальной степенью его «расщепления». В результате перехода институционального дискурса в популярный формат происходят качественные изменения его конститутивных признаков, в результате которых специальная информация, образующая предметную сферу дискурса, подвергается адаптации и распрямечиванию для адресата-неспециалиста. Дискурс, используемый адресантами социального института для передачи специальной информации в упрощенной и увлекательной форме с целью расширения аудитории адресатов, называется *популярным*. Несмотря на интерес современных лингвистов к популярным дискурсам, не выработано единое определение данного формата институционального дискурса, не выделены жанровые разновидности популярных дискурсов, а также не установлены их конститутивные признаки, что определяет актуальность проводимого исследования.

Доказывается, что юридический дискурс является одним из самых влиятельных институциональных дискурсов, поскольку он, опираясь на авторитет государства, регулирует (легитимирует) общественные отношения, а также формирует аксиологические ориентиры членов социума. Исследования юридического дискурса и производных от него гибридных дискурсов представляются востребованными не только в силу их особой социальной и культурной значимости, но также из-за распространенного непонимания юридических текстов и интенций представителей института права коллективным адресатом. Установлено, что изучение текстов юридического дискурса должно осуществляться с обязательным учетом социального

контекста, национальной правовой культуры, а также ценностей института права, объективированных в текстах дискурса.

Предлагается пятиполевая модель строения юридического дискурса, включающая: 1) **профессиональный юридический дискурс**, 2) **научный юридический дискурс**, 3) **популярно-юридический дискурс**, 4) **художественный юридический дискурс** и 5) **обиходный юридический дискурс**. Данная модель может быть экстраполирована на другие институциональные дискурсы.

В ходе сопоставительного анализа выявлены различия между профессиональным юридическим дискурсом и популярно-юридическим дискурсом на уровне конститутивных признаков. Выделены пять типов адресантов популярно-юридического дискурса (*ученые-правоведы; юристы-практики; журналисты, пишущие статьи правовой тематики; педагоги, занимающиеся правовым просвещением; организаторы мероприятий по популяризации права*), а также три типа адресатов изучаемого дискурса (*таргетированный, заинтересованный, незаинтересованный адресат*). Доказано, что четкое определение хронотопа современного популярно-юридического дискурса представляется возможным не во всех его типах и жанрах в силу широких возможностей современных каналов передачи информации и неограниченного доступа к ней массового адресата.

Тематика текстов популярно-юридического дискурса может варьироваться от разъяснения сущности правовых феноменов и устройства правовой системы государства до практического руководства по поведению в тех или иных юридических ситуациях. Указанная вариативность обусловлена глобальной коммуникативной целью рассматриваемого дискурса, состоящей в диссеминации субстанционального и процедурного правового знания, способствующего как повышению общего уровня правовой грамотности населения, так и устранению и профилактике возникновения юридических проблем в обществе.

Установлено, что популярно-юридический дискурс выполняет функции, корреспондирующие с основными функциями профессионального юридического дискурса, отличаясь спецификой их реализации. Кроме того, в силу кардинального изменения современного формата популяризации, а также ввиду своей гибридной природы изучаемый дискурс приобретает дополнительные функции: *просветительскую, развлекательную и рекламную.*

Выделены общие (ценностно-ориентирующая, информирующая, инструктирующая, развивающая) и частные (оценивающая, развлекательная, рекламная) стратегии популярно-юридического дискурса. При этом основной признается ценностно-ориентирующая стратегия, поскольку она оказывает непосредственное влияние на поведенческие установки и систему ценностей адресата.

Отмечено, что популярно-юридический дискурс не вырабатывает собственной терминологии и дискурсивных формул, «заимствуя» их у профессионального юридического дискурса. Употребление данных единиц отличается меньшей частотностью в текстах популярного дискурса и требует обязательного разъяснения адресантом.

Предлагается следующее определение популярно-юридического дискурса: ***Популярно-юридический дискурс – это подвид юридического дискурса, имеющий гибридную природу, характеризующийся собственными конститутивными признаками и системой жанров, имманентно связанный с базовым (профессиональным) юридическим дискурсом тематическим содержанием, основными концептами и терминосистемой, представленной в доступной для неспециалистов форме.***

Для описания популярно-юридического дискурса использована модель, основанная на четырех параметрах: *текстовом, коммуникативном, инструментальном и аксиологическом*, которая может быть экстраполирована на изучение других популярных дискурсов.

На основании критерия «канал общения» дифференцированы и описаны следующие типы популярно-юридического дискурса: *дистантный популярно-юридический дискурс*, *дистантно-виртуализованный популярно-юридический дискурс*, *контактный популярно-юридический дискурс*, *контактно-виртуализованный популярно-юридический дискурс* и *виртуальный популярно-юридический дискурс*. По критерию «коммуникативная цель» выделены и охарактеризованы *просветительский популярно-юридический дискурс*, *инструктирующий популярно-юридический дискурс*, *информирующий популярно-юридический дискурс*, *развлекательный популярно-юридический дискурс* и *презентационный популярно-юридический дискурс*.

Доказано, что тексты популярно-юридического дискурса в силу своей актуальности для адресата функционируют во всех современных коммуникативных форматах. Тексты разных жанров дискурса, предназначенные для комплексного правового просвещения массового адресата, служат реализации глобальной цели юридического дискурса по регулированию общественных отношений и обеспечению правопорядка.

ГЛАВА 2. ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1. Подходы к определению понятия «речевой жанр». Методологические проблемы выделения и разграничения жанров популярно-юридического дискурса

По мнению М.М. Бахтина, заложившего основы отечественного жанроведения, любое новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) входит в систему языка, только пройдя сложный путь жанрово-стилистической обработки [Бахтин, 1986: 256]. Устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, характерные для каждой сферы использования языка, ученый предложил называть *речевыми жанрами*. Естественно предположить в таком случае, что по мере развития и усложнения конкретной языковой сферы репертуар ее жанров будет расширяться и дифференцироваться (что отчетливо видно на примере исследуемого нами гибридного популярно-юридического дискурса).

Освоение индивидом родного языка изначально не ограничивается лексикой и грамматикой. Одновременно он овладевает различными жанрами речи, учится распознавать и продуцировать типические высказывания в определенных условиях общения. Жанровая компетенция является компонентом общей коммуникативной компетенции и напрямую влияет на социализацию индивида, который выстраивает общение в соответствии с нормами, принятыми в конкретном этносе [Седов, 2011: 26]. На основе первичных жанров повседневной сферы общения формируются системы вторичных жанров, состав и специфика языкового оформления которых детерминируются сферой употребления [Шмелева, 1997: 97].

Особую сложность, на наш взгляд, представляет освоение индивидом институциональных жанров, поскольку они относятся ко вторичным (сложным)

жанрам, возникшим в результате развития повседневного общения, и утратившим непосредственную связь с реальной действительностью. Необходимо отметить, что жанры институционального общения формируются на основе первичных речевых жанров (речевых актов) и закладываются на ранних этапах обучения и развития индивида. В дальнейшем они трансформируются, усложняются и требуют отдельного изучения. Так, например, первичный жанр «приказ», обозначающий соответствующий речевой акт, формализуется и превращается во вторичный жанр «закон»; первичный жанр/речевой акт «совет» в случае юридического дискурса усложняется до жанра «юридическая консультация» и т.д. В данной связи мы полагаем, что эффективность коммуникации напрямую зависит от соответствующей жанровой компетенции всех участников институционального общения. Функционирование рассматриваемого в данной работе популярного дискурса обусловлено в том числе необходимостью повышения упомянутой компетенции неспециалистов в области права, не ограничивающейся лишь усвоением ими основной юридической номенклатуры.

По наблюдению В.В. Дементьева, понятие речевого (коммуникативного) жанра является одним из «наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи» [Дементьев, 2010: 7]. В данном отношении нам импонирует определение Т.Н. Хомутовой и Е.А. Шефер, которые понимают жанр как «совокупность/тип текстов, имеющих сходные, регулярно повторяющиеся формальные и семантические характеристики и отражающих сходные социальные действия в регулярно повторяющихся социокультурных контекстах» [Хомутова, Шефер, 2019: 48]. Представляется очевидным, что фактическое отождествление некоторыми исследователями жанра и текста без учета коммуникативной ситуации не отвечает требованиям современной науки о языке. Таким образом, в современной парадигме жанроведения под речевым жанром принято понимать *типическую модель*

порождения текста в типичных ситуациях [Дементьев, 1998: 22]. Использование подобного интегрального подхода, по нашему мнению, позволяет связать между собой языковую и социальную (в нашем случае, правовую) реальности.

Данный подход коррелирует также с представлениями К.Ф. Седова, который полагает, что речевой жанр – это оперативная категория речежанрового сознания, обеспечивающая переход между языковым уровнем и глубинными концептуальными слоями сознания [Седов, 2011: 29]. Согласно определению ученого, речевые жанры – это «модели вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей – категории, которые позволяют связать социальную реальность с реальностью языковой» [Седов, 2011: 26]. Речевые жанры, по представлению К.Ф. Седова, выступают в качестве сценариев, упорядочивающих статусно-ролевые отношения между людьми, отражающих и знаково оформляющих социальное взаимодействие членов социума [Седов, 2011: 30]. Данное наблюдение представляет особую ценность для нашего исследования, в рамках которого выделяются и описываются жанры институционального, т.е. статусно-обусловленного общения.

Интересным представляется также вывод К.Ф. Седова о том, что жанры общения присутствуют в сознании человека в виде фреймов или своеобразных сценариев, определяющих вербализацию его мыслей. Данная концепция, по нашему мнению, соотносится с представлениями В.И. Карасика о дискурсе как о некоем «прототипе», «гештальте», т.е. когнитивном образовании, «сопоставимом с когнитивными образованиями, репрезентирующими предметы, события, качества и т.д.» [Карасик, 2002: 205]. В данной связи, целесообразно говорить о жанрах любого институционального дискурса (в том числе его подвидов) как о текстовых прототипах, создание и функционирование которых детерминировано определенной коммуникативной ситуацией.

Несмотря на то, что жанровое сознание каждого человека неповторимо [Седов, 2011: 31], вышеупомянутые сценарии (фреймы) являются культурно-специфичными, как показал ряд исследований (Слышкин, 2004; Дементьев, 2016 и др.). Г.Г. Слышкин, в частности, понимает речевой жанр как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [Слышкин, 2004: 178]. В.В. Дементьев, в данной связи приходит к заключению о том, что в каждом жанре представляется возможным выделить системообразующие концепты и конкретизирующие их частотные концепты, определяющие общую концептуальную насыщенность того или иного жанра и его место в жанровой типологии [Дементьев, 2016: 19]. По мнению ученого, некоторые коммуникативные концепты представляют собой своего рода «когнитивные проекции» речевых жанров [Дементьев, 2010: 67]. Применительно к юридическому дискурсу, например, такими концептами выступают «закон», «договор» и др.

По нашим наблюдениям, в текстах российского популярно-юридического дискурса разных жанров объективируются универсальные для большинства лингвокультур правовые концепты: «закон», «справедливость», «правосудие», «преступление», «наказание», «государство» и др. Однако их ценностное наполнение варьируется в зависимости от культуры. Так, представителей разных лингвокультур характеризует разное по степени уважения и подчинения отношение к закону, к пониманию справедливости, принятых допустимых видов наказания и т.д. Например, согласно выводам И.В. Палашевской, в английском языковом сознании концепт «закон» трактуется как гарант свободы, в то время как в русском языковом сознании – это указатель предела или ограничителя свободы [Палашевская, 2001]. Подобные этнокультурные различия манифестируются в языке и дискурсе посредством использования различных средств выражения модальности, категорий императивности, перформативности и др. В связи с вышесказанным, мы солидарны с

выводами Г.Г. Слышкина о том, что концептуальное поле в рамках каждого выделяемого речевого жанра обладает культурной спецификой.

Рассматривая понятие «речевой жанр», мы не можем не коснуться вопроса соотношения жанра и функционального стиля, между которыми большинство исследователей отмечают неразрывную связь. По мнению В.И. Карасика, жанровый канон, т.е. «стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах» [Карасик, 2002: 205], в свою очередь, способствует пониманию сущности функционального стиля. Однако сам лингвистический термин «функциональный стиль» ученый не находит удачным, считая более продуктивным термин «формат дискурса», под которым понимается «разновидность дискурса, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств» [Карасик, 2002: 205]. Формат дискурса, по мнению исследователя, в свою очередь, конкретизируется индуктивно выделяемыми речевыми жанрами.

Согласно представлениям М.М. Бахтина, языковые, или функциональные стили «есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» [Бахтин, 1986: 254]. По мнению ученого, в каждой сфере функционируют определенные жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы, и этим жанрам соответствуют определенные стили. В качестве элемента стиль входит в жанровое единство высказывания и неразрывно связан с тематическим содержанием и композиционным строением, а также типами отношений между участниками речевого общения.

Эта гипотеза, на наш взгляд, в полной мере находит свое отражение при анализе текстов «ядерных» жанров юридического дискурса, т.е. жанров профессионального юридического дискурса, которые характеризуются примарным использованием официально-делового стиля языка в его наиболее стандартизированной форме

(канцелярит). Однако в отношении изучаемых в данной работе текстов популярно-юридического дискурса в силу его гибридной природы мы наблюдаем смешение стилей и их варьирование в рамках текста одного жанра от официально-делового и научного стилей до разговорного. Наши наблюдения коррелируют с выводами А.С. Аверина относительно стилистической неоднородности текстов англоязычного популярно-юридического дискурса. Ученый отмечает, что рассматриваемые тексты характеризуются внутренней стилистической противоречивостью, персонализированностью и эмоциональностью [Аверин, 2021: 92]. На этом основании он приходит к выводу о примарной принадлежности англоязычного популярно-юридического дискурса к официально-деловому стилю с включением отдельных разговорных элементов [Аверин, 2021: 204]. Мы, в свою очередь, полагаем, что в текстах русскоязычного популярно-юридического дискурса могут задействоваться научный, официально-деловой, публицистический и разговорный стили, что подтверждает гибридную природу рассматриваемого дискурса, обуславливает широкий выбор языковых средств адресантами и не позволяет нам использовать стилевую принадлежность в качестве основного критерия отнесения текста к тому или иному жанру популярно-юридического дискурса.

Выбор упомянутых языковых средств, а, соответственно, и стиля высказывания, согласно представлениям М.М. Бахтина, напрямую зависит от апперцептивного фона восприятия речи адресатом – его осведомленности о предмете общения, в частности наличия у него специальных знаний, а также его взглядов и убеждений/предубеждений. Исходя из предпосылки о том, что селекция всех языковых средств производится адресантом под бóльшим или меньшим влиянием адресата и его ожидаемого ответа, считаем необходимым отметить особенности апперцептивного фона восприятия адресата популярно-юридического дискурса, объем специальных знаний и пресуппозиции которого в области права несопоставимы со знаниями и пресуппозициями адресанта – специалиста в сфере права, что

предопределяет необходимость использования различных моделей адаптации специальной информации во всех жанрах рассматриваемого популярного дискурса.

Помимо этого, развивая мысль М.М. Бахтина о зависимости стиля высказывания от типов отношений между участниками общения, считаем важным указать, что тексты популярно-юридического дискурса в подавляющем большинстве содержат оценку говорящим предметно-смыслового содержания своего высказывания, что определяет выбор соответствующих языковых средств, и, в частности, может служить одним из критериев разграничения жанров профессионального юридического и популярно-юридического дискурсов. Мы также наблюдаем частотные ситуации вербализованного отождествления себя адресантами популярно-юридического дискурса с его адресатами, достигаемое, в частности, посредством упомянутой оценки.

Разнообразие существующих подходов к понятию «речевой жанр» обуславливает необходимость определения жанра как дискурсивной единицы и, в соответствии с целями нашего исследования, выделения критериев классификации жанровых разновидностей популярно-юридического дискурса. Эта задача осложняется тем, что в современной лингвистике отсутствует единая жанровая классификация текстов профессионального юридического дискурса, так как авторы многочисленных отечественных и зарубежных исследований в данной области основываются на разных критериях.

Прежде всего необходимо отметить, что зарубежные исследователи в данной области в отличие от отечественных лингвистов выделяют, собственно, не жанры юридического дискурса, а жанры юридических документов. Так, известный американский лингвист и юрист П.М. Тиерсма (Peter M. Tiersma) предлагает свою типологию юридических документов (жанров), разделив их на три группы: авторитетные (конституции, договоры/контракты, судебные постановления, завещания и т.д.), объяснительные (служебные записки, переписка с клиентами и др.)

и убеждающие тексты (сводки по делам, меморандумы и т.д.) [Tiersma, 1999: 141]. По мнению исследователя, каждый жанр имеет свой типичный формат и, как правило, направлен на реализацию одного или нескольких речевых актов [Tiersma, 1999: 141].

Британский эксперт в области судебной лингвистики Д. Гиббонс (John Gibbons), в свою очередь, выделяет письменные (кодифицированные) и устные (динамичные) жанры юридических документов. К первой группе он относит законы, постановления, завещания, договоры и т.д. Вторую группу составляют допрос, юридическая консультация, отвод присяжных, выступление адвоката/прокурора, вердикт присяжных и др. [Gibbons, 2003: 132–133].

Отечественные лингвисты хотя и не придерживаются единого принципа классификации, но, в большинстве своем выделяют письменные (законодательные тексты, документы, публицистические юридические тексты, научные тексты о праве и др.) и устные (юридическая консультация, выступление в суде обвинителя/адвоката, приведение к присяге и допрос свидетелей и др.) жанры юридического дискурса. О.В. Косоногова, в частности, считает, что юридический дискурс включает в себя различные жанры юридических документов (тексты законов, определения судов, завещания и др.), а также жанры публичной речи (речи судей и адвокатов в судебном процессе, лекции, научные доклады по вопросам юриспруденции и т.д.) [Косоногова, 2015: 63]. А.В. Богатырев также выделяет письменные жанры юридического дискурса, которые объективируются в виде текстов-документов (протоколы следственных действий, обвинительный акты, доверенности и др.) и устные «живые» жанры (судебные речи, прения сторон, допрос свидетеля или подсудимого и др.) [Богатырев, 2015: 80].

Е.А. Кожемякин придерживается несколько иного мнения, полагая, что юридические тексты в целом не отличаются большим жанровым разнообразием. Исследователь разделяет все юридические тексты на референциальные и тезисные и

полагает, что они отличаются друг от друга коммуникативными функциями и социально-прагматическими целями [Кожемякин, 2011: 141].

О.А. Крапивкина выделяет в качестве критерия жанровой классификации коммуникативную цель. Согласно этой цели, в рамках законодательного дискурса исследователь дифференцирует такие жанры как закон, Конституция, указ и др., в рамках судебного – жалобу, исковое заявление и др., в рамках частного юридического дискурса – завещание, договор и др. [Крапивкина, 2011: 13; Крапивкина, 2014: 219]. Большой интерес представляют наблюдения ученого о том, что границы юридического дискурса являются размытыми, а не жестко очерченными. По мнению О.А. Крапивкиной, юридические дискурсивные практики балансируют между полюсами «институциональность – персональность», что приводит к появлению собственно институциональных (закон, Конституция, договор и т.д.) и персонализированных жанров, характеризующихся диалектикой институционального и персонального (указ, завещание, жалоба, особое мнение судьи и т.д.) [Крапивкина, 2011: 11].

Исследуя юридический дискурс с позиции статусных характеристик его участников, ситуации и цели общения, И.В. Палашевская выделяет достаточно разнообразную жанровую палитру. Ценным представляется наблюдение о том, что каждое коммуникативное событие в юридическом дискурсе может состоять из целого ряда жанров, под которыми исследователем понимаются «стереотипные речевые конструкции, типовые модели общения, обладающие определенной степенью автоматизированности» [Палашевская, 2010: 28, 30]. В качестве примера ученый приводит судебное заседание, которое включает в себя такие жанры как допрос, прения сторон, вынесение приговора и т.д.

Несколько иного подхода придерживается исследователь англоязычного популярно-юридического дискурса А.С. Аверин. Согласно его пониманию, популярно-юридические тексты представляют собой отдельный жанр, являющийся

самостоятельным форматом интернет-коммуникации со своими правилами, нормами, кругом участников и особыми характеристиками речевых актов [Аверин, 2022: 52–53]. В соответствии с данным представлением, ученый выделяет две жанровые разновидности (поджанры) англоязычного «популярно-юридического жанра»: разъяснительную статью и ответ на вопрос [Аверин, 2022: 204].

Мы, в свою очередь, под «жанром популярно-юридического дискурса» понимаем *типовую модель общения, служащую корреляции языковой и правовой реальности у адресата-неспециалиста, с последующим формированием у последнего актуальной правовой картины мира и регулированием его поведения в типичных юридических ситуациях*. Основными условиями отнесения текстов к популярно-юридическому дискурсу мы считаем общность их тематического содержания и используемую юридическую терминологию, репрезентированную в адаптированной форме.

Поскольку тексты популярно-юридического дискурса объединены тематическим содержанием (правовой тематикой) и использованием юридических терминов, возникает закономерный вопрос о разграничении данных жанров и критериях, на которых могут основываться соответствующие жанровые классификации. Так, в качестве критерия жанровой классификации юридического дискурса И.В. Палашевская рассматривает дискурсивные связи между участниками общения, адресаты которого в большинстве своем продуцируют соответствующую ответную реакцию, обусловленную целевой установкой адресанта сообщения (требование – возражение, предложение – принятие (акцепт), приказание – исполнение и др.) [Палашевская, 2010: 31]. Сравнение жанров профессионального юридического и популярно-юридического дискурсов в данном аспекте позволяет выявить принципиальное различие их целевых установок. Жанры профессионального юридического дискурса характеризуются активно-ответным пониманием (термин М.М. Бахтина) сообщения адресатом, которое реализуется в непосредственное

действие. В жанрах популярно-юридического дискурса понимание носит «накопительный» характер и может не приводить к прямому и незамедлительному осуществлению действия адресатом. Адресант текстов популярно-юридического дискурса в большинстве случаев предполагает, что сообщаемая специальная информация в краткосрочной или долгосрочной перспективе может быть использована адресатом в соответствующей жизненной (юридической) ситуации.

Помимо этого, сравнение концепций адресанта и адресата текстов рассматриваемых подвидов юридического дискурса как жанрообразующих признаков речевого жанра (Шмелева, 1997), позволило сделать вывод о том, что жанры профессионального юридического дискурса, предоставляют говорящему (пишущему) ограниченные возможности для индивидуального выражения, в то время как жанры популярно-юридического дискурса менее фиксированы, не так жестко ритуализированы и не регулируются строгими речевыми канонами. Поскольку жанры популярно-юридического дискурса в большей степени ориентированы на учет адресата и ситуации общения, их отличает ослабление монологичности высказываний/текстов и усиление диалогизации общения между адресантом-специалистом и адресатом-неспециалистом.

Как отмечает В.В. Дементьев, практически во всех типологиях присутствует противопоставление жанров информативной речи и жанров фатической речи [Дементьев, 2010: 160]. Информативные жанры нацелены на передачу/сообщение какой-либо информации, в то время как фатические жанры больше ориентированы на удовлетворение коммуникантами потребности в общении. Гибридная природа текстов популярно-юридического дискурса, по нашим наблюдениям, проявляется в сочетании (зачастую в равной степени) информатики и фатики, когнитивной и эмоциональной информации в рамках текста одного жанра, что делает невозможным их четкое разделение по данному признаку.

Еще одним важным признаком речевого жанра исследователи считают коммуникативную тональность, которая определяет эмоционально-стилевой формат общения и характер взаимовлияния коммуникантов, обуславливающие выбор тех или иных языковых средств. Мы полагаем, что данный критерий имеет большое значение для описания жанров популярно-юридического дискурса, однако в силу политональности как неотъемлемой характеристики данных текстов, не может выступать в качестве основного жанрообразующего признака в рамках соответствующей классификации.

В связи с вышесказанным, выделение релевантных параметров обработки практического материала представляло определенную сложность. Было обнаружено, что гибридная природа популярного дискурса обуславливает необходимость изучения не только ситуации общения и языковых средств, но и особенностей взаимодействия дискурсов в коммуникативном пространстве того или иного жанра – фактор, не учитываемый ни в одной из ранее предложенных классификаций.

Таким образом, в качестве основного критерия классификации жанров популярно-юридического дискурса нами, вслед за другими исследователями (Дементьев, 2010; Шмелева, 1997; Gee, 2002; Swales, 1990 и др.), была определена *коммуникативная цель*. Мы солидарны с выводами Т.В. Шмелевой о том, что в сочетании с композицией, стилем, содержанием и предполагаемой аудиторией коммуникативная цель составляет основу жанра и является его наиболее типологически значимым конститутивным признаком [Шмелева, 1997: 88–98]. Тексты выделенных жанров популярно-юридического дискурса исследовались с точки зрения тематики, композиционного строения, а также семантических, стилистических, прагматических и аксиологических характеристик, служащих реализации вышеупомянутой коммуникативной цели. Для анализа были отобраны жанры, наиболее широко представленные в современном российском

информационном поле, а также, на наш взгляд, имеющие бóльшую значимость для правового просвещения массового адресата.

2.2. Жанровые разновидности популярно-юридического дискурса

2.2.1. Жанр «научно-популярная книга о праве»

Эмпирической базой исследования послужили следующие научно-популярные книги: «Правоведение для всех» А. Русаковича (2017), «Занимательное правоведение» В. Кизяковского (2019), «Основы права: теория, практика и как с этим жить» В. Оробинского (2022) и «Как устроено право» А. Русаковича (2024). Общий объем эмпирического материала составил 1 980 страниц печатного текста.

Краткая справка об адресантах

Владимир Васильевич Кизяковский окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова в 1978 году и на протяжении жизни занимается юридической практикой. Работал в должности научного сотрудника в Институте государства и права АН СССР в секторе правовых проблем. К сороковой годовщине выпуска из университета ученым было приурочено написание книги «Занимательное правоведение», которая вобрала в себя опубликованные ранее научно-популярные статьи в журналах и сборниках.

Вячеслав Владимирович Оробинский окончил юридический факультет Ростовского государственного университета в 2001 году. 22 года практикует договорное, обязательственное и международное частное право. Автор популярной трилогии «Чему не учат на юрфаке». Считается основателем жанра «юридический нон-фикшн» в России.

Артем Анатольевич Русакович окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006 году и Московскую государственную юридическую академию имени О.Е. Кутафина в 2016 году. А.А. Русакович работал журналистом, юристом и преподавателем обществознания. Является автором 9 книг, многие из которых посвящены вопросам права: «Твои права: работа» (2010), «Твои права: иностранец в России» (2010), «Твои права: милиция» (2010), «Правоведение для всех» (2017), «Как устроено право» (2024). Стремление автора простым и доступным языком рассказать о системе правового устройства государства и объяснить ключевые юридические термины находит положительный отклик у читательской аудитории, подтверждением чего служат комментарии, оставляемые в личном блоге писателя.

Как мы упоминали ранее, традиционно популяризацией права занимались ученые – специалисты в данной области. Однако в последнее время эту функцию стали выполнять юристы-практики, а также профессиональные коммуникаторы – журналисты. При этом нами было отмечено, что журналисты начали заниматься популяризацией правовых знаний не только в традиционных жанрах медийного дискурса (статья, документальный фильм, телепередача и др.), но, также как и юристы-практики в роли популяризаторов, в научно-популярных книгах, лекциях и личных блогах. При выборе эмпирического материала исследования мы исходили из предпосылки о том, что он позволит выявить сходства и различия в текстах популярно-юридического дискурса одного и того же жанра, созданных разными адресантами: ученым-правоведом (В. Кизяковским), юристом-писателем (В. Оробинским) и профессиональным журналистом с юридическим образованием (А. Русаковичем). Интересным в данном случае представляется также исследование современного отечественного жанра «научно-популярная книга о праве» в диахронии – с 2017 по 2024 годы.

Коммуникативная цель

Основная цель текстов рассматриваемого жанра – передача адресату субстанционального знания о праве как о системе, рассмотрение ключевых правовых понятий и основ государственного устройства, разъяснение принципов юридической логики. Одновременно авторы книг о праве делают попытку «распредметить» теоретические знания для адресата, связать их с личным опытом последнего, таким образом мотивируя его на дальнейшее изучение правовой науки. Все адресанты рассматриваемых книг делают акцент на доступности их содержания для неспециалистов и «занимательном» (т.е. вызывающем интерес, увлекательном) способе подачи специальной информации:

- *«Книга написана просто и доступно, содержит яркие и наглядные примеры из российской действительности»* [Русакович, 2017а: 2].
- *«Я <...> постарался изложить все максимально сжато и доступно, чтобы книга была понятна любому читателю»* [Русакович, 2017а: 14].
- *«Язык книги. Простой. Короткие предложения. Ясный стиль. Примеры. Да, будет «ненаучно». В смысле не так, как принято в академических кругах. Ну и пусть. Зато вам, дорогой читатель, будет проще и приятнее вникать в тонкости основ права»* [Оробинский, 2022: 7].
- *«”Занимательное правоведение” – попытка обрисовать тему «право» (закон, законодательство, правоприменение) в лапидарном, максимально кратком и упрощенном, вульгарном виде (вульгарном, если считать происхождение этого слова от латинского *vilgo* – «делать всеобщим, общедоступным, доводить до общего сведения», а не от *vulgus* – «народ, масса, толпа», от чего – современное «вульгарный», то есть «пошлый, грубый, непристойный, безвкусный»)*» [Кизяковский, 2019: 7].

Неоднородность знания, передаваемого в современных научно-популярных книгах о праве, подтверждает наблюдения исследователей об изменении баланса между фундаментальным и ориентационным знанием в современном образовании и

просвещении в пользу последних. Ранее мы уже писали о двухуровневой модели, включающей знания разных типов, предложенной В.И. Карасиком. Напомним, что ученый выделяет субстанциональное знание, представляющее собой систему сведений о каком-либо фрагменте действительности в отрыве от способа применения полученных знаний, а также процедурное знание, которое содержит непосредственно указания по использованию субъектом знаний в своей практической деятельности [Карасик, 2008]. Хотя посредством рассматриваемых нами научно-популярных книг о праве происходит передача адресату примарно субстанционального знания, этот процесс уже не мыслится авторами без сочетания с передачей процедурного знания. Вариативно лишь соотношение последнего с объемом транслируемого субстанционального знания.

Первый том книги «Занимательное правоведение» призван систематизировать и расширить фоновые знания массового адресата о праве, в частности, о его основных понятиях, источниках, памятниках и т.д. Рассказывая о книге в отдельном интервью, В.В. Кизяковский следующим образом отвечает на вопрос журналиста о том, зачем нужно изучать право: «Любое положительное знание добавляет сил в борьбе с жизненными трудностями» [Кизяковский, 2021]. Как мы видим, формулировка необходимости изучения права представляется достаточно абстрактной. Именно такой подход, а также неумение авторов-юристов отделять главное от второстепенного, по мнению другого автора – А. Русаковича, способен отпугнуть потенциального адресата: «Сегодня же большая часть учебной юридической литературы слишком абстрактна, оторвана от жизни и плохо написана, никому ничего не объясняет и никак не помогает» [Русакович, 2017].

Очевидно осознавая особенности современного правового просвещения, связанные с необходимостью дополнительно аргументировать для адресата необходимость получения специальной информации, В.В. Кизяковский в своем интервью анонсировал написание второго тома книги, в котором, по его словам, будет

сделан упор на области практического применения знаний о праве [Кизяковский, 2021], и который, на наш взгляд, может послужить материалом для дальнейших исследований в данной области. Вторая книга по замыслу автора будет включать в себя разделы, посвященные предпринимательству, российской адвокатуре, вопросам семьи, брака, наследования, а также правовому регулированию социально-трудовой сферы (трудовые отношения, пособия, льготы, пенсионное обеспечение).

Второй автор – А. Русакович, придерживается практико-ориентированного подхода в области правового просвещения: «Право – это не теоретическая наука, которую юристы придумали для общения друг с другом. Любая правовая норма создана, чтобы урегулировать определённую жизненную ситуацию. И хотя в ней самой об этом обычно не сказано ни слова, но задача автора-юриста – понять, для чего правовая норма создана, и объяснить это своим читателям» [Русакович, 2017].

Помимо основной цели – правового просвещения массового адресата, книги А. Русаковича, по мнению его коллег-юристов, служат популяризации юридической профессии в молодежной среде. Во вступительном слове к книге «Как устроено право» (2024) к.ю.н., партнер известной юридической компании «Пепеляев Групп» Р. Бевзенко, дает высокую оценку деятельности А. Русаковича в области правового просвещения, в частности, образования молодого поколения посредством научно-популярных изданий: «Первая причина заключается, как бы парадоксально это ни звучало, в зияющей пробеле в научно-популярном сегменте профессиональной юридической литературы. К нему иногда относятся небрежно, мол, это всего лишь поверхностный пересказ юридических доктрин и учений. Если уж и читать что-то по праву, то как минимум, Савиньи, а то и вовсе Ильина или даже сразу Гегеля. Увы, это так не работает. Для того, чтобы у девушки или юноши потянулись руки к «Философии права» ее или его надо...заинтересовать правом. Надо преподавать азбуку и только потом браться за сложные юридические построения <...> Именно научно-

популярная юридическая литература и призвана привлекать в нашу профессию все новые и новые юридические силы» [Русакович, 2024: 9].

Третий автор – В. Оробинский также придерживается практико-ориентированного подхода в передаче специальных знаний, разъясняя адресату, как действует закон в той или иной юридической ситуации, и как его применять для эффективной защиты своих прав: «Любой человек, родившийся и выросший в России, с молоком матери впитал: права есть только у того, кто готов эти права отстаивать, а отсутствие запрета – ничего не гарантирует. <...> Разбираться в праве – значит понимать: как должны «вертеться колесики» в государстве, как они вертятся на самом деле и как быть, если право говорит одно, а в жизни мы видим совсем другое» [Оробинский, 2022: 2].

Таким образом, разница подходов, которых придерживаются авторы книг, выбранных для анализа, по нашему мнению, не только представляет особый интерес, но и позволяет более комплексно и точно описать жанрово-стилистические особенности указанных текстов в компаративном аспекте.

Тематика

Поскольку все рассматриваемые книги служат передаче примарно субстанционального знания, в них присутствуют разделы, посвященные общим вопросам функционирования системы права и форм государственно-территориального устройства, процессу законотворчества, а также объяснению базовых юридических понятий таких как: «право», «правоотношения», «юридические факты», «источники права», «правовая норма», «юридическая ответственность», «отрасль права», «правонарушение», «государство» и многих других.

В. Кизяковский, широко понимающий правовое просвещение, как мы убедились из его интервью, помимо вышеизложенного, включает в свою книгу «Занимательное правоведение» разделы, посвященные истории права и правовым

памятникам, например: «Правовая история Древнего Египта», «Законы Хаммурапи», «Конфуцианство. Легизм», «Древнегреческий след в правовой истории», «Создатели права – римляне» и т.д. Автор книги также предпринимает попытку систематизировать знания адресата об истории отечественного права в Разделе 4: «Российская правовая история: предположения, правовые памятники, личности», где рассматриваются первые на Руси судебники и уложения, законодательная деятельность великих русских императоров, реформы революционного периода начала XX века, влияние марксизма на отечественную правовую систему, социалистические правовые нормы и, конечно, вопросы государства и права современной России. Данный раздел представляется нам особенно ценным в современных условиях, когда государством осознается необходимость акцентировать значение национального культурного опыта и важность знания истории, в том числе, истории права своей страны.

В. Оробинский, придерживающийся практико-ориентированного подхода в правовом просвещении, посвящает отдельную главу рассмотрению различных прав человека: личных, политических, экономических, социальных, культурных и др. Формулировки отдельных параграфов («Зачем нужны поколения прав?», «Какое право учить: минимум «выживальщика», «Почему важно САМОМУ знать свои права и право») отчетливо указывают на заинтересованность автора в передаче адресату необходимых элементарных знаний для защиты вышеупомянутых прав. В целом, целесообразно отметить, что в книгах В. Оробинского и А. Русаковича четко прослеживается тенденция к передаче процедурного знания с обозначением способа применения сообщаемой специальной информации, о чем свидетельствуют названия параграфов в форме вопросов: «Как работает административное право», «Как поменять конституцию?», «Как проходит уголовный процесс» [Русакович, 2024: 8–9]; «Как выбрать юриста на процесс?» [Оробинский, 2022: 6].

Как В. Оробинский, так и А. Русакович в своих книгах отводят целые разделы описанию судебного устройства нашей страны и механизму судебной защиты своих прав гражданами России. Глава 6 книги В. Оробинского «Основы права: теория, практика и как с этим жить» полностью посвящена данной теме.

А. Русакович в своей книге «Правоведение для всех» отводит данной теме несколько глав (с 17-й по 22-ю), в которых рассказывается, как устроена система судопроизводства в России. Практическую ценность представляет глава 22 «Как обратиться в суд», включающая параграфы с описанием этапов судебного разбирательства: «Нужно ли самому идти в суд», «До суда», «Претензия», «Составление искового заявления», «Подача искового заявления», «Судебные заседания», «Исполнение решения», «Отклонения от сценария».

Отметим, что полезная с практической точки зрения фактическая информация в указанных главах книги сочетается с оценочной информацией в главе 21 «Проблемы судебной системы», формулировка заголовков которой контрастирует с заголовками параграфов, содержащих теоретическую информацию о праве, что мы связываем с принадлежностью автора книги к представителям журналистской профессии («Технологическое отставание», «Бессмысленные обязанности и запреты», «Неудобный режим работы», «Хамство и грубость работников суда», «Формализм при вынесении судебных решений», «Обвинительный уклон», «Деградация процесса обжалования судебных решений», «Деградация суда присяжных» и др.).

Субъективный подход при выборе тем и подаче специальной информации, характерный не только для А. Русаковича, но и ряда других юристов, пишущих современные книги и статьи о праве, свидетельствует об идеологическом векторе современной популяризации науки, в особенности, если в роли популяризатора выступает журналист. Развивая мысль В.И. Конькова о том, что популяризационные тексты, создаваемые «здесь и сейчас» всегда идеологически ориентированы и характеризуются социальной оценочностью [Коньков, 2022: 61; Соловьева, 2023:

365], мы можем утверждать, что тексты популярно-юридического дискурса так или иначе призваны не только повышать уровень правовой грамотности, но и оказывать идеологическое воздействие на адресата. Такой подход, на наш взгляд, косвенно способствует формированию у адресата положительной мотивации к усвоению сложной специальной информации, так как в дихотомии «государство – граждане» популяризаторы права зачастую позиционируют себя на стороне последних, чем вызывают у них чувство симпатии.

А. Русакович – единственный из авторов, который подробно останавливается на разъяснении сути деятельности разных представителей юридической профессии («Частнопрактикующие юристы и юридические фирмы», «Юрисконсульты», «Адвокатура и адвокаты», «Нотариат и нотариусы») и функций правоохранительных органов («МВД», «Следственный комитет», «Прокуратура», «Минюст», «Росгвардия», «Надзорные службы»), чему посвящена глава 24 книги «Правоведение для всех».

Все адресанты в рассматриваемых книгах уделяют внимание вопросам отраслевого деления права, но объем и содержание передаваемой информации варьируются. В. Кизяковский посвящает данной теме краткий параграф («1.3. Институт, отрасль, система права»), в котором достаточно сжато, практически на уровне дефиниций, описываются различные отрасли публичного и частного права. (Однако как мы помним, автор анонсировал более подробное освещение отраслей права во втором томе книги). В. Оробинский сводит рассмотрение данного вопроса к определению понятия «отрасль права» и нескольким примерам юридических ситуаций, относящихся к той или иной отрасли. В книге «Правоведение для всех» отраслям права посвящена глава 27, в которой кратко описываются различные сферы права: конституционное, гражданское, административное, уголовное, трудовое, семейное, налоговое, муниципальное и др.

В книге «Как устроено право» отраслевому делению посвящены 9 из 19 глав книги, в которых подробно рассказывается, что регулирует каждая отрасль, какое значение она имеет для каждодневной жизни гражданина и приводится список рекомендуемой дополнительной литературы, позволяющей адресату глубже погрузиться в освоение интересующей отрасли.

В отличие от книги В. Кизяковского, в книгах А. Русаковича и В. Орбинского адресат может найти практические советы по разрешению конкретных юридических ситуаций. Например, в главе «Как обратиться в суд» книги «Правоведение для всех» содержится перечень действий, которые необходимо предпринять, чтобы добиться справедливости в судебном порядке, а также образцы/шаблоны соответствующих юридических документов: претензий, исковых заявлений, исполнительных решений и т.д. Книга «Основы права» В. Орбинского также включает образцы юридических документов (различных договоров, исковых заявлений и т.д.), которыми адресат может воспользоваться при необходимости, заполнив реквизиты и описав сущность проблемы.

Таким образом, нами отмечено тематическое сходство текстов научно-популярных книг о праве, продуцированных разными адресантами. Основные выявленные различия касаются соотношения объема информации по той или иной теме, стратегий ее презентации и проявления авторами лингвкреативности при освещении указанных тем.

Композиционное строение

По нашим наблюдениям, тексты научно-популярных книг о праве характеризуются большим объемом и имеют типовую структуру, что выступает одним из жанрообразующих признаков. Поскольку тексты данного жанра воспринимаются преимущественно визуально, их композиция имеет большое значение с прагматической точки зрения. Сегментация текста научно-популярной книги о праве, а именно, деление на главы, разделы, параграфы и т.д. играет важную

роль в организации текста. По мнению Н.А. Власенко, это одновременно объективный и субъективный процессы, так как предоставляет адресанту относительную свободу средств выражения [Власенко, 1997]. В.Н. Дигмай полагает, что при сегментации текста создается своеобразная графическая структура, имеющая определенный прагматический потенциал, а объем и функции отдельных сегментов (частей, подразделов и т.д.) приспособлены к аналитическим возможностям адресата [Дигмай, 2002].

Основной функцией сегментов в иерархии научно-популярной книги о праве является делимитация частей текста в соответствии с тематической направленностью. Согласно выводам Ж. Багана и Н.Л. Кривчиковой, сегментация текста позволяет адресату успешно ориентироваться в текстовом континууме [Багана, Кривчикова, 2008: 145]. В нашем случае текстовое деление научно-популярной книги о праве производится таким образом, чтобы адресат смог найти ответ на интересующий его вопрос в тексте большого объема. Разделы (главы) книги посвящаются важным правовым понятиям и, в свою очередь, подразделяются на параграфы с меньшим уровнем генерализации.

Композиционное строение книги В. Кизяковского «Занимательное правоведение» имеет сходство с научной монографией и включает в себя вводный раздел, четыре основных раздела, заключение, библиографию и указатель имен. Разделы поделены на параграфы с принятой в научном дискурсе нумерацией (2.1., 3.2. и т.д.). Большинство параграфов книги начинается с эпиграфа-цитаты или афоризма, в шутливом или ироничном ключе обыгрывающих содержание параграфа и принадлежащих известному юристу, ученому, писателю, общественному деятелю или персонажу литературного произведения. Книга завершается внушительным списком библиографии, включающим 453 работы. Указатель на 10 страницах содержит имена некоторых наиболее значимых персоналий, отсылки к которым использует автор.

Книга А. Русаковича «Правоведение для всех» (2017) начинается с введения, в котором автор вкратце рассказывает о своей мотивации к ее написанию и выражает надежду, что книга будет полезна и интересна всем, кто хочется стать «юридически грамотным человеком». Книга состоит из 27 глав различной тематики, каждая из которых поделена на несколько параграфов, подробно раскрывающих тот или иной правовой феномен. Отличительной особенностью авторского стиля является наличие кратких резюме в конце каждой главы.

Фокус популяризации в книге «Как устроено право» по сравнению с «Правоведением для всех» от рассмотрения фундаментальных основ права смещается к более детальному изучению его отраслей (что является логическим продолжением более ранней книги), в особенности тех, в которых, по мнению автора, читатели чаще всего сталкиваются с юридическими проблемами: гражданского, уголовного, административного, трудового, семейного, жилищного права и т.д. Книга содержит 19 глав, каждая из которых включает от 1 до 15 параграфов. Количество параграфов, по нашим наблюдениям, определяется значением конкретной отрасли для практических нужд адресата, как это видится автору.

Отличительной чертой данной научно-популярной книги является наличие в конце каждой главы вопросов и заданий под рубрикой «Закрепление материала», что характерно для жанров «учебник» или «учебное пособие». Предлагаемые автором контрольные задания предусмотрены для самопроверки, так как в конце книги читатели могут найти правильные ответы на все вопросы. На наш взгляд, наличие подобных разделов, свидетельствует о заинтересованности автора в конечном результате своей работы и повышает эффективность передачи правовых знаний неспециалистам.

Книга В. Оробинского «Основы права: теория, практика и как с этим жить» состоит из предисловия, в котором автор рассказывает об основной цели книги (научить читателей жить и выживать в обществе), 6 глав, эпилога, списка сокращений

и списка использованной литературы, включающего 42 источника. Главы книги разделены на параграфы с нумерацией, характерной для научной монографии (1.1., 1.2., 2.7. и т.д.), что мы уже встречали в книге В. Кизяковского «Занимательное правоведение».

Список сокращений, приводимый в конце книги, включает в себя аббревиатуры кодексов, обозначений различных нормативно-правовых документов, названий судов и других государственных органов. (Например, «АПК – Арбитражный процессуальный кодекс», «ЕГРЮЛ – Единый государственный реестр юридических лиц», «НПА – нормативно-правовой акт», «УФССП – Управление Федеральной службы судебных приставов» и т.д.). Использование подобных сокращений в тексте, во-первых, уменьшает его протяженность, а во-вторых (что важнее), позволяет адресату понять значение аббревиатур, к которым профессиональные юристы часто прибегают в своей речи.

Отличительной особенностью книги В. Орбинского является присутствие в ней разделов под заголовком «Домашнее задание», что традиционно считается типичным для учебной литературы. Однако формулировки «домашних заданий» позволяют адресату понять, что данная книга – научно-популярная, а не учебник, и стимулировать его интерес к дальнейшему более углубленному изучению правовой науки.

Таким образом, композиционное строение научно-популярных книг о праве трех выбранных адресантов имеет сходство сегментации элементов во внутритекстовом пространстве. Крупные информационные (тематические) блоки делятся на сегменты (части) с меньшей степенью абстракции. Параграфирование в ряде случаев соответствует структуре научной монографии. Особый интерес вызывает представленность в современных научно-популярных книгах о праве как просветительского, так и инструктирующего типов популярно-юридического дискурса, что подтверждает наши наблюдения о гибридной природе данной

разновидности юридического дискурса, позволяющей ему приобретать новые свойства для эффективного воздействия на разнородного адресата.

2.2.2. Жанр «книга юридических советов»

Для исследования жанра нами были отобраны тексты как в печатном, там и в электронном форматах. В качестве эмпирического материала послужили: 1) печатная книга Ю. Дубининой «Адвокат для дилетантов: гид по праву» (2019); 2) электронная книга А. Сидорова «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!» (2014); и 3) электронная книга Е. Николаевой «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» (2019) общим объемом 507 страниц.

Краткая справка об адресантах

Юлия Александровна Дубинина окончила Тульский филиал Московского университета МВД России в 2000 году, после чего работала следователем в милиции. В 2002 году начала заниматься адвокатской деятельностью. С 2016 года ведет свой юридический блог, в котором оказывает юридическую помощь нуждающимся. Является председателем Коллегии адвокатов № 1 г. Тулы и Тульской области. В настоящее время работает профессиональным медиатором и преподает в АНО ДПО «Высшая школа медиации», которую сама и учредила. Одним из самых важных направлений своей деятельности считает популяризацию медиации как инструмента урегулирования конфликтов в школах и профилактики травли (буллинга). Является автором книг «Адвокат для дилетантов: гид по праву» (2019) и «Медиатор» (2022), рассчитанных на широкий круг читателей.

Анатолий Станиславович Сидоров окончил Тюменский государственный университет в 1985 году. Имеет степень кандидата юридических наук. Основное научное и практическое направление деятельности – уголовное судопроизводство и

оперативно-розыскная деятельность. В настоящее время работает доцентом кафедры уголовного права и процесса Института права, экономики и управления Тюменского государственного университета. С 2005 года является частнопрактикующим юристом Адвокатской палаты Тюменской области.

Елена Николаевна Николаева – юрист и профессиональный медиатор, специализирующийся в области медицинского права. В настоящий момент работает над написанием кандидатской диссертации, является автором научных публикаций по медицинскому праву. Ведет популярный в социальной сети блог для повышения юридической грамотности граждан – @mom_in_law.

Коммуникативная цель

Целью текстов популярно-юридического дискурса в данном жанре является передача процедурного знания для оперативного упорядочивания правовой картины мира адресата-неспециалиста с акцентуацией личностных смыслов обретения субъектом передаваемого знания. В отличие от фундаментального знания о праве, освоение процедурного знания не требует много времени, значительных ментальных усилий и высокой внутренней мотивации адресата.

Вышеупомянутая коммуникативная цель, в частности, сформулирована Ю. Дубининой непосредственно в предисловии к книге «Адвокат для дилетантов: гид по праву»: «Если вы держите в руках эту книгу, значит, в вашей жизни были случаи, когда вам не хватало совета юриста. Я рада, что вы выбрали книгу «Гид по праву». Я писала для Вас! В книге нет ни грамма воды, нет сложных юридических терминов. На страницах книги я излагаю так, как рассказывала бы лучшей подруге, спросившей совета. Вы избавлены от скучной теории и пространных размышлений. Самый ценный ресурс – это время, и я старалась сделать так, чтобы вы не тратили много времени, а получили пошаговую инструкцию. <...> Книга, которую вы держите в

руках, поможет быстро сориентироваться в жизненных ситуациях и разрешать их с пользой» [Дубинина, 2019: 4].

Обращение другого автора – Е. Николаевой к читателям в послесловии к своей книге «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» содержит сходную аргументацию, акцентирующую утилитарный характер передаваемого специального знания: «В современном мире, где практически на каждом шагу кто-то покушается на наши с вами права, важно повышать свою правовую грамотность. <...> Именно поэтому, я стараюсь затрагивать темы, которые актуальны каждому из вас, рассматривая ваши ситуации, отвечая на ваши вопросы. <...> Самое главное, повышайте свою правовую грамотность, так как вы получите полезные знания, которые стопроцентно пригодятся вам в повседневной жизни. А информацию, которую вы получили, прочитав книгу, можно начинать применять уже сегодня» [Николаева, 2019].

Автор книги «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!» А. Сидоров в предисловии также четко определяет цель написания книги: «Знаете ли Вы, зачем нужны адвокаты? Существует ли четкий и понятный алгоритм поиска хорошего адвоката? Как среди множества адвокатов выбрать профессионального, грамотного и, что немаловажно, надежного специалиста? С каких позиций лучше проводить оценку, на что стоит обратить внимание? Если не знаете, то я предлагаю прочитать эту небольшую книгу» [Сидоров, 2014: 1]. Подобная формулировка адресантом коммуникативной задачи позволяет отнести текст данной книги одновременно как к инструктирующему, так и презентационному типам популярно-юридического дискурса. С одной стороны, адресат книги получает необходимую для оперативных действий информацию, с другой – в его сознании моделируется образ добросовестного представителя юридической профессии, что способствует популяризации деятельности агентов института права.

Тематика

Книга Ю. Дубининой «Адвокат для дилетантов: гид по праву» посвящена защите прав потребителей (онлайн-шоппинг, возврат товара, гарантийный срок, экспертиза товара и др.), прав граждан в сфере ЖКХ (оплата коммунальных услуг, прямые договоры с ресурсосбытовыми организациями, обязанности управляющей компании по содержанию жилья, качество услуг и др.), проблемам в области семейного права (брачный договор, расторжение брака, алименты, лишение родительских прав, усыновление, раздел имущества и др.), трудового права (неофициальная работа, испытательный срок, расчет и выплата заработной платы, лишение премии, срочные и бессрочные трудовые договоры, увольнение, удаленная работа и др.) и автомобильного права (покупка автомобиля, мошенничество автодилеров, ДТП, транспортный налог и др.), а также различным ситуациям взаимодействия граждан с правоохранительными органами (полиция, ГИБДД) и органами правосудия (мировые и федеральные суды, служба судебных приставов).

Е. Николаева в своей книге «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» рассматривает различные юридические ситуации в области налогового права (различные налоговые вычеты, работа с личным кабинетом налогоплательщика и др.), автомобильного права (выдача водительских удостоверений, права участников дорожного движения, осмотр и досмотр транспортного средства, эвакуация автомобиля и др.), трудового права (заключение трудовых договоров, компенсация больничного, трудовые гарантии беременных и др.), медицинского права (диспансеризация, медицинское обслуживание, донорство, вакцинация, выбор врача и др.), семейного права (сожительство, брачный договор, семейная медиация и др.), а также описывает алгоритм действий в случае возникновения проблем с выплатой ипотеки, начислением пенсии, нарушении прав потребителей и т.д.

Книга А. Сидорова «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!» посвящена достаточно узкой теме – помощи адресату в выборе квалифицированного

адвоката для защиты в гражданском или уголовном суде, включая заключение соглашений между гражданами и адвокатами, защиту от недобросовестных адвокатов и мошенников, а также основные нюансы и проблемы в коммуникации адвоката с доверителем. Книга также содержит перечень и детализацию ситуаций, требующих адвокатской помощи: неквалифицированная/недобросовестная врачебная помощь, жилищные споры, семейные споры, уголовные дела и т.д.

Композиционное строение

Тексты данного жанра отличаются достаточно большим объемом, поэтому, безусловно, должны быть разделены на тематические сегменты, чтобы облегчить ориентирование читателя. Книга Ю. Дубининой «Адвокат для дилетантов: гид по праву» начинается с авторского предисловия, в котором автор вкратце рассказывает о своей мотивации к написанию книги и включает 9 основных разделов, которые, в свою очередь, делятся на подразделы (от 1 до 10), конкретизирующие тот или иной аспект юридических проблем в рассматриваемой области. Книга заканчивается обращением автора к читателям, содержащим призыв отстаивать свои права и постоянно повышать правовую грамотность. Ю. Дубинина также дает ссылку на свою учетную запись в популярной социальной сети для ответов на вопросы, возникшие в ходе ознакомления с книгой. Помимо основного текста, содержащего разъяснения автора, в книге также приводятся типовые образцы различных юридических документов, которые могут понадобиться адресату для защиты своих прав. Книга содержит схемы и фотографии сайтов различных ведомств с пошаговыми инструкциями для читателей, как реализовать свои права в той или иной юридической ситуации.

Электронная книга А. Сидорова «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!» также начинается с предисловия, содержащего фотографию автора и его обращение к читателям, состоит из 15 разделов (без нумерации), и завершается

списком источников, включающим научные статьи, учебники, юридические словари и релевантные законодательные тексты. Внутреннее сегментирование текста книги осуществляется посредством тематических заголовков: «За что и сколько платить адвокату?», «Соглашение об оказании юридической помощи», «Взаимоотношения клиента с адвокатом», «Некоторые Ваши преимущества от участия адвоката в уголовном деле» и т.д. Поскольку книга представлена в электронном формате, номера на страницах не указаны. Указанный формат позволяет адресату ознакомиться с содержанием книги, в том числе, и посредством аудиального канала восприятия информации (формат аудиокниги). Для этого необходимо только нажать на соответствующую иконку на экране (*Изображение 1*).

Изображение 1. Фрагмент страницы электронной книги А. Сидорова «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!»

Электронная книга Е. Николаевой «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» состоит из 11 тематических глав, которые, в свою очередь, делятся на

параграфы с более конкретным содержанием (*Изображение 2*). Количество параграфов варьируется от 4 до 10. В отличие от электронной книги А. Сидорова в данной книге присутствует таблица с оглавлением и нумерацией страниц, позволяющая быстро перейти к необходимому разделу и просмотреть его полное содержание (нажатием на соответствующую стрелку рядом с названием главы).

Table of contents		×
^	Глава 1 Налоги	p.5
▼	Налоговые вычеты	p.7
▼	Какие налоги мы платим	p.19
*	Единый налоговый платеж	p.24
*	Самозанятые. Время выйти из ...	p.25
*	Личный кабинет налогоплатель...	p.27
▼	Глава 2 Автомобилям	p.29

Изображение 2. Оглавление электронной книги Е. Николаевой «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах»

Книга завершается послесловием, в котором автор дает несколько финальных советов читателям по защите своих прав и благодарит за проявленный интерес. Также как и электронная книга А. Сидорова, книга Е. Николаевой доступна адресату в формате аудиокниги при нажатии на соответствующую иконку приложения на экране.

Таким образом, нами было выявлено, что тексты жанра «книга юридических советов» значительно меньше по объему, чем тексты научно-популярных книг о праве. В отличие от последних, они не нацелены на передачу адресату субстанционального знания о праве. Адресанты текстов данного жанра подчеркивают практическую важность сообщаемой специальной информации, которая может

эффективно использоваться адресатами в различных юридических ситуациях, как реально возникающих, так и потенциальных. Внутреннее сегментирование текстов не так жестко регламентировано, как в научно-популярных книгах о праве и варьируется в зависимости от предпочтений и замысла адресанта. Тематика текстов включает наиболее частотные юридические ситуации из семейного, жилищного, трудового и других отраслей права, разрешение которых неспециалистом требует помощи профессионального юриста. Тексты исследуемого жанра часто являются полимодальными, и при их восприятии, в отличие от книг жанра «научно-популярная книга о праве», адресатом могут быть задействованы не только визуальный, но и аудиальный каналы. Рассмотренные тексты подтверждают наши наблюдения о том, что в одном и том же жанре могут быть представлены разные типы популярно-юридического дискурса, что осложняет жанровую классификацию на основании только одного типологического критерия.

2.2.3. Жанр «юридическая консультация»

Нами были исследованы две разновидности жанра: 1) юридическая консультация в газете/журнале (на традиционном печатном носителе) и 2) онлайн-юридическая консультация. В качестве материала исследования первой разновидности жанра послужили 120 публикаций в рубрике «Общественная приемная (вопрос-ответ)» национального правового журнала «Человек и закон» за 2022-2023 гг. Вторая жанровая разновидность изучалась на примере 100 постов рубрики «Юридическая консультация» – специального проекта «Российской газеты» в партнерстве с Ассоциацией юристов России по оказанию бесплатной юридической помощи гражданам страны за период с 2023 по 2025 гг., отобранных методом сплошной выборки.

Краткая справка об адресантах

Юридическую помощь в рамках постоянной рубрики «Общественная приемная» журнала «Человек и закон» оказывают опытные практикующие юристы Максим Гранкин и Антон Чайка, краткая информация о которых приводится ниже.

Максим Игоревич Гранкин – сын Игоря Васильевича Гранкина, первого редактора журнала «Человек и закон» с момента его основания в 1971 году. Продолжив семейную традицию, Максим Гранкин окончил Московский юридический институт в 1995 году и получил статус адвоката в 2004 году. В 2013 защитил кандидатскую диссертацию. Является Председателем Специализированной коллегии адвокатов г. Москвы «Гранкин и Партнеры».

Антон Юрьевич Чайка окончил юридический факультет Иркутского государственного университета в 1997 году. В 1998 году был принят в члены Московской городской коллегии адвокатов. В 2002 году получил учёную степень кандидата юридических наук. С 2003 года – адвокат коллегии адвокатов «Чаадаев, Хейфец и партнёры».

Консультированием клиентов рубрики «Юридическая консультация» специального проекта «Российской газеты» занимаются 120 юристов различной специализации, которые оказывают помощь читателям газеты на безвозмездной основе. В ходе сплошной выборки были отобраны специалисты, которые чаще других (согласно статистике, опубликованной на сайте) оказывают юридическую помощь и имеют высокий рейтинг среди клиентов. Приводим краткую биографическую справку об указанных юристах.

Сергей Викторович Агапов является выпускником Московского педагогического государственного университета и успешно совмещает адвокатскую деятельность с преподаванием. Является членом Адвокатской палаты Московской области. Специализируется в автомобильном и трудовом праве, а также помогает гражданам решать проблемы в сфере образования и соцобеспечения. На счету у

специалиста 264 консультации, а его рейтинг основывается на 7 563 положительных отзывах пользователей сайта.

Юлия Викторовна Иванова окончила Московский Высший институт управления и специализируется на вопросах корпоративного управления, реструктуризации бизнеса, антикризисного управления, банкротстве, крупных корпоративных спорах. Ее профессиональный опыт работы насчитывает 25 лет. Юлия Викторовна провела 182 консультации, за которые получила 3 832 положительных отклика, основанных на практической пользе и доступности оказываемой юридической помощи, а также неоднократно становилась победителем в номинации «Лучшие за неделю».

Татьяна Сергеевна Саяпина окончила Московский университет Министерства внутренних дел РФ и в настоящее время работает в Московской областной коллегии адвокатов. Помимо адвокатской деятельности занимается преподаванием, пишет научные статьи. Татьяна Сергеевна провела 137 консультаций и имеет рейтинг – 2 482 благодарственных отклика.

Андрей Дмитриевич Руслин окончил Самарский государственный университет по специализации «гражданское право». Занимается частной адвокатской практикой и научной работой. Провел 100 консультаций по вопросам жилья, налогообложения, наследования, судопроизводства и др. и имеет рейтинг 2 324 положительных отклика среди пользователей сайта.

Коммуникативная цель

Основной целью текстов данного жанра является передача процедурного знания для разъяснения адресату (по его запросу) законности и порядка действий в конкретной юридической ситуации. По нашим наблюдениям, зачастую адресат также обращается к специалисту за объяснением конкретных юридических понятий, с которыми сталкивается в ходе проблемной ситуации (например, не может разобраться

в терминологии судебного постановления, вынесенного по его делу). Таким образом, можно утверждать, что тексты данного жанра служат передаче как процедурного, так и ориентационного знания, т.е. информации, подверженной наиболее частым изменениям, и, в связи с этим, нуждающейся в регулярной перепроверке (цель общения со специалистом).

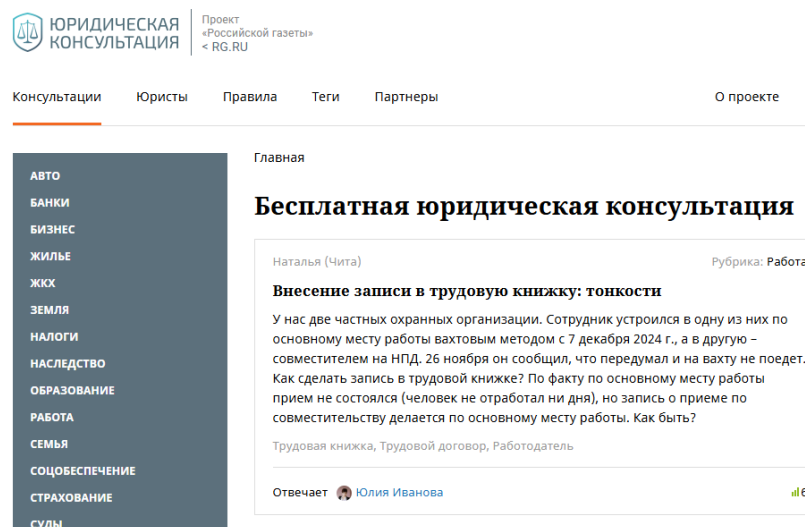
Данные тексты также опосредованно служат популяризации деятельности агентов института права, так как содержат информацию о высокой квалификации специалистов, оказывающих консультационные услуги гражданам. Модераторы сайта специального проекта «Российской газеты» в своем обращении к пользователям делают акцент на высоком уровне профессиональной подготовки юристов, участвующих в общественной программе юридической помощи, а также на безвозмездном характере консультаций. Все консультации на сайте «Российской газеты» проходят модерацию, а внешние и внутренние эксперты следят за качеством ответов юристов. Подробная информация обо всех юристах, участвующих в безвозмездном проекте газеты, доступна по ссылке «Юристы» на главной странице сайта.

Тематика

Тематика публикаций текстов данного жанра в журнале «Человек и закон» настолько же вариативна и разнообразна, как и многочисленные юридические ситуации и проблемы, которыми делятся с авторами рубрики ее читатели. К наиболее частотным темам, по нашим наблюдениям, относятся: наследование (тайна завещания, наследственный фонд и др.), трудовые отношения (незаконное увольнение, задержка выплаты заработной платы, расчет пособия по беременности и др.), родительские права и обязанности (алиментные обязательства, вопросы усыновления и др.), право собственности (права дольщиков, раздел имущества при разводе и др.), правоотношения в сфере ЖКХ (ответственность поставщика за

качество коммунальных услуг, наказание за незаконную перепланировку и др.), нарушение прав потребителей, вопросы, связанные с деятельностью государственных служб и правоохранительных органов (взаимодействие граждан с приставами, сотрудниками ГИБДД и др.), нарушение договоров и т.д. Нами также отмечено внимание читателей рубрики к вопросам ношения и небрежного хранения огнестрельного оружия, а также превышения пределов необходимой обороны. Современная геополитическая ситуация отражается в повышенном интересе граждан нашей страны к темам призыва на военную службу и ответственности за фейки против Российской армии.

Тексты юридических консультаций на сайте «Российской газеты» четко разделены по темам и относятся к следующим рубрикам: «образование», «банки», «страхование», «суды», «налоги», «работа», «земля», «бизнес», «жилье», «соцобеспечение», «наследство», «семья», «авто», «ЖКХ», «другое». Как показал анализ текстов в рамках данных рубрик, они посвящены сходным вопросам и проблемам, что и публикации в журнале «Человек и закон». Однако наличие рубрикатора выполняет ориентирующую функцию и помогает адресатам легко находить интересующие темы (*Изображение 3*).

Изображение 3. Главная страница сайта проекта «Российской газеты» RG.RU

Композиционное строение

Будучи имманентно диалогическим жанром популярно-юридического дискурса, (призванным имитировать реальное общение со специалистом в дистантном и контактно-виртуализованном формате) «юридическая консультация» имеет вопросно-ответную структуру. Так, чтобы придать коммуникации персонализированный характер, на первой странице рубрики «Общественная приемная» журнала «Человек и закон» приводится телефон руководителя приемной – Антона Чайки (8 (495) 211-07-67), по которому читатели могут задать интересующие вопросы и получить квалифицированную юридическую помощь.

В каждом номере журнала публикуется от десяти до двенадцати обращений граждан к редакции журнала по самым разным правовым вопросам. Публикации начинаются с вопросов граждан, выделенных курсивом и шрифтом другого цвета нежели основной текст. После вопроса в обязательном порядке приводятся имя и фамилия задающего вопрос и город его проживания. «География» обращений охватывает различные города и регионы страны: Брянск, Великий Новгород, Волгоград, Екатеринбург, Кисловодск, Кострома, Курск, Липецк, Москва и Московская область, Мурманск. Нижний Тагил, Никель, Новосибирск, Пермь, Ржев, Самара, Смоленск, Сызрань, Тында и т.д. Приводимая фактическая информация призвана убедить адресата в реальности осуществляемой коммуникации, несмотря на ее дистанционный или компьютерно-опосредованный формат.

Ответы юристов на вопросы граждан состоят из трех-четырёх абзацев, включающих несколько развернутых предложений. Разъяснение каждой юридической ситуации занимает, как правило, половину печатной страницы. Рубрика завершается рекламным объявлением Гильдии Российских адвокатов «Гранкин и Партнеры» с указанием реквизитов для обращений граждан (*Изображение 4*).

Изображение 4. Реклама юридической фирмы «Гранкин и Партнеры» в журнале «Человек и закон»

Посты жанра «юридическая консультация» на сайте «Российской газеты» также имеют одинаковую структуру, но разную текстовую протяженность (в среднем, от трех до десяти абзацев, состоящих из одного-двух развернутых предложений). Каждая мини-консультация помещена в рамку, отделяющую ее от других текстов на странице сайта. В правом верхнем углу указывается тематическая рубрика, к которой относится рассматриваемый вопрос. В левом верхнем углу указываются имя (без фамилии) задающего вопрос и место его проживания. «География» постов охватывает различные регионы Российской Федерации, включая как города (Владивосток, Екатеринбург, Краснодар, Кемерово, Москва, Оренбург, Пятигорск, Санкт-Петербург и др.), так и небольшие рабочие поселки и села (Началово, Юганец, Юсьва). Несколько раз встречались вопросы от адресатов, проживающих за рубежом (например, Испании, Сирии, США и др.).

Далее следует заголовок публикации, сформулированный в виде проблемной юридической ситуации, например: «Подписание в ЭДО старых документов», «Получение наследства в РФ из-за рубежа», «Уменьшение НДФЛ от продажи квартиры», «Правомерность действий при обыске квартиры», «Внесение записи в трудовую книжку: тонкости» и т.д. Ниже приводится сам вопрос. Электронный формат юридической консультации на сайте «Российской газеты» позволяет переходить от вопроса к ответу определенного юриста по ссылке. Если нажать на

подзаголовок кнопкой мыши, то можно ознакомиться с ответом юриста и датой его публикации (*Изображение 5*).

Наталья (Чита)
26.11.2024
Рубрика: Работа

Внесение записи в трудовую книжку: тонкости

У нас две частных охранных организации. Сотрудник устроился в одну из них по основному месту работы вахтовым методом с 7 декабря 2024 г., а в другую – совместителем на НПД. 26 ноября он сообщил, что передумал и на вахту не поедет. Как сделать запись в трудовой книжке? По факту по основному месту работы прием не состоялся (человек не отработал ни дня), но запись о приеме по совместительству делается по основному месту работы. Как быть?

Трудовая книжка, Трудовой договор, Работодатель

Юлия Иванова
Консультаций: 182

В силу ч. 3–5 ст. 66 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) работодатель (за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями) ведет трудовые книжки на каждого работника, проработавшего у него свыше пяти дней, в случае, когда работа у данного работодателя является для работника основной (за исключением случаев, если в соответствии с ТК РФ, иным федеральным законом трудовая книжка на работника не ведется).

Изображение 5. Ответ юриста на вопрос пользователя сайта «Российской газеты»

Такая интерактивная форма очень удобна для пользователя и позволяет разместить на странице сайта большое количество вопросов граждан. В левом нижнем углу указывается имя и фамилия юриста, дающего консультацию. Нажав на них кнопкой мыши, пользователь переходит в раздел «Юристы», где может ознакомиться с информацией об образовании и профессиональной деятельности консультирующего. В правом нижнем углу указывается количество пользователей, выразивших благодарность отвечающему специалисту за юридическую помощь. Свое мнение пользователи сайта имеют возможность высказать, нажав на кнопку «Спасибо» в конце текста ответа юриста (*Изображение 6*).

Таким образом, в случае если в настоящее время самозанятый достиг лимита дохода за календарный год, во избежание утраты статуса самозанятого он вправе временно приостановить свою деятельность до обновления лимитов.

Спасибо

Сказали спасибо: 131

Изображение 6. Интерактивная ссылка для обратной связи в рамках юридических консультаций сайта «Российской газеты»

Как и в случае с юридическими консультациями специалистов в журнале «Человек и закон», публикации на сайте «Российской газеты» также сопровождаются юридической рекламой (Изображение 7).

Изображение 7. Юридическая реклама на сайте «Российской газеты»

Таким образом, тексты жанра «юридическая консультация» отличаются от текстов других жанров популярно-юридического дискурса своим диалогическим характером, реализуемым посредством вопросно-ответной формы. В отличие от знаний, передаваемых адресантами посредством текстов других жанров изучаемого дискурса, применение которых для личных нужд адресатом находится в потенциале, информация, сообщаемая специалистом в ходе юридической консультации, носит исключительно прикладной характер и рассчитана на непосредственную практическую имплементацию. Тексты данного жанра отличаются небольшой языковой протяженностью и типовой структурой. Их тематика более детализирована и конкретизирована по сравнению с текстами жанра «книга юридических советов».

Данный жанр характеризуется частым использованием креолизированных текстов, интерактивным характером и инвариантным присутствием в них прямой или косвенной юридической рекламы.

2.2.4. Жанр «правовой комментарий для неспециалиста»

В качестве материала исследования выступили 103 публикации рубрики «Официальный отдел» национального правового журнала «Человек и закон» за 2022-2023гг. Методом сплошной выборки были также отобраны и изучены 100 публикаций печатного издания «Российская газета» и ее интернет-портала *RG.RU* за 2022-2025гг. Устные тексты жанра «правовой комментарий для неспециалиста», характеризующиеся незначительной протяженностью и большой вариативностью языковых средств, выбираемых индивидуальными комментаторами-специалистами, не рассматривались в данной работе, и могут послужить объектом отдельного исследования в обозначенной дискурсивной парадигме.

Краткая справка об источниках

Журнал «Человек и закон» издается с 1971 года и является социально значимым изданием. Его учредителем является Министерство юстиции Российской Федерации. Журнал подлежит обязательной рассылке в Совет Федерации ФС РФ, Государственную Думу ФС РФ, Мосгордуму, Министерство юстиции РФ, Генеральную прокуратуру РФ, МВД РФ, ФСИН, Администрацию Президента РФ, ЦИК, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, Общественную палату РФ, а также Ассоциацию юристов России, что свидетельствует о высокой степени достоверности публикуемых в издании материалов. Правовые комментарии в журнале «Человек и закон» составлены на основе публикаций интернет-портала «Кремлин.ру», являющегося официальным сайтом Президента России. На данном

сайте публикуются новости о деятельности главы государства, стенограммы, видео- и аудиозаписи различных мероприятий с его участием, а также тексты всех подписываемых Президентом документов. Комментарии в журнале «Человек и закон» подготовлены профессиональными юристами.

«Российская газета» является официальным печатным органом Правительства Российской Федерации с 1994 года (согласно ФЗ № 5 от 14.06.1994). Ее интернет-портал *RG.RU* был создан в 1999 году и также наделен статусом официального публикатора. Перед вступлением в силу все конституционные и федеральные законы (в том числе кодексы), указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства России, нормативные акты министерств и ведомств публикуются в данном издании. Правовые комментарии «Российской газеты» и ее интернет-портал *RG.RU* подготовлены журналистами, специализирующимися на правовой тематике.

Коммуникативная цель

Основной целью текстов данного жанра является передача ориентационного знания посредством информирования адресата о вступающих в силу нормативно-правовых актах с объяснением смысла и значения вводимых общих (действующих в отношении всех граждан) и специальных (касающихся отдельных социальных групп) законов. Наши наблюдения коррелируют с выводами В.И. Карасика о том, что комментарий является уточнением ориентационного знания и в качестве компонента дискурса служит приемом расщепления линейной организации общения [Карасик, 2009b: 41–42].

Считаем важным отметить, что язык российского законодательства становится все сложнее для понимания обывателя. Как показал компьютерный анализ текстов российских законов с 1991 года, их читабельность ухудшилась на 30% [Голев, Иркова, 2023: 9]. В связи с этим основное назначение текстов рассматриваемого жанра —

уточнить новую и сложную для понимания массового адресата информацию, а также при необходимости разъяснить ее дополнительный смысл.

Тематика

Как показал анализ эмпирического материала, тематика комментариев законодательных преобразований за период с 2022 по 2025 гг. в значительной степени детерминирована изменениями военно-политической и социальной ситуации в Российской Федерации. Проведение специальной военной операции обусловило необходимость регулирования прав военнослужащих и их семей, беженцев, а также шагов по законодательной защите культурного наследия нашей страны. В частности, были приняты новые и внесены поправки в уже действующие законы, касающиеся: 1) воинской обязанности и военной службы; 2) статуса ветерана (в данную категорию были включены участники боевых действий и сотрудники ФСБ, помогающие отражать вооруженное вторжение на государственной границе и приграничной территории, а также ополченцы Донбасса); 3) мобилизационной подготовки граждан, призванных на военную службу; 4) усиления уголовной ответственности за террористическую, диверсионную деятельность и государственную измену с учетом используемых злоумышленниками новых способов совершения преступлений, представляющих общественную опасность; 5) особых прав при приеме на обучение в высшие учебные заведения для Героев РФ, военнослужащих и их детей, в случае заключения контракта о добровольной воинской службе в условиях СВО; 6) контроля за информационной деятельностью лиц, признанных иностранными агентами; 7) усиления ответственности за распространение заведомо ложных сведений о Вооруженных Силах РФ; 8) изменения процедуры получения гражданства и др. Данные законодательные изменения, актуальные для большинства российских граждан, подробно комментировались авторами текстов изучаемого жанра.

Социальная сфера нашей страны также подверглась существенному реформированию. Так, значительное число изученных комментариев за указанный период посвящено разъяснению порядка выплат страховых пенсий, поправок в законах об ипотечном кредитовании и деятельности негосударственных пенсионных фондов, изменению предельных размеров налоговых вычетов, а также усилению контроля над деятельностью субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, что представляется важным для целей нашего исследования.

Популярное освещение получили также законы, направленные на охрану здоровья граждан. В частности, в рассмотренных комментариях содержались пояснения к законам о запрете на торговлю (в том числе дистанционную и с помощью автоматов) устройствами для потребления никотинсодержащей продукции, продажу детям товаров с газом и рекламу такой продукции. В интересах граждан России была усилена ответственность за незаконное производство, хранение и сбыт метилового спирта под видом алкогольной продукции, объем которых значительно увеличился после введения санкционного режима в отношении нашей страны, что также подробно комментировалось специалистами – авторами релевантных текстов жанра.

Наконец, были внесены законодательные изменения, направленные на воспитание патриотизма граждан, включающие увековечение памяти погибших при защите Отечества; сохранение и популяризацию объектов культурного наследия, в том числе, объектов нематериального этнокультурного достояния России: устного творчества, устных традиций и форм их выражения на русском языке, языках и диалектах народов РФ; а также на защиту русского языка как государственного.

Особого внимания заслуживает также принятие законов, направленных на формирование идеологии граждан России, в частности, запрет пропаганды идеологии чайлдфри, запрет на усыновление в страны, где разрешены однополые браки и запрет самой пропаганды ЛГБТ, включая демонстрацию ЛГБТ-информации.

Комментарии законодательных текстов данной тематики, на наш взгляд, вызывают повышенный общественный интерес и представляют особую ценность, так как способствуют формированию высокой нравственной и правовой культуры российского общества.

Композиционное строение

Комментарии в журнале «Человек и закон» имеют типовую структуру и обычно включают в себя 4–5 абзацев, хотя в отдельных случаях могут варьироваться от 2 до 18 абзацев (в зависимости от количества принятых в законе изменений и необходимости полно и точно раскрыть содержание нового закона). Абзац, по нашим наблюдениям, зачастую состоит из одного развернутого сложносочиненного или сложноподчиненного предложения.

Все комментарии имеют заголовки, коррелирующие с тематикой принятых нормативно-правовых актов. В заголовках лаконично сформулирована суть вводимых законодательных изменений. Первый абзац всех текстов-комментариев содержит клишированную формулировку: *«Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон «О (название закона)»*. Во втором абзаце раскрываются цели вступающих в силу новых законов или вносимых изменений, а также указываются группы лиц, на которых будет распространяться их действие.

После обозначения цели принятия закона/изменений следует разъяснение порядка их действия, что, на наш взгляд, коррелирует с гипотезой (условием реализации) и диспозицией (правилом поведения, которому должны следовать участники правоотношений) в структуре типовых российских законов, являющихся текстами-источниками для вторичных текстов рассматриваемого жанра. В ряде случаев в разъяснении присутствует указание на последствия нарушения закона (санкция). Санкция, как правило, содержится в последнем абзаце комментария.

Правовые комментарии в печатной версии «Российской газеты» публикуются в рубриках «Документ в номере», «Право» и «Закон» и включают от 4 до 12 абзацев в

зависимости от сложности разъясняемой понятийно-предметной ситуации и значения новых законов для каждодневной жизни российских граждан. Отличительной особенностью «Российской газеты» как официального публикатора является приведение полных текстов новых законов отдельно от комментариев в рубрике «Документы».

Тема публикации кратко формулируется перед заголовком. Далее приводится подзаголовок статьи, раскрывающий суть той или иной законодательной новеллы. В первом абзаце в сжатой форме раскрывается содержание нового закона и возможные проблемы или последствия, связанные с его применением.

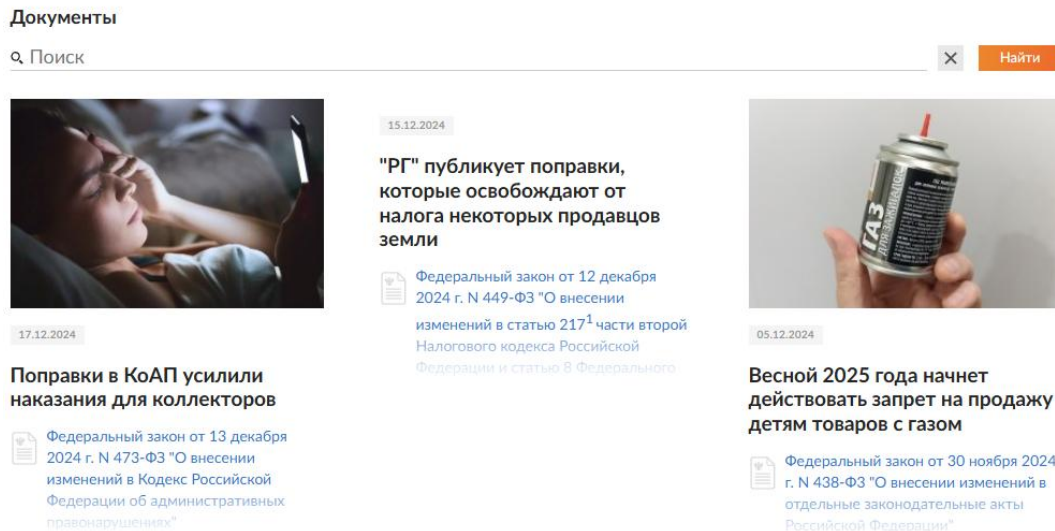
Комментарии в газете, как правило, носят практико-аналитический характер и содержат фрагменты интервью и высказывания разных экспертов по освещаемому правовому вопросу. Ссылка на полный текст документа дается после нижнего подчеркивания, например: «Документ публикуется на с. 9». На указанной странице читатели могут ознакомиться с неадаптированной версией релевантного законодательного текста.

Комментарии на сайте «Российской газеты» *RG.RU* имеют похожую структуру. Тексты законов и комментарии к ним публикуются в среднем через неделю после их подписания под рубрикой «Документы».

Заголовки публикаций в лаконичной форме передают содержание принимаемых законов/изменений. Имя адресанта, в отличие от комментариев в журнале «Человек и закон», указывается в тексте непосредственно под заголовком, что придает несколько персонализированный и оценочный характер сообщаемой информации.

Всем заголовкам предшествуют соответствующие темам публикаций фотографии, которые позволяют адресату оперативно находить интересующую информацию. Под заголовками располагаются активные ссылки на полные тексты

законов с указанием их реквизитов. При нажатии на заголовок статьи открывается непосредственно комментарий (Изображение 8).

Изображение 8. Правовые комментарии на сайте «Российской газеты»

В первом абзаце комментария кратко формулируется содержание закона/вносимых изменений. Во втором абзаце адресату разъясняется, как новый закон будет применяться на практике. Типовой комментарий на сайте портала содержит от 7 до 12 абзацев, включая абзацы, состоящие из одного краткого простого предложения. После непосредственного текста комментария приводится ссылка на соответствующий выпуск «Российской газеты», в котором публикуется документ. Под текстом публикации указывается полное и точное название разъясняемого федерального закона (Изображение 9).

Является комментарием к:

Федеральный закон от 13 декабря 2024 г. N 473-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"

*Изображение 9. Ссылка на оригинальный текст закона после комментария на сайте
«Российской газеты»*

Отличительной особенностью комментариев в печатной версии «Российской газеты», а также на ее сайте *RG.RU* является частое включение в них цитат экспертов (законодателей, юристов, депутатов, судей и др.), высказывающих свое мнение по поводу важности принятия того или иного законодательного изменения или оценку его правовых и социальных последствий, что, на наш взгляд, обусловлено фактором адресанта – профессионального журналиста, специализирующегося на правовой тематике.

Таким образом, как показал анализ, «правовой комментарий для неспециалиста» является самым лабильным жанром популярно-юридического дискурса. В отличие от текстов других жанров дискурса он имеет четкую привязку к конкретному времени. Тематика комментариев отличается большим разнообразием, но неизменно является актуальной для текущих потребностей массового адресата. Ссылки на авторитетные мнения профессиональных юристов в текстах комментариев, созданных неспециалистами для неспециалистов, позволяют журналистам – авторам таких публикаций подтвердить достоверность и правильность толкования сообщаемой информации.

2.2.5. Жанр «публичная лекция правовой тематики»

Общая эмпирическая база исследования в данном жанре составила 130 лекций правовой тематики объемом 2 406 минут (40 часов).

Краткая справка об источниках

В качестве материала исследования послужил курс мини-лекций А. Русаковича *«Веселые ролики об основах права»*, выложенный автором в собственном видеоблоге

«Обществознание без цензуры» на сайте портала для юристов «Закон.ру» (*zakon.ru*), а также в блогах VK и Telegram. Как мы уже упоминали ранее в работе, А. Русакович является профессиональным журналистом, юристом, писателем, а также преподавателем обществознания. Лекции цикла «Обществознание без цензуры» приобрели популярность как у профессиональной, так и у непрофессиональной зрительской аудитории и получили большое число положительных откликов и комментариев. Успех побудил лектора к написанию одноимённой книги-самоучителя для школьников старших классов по подготовке к ЕГЭ по обществознанию.

Также для анализа был выбран лекторий **«Школа права»**, выложенный на канале RUTUBE. «Школа права» представляет собой совместный проект Прокуратуры Иркутской области и Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина и включает лекции по правовому просвещению и правовому информированию граждан по самым разным вопросам. Проект является долгосрочным и реализуется с 2018 года по настоящее время. Лекции проходят в Иркутской областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина в формате видеозаписей, которые затем размещаются на rutube-канале библиотеки. С содержанием видеолекций можно также ознакомиться, перейдя по соответствующим ссылкам на сайте библиотеки. В качестве лекторов выступают действующие прокуроры, представляющие разные отделы Прокуратуры Иркутской области, такие как: отдел по надзору за исполнением законодательства в социальной сфере, отдел по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики и охраны природы, отдел по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, отдел правовой статистики и защиты информации, отдел по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму, отдел по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, отдел государственных обвинителей и др.

Коммуникативная цель

В зависимости от коммуникативного намерения адресанта лекции правовой тематики, по нашим наблюдениям, могут служить передаче как субстанционального, так и процедурного правового знания. Лекции просветительского типа служат формированию представлений адресата о правовом устройстве государства, освоению основной юридической терминологии, в то время как лекции инструктирующего типа носят характер тематических консультаций по отдельным правовым вопросам.

Тематика

Лекции цикла «Веселые ролики об основах права» А. Русаковича посвящены разъяснению ключевых понятий правоведения, таких как «право», «правоотношения», «источники права», «система права», «нормативность», «юридический факт», «правовой институт» и т.д. Адресант приводит определения юридических понятий, сопровождаемые подробными объяснениями и наглядными примерами.

Лекторы «Школы права», в свою очередь, разъясняют гражданам порядок действий в различных юридических ситуациях со ссылками на релевантные законодательные документы. Тематика лекций охватывает самые разные сферы, такие как: ответственность за угрозу убийством или причинение тяжкого вреда здоровью; ответственность за оборот оружия; получение в собственность имущества; уличная преступность; профилактика дистанционного мошенничества; преступления террористического характера, совершенные посредством сети «Интернет»; борьба с коррупцией; ответственность присяжных заседателей при отправлении правосудия; производство по уголовным делам; ответственное обращение с животными; продажа алкогольной продукции несовершеннолетним; незаконные финансовые практики; возмещение вреда здоровью при некачественно оказанной медицинской помощи,

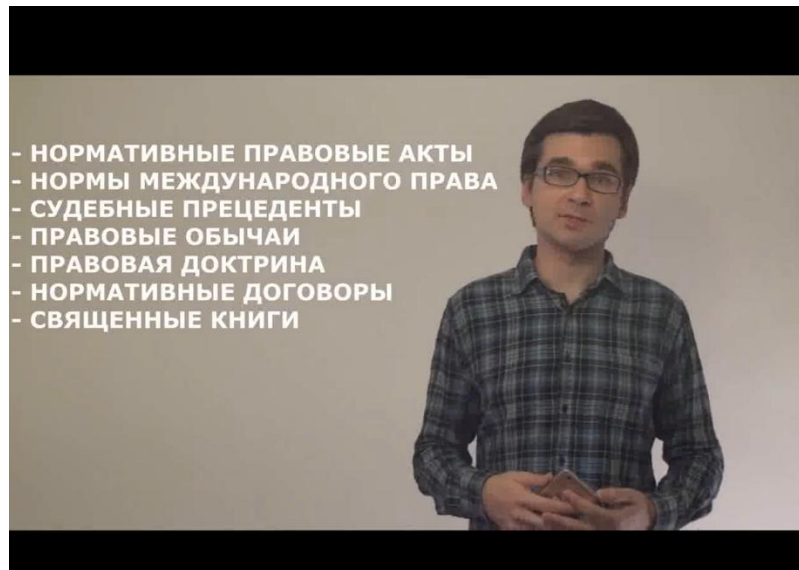
воспитание детей и др. Наиболее популярными, судя по количеству просмотров, темами являются вопросы трудовых прав граждан, хищения имущества, поддержки детей-сирот, прав и обязанностей детей в школе, а также прав и обязанностей родителей, в том числе условия лишения родительских прав.

Отдельные лекции, например, лекции прокуроров Ю.М. Тютриной «История создания прокуратуры России», Л.А. Слинковой «Международный день борьбы с коррупцией», а также «Государственные символы РФ и ответственность за нарушение порядка их официального использования» Н. А. Белозерцевой служат повышению общего уровня правовой грамотности населения и реализации государственной политики в аспекте воспитания патриотизма.

Композиционное строение

Продолжительность одной лекции цикла «Веселые ролики об основах права» составляет от десяти до пятнадцати минут. Все лекции четко структурированы и характеризуются логичными переходами между смысловыми частями. Преподавательский опыт адресанта отражается в композиции лекций, напоминающих учебные занятия.

Каждая лекция начинается с представления себя лектором (А. Русаковичем), введения новой темы и обоснования ее актуальности для изучающих право. Далее адресантом обозначается примерный перечень вопросов, которые будут рассмотрены в рамках упомянутой темы. Вводная часть, как правило, длится от двух до четырех минут (*Изображение 10*).

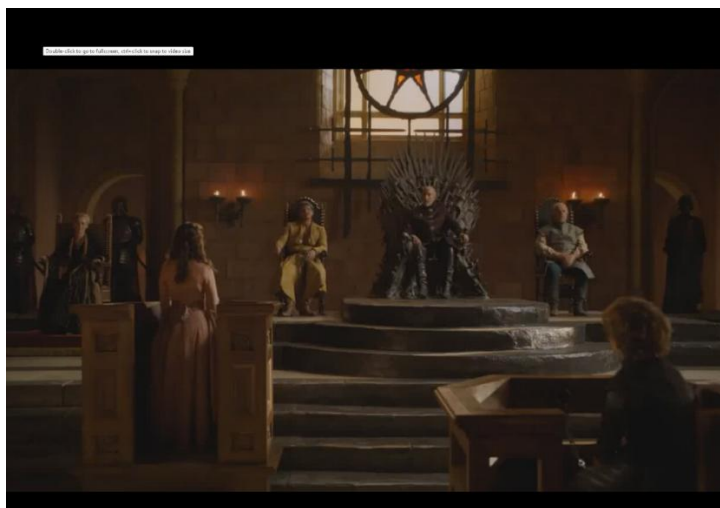
Изображение 10. Фрагмент лекции А. Русаковича «Веселые ролики об основах права»

В основной части лекции, занимающей от пяти до восьми минут, каждый из вопросов подробно рассматривается адресантом, широко использующим интерактивные возможности формата интернет-лекции. Дефинирование понятий сопровождается «нарезкой» из популярных художественных фильмов, телесериалов, телепередач и др., либо наглядно иллюстрирующих правоприменение в конкретных ситуациях, либо служащих развлечению аудитории слушателей/пользователей. Например, в качестве примера правоотношений лектор задействует знаменитый фрагмент «колыбельной» песни из советской комедии Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (*Изображение 11*).

Изображение 11. Фрагмент художественного фильма «Операция «Б» и другие приключения Шурика» (1965)

Значение юридического термина «прецедент» в рамках темы «Источники права» сначала аудиально и визуально эксплицируется адресантом, а затем подкрепляется видеорядом, включающим кадры из популярного современного американского телесериала «Игра престолов» (*Изображение 12*).

Изображение 12. Фрагмент телесериала «Игра престолов» (2011 – 2019)

Разъяснения адресантом правовых понятий часто сопровождается отсылками к релевантным законодательным документам, фрагменты которых демонстрируются на экране (*Изображение 13*).

Статья 56

1. В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

2. Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом.

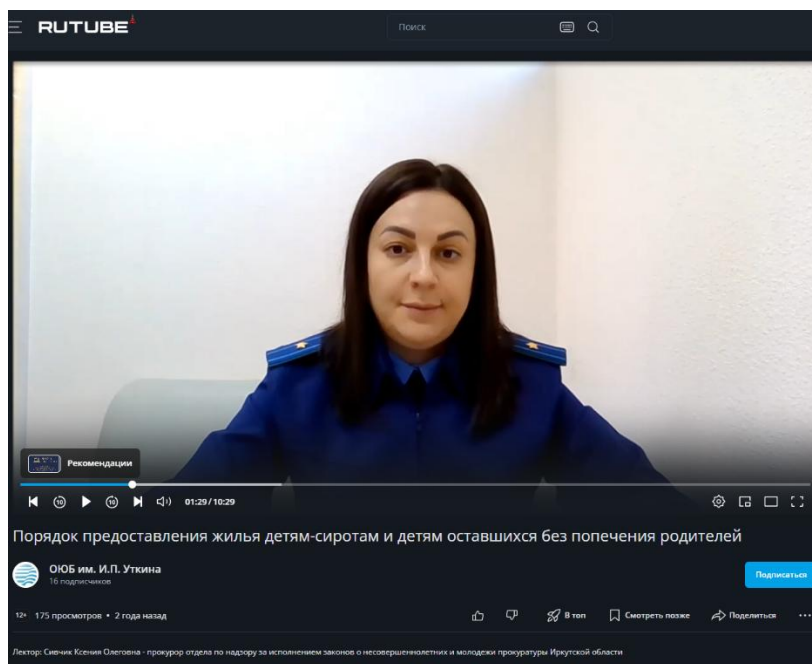
3. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные [статьями 20, 21, 23](#) (часть 1), [24, 28, 34](#) (часть 1), [40](#) (часть 1), [46 - 54](#) Конституции Российской Федерации.

Статья 57

Изображение 13. Ссылка на статьи закона в лекции А. Русаковича «Веселые ролики об основах права»

Каждая лекция завершается кратким обобщением пройденного материала и обзором изученной терминологии по теме. Для обеспечения обратной связи А. Русакович также предлагает слушателям/пользователям присоединиться к соответствующей группе ВКонтакте для оценки и комментирования содержания лекций.

Лекции проекта «Школа права» значительно варьируются по продолжительности и могут занимать от четырех минут до часа и более. В начале каждой лекции на экране демонстрируется ее тема, указываются имя и должность лектора – сотрудника правоохранительных органов. Внизу экрана приводится дата выхода лекции и количество ее просмотров. Нажав на кнопку «Подписаться», адресат может получать уведомления о выходе новых лекций проекта, оставлять свои комментарии и вопросы (*Изображение 14*).

Изображение 14. Фрагмент лекции проекта «Школа права»

В отличие от лекций А. Русаковича, лекции «Школы права» не имеют типовой структуры, переходы от вводной части к основной, и от основной к заключительной адресантами не всегда четко обозначаются. Данный факт, на наш взгляд, объясняется большим количеством участников проекта, каждый из которых отличается собственной манерой изложения и подачи материала, а также тем, что адресанты не имеют достаточного опыта публичных выступлений.

Видеоряд характеризуется статичностью, что, по нашему мнению, обусловлено жестким хронотопом коммуникативной ситуации (публичная лекция в библиотеке). В начале каждой лекции адресантами формулируется актуальность выбранной темы для рассмотрения и акцентируется ее важность для каждого гражданина РФ. Далее лекторами обозначаются конкретные проблемы, с которыми может столкнуться адресат в своей жизнедеятельности применительно к рассматриваемой теме. Вводная часть может занимать от одной до пяти минут в зависимости от общей продолжительности лекции.

Основная часть лекции включает описание частотных конфликтных жизненных и юридических ситуаций, а также рекомендации по поведению адресата в данных ситуациях в рамках закона. Юридические рекомендации сопровождаются отсылками к релевантным нормативным документам. Продолжительность основной части варьируется в зависимости от общего времени лекции, но занимает не менее двух третей указанного времени. Каждая лекция заканчивается призывом сотрудников правоохранительных органов к адресатам соблюдать закон для обеспечения порядка в российском обществе.

Таким образом, в ходе анализа текстов жанра «публичная лекция правовой тематики» было установлено, что коммуникативными целями адресантов могут быть как повышение общего уровня правовой грамотности массового или группового адресата (например, школьников старших классов), так и разъяснение действия правовых норм и санкций за их нарушение. Поиск эмпирического материала показал, что, несмотря на безусловную эффективность популяризации в данном жанре, тексты которого отличаются от других высокой степенью поликодовости и полимодальности, а также имеют интерактивный характер, они недостаточно широко представлены в ряду жанров популярно-юридического дискурса. Адресат-неспециалист, интересующийся вопросами права, имеет ограниченный доступ к открытым лекциям, читаемым на безвозмездной основе, и относительно небольшие возможности выбора контента. Значительный потенциал популяризации в рассматриваемом жанре, на наш взгляд, необходимо задействовать. Мы также придерживаемся позиции о том, что содержание любых просветительских проектов должно находиться под непосредственным контролем органов образования и просвещения, что позволит избежать распространения псевдонаучной информации, сведенной к индивидуальной интерпретации реалий правовой действительности адресантами без достаточного уровня профессиональной компетентности.

Выводы по главе 2

Правовое просвещение массового адресата подразумевает не только усвоение им юридической терминологии, но и формирование соответствующей жанровой компетенции, от которой напрямую зависит успех коммуникации в условиях юридического дискурса. Однако изучение индивидом институциональных жанров, возникших в результате развития и компликации повседневного общения, представляет определенную сложность в силу отсутствия непосредственной связи между вторичными жанрами и социальной реальностью. Тексты популярно-юридического дискурса способствуют решению данной проблемы. Тем не менее, выделение жанров самого дискурса представляет определенную методологическую сложность в силу его гибридной природы.

Под «жанром популярно-юридического дискурса» в работе понимается *типовая модель общения, служащая корреляции языковой и правовой реальности у адресата-неспециалиста, с последующим формированием у последнего актуальной правовой картины мира и регулированием его поведения в типичных юридических ситуациях.*

Жанры популярно-юридического дискурса предоставляют адресанту бóльшие возможности для индивидуального самовыражения, чем жанры профессионального юридического дискурса с их ритуализированностью и строгими речевыми канонами. Стилистическая неоднородность (гетерогенность) популярно-юридического дискурса затрудняет использование стилевой принадлежности для выделения и разграничения его жанров. Политональность как имманентная характеристика данного гибридного дискурса, детерминирующая его эмоционально-стилевой формат, также не позволяет использовать коммуникативную тональность в качестве основного жанрообразующего признака.

Был сделан вывод о том, что наиболее типологически значимым конститутивным признаком речевого (дискурсивного) жанра выступает коммуникативная цель. Кроме того, было установлено, что специфика текстов популярно-юридического дискурса определяется взаимодействием других институциональных дискурсов в коммуникативном пространстве каждого из дифференцируемых жанров.

В ходе исследования были выделены и подробно изучены пять жанров, представляющих наибольшую ценность для правового просвещения адресата-неспециалиста: *«научно-популярная книга о праве»*, *«книга юридических советов»*, *«юридическая консультация»*, *«правовой комментарий для неспециалиста»* и *«публичная лекция правовой тематики»*. Тексты указанных жанров были проанализированы с точки зрения тематики, композиционного строения и коммуникативной цели.

Для обеспечения валидности исследования в качестве адресантов популярно-юридического дискурса рассматривались специалисты, имеющие юридическое образование, а также научные степени в сфере права, совмещающие юридическую практику с просветительской деятельностью. Основная информация об адресантах была представлена в виде релевантных справок.

Как показал анализ эмпирического материала, тематика текстов разных жанров популярно-юридического дискурса детерминирована типом передаваемого знания. В жанрах, априори нацеленных на передачу субстанционального знания, а именно, научно-популярных книгах и публичных лекциях правовой тематики (18,2%), рассматривались общие вопросы истории права, правового устройства государства, отраслевой классификации права, судебной системы, работы правоохранительных органов и т.д. В 36,4% текстов субстанциональное знание сочеталось с процедурным, делая их практически равнопредставленными в отдельных текстах научно-популярных книг и публичных лекций правовой тематики.

В жанрах, ориентированных на передачу процедурного знания (36,4%), таких как «книга юридических советов» и «юридическая консультация» наиболее часто рассматривались ситуации из области семейного, трудового, наследственного, налогового, автомобильного права, а также вопросы защиты прав потребителей. Тексты жанра «правовой комментарий для неспециалиста», служащие передаче ориентационного знания (9,1%), продемонстрировали наибольшую вариативность тематики и ее актуальность для современного массового адресата. В частности, текущая геополитическая ситуация определила повышение интереса граждан к темам призыва на военную службу, вопросам ношения и хранения оружия, а также ответственности за распространение информации, дискредитирующей Вооруженные силы Российской Федерации. Широкое освещение в текстах популярно-юридического дискурса также получили инициативы по защите культурного, в том числе языкового наследия России, и поддержанию высокого уровня нравственности граждан нашей страны. Таким образом, было установлено, что тексты популярно-юридического дискурса, создаваемые адресантами для передачи процедурного знания массовому адресату, на сегодняшний день демонстрируют тенденцию к преобладанию. Соотношение передаваемых типов правового знания в разных жанрах дискурса представлено в *Диаграмме 1*.

Диаграмма 1. Типы передаваемого знания в текстах популярно-юридического дискурса

Изучение композиционного строения текстов выделенных жанров популярно-юридического дискурса показало, что наибольшими по объему являются научно-популярные книги о праве и книги юридических советов, отличающиеся четким сегментированием. Тексты публичных лекций и юридических консультаций, характеризующиеся значительно меньшей протяженностью языкового кода, продемонстрировали большую вариативность с точки зрения композиции и структурирования информации. Тексты жанра «правовой комментарий для неспециалиста» отличались наибольшей степенью компрессии и тематической лабильности.

Анализ текстов выделенных жанров по критерию «канал получения информации» позволил установить, что наиболее распространенными типами дискурса, представленными в 80% текстов, выступают дистантный и дистантно-виртуализованный популярно-юридический дискурс (Таблица 1).

Жанр ПЮД	Тип ПЮД по каналу передачи информации				
	дистант ный	дистантно- виртуализован ный	контакт ный	контактно- виртуализован ный	виртуальный
научно- популярная книга о праве	+	+	-	-	-
книга юридических советов	+	+	-	-	-

юридическая консультация	+	+	-	+	-
правовой комментарий для неспециалиста	+	+	-	-	-
публичная лекция правовой тематики	-	-	+	+	-

Таблица 1. Распределение типов популярно-юридического дискурса по критерию «канал передачи информации»

Исследование соотношения между представленными в выделенных жанрах типами популярного дискурса по критерию «коммуникативная цель» свидетельствует о наибольшей представленности инструктирующего популярно-юридического дискурса в российском информационном пространстве (70%) (Таблица 2).

Жанр ПЮД	Тип ПЮД по коммуникативной цели				
	просветитель ский	инструктирую щий	информирую щий	развлекатель ный	презентацио нный
научно- популярн ая книга о праве	+	-/+	-	-/+	-
книга юридичес ких советов	-	+	-	-	-/+
юридичес кая	-	+	+	-	+

консультация					
правовой комментарий для неспециалиста	-	-	+	-	-
публичная лекция правовой тематики	+	-/+	-	-/+	-

Таблица 2. Распределение типов популярно-юридического дискурса по критерию «коммуникативная цель»

Полученные результаты свидетельствуют о том, что инструктирующий тип популярно-юридического дискурса, направленный на выработку правил поведения и механизма защиты своих прав адресатами в конкретных юридических ситуациях, является наиболее востребованным на сегодняшний день. Наряду с данным типом дискурса в жанрах «книга юридических советов» и «юридическая консультация» мы также отмечаем присутствие элементов презентационного типа дискурса, способствующего популяризации института права и деятельности его агентов.

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

3.1. Виды адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса

В словаре лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой термин «адаптация» (от лат. *adaptation* — прилаживание, приноравливание) определяется как «приспособление» текста для недостаточно подготовленных читателей [Розенталь, Теленкова, 2022]. Развивая данную мысль, полагаем, что цель адаптации юридического текста заключается в заполнении релевантных лакун фоновых знаний адресата-неспециалиста, а также устранении возможного когнитивного диссонанса, препятствующего интериоризации специальной информации.

Как справедливо замечает В. Кизяковский в своей книге «Занимательное правоведение»: «Юридический язык – казуистичен и трудно воспринимаем для непрофессионала, отторгается бытовым восприятием <...>» [Кизяковский, 2019: 114]. По наблюдению С.В. Первухиной, если какое-либо сообщение заведомо является слишком сложным для восприятия адресата, последний может прибегнуть к помощи интерпретатора, который создаст новый (переводной или адаптированный) текст на основе текста-источника с учетом фоновых знаний адресата [Первухина, 2015: 53]. Адаптация текстов профессионального юридического и научного юридического поддискурсов юридического дискурса для коммуникативных условий популярно-юридического дискурса предполагает их трансформацию адресантом как в плане содержания (приспособление специальной информации к когнитивным возможностям и фоновым знаниям адресата), так и в плане выражения (преобразования на синтаксическом уровне).

Опираясь на общую схему коммуникации, С.В. Первухина выделяет следующие виды адаптации текста: субъектную, референциальную, адресатную и инструментальную [Первухина, 2015: 63–67]. *Субъектная адаптация* текста подразумевает, что успешность коммуникации напрямую зависит от личности самого адресанта – адаптатора. В случае адаптации текстов юридического дискурса необходимо, чтобы адресант обладал достаточными знаниями в данной предметной области. В связи с этим мы уделили особое внимание критерию отбора источников эмпирического материала данного исследования, достоверность которых подтверждена соответствующими краткими справками во второй главе работы. Однако нам представляется очевидным, что успех популяризации права не всегда определяется только высоким уровнем профессиональной компетентности адресанта-юриста. Большое значение имеют также развитые навыки коммуникации с разнородной аудиторией, которыми, в частности, обладают журналисты, создающие тексты правовой тематики, и все чаще выступающие в роли популяризаторов правовых знаний. Кроме того, необходимо отметить, что субъектная адаптация в текстах популярно-юридического дискурса результируется в оценочном ракурсе подачи специальной информации независимо от того, является ли адресант профессиональным юристом или журналистом.

Адресатная адаптация, напротив, учитывает то, кому предназначен адаптированный текст. Тексты популярно-юридического дискурса, как мы неоднократно упоминали, ориентированы на массового адресата, включающего разные возрастные и профессиональные группы неспециалистов, т.е. людей, не имеющих юридического образования. По утверждениям ряда исследователей (Аверин, 2022; Акаева, 2007; Первухина, 2014, 2015), в адаптированных специальных текстах адресанты с учетом недостаточных узких (частных) пресуппозиций адресата зачастую отказываются от сложной, потенциально незнакомой последнему терминологии. Отличительной особенностью адаптации специальной информации в

текстах популярно-юридического дискурса является то, что специальные юридические термины используются в тех же значениях, что и в профессиональном и научном юридическом дискурсе, не заменяясь известными адресату общенаучными терминами, однако упрощению подвергаются экспликации данных юридических терминов для неспециалистов. В зависимости от типа адресата (заинтересованный, незаинтересованный, таргетированный) и его мотивации к получению правовых знаний адресантом определяются непосредственно способы и степень адаптации упомянутой информации.

Инструментальная адаптация, в свою очередь, понимается С.В. Первухиной как «способ адаптации текста» [Первухина, 2015: 65]. Так, исследователем выделяются устная и письменная адаптация текста, адаптация письменного текста для слабовидящих людей, сурдоперевод для людей с нарушениями слуха и т.д. Выбор адресантом того или иного способа адаптации зависит от наличия помех/препятствий коммуникации, заключающихся в различиях фоновых знаний коммуникантов, их национальной и культурной принадлежности, физиологических особенностях и т.д. Наше понимание инструментальной адаптации текста применительно к популярно-юридическому дискурсу заключается в вариативном выборе и чередовании адресантом разных модусов общения (устного, письменного, визуального и аудиального), способствующих наиболее эффективной интериоризации правовых знаний. Наглядным примером инструментальной адаптации сложной специальной информации служат тексты жанра «публичная лекция правовой тематики» виртуализованного формата. Автор изучаемого в работе цикла лекций «Веселые ролики об основах права» А. Русакович активно задействует режим «переключения» модусов, сопровождая разъяснения ключевых юридических понятий краткими видеофрагментами соответствующей тематики. Такого рода адаптация сложной информации отвечает потребностям современного адресата, характеризующегося, по наблюдениям исследователей (Гиренок, 2014; Логинов, 2021; Маклюэн, 2005;

Тоффлер, 1999; Фрумкин, 2010 и др.) «клиповым мышлением». Адресант в ходе адаптации фрагментирует передаваемую информацию, задействует визуальность мышления посредством соответствующих модусов, таким образом приспособляя специальные тексты к упомянутым когнитивным особенностям адресата, неспособного к длительному восприятию однородной линейной информации.

Наконец, *референциальная адаптация* затрагивает непосредственно сам текст или сообщаемую в нем специальную информацию. При переводе в популярный формат юридические тексты нуждаются в адаптации как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Восприятие данных текстов неподготовленным адресатом осложнено не только наличием незнакомой отраслевой терминологии, но и сложным синтаксисом, характерным для стиля юридических документов. Данный вид адаптации представлял особый интерес для нашего исследования, а его результаты подробно изложены в настоящей главе.

3.2. Модели адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса

Ключевым процессом при моделировании (выведении) смысла нового знания адресатом-неспециалистом выступает интерпретация данного знания адресантом. В зависимости от свернутости или развернутости специальной информации в тексте учеными обычно выделяются два противоположных вектора ее интерпретации: компрессия и амплификация. Компрессия, соответствующая коммуникативной теме, позволяет адресанту соотнести новую информацию с уже имеющимися знаниями адресата-неспециалиста, а амплификация, соответствующая коммуникативной реме, помогает сосредоточить внимание адресата на приращении ранее неизвестной ему информации. По мнению В.И. Карасика, компрессия является выражением ориентационного знания и направлена преимущественно на узнавание, в то время как

амплификация способствует передаче фундаментального знания, нацеленного на уразумение и постижение смысла передаваемой информации [Карасик, 2009b: 46].

Для целей данного исследования представляется необходимым рассмотреть особенности *моделей адаптации*, которые задействуют адресанты текстов популярно-юридического дискурса для облегчения восприятия сложной специальной информации широким кругом неспециалистов. Согласно выводам С.В. Первухиной, текстовые трансформации при адаптации юридического текста могут быть сведены к трем основным моделям: 1) *симплификации* (упрощению); 2) *денотатной экспликации* (пояснению незнакомых языковых единиц) и 3) *амплификации* (объяснению незнакомой адресату понятийно-предметной ситуации) [Первухина, 2015: 120].

Как полагает ученый, сложность понимания текста напрямую связана с его объемом и количеством незнакомых понятий. В этом случае адаптация специального текста предполагает его компрессию, находящую свое семантическое отражение в модели симплификации. Данная модель реализуется посредством сокращения предложений и упрощения в них синтаксических связей, а также использования широкоупотребительной лексики.

Анализ текстов популярно-юридического дискурса, проведенный в данной работе, позволил установить, что симплификация выступает не в качестве отдельной модели адаптации, а первым этапом/процессом обработки специального текста, результатом которого становится либо текстовое расширение, либо текстовая компрессия, на основании которых мы предлагаем выделять соответствующие модели.

Таким образом, адаптация по линии *текстового расширения* реализуется посредством моделей амплификации (разновидности данной модели будут рассмотрены далее в работе) и денотатной экспликации, выделенных ранее С.В. Первухиной. Исследователь в этой связи полагает, что в случае упрощения

(симплификации) текста происходит его семантическое свертывание, а в случае денотатной экспликации наблюдается обратная трансформация – семантическое развертывание, которое повышает понятность текста через создание соответствующего понятийного аппарата у адресата [Первухина, 2015: 229]. С одной стороны, мы солидизируемся с С.В. Первухиной, так как относим денотатную экспликацию к моделям текстового расширения. С другой стороны, мы не можем согласиться, что в случае упрощения текста происходит только его семантическое свертывание. На наш взгляд, симплификация текста может проходить в двух разных направлениях, детерминированных жанром текста и коммуникативной целью адресанта.

Наши наблюдения подтверждаются выводами А.А. Дьяковой о несовпадении уровней сложности формы и содержания адаптированного текста при их сопоставлении. В частности, ученым установлено, что при вторичной репрезентации специального текста для адресата-неспециалиста, адресантом активно используются развернутые синтаксические конструкции, а в случае предъявления текста более осведомленному читателю в нем преобладают свернутые структуры. Будучи сложным с точки зрения формы (субъективно текст большего объема, содержащий сложноподчиненные предложения, причастные обороты, вводные конструкции и т.д., воспринимается адресатом как более сложный), развернутый текст представляется более простым с точки зрения содержания, так как характеризуется меньшей семантической плотностью [Дьякова, 2016: 161]. Таким образом, упрощение текста не является эквивалентом его компрессии. Мы солидарны с А.А. Дьяковой в том, что при популяризации специального текста восприятие развернутых синтаксических конструкций хотя и занимает больше времени у адресата, но избавляет его от необходимости самостоятельного вывода смысла данного текста, делая процесс чтения/просмотра менее напряженным, другими словами, упрощая процесс когнитивной обработки новой сложной информации.

Таким образом, симплификация, по нашему мнению, может заключаться не только в синтаксическом упрощении текста, но и приводить к значительному увеличению его объема, «размыванию» терминологической плотности, креолизации текста в ряде случаев, появлению в нем разговорных элементов и т.д. С другой стороны, в адаптации специальных текстов по линии *текстовой компрессии* мы также имеем дело с симплификацией, однако ее вектор направлен в противоположную сторону – сторону уменьшения протяженности и сложности языкового кода посредством модели редуцирования исходного текста.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующую схему адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса разных жанров (*Схема 2*):

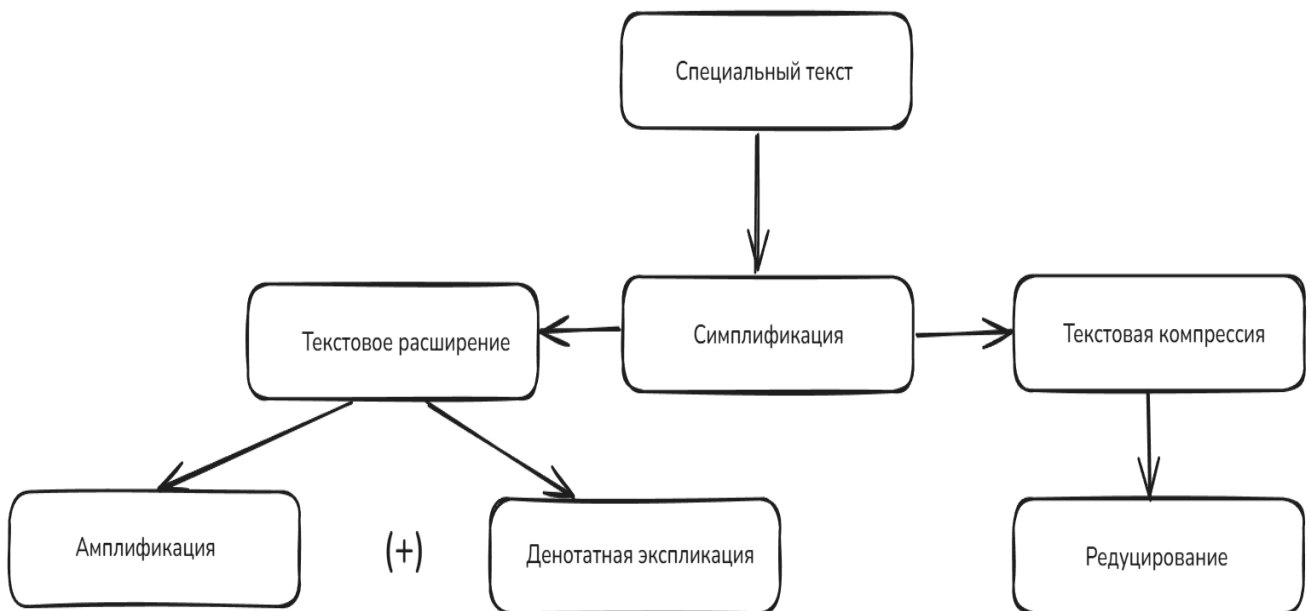

Схема 2. Модели адаптации специального текста

Как показал анализ эмпирического материала, выбор соответствующей модели адаптации определяется коммуникативной целью жанра популярно-юридического дискурса. Для передачи фундаментального знания, как субстанционального, так и

процедурного, используются модели текстового расширения. При передаче ориентационного знания адресантами задействуется модель текстовой компрессии.

3.2.1. Адаптация по линии текстового расширения

Разновидности амплификации в текстах популярно-юридического дискурса

Учитывая характер текстового расширения, В.И. Карасик выделяет два подтипа амплификации: *ассоциативно-художественную* и *рационально-дискурсивную* [Карасик, 2009b: 40]. Данные наблюдения коррелируют с выводами С.В. Первухиной, которая различает *оценочную* (с содержанием оценочного компонента) и *сигнификативную* (с содержанием дополнительной информации) амплификацию [Первухина, 2015: 129–130]. Мы, свою очередь, считаем возможным выделить три типа амплификации, задействуемые адресантами популярно-юридического дискурса: 1) *рациональный* (сообщение дополнительной информации о понятийных признаках денотата), 2) *оценочный* (добавление адресантом собственной оценки объясняемого понятия) и 3) *образно-ассоциативный* (привлечение средств выразительности, например, тропов для разъяснения сложной специальной информации).

Анализ приемов адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса позволяет нам выделить частную разновидность амплификации – *экземплификацию*, т.е. объяснение при помощи примеров. Модель экземплификации посредством приведения фактов, обстоятельств реальных дел из правовой/судебной практики и отсылок к релевантным юридическим документам мы относим к рациональному типу текстового расширения. Модель экземплификации посредством приведения примеров из личного опыта адресанта, содержащие оценочный компонент – к оценочному типу. Модель экземплификации посредством нехудожественного нарратива (например, исторического), а также при помощи стилистических приемов (например, развернутой метафоры) – к образно-ассоциативному типу. Релевантные примеры приведены далее в работе.

Таким образом, разновидности модели амплификации в текстах популярно-юридического дискурса могут быть представлены в виде следующей схемы (Схема 3):

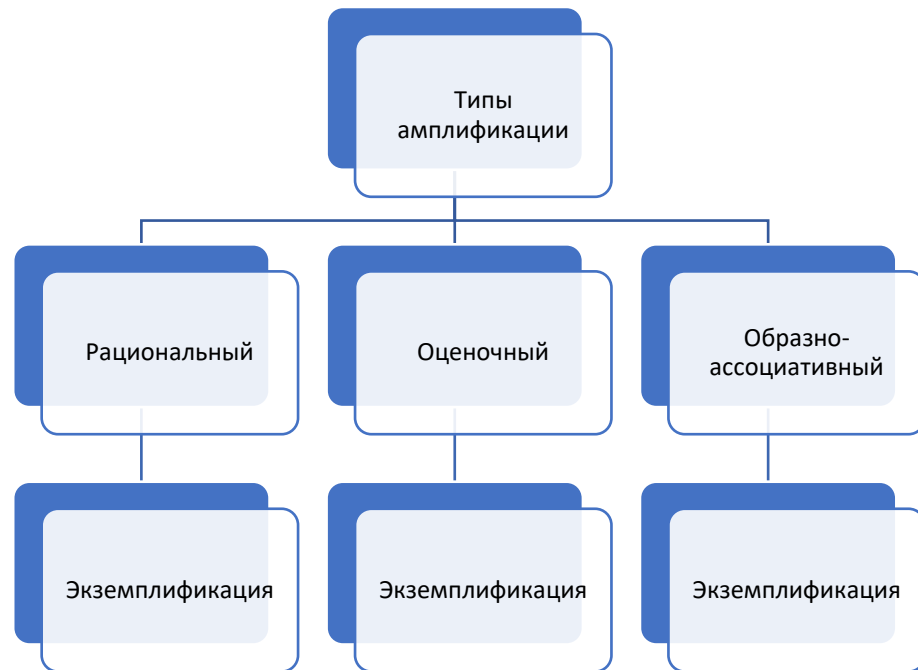

Схема 3. Типы амплификации в текстах популярно-юридического дискурса

Чтобы лучше понять отличия амплификации от других моделей адаптации специальной информации, сравним два определения понятия «государство», приводимые в книгах «Занимательное правоведение» и «Как устроено право»:

- *«Итак, **государство**, при всем многообразии определений, – четко структурированная, основанная на подчинении по вертикали организация определенного круга людей с властными полномочиями, то есть возможностью управлять поведением остальных членов общества» [Кизяковский, 2019: 15–16].*
- *«В современной юридической науке государство определяют через его признаки. Соответственно, научное определение государства выглядит так: **государство – это организация, которая имеет следующие признаки:***

- *руководство, которое отделено от основной массы населения и обладает властью над ним;*
- *специальный аппарат управления и принуждения;*
- *территория;*
- *население;*
- *суверенитет;*
- *общеобязательный характер актов государства (законов, судебных решений и др.);*
- *монополия на легитимное насилие;*
- *наличие государственной казны и налогов»* [Русакович, 2024: 172].

В первом примере адресант использует модель денотатной экспликации, при помощи научного определения уточняя содержание понятия, известного большинству адресатов. Данное объяснение можно назвать «двухуровневым» с точки зрения моделирования смысла, так как разъяснению подвергается не только само вводимое понятие, но и терминологические единицы, используемые для его дефиниции (*людей с властными полномочиями, то есть возможностью управлять поведением остальных членов общества*).

Во втором примере адресант прибегает к модели амплификации рационального типа, выстраивая объяснение на основе важных понятийных признаков денотата. Логическое структурирование информации достигается посредством шрифтового выделения (полужирным шрифтом) и вынесения каждого из признаков на отдельную строку с предшествующим знаком «тире». Расширение информации во втором примере, в целом, имеет рациональную природу. Однако импликации выражений «аппарат управления и принуждения», а также «монополия на легитимное насилие», очевидно придают определению некоторый идеологический заряд.

Далее приведем несколько примеров экземплификации из книги А. Русаковича «Правоведение для всех».

➤ **«Юридическая фикция** – это несуществующее положение, признаваемое законодательством в качестве существующего. В переводе с латыни *fictio* – выдумка или вымысел. <...> Например, пропавший без вести человек считается погибшим с того дня, когда вступает в силу решение суда о признании его умершим. Именно с этого момента открывается наследство и наступают другие важные юридические последствия» [Русакович, 2017а: 398].

➤ **«Правовая аксиома** – положение, принимаемое без доказательств в силу его очевидности. <...> В частности, существуют аксиомы «нельзя быть судьей в собственном деле», «нельзя дважды осуждать за одно преступление», «должны быть выслушаны обе стороны» и т.д. Наиболее известная правовая аксиома – «закон обратной силы не имеет» [Русакович, 2017а: 398].

Модель экзemplификации в приведенных выше текстовых фрагментах реализуется разными способами. В первом случае после вводного слова «например» описывается ситуация из реальной жизни, которая, по нашим наблюдениям, часто фигурирует в вопросах, задаваемых юристам в ходе юридических консультаций. Во втором случае в качестве примеров используются конкретные правовые аксиомы, обозначающие важные традиции, принятые юридическим сообществом. Разъяснение понятий в обоих случаях начинается с экспликации их значений в правовой науке. Расширение текста в первом примере достигается в том числе посредством краткой этимологической справки или генетического определения [Дьякова, 2009]: «В переводе с латыни *fictio* – выдумка или вымысел».

➤ **«Правовой обычай** – правило, сложившееся в результате длительного применения, признанное и санкционированное государством и применяемое в общеобязательном порядке (в большинстве это относится к семейным отношениям, мореплаванию и торговле; например, по ст. 5 ГК РФ: «**Обычаем делового оборота** признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное

законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе»)» [Кизяковский, 2019: 69].

В данном фрагменте модель экзemplификации рационального типа реализуется посредством ссылки на соответствующую статью Гражданского кодекса РФ, в которой дается определение понятия «обычай делового оборота». Таким образом, для разъяснения юридического термина «правовой обычай» автор использует определение другого юридического понятия, выступающее в качестве примера.

В целом, анализируя адаптацию специальной информации в научно-популярных книгах о праве, необходимо указать на значительное приращение текста при введении новых понятий, что объясняется, в частности, отсутствием жестких ограничений по объему, предъявляемых, в частности, к медийным текстам. Наши наблюдения могут быть подтверждены следующими текстовыми фрагментами, в которых адресанты – авторы научно-популярных книг о праве разъясняют сущность понятия «судебный прецедент» (См. Примеры 1, 2, 3 Приложения).

Прежде всего необходимо отметить, что все три объяснения начинаются с экспликации значения термина «судебный прецедент», что соответствует основной коммуникативной цели текстов научно-популярных книг о праве, служащих передаче примарно субстанционального правового знания. В Примере 1 наблюдается приращение текста за счет исторической справки о возникновении данной правовой традиции, характеризующейся простым синтаксисом и наличием разговорных единиц. По нашим наблюдениям, адресанты популярно-юридического дискурса просветительского типа часто прибегают к помощи исторических нарративов. Введение новой информации посредством релевантных исторических нарративов позволяет обеспечить смысловое единство исторического материала и способствует успешной интериоризации специальных знаний в правовую картину мира неспециалистов. Простое перечисление исторических фактов и событий, не образующее связное повествование, затрудняет перцепцию нового материала. Как

справедливо замечает в данной связи Е.В. Мишалова, литературная форма исторического нарратива служит выполнению двух функций: текстуальной объективации исторического знания и представлению его читателям [Мишалова, 2012: 164].

Пример 2 содержит элементы экзemplификации – краткие описания релевантных судебных дел (иск гражданина против компании «Макдональдс» и коллективный иск против корпорации «Даймлер-Крайслер»). Наконец, автор третьего определения (Пример 3) прибегает к значительному расширению текста посредством реального примера из судебной практики, помогающего доступно и в увлекательной форме объяснить суть узкоспециального юридического понятия неспециалисту. Согласимся, что приводимый пример иска Луизы Кэрлил против компании *Carbolic Smoke Ball Co.*, являющийся составной частью развернутого объяснения, не содержит указания на некие признаки описываемого явления, позволяющие лучше раскрыть содержание изучаемого понятия. В связи с этим, данная модель адаптации не может быть отнесена, в частности, к сигнификативной амплификации, выделяемой С.В. Первухиной. Адаптированный текст, содержащий наглядные иллюстративные примеры, приращенный непосредственно к определению, мы относим к ранее упомянутой модели экзemplификации. Данная разновидность модели амплификации способствует эффективной интериоризации правовых знаний, так как призвана актуализировать возможный личный опыт индивида и связать передаваемую информацию с его непосредственными интересами.

В качестве комментария к Примеру 3 считаем важным обратить внимание на то, что широкие возможности коммуникации с аудиторией, имеющиеся в распоряжении современных популяризаторов, осложняют контроль за качеством передаваемого научного знания. В связи с этим адресат-неспециалист, в большинстве случаев воспринимающий на веру информацию, содержащуюся в современных книгах о праве, к сожалению, не застрахован от получения некорректных или неактуальных

сведений. В частности, судом высшей инстанции в Англии с 2005 года является Верховный суд, а не Апелляционный комитет Палаты лордов, который упоминается В. Оробинским в объяснении практики применения судебных прецедентов. Учитывая тот факт, что книга «Основы права» была опубликована в 2022 году, а данные конституционные изменения в Англии действуют уже на протяжении довольно продолжительного периода времени, автору следовало тщательнее верифицировать передаваемую фактическую информацию.

Как мы писали ранее в работе, отсутствие ограничений, связанных с объемом текста, позволяет адресантам – авторам научно-популярных книг о праве задействовать различные модели адаптации для разъяснения одного и того же юридического термина, обеспечивая полноценное понимание адресатом сообщаемой информации и поддерживая его мотивацию к получению новых знаний. Интересным способом в данной связи выступает повторный ввод понятий посредством чередования моделей адаптации, как частный случай текстового расширения, отмеченный нами только в книгах упомянутого жанра.

В качестве примера рассмотрим объяснение термина «**правовая аксиома**» В. Кизяковским в книге «Занимательное правоведение». Так, прежде чем перейти непосредственно к юридическому значению термина, адресант актуализирует фоновые знания адресата в научной области, приводя определение понятия «аксиома», сопровождаемое этимологической справкой (генетическим определением):

➤ *«Аксиома (от др.-греч. Αξίωμα), или **постулат** – исходное положение какой-либо теории, принимаемое в рамках данной теории истинным без требования доказательства и используемое при доказательстве других ее положений, которые, в свою очередь, называют теоремами» [Кизяковский, 2019: 87].*

Далее адресант переходит непосредственно к дефинированию понятия «правовая аксиома», содержащему элементы амплификации оценочного типа.

➤ *«Соответственно, **правовые аксиомы** – непреложные, исходные, элементарные истины, простые жизненные правила, ставшие привычными и самоочевидными в результате многовековой практики и без которых невозможно существования права как социального явления» [Кизяковский, 2019: 87].*

Для объяснения понятия адресантом используется амплификация рационального типа, включающая перечисление значимых свойств правовой аксиомы, а адаптированный текст при этом характеризуется относительно высокой когнитивной плотностью:

➤ *«По устоявшемуся мнению теоретиков, правовым аксиомам свойственно: а) выражать нравственные основы и «общечеловеческое» содержание права; б) являться базой правовых норм (и категорий правовой науки, которые потом воплощаются в позитивном праве), без которой последние теряют свою сущность и назначение; в) не вызывать сомнений и не допускать иных толкований; г) способствовать эффективности юридической деятельности – правотворчества, правоприменения, прокурорско-следственной и судебной деятельности; д) упрощать правовое регулирование, делать его более доступным; е) теснее связать правовые и морально-нравственные нормы; ж) развивать правосознание; з) способствовать разрешению «нестандартных ситуаций» – юридических казусов и так далее» [Кизяковский, 2019: 87].*

Линейное развертывание мысли адресантом получает дальнейшее продолжение посредством использования экзemplификации, представленной ссылками на действующие статьи российской Конституции и на случай из мировой судебной практики, изложенный в форме нарратива:

➤ *«Для наглядности – несколько примеров из Конституции РФ 1993г.: каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст.45); никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ст.50);*

никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (ст. 51);

никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; закон, устанавливающий более суровую ответственность, обратной силы не имеет (ст.54)» [Кизяковский, 2019: 87].

➤ «Правовая аксиома, имеющая частое практическое применение (нельзя быть судьей в своем деле, включая дела, в которых участвуют родственники и «аффилированные» с судьей лица), обеспечивает в правоприменении формальное равенство и беспристрастность.

Эта правовая аксиома была сформулирована еще римскими юристами. **Нарушение аксиомы-принципа «*neto iudex in propria causa*» в последующей правовой истории являлось основанием признания законов недействительными.** Классический прецедент такого рода (1610 г.) связан с именем знаменитого английского судьи Эдуарда Кука (Edward Coke) по делу врача Томаса Бонхэма против Врачебной палаты Англии (орган сословно-цехового самоуправления врачей, рассматривавший споры между врачами и жалобы на врачей). По закону Палата могла наложить на врача штраф, причем половина суммы штрафа поступала председателю Палаты. Врач Томас Бонхэм, приговоренный Палатой к уплате штрафа, счел решение необоснованным и обжаловал его в Суд королевской скамьи. Судья Кук, рассмотрев дело, установил: Врачебная палата не вышла за пределы своей законной компетенции, **однако есть общеизвестный правовой принцип (никто не может быть судьей в своем деле), и никакой парламент, никакой закон не могут отменить этот принцип»** [Кизяковский, 2019: 87–88].

Наконец, в качестве вывода В. Кизяковский приводит финальное определение рассматриваемого термина, содержащее цитату из работы Г.Н. Манова «Аксиомы в советской теории права» (1986):

➤ *«Повторимся: правовые аксиомы – самоочевидные истины, не требующие доказательств, “простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой”» [Кизяковский, 2019: 89].*

Таким образом, для введения нового понятия адресант использует сложную комбинацию разных моделей адаптации: 1) денотатная экспликация + амплификация оценочного типа → 2) амплификация рационального типа → 3) экземплификация рационального типа → 4) повторная денотатная экспликация с цитированием. Многоуровневое моделирование смысла в данном развернутом примере дополняется разъяснением адресантом прецизионной лексики, используемой в текстовом приращении (внутренний комментарий эргонима *«Врачебная палата Англии»*).

Далее рассмотрим примеры амплификации в текстах жанра «книга юридических советов». В отличие от текстов научно-популярных книг о праве они нацелены на передачу не субстанционального, а процедурного знания, что отражается в значительно меньшем по объему приращении информации при адаптации.

Так, в главе 5 книги *«Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах»*, посвященной жилищным правам граждан, Е. Николаева разъясняет понятие «помещения общего пользования» посредством амплификации рационального типа в сочетании с денотатной экспликацией:

➤ *«Помещения общего пользования в многоквартирном доме — это помещения, не относящиеся к квартирам и предназначенные для обслуживания более одного жилого и (или) нежилого помещения в этом доме. Это межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, колясочные, чердаки, технические этажи и технические подвалы» [Николаева, 2019].*

В модели амплификации в данном определении задействуются экстенсиональные семы, что позволяет адресанту конкретизировать значение лексемы с обобщенным значением (*помещения*).

➤ *«Имущество делится на делимое и неделимое. Делимое, это то, что можно в натуре разделить пополам без ущерба для имущества (например, деньги). А неделимые нельзя разделить (машина, холодильник, и т.д.)» [Дубинина, 2019: 107].*

В объяснении из книги Ю. Дубининой «Адвокат для дилетантов: гид по праву» используются простой синтаксис и простое темарематическое членение. Модель экземпляфикации в данном фрагменте сведена к наглядным номинативным примерам в скобках, которые опираются не на фоновые знания, а на житейский опыт адресата.

➤ *«Фриланс – это работа по гражданско-правовому договору. Человек делает свою работу, а работодатель оплачивает ее разовыми вознаграждениями» [Дубинина, 2019: 144].*

➤ *«Отсрочка от армии — это временное освобождение от призыва на военную службу. Гражданин, который имеет отсрочку от призыва, остается призывником и подлежит призыву при утрате оснований для предоставления такой отсрочки» [Николаева, 2019].*

В примерах выше используется минимальная степень текстового приращения. Вторые предложения в определениях служат уточнению денотата и соответствуют модели амплификации рационального типа.

➤ *«Привезли вам мебель, а там куски отваливаются, или матрас хрустит так, что спать на нем невозможно, что же делать? Недостатки товара – это несоответствие товара обязательным требованиям, предусмотренным законом, условиями договора, либо обычно предъявляемым требованиям к такому товару» [Николаева, 2019].*

Данный пример интересен «обратным» способом введения нового понятия, при котором непосредственной экспликации предшествуют примеры из возможного эмпирического опыта адресата с выраженным эмоциональным компонентом (*куски отваливаются; спать на нем невозможно*). Такая модель, на наш взгляд, служит

более эффективной интериоризации специальной информации, так как коррелирует с потребностями и проблемами адресата.

➤ *«Реконструкция жилого помещения — это не ремонт и не улучшение бытовых условий, типа газификации или обустройства канализации. Реконструкция — это увеличение жилой площади не менее чем на учетную норму площади жилого помещения. Например, капитальная пристройка к дому, но не сезонная, как веранда или терраса. Подразумевается, что она пригодна для проживания в любое время года»* [Николаева, 2019].

Объяснению понятия в приводимом выше фрагменте предшествуют категоризация «от противного» при помощи антитезисов (*это не ремонт и не улучшение бытовых условий*) и экзemplификация с использованием разговорного элемента (*типа газификации или обустройства канализации*). Наглядные примеры приводятся адресантом также и непосредственно после экспликации понятия. В них экзemplификация рационального типа (*Например, капитальная пристройка к дому, но не сезонная, как веранда или терраса*) включает оценочный компонент (*Подразумевается, что она пригодна для проживания в любое время года*).

Сравним использование модели амплификации при разъяснении юридического термина «медиация» в книгах Ю. Дубининой «Адвокат для дилетантов: гид по праву» и Е. Николаевой «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» (См. Примеры 4, 5 Приложения). Приращение текста в Примере 4 достигается посредством ссылки на релевантный нормативно-правовой акт, содержащей указание на его ранг (Федеральный закон), номер и дату принятия, а также точное название, что мы относим к амплификации рационального типа. В Примере 5 используется оценочный тип амплификации, с помощью которой адресант делает попытку убедить адресата в пользе описываемой процедуры альтернативного разрешения споров, ссылаясь, в частности, на положительный опыт других стран, что соответствует коммуникативной цели инструктирующего типа популярно-юридического дискурса.

В объяснении адресанта в Примере 5 также широко эксплицированы эмоциональные семы (*тяжело переживают; слишком увлечены свои конфликтом; сделать больше; высказывая все новые обвинения и претензии; сложно говорить; эмоциональной безопасности; любой ценой; навязав; благоприятных и комфортных условий* и т.д.), что, по нашему мнению, служит реализации ценностно-ориентирующей стратегии изучаемого дискурса.

Считаем важным отметить актуальность темы, затрагиваемой адресантами в данных примерах. В частности, на полях Петербургского международного форума (ПМЭФ) в июне 2025 года глава Министерства юстиции России Константин Чуйченко сообщил, что в Государственную Думу внесен законопроект, обязывающий россиян посетить медиатора (юриста или психолога) перед разводом [Шейкина, 2025]. Таким образом, мы видим, что популяризаторы права прививают массовому адресату аксиологические ориентиры, основанные на акцентуации значимости института официального брака.

Достаточно часто в текстах инструктирующего типа рассматриваемого дискурса денотатная экспликация может отсутствовать, а значение того или иного понятия раскрывается посредством разных типов амплификации, что иллюстрируется Примерами 6, 7 и 8 (См. Приложение).

Заметим, что адресант в Примере 6 приводит не только точную формулировку вида страхового обеспечения (*пособие по беременности и родам*), но и его аналог, вошедший в разговорный узус («*декретные*»), что является очередным подтверждением симплификации как обязательного этапа обработки специального текста при адаптации. Расширение текста производится за счет включения цифровой прецизионной информации (разное количество дней отпуска в зависимости от обстоятельств), а также информации о размере пособия и порядке его расчета.

Интересным представляется объяснение А. Сидоровым в книге «Если Ты Сам Себе Адвокат, Значит Твой Клиент Идиот!» (Пример 7) выражения «гонорар успеха»,

пришедшего из юридического жаргона стран с англосаксонской правовой традицией. «Оплата по результату», по нашему мнению, вообще не очень релевантна для юридической практики нашей страны, так как судебный процесс в России имеет инквизиционный, а не состязательный характер. В связи с ключевой ролью судьи в процессе и сложностью получения возмещения морального, а не реального ущерба, конкуренция между сторонами защиты и обвинения не имеет столь большого значения, в связи с чем судебные адвокаты чаще всего выбирают повременную или разовую оплату, а не оплату по результату. Тем не менее, адресант в данном случае доступно объясняет понятийно-предметную ситуацию и приводит конкретные цифры, на которые адресат может ориентироваться при заключении с адвокатом соглашения подобного рода. Денотатная экспликация в данном примере также отсутствует.

В Примере 8 адресантом раскрывается юридическое понятие «гражданский брак». Значение термина объясняется не посредством определения, а при помощи сравнения с институтом сожительства. В интерпретации адресантом понятийно-предметной ситуации задействована краткая историческая ссылка, позволяющая проследить развитие института гражданского брака в России. Оценочность последнего тезиса (*Сожительство, в отличие от официально зарегистрированного брака, не порождает никаких семейных прав и обязанностей*), на наш взгляд, служит реализации ценностно-ориентирующей стратегии популярно-юридического дискурса.

В отличие от других рассмотренных жанров популярно-юридического дискурса комбинации моделей адаптации в текстах жанра «юридическая консультация» детерминированы содержанием конкретного вопроса адресата. Так, денотатная экспликация встречается в текстах упомянутого жанра только в случае таргетного запроса на разъяснение какого-либо понятия, как показано в Примере 9 (См. Приложение). В данном случае адресант задействует рациональный тип

амплификации, не ограничиваясь лишь объяснением самого термина «оферта», но сообщая также дополнительную информацию об условиях отправки оферты, содержащейся в ней информации, сроке вступления в действие и т.д.

Как показывает анализ текстов данного жанра, в большинстве случаев адресаты задают вопросы, направленные не на уточнение значения какого-либо понятия, но на разъяснение конкретной юридической ситуации, участниками которой они оказались. В модели амплификации рационального типа в Примере 10 (См. Приложение) задействуются экстенсиональные семы, позволяющие адресату провести корреляции между понятием с обобщенным значением «недвижимые вещи» и объектами, номинируемыми с помощью данной языковой единицы (*земельные участки, участки недр, обособленные объекты и все, что прочно связано с землей, включая леса, многолетние насаждения, здания и сооружения*). Приращение текста содержит дополнительную информацию о признаках денотата (*Отличительный признак недвижимых вещей проявляется в том, что их перемещение невозможно без несоразмерного ущерба*). Отмеченное нами ранее многоуровневое моделирование смысла подтверждается в данном примере введением адресантом в ходе объяснения одного термина другого нового термина с сопутствующим комментарием (*их перемещение невозможно без несоразмерного ущерба, т.е. их перемещение приведет к разрушению либо иному нарушению их сущности*). Ответ непосредственно на вопрос адресата составляет коммуникативную рему и занимает соответствующую позицию в конце высказывания.

Несмотря на жесткие рамки, ограничивающие протяженность текстов в коммуникативном пространстве журнала или газеты, адресанты в ряде случаев прибегают к амплификации значительного объема, если ситуация, по их мнению, заслуживает детализированного пояснения, как демонстрирует Пример 11 (См. Приложение). Разъяснение юридической ситуации в приводимом фрагменте содержит расширение текста за счет экземплификации рационального типа (реальный

случай из судебной практики, касающийся спорного договора дарения имущества, и ссылка на релевантный нормативно-правовой акт) с подробным описанием обстоятельств прецедентного дела. Сообщаемая адресату информация в данной ситуации не является избыточной и позволяет ему выработать корректный алгоритм действий в случае возникновения похожих обстоятельств.

Ответ консультанта правового портала «Российской газеты» Т. Саяпиной на вопрос адресата о возможности заключения брака между гражданами РФ за рубежом также содержит значительное расширение информации, включающее комбинацию разных моделей адаптации (См. Пример 12 Приложения). Онлайн-консультация юриста характеризуется значительным текстовым приращением, содержащим помимо ответа на конкретный вопрос адресата экспликацию понятия «брачный договор» (выделено адресантом полужирным шрифтом), информацию о преимущественном действии права в ситуации нахождения гражданина за пределами РФ, особенностях заключения брака при данных обстоятельствах, а также ссылки на релевантные нормативно-правовые акты, регулирующие данную область гражданских отношений.

Следующие два примера амплификации из текстов юридических консультаций интересны пересечением юридического и военного дискурсов (См. Примеры 13, 14 Приложения). Приведенные фрагменты характеризуются высокой номинативной плотностью, создаваемой большим количеством единиц военной терминологии (*холодное оружие; поражения цели; объектами поражения; кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи; сабли, мечи; клинковое оружие; штыки; копья; боевые топоры; режущее, колющее и рубящее оружие; кастеты; нунчаки; кистени; оружие ударно-дробящего воздействия; огнестрельное гладкоствольное и длинноствольное оружие; бесшумной стрельбы; ведения огня очередями; патроны; стреляных гильзах; боевого ручного стрелкового/служебного огнестрельного оружия; травматическое оружие; газовые пистолеты; револьверы и др.*). Как

известно, высокая номинативная плотность свидетельствует об актуальности осмысления какой-то определенной сферы для общества. Вопросы защиты собственной жизни и жизни близких людей представляют интерес и значимость для адресата, что осознается адресантом, и находит свое отражение в значительном расширении адаптированного текста. В первом фрагменте релевантное понятие определяется посредством метаязыка (*под «холодным оружием» понимаются*). Оба ответа содержат отсылки к действующим нормативным документам (*Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ 11 июня 2019г.; утвержден Приказом Министра внутренних дел РФ, который вступил в силу с 29 июня 2022 г.*). Объяснение в Примере 13 содержит амплификацию как рационального, так и оценочного типов. Юрист не только раскрывает экстенционал термина «холодное оружие» и перечисляет понятийные признаки денотата, но и использует шутливую тональность в разъяснении функций кухонного ножа, которые представляются очевидными (*Кухонный нож предназначен для нарезки хлеба, других продуктов. Его используют при приготовлении пищи и в многочисленных других бытовых случаях. В общем, это удобный инструмент, без которого не обойтись людям при приготовлении пищи и во время еды*). Адресанты в обоих случаях не ограничиваются ответами на заданные вопросы и детально разъясняют понятийно-предметную ситуацию, актуальную для потребностей адресата. Данные примеры наглядно демонстрируют, как популярно-юридический дискурс при необходимости «втягивает» в свою орбиту терминологию других дискурсов для эффективной реализации собственных коммуникативных целей.

В текстах жанра «публичная лекция правовой тематики» адресанты также активно задействуют амплификацию разных типов, что иллюстрируется Примерами 15 и 16 (См. Приложение).

В своей лекции на тему «Ответственность за взятку» (Пример 15) начальник отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции

прокуратуры Иркутской области П.В. Луц не только разъясняет значение юридических терминов «коррупция» и «вымогательство взятки», но и конкретизирует дополнительные признаки понятий, в частности, предмет и условия совершения преступного деяния (*Предметом взятки являются деньги, материальные ценности, оказанные безвозмездно, но подлежащие оплате услуги, а также льготы, дающие право на имущество, такие как: предоставление туристических путевок, предоставление на льготных условиях кредитов; При этом не имеет значения была ли у должностного лица реальная возможность осуществить указанную угрозу или у лица, передавшего взятку, имелись ли основания опасаться осуществления этой угрозы*). Адресант также задействует амплификацию рационального типа, ссылаясь на релевантные законодательные акты и приводя наглядный пример преступного поведения должностного лица.

В следующем фрагменте лекции на тему «Гражданская ответственность присяжных заседателей при осуществлении правосудия» (Пример 16) адресант – А.В. Шкинев, начальник отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Иркутской области, подробно разъясняет механизм участия граждан в суде присяжных. Адресант активно задействует амплификацию оценочного типа, доказывая значимость активного участия рядовых граждан в отправлении правосудия (*особое значение приобретает отношение общественности к роли и значимости статуса «судьи от народа»; Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан участвовать в правосудии*). В речи адресанта детализируются критерии отбора присяжных заседателей и требования к ним, а также оплата за данный вид общественной работы. В приведенном фрагменте реализуются не только инструктирующая, но и ценностно-ориентирующая стратегии популярно-юридического дискурса, что представляется возможным при выборе именно оценочного типа амплификации (*Присяжный заседатель решает, прежде всего, вопросы о виновности подсудимого по своему внутреннему убеждению и совести,*

руководствуясь здравым смыслом и жизненным опытом). Обращает на себя внимание доступная (несмотря на наличие юридической терминологии) манера изложения адресантом сообщаемой информации.

В целом, адресанты публичных лекций правовой тематики достаточно часто прибегают к амплификации посредством экземплификации как рационального, так и образно-ассоциативного типов, как показано в Примерах 17, 18 и 19 (См. Приложение).

Экземплификация в Примерах 17 и 18 относится к рациональному типу. Адресант демонстрирует возможное употребление изучаемого термина в различных контекстах, а также приводит конкретные примеры обозначаемых понятий, используя реальные топонимы, эргонимы и т.д. Пример 19 представляет наибольший интерес, так как в качестве разъяснения служит развернутая метафора с использованием терминологии другой отрасли – информатики (*программы/приложения для компьютера; процессору; операционной системы; установить/удалить приложение; системные приложения; расширение; браузеру; сайты и др.*). Так, иерархия источников права иллюстрируется посредством сравнения правовых актов с работой компьютера, в котором выделяются разноуровневые по значимости для операционной системы приложения. Адресант демонстрирует достаточную компетентность в данном вопросе, используя увлекательный стиль изложения информации, который, вероятно, будет способствовать устойчивой интериоризации специальных знаний, усвоенных путем ассоциаций с уже имеющимися фоновыми знаниями и практической деятельностью адресата.

Таким образом, анализ практического материала показал, что наибольшую вариативность разновидностей (все трех выделяемых типов) амплификации как частотной модели адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса демонстрируют научно-популярные книги и публичные лекции о праве, нацеленные на передачу фундаментального знания.

Экземплификация образно-ассоциативного типа не была отмечена в текстах книг юридических советов и юридических консультаций, что детерминировано инструктирующим типом текстов данных жанров, служащих передаче примарно процедурного правового знания.

Особенности денотатной экспликации в текстах популярно-юридического дискурса

Корректное и однозначное понимание юридического термина представляется совершенно необходимым в условиях повышенного интереса российских граждан к вопросам права, когда в силу частотности употребления, размываются границы между юридической и общеупотребительной лексикой и, наоборот, слова естественного языка (лицо, честь, репутация и др.) подвергаются юридизации, т.е. приобретают правовой статус. Как справедливо отмечают в данной связи Н.Д. Голев и А.В. Юркова, «юридические термины в ряде случаев представляют собой не только специальные языковые единицы, но и единицы/элементы со свойствами естественного языка <...>, которые аккумулирует в себе полисемию, изменчивость значений и другие потенциальные языковые характеристики [Голев, Иркова, 2023: 13].

Поскольку функционирование единиц с широкой семантикой приводит к проблеме интерпретации таких единиц, особое значение приобретает использование модели денотатной экспликации в текстах популярно-юридического дискурса, которая может использоваться не только для объяснения незнакомой адресату терминологии, но и для закрепления за ней определенных значений, исключающих потенциальную множественность интерпретации.

Согласно определению С.В. Первухиной, денотатная экспликация заключается в толковании специальных понятий посредством максимальной экспликации денотативных сем терминов [Первухина, 2015: 125]. При такой модели адаптации для

детализации значения термина, как правило, находящегося в позиции подлежащего, используются распространенные предикативные номинации. При помощи денотатной экспликации адресант формирует терминологическую систему адресата-неспециалиста, элиминируя лакуны в его фоновых знаниях в той или иной области права.

Несмотря на сохранение предметной ситуации в адаптированном тексте, правовая действительность в нем подвергается вторичной категоризации и концептуализации. Пройдя упомянутые этапы когнитивной обработки, ключевые правовые понятия интегрируются в непрофессиональную или обыденную картину мира неспециалиста. При этом, по нашим наблюдениям, упрощенное объяснение сложных юридических понятий в текстах популярно-юридического дискурса часто сопровождается личной оценкой или выражением мнения адресанта по поводу какого-либо правового феномена или юридической ситуации.

Анализируя особенности интердискурсивной адаптации юридического текста в условиях медийного дискурса (т.е. адаптации текста с учетом изменения дискурса его функционирования), А.А. Дьякова, в частности, подробно описывает механизмы вторичной категоризации и концептуализации специальной информации [Дьякова, 2009: 8]. Под *категоризацией* мы, вслед за С.В. Ионовой [Ионова, 2006], понимаем познавательную операцию по определению объекта через его отнесение к более общей категории. Вторичная категоризация понятий, имеющая место в адаптированном тексте, по наблюдениям А.А. Дьяковой, осуществляется посредством лексических замен трех типов: 1) замена гиперонимов гипонимами, и наоборот (род — вид); 2) замена абстрактных существительных конкретными, и наоборот (абстрактное — конкретное); 3) замена единичных существительных собирательными, и наоборот (единица — множество) [Дьякова, 2009: 9].

Концептуализация, в свою очередь, представляет собой когнитивный процесс осмысления адресатом поступающей информации с дальнейшим формированием

соответствующих концептов, включающих как само понятие, так и его оценку и образ. Вторичная концептуализация информации в адаптированном тексте, согласно дефиниции А.А. Дьяковой, это выбор способа представления концептуального содержания или сочетаний различных способов, обусловленный интенциями автора и типом текста [Дьякова, 2009: 9]. Исследователем выделяются, соответственно, *понятийный* (определения понятий через родовидовые отличия или генетические определения, указывающие на происхождение), *оценочный* (посредством слов и предложений оценочной семантики) и *образный* (посредством тропов и других средств создания образности) способы вторичной концептуализации специальной информации.

В.И. Карасик в данной связи полагает, что в настоящее время наблюдаются кардинальные изменения соотношения понятийного, образного и ценностного компонентов в данном триединстве. Доля понятийного содержания значительно сокращается, доля оценочного компонента, наоборот, возрастает, а образный компонент зачастую «размывается». Такой процесс деформации приводит к примитивизации концептуализируемых понятий, что, по мнению ученого, является защитным механизмом в условиях информационного взрыва, когда мышление субъекта неспособно обработать весь огромный и разнородный поступающий информационный поток [Карасик, 2012: 66].

Рассмотрим примеры из текстов популярно-юридического дискурса разных жанров, обращая внимание на способы вторичной категоризации и концептуализации юридических понятий в анализируемых определениях.

Как мы упоминали, адаптированный текст, как правило, содержит отсылки к первичному тексту, но в ряде случаев (исходя из коммуникативной задачи адресанта) первичный текст может не указываться. Адресанты – авторы научно-популярных книг о праве, по нашим наблюдениям, редко приводят источники определений вводимых

понятий. Можем лишь предположить, что в большинстве случаев авторы опираются на словарные определения и научную юридическую литературу.

➤ «<...> **право – это установленная государством и действующая в обществе система правил поведения, отражающих идеи добра, справедливости и разумности**» [Русакович, 2017а: 10].

➤ «<...> **право есть система общеобязательных, формально определенных юридических норм, выражающих консолидированную волю общества (конкретные интересы различных классов, социальных групп, слоев), устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений**» [Оробинский, 2022: 17].

Определение ключевого для юридического дискурса понятия «право» из книги «Правоведение для всех» А. Русаковича характеризуется простым синтаксисом (содержит один обособленный причастный оборот). Логическое структурирование текста и выделение в нем новой когнитивной информации достигается посредством шрифтового выделения (полужирным шрифтом). Определение В. Оробинского из книги «Основы права: теория, практика и как с этим жить» отличается более сложным темарематическим членением: оно осложнено бóльшим количеством причастных оборотов и дополнительной информацией, приведенной в скобках. Рассматриваемые дефиниции различаются по структуре: в первом случае для объяснения используется конструкция с тире и указательной частицей «это»; во втором случае – глагол несовершенного вида «есть». Категоризация вводимого понятия обоими адресантами осуществляется при помощи лексемы «система» («система правил поведения» и «система юридических норм»), которая обладает большей степенью абстрактности. В определении В. Оробинского используется понятийный способ концептуализации информации, а также содержатся элементы амплификации рационального типа (уточнение значения выражения «консолидированная воля общества» в скобках). А. Русакович, в свою очередь, использует оценочный способ концептуализации понятия,

в котором объективируются универсальные аксиологические ценности (*отражающих идеи добра, справедливости и разумности*).

➤ «<...> **правоотношения** – это общественные отношения, урегулированные правом: властно-управленческие, брачно-семейные, наследственные, собственности, трудовые и многие другие» [Кизяковский, 2019: 117].

➤ «<...> **правоотношение** – это общественное отношение, урегулированное нормами права, участники которого связаны взаимными субъективными правами и юридическими обязанностями» [Русакович, 2017а: 17].

В обоих примерах объяснение понятия осуществляется посредством конструкции с тире, указательной частицей «это» и шрифтового выделения. Оба адресанта осуществляют вторичную категоризацию понятия при помощи атрибутивного словосочетания с существительным «отношения/отношение» в качестве главного компонента, имеющего абстрактную семантику и выступающего в качестве гиперонима. Помимо этого, в определении В. Кизяковского из книги «Занимательное правоведение» задействуются экстенциональные семы термина «правоотношения», расширяющие понятийное поле адресата и элиминирующие потенциальные лакуны в его фоновых знаниях. Так, родовой термин «общественные отношения», конкретизируется в видовых по отношению к нему терминах: «властно-управленческие», «брачно-семейные», «наследственные», «трудовые» и др. Таким образом, в первом определении используется вторичная категоризация родовидового типа в двух вариациях. Обращает на себя внимание использование вторым адресантом рассматриваемого термина в единственном числе (*правоотношение*), что является достаточно редким случаем его употребления и, возможно, позволяет автору не конкретизировать виды правоотношений. Оба адресанта используют понятийный способ концептуализации информации.

➤ *«В правовой теории юридические факты – события, явления или действия, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [Кизяковский, 2019: 117].*

➤ ***«Юридические факты – это события или действия, в результате которых возникают, изменяются или прекращаются правоотношения» [Русакович, 2017а: 21].***

Оба определения имеют сходную синтаксическую структуру (сложноподчиненные предложения с именными придаточными предложениями). В первом определении используется объяснительная конструкция с тире, во втором – с тире, указательной частицей и шрифтовым выделением. Обе дефиниции содержат юридические термины и клише (*закон, возникновение/изменение/прекращение правоотношений, возникают/изменяются/прекращаются правоотношения*) и являются примером понятийного способа вторичной концептуализации информации. Категоризация объясняемого понятия в обоих случаях осуществляется посредством конкретизации его элементов (*события, действия, явления*), что, на наш взгляд, соответствует второму типу вышеуказанной классификации.

➤ *«Правовая норма – это основной кирпичик в здании, именуемом «право» (законодательство), общеобязательное правило поведения, определение прав и обязанностей участников многообразных отношений, правила, которые издаются государством (органами и должностными лицами, составляющими структуру власти), ими же исполняются или принуждаются к исполнению» [Кизяковский, 2019: 52–53].*

➤ *«Норма права – правило поведения, установленное государством. Можно сказать, что норма права – это первичная элементарная частица права (как звук в лингвистике или число в алгебре). И право, и государство появились вместе с нормами права, когда какая-то группа людей установила для себя и других правила «делай*

так», «не делай так» и «можешь делать так» и начала наказывать за их невыполнение» [Русакович, 2017а: 60].

В первую очередь обращают на себя внимание различные номинации адресантами одного и того же юридического термина: «правовая норма» у В. Кизяковского и «норма права» у А. Русаковича. Возможно, второй адресант намеренно начинает определение известным адресату словом «норма», вызывающего у него ассоциации определенного (принятого в обществе) поведения. Для категоризации понятия оба адресанта используют одинаковое словосочетание «правило поведения», выступающее в качестве гипонима понятия «норма», входящее в интенционал данного термина. Дефиниция В. Кизяковского отличается бóльшей когнитивной плотностью и использованием юридических терминов и клише (*право, прав и обязанностей, участников отношений, должностными лицами, органами государства, структуру власти, принуждаются к исполнению, регулирования поведения, физических/юридических лиц, государственных органов, имеют общеобязательный характер, персонально обозначенным субъектам, однопорядковым субъектам, зафиксированных в норме и т.д.*). Интересным представляется рассмотрение комбинаций способов концептуализации информации в данном примере. Так, оба адресанта помимо понятийного задействуют образный способ концептуализации информации, реализуемый посредством метафор («правовая норма – основной кирпичик в здании, именуемом «право» и «норма права – первичная элементарная частица права»). А. Русакович в своем определении посредством сравнения также актуализирует междисциплинарные связи (пресуппозиции) в сознании адресата (*как звук в лингвистике или число в алгебре*). Данное определение также содержит элементы экземплификации (*<...> когда какая-то группа людей установила для себя и других правила «делай так», «не делай так» и «можешь делать так» и начала наказывать за их невыполнение*).

Считаем интересным отметить, что А. Русакович в своих книгах «Правоведение для всех» и «Как устроено право» часто использует прием повторного ввода новых или сложных понятий, т.е. двойную денотатную экспликацию, что иллюстрируют примеры ниже.

➤ *«Отрасль права – это совокупность норм права и правовых институтов, регулирующих определенную сферу жизни общества. Или, выражаясь научным языком, совокупность норм, регулирующих однородную сферу общественных отношений»* [Русакович, 2017а: 68].

Вторичная категоризация понятия в последовательно предъявляемых адресантом определениях осуществляется посредством увеличения степени обобщения (с учетом фоновых знаний адресата «отрасль права» представляется более конкретным понятием, чем «совокупность норм»). Второе определение менее развернуто и содержит ряд замен более научными эквивалентами: *определенную* → *однородную*, *жизни общества* → *общественных отношений*. В обоих случаях используется понятийный способ концептуализации информации. При этом разъяснение понятия осуществляется не от более сложного к более простому, а наоборот, т.е. от симплификации к компликации.

Аналогичный прием повторного ввода понятия упомянутый адресант использует для объяснения термина «источник права».

➤ *«Итак, источник права – это то, куда судья, чиновник, полицейский и любой гражданин может заглянуть и понять, как правильно поступать в той или иной ситуации».*

<...> *Ну и совсем уж научное определение: источник права – это способ выражения и закрепления норм права»* [Русакович, 2017а: 29].

Интересно отметить, что первое определение, построенное по модели амплификации (разъясняется не сам термин, а понятийно-предметная ситуация), предшествует более научному определению, содержащему денотатную экспликацию,

т.е. вектор адаптации опять направлен от симплификации к компликации. Вторичная категоризация в экспликации термина осуществляется посредством лексемы «способ», что служит конкретизации более общего понятия «источник права». Для вторичной концептуализации понятия используются оценочный (*понять, как правильно поступать в той или иной ситуации*) и понятийный способы.

Другой автор научно-популярных книг о праве – В. Кизяковский, также нередко прибегает к приему повторного ввода юридических понятий, о чем мы писали ранее.

➤ *«Соответственно, **правовые аксиомы** – непреложные, исходные, элементарные истины, простые жизненные правила, ставшие привычными и самоочевидными в результате многовековой практики и без которых невозможно существование права как социального явления.*

<...> Повторимся: правовые аксиомы – самоочевидные истины, не требующие доказательств, “простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой”» [Кизяковский, 2019: 89].

Категоризация понятия в обоих определениях осуществляется с помощью общеупотребительной лексемы «истины», характеризующейся большей степенью абстракции. Обращает на себя внимание оценочный способ концептуализации понятия в обоих определениях, очевидно детерминированный аксиологическим потенциалом самого слова «истина» (*непреложные <...> истины; простые жизненные правила, ставшие привычными и самоочевидными; без которых невозможно существование права; самоочевидные истины; простейшие юридические суждения и др.*).

Прием двойной денотатной экспликации, отмеченный в текстах научно-популярных книг о праве, и имеющий вектор адаптации информации от симплификации к компликации, на наш взгляд, служит реализации развивающей

стратегии просветительского типа популярно-юридического дискурса в упомянутом жанре.

Далее рассмотрим примеры денотатной экспликации в текстах книг юридических советов.

➤ *«Брачный договор – это соглашение лиц, которые планируют вступить в брак, или соглашение между супругами, направленное на определение имущественных прав и обязанностей каждого из них, как в браке, так и после его расторжения»* [Дубинина, 2019: 48].

➤ *«Брачный договор — это соглашение лиц, либо вступающих в брак, либо уже состоящих в браке, которое определяет имущественные права и обязанности в браке и при его расторжении»* [Николаева, 2019].

В приведенных выше дефинициях для объяснения используется одинаковая синтаксическая конструкция – тире + указательная частица «это» + отглагольное существительное абстрактной семантики. Лексема «соглашение» выступает родовым понятием по отношению к лексеме «договор». Оба адресанта задействуют понятийный способ вторичной концептуализации понятия. При этом как Ю. Дубинина, так и Е. Николаева в своих определениях прибегают к одинаковым средствам вербализации (*лиц; вступить в брак/вступающих в брак; определение имущественных прав и обязанностей/определяет имущественные права и обязанности; расторжения/расторжении* и др.).

Сравним данные определения с определением из правового комментария «Российской газеты»:

➤ *«Согласно статье 40 СК, брачным договором является соглашение супругов, определяющее их имущественные права и обязанности в браке или в случае его расторжения»* [Козлова, 2022: 7].

Категоризация понятия в комментарии также как и в текстах книг юридических советов осуществляется при помощи лексемы «соглашение», вводимой посредством

метаязыковой конструкции со ссылкой на релевантный законодательный документ. Способ вторичной концептуализации – понятийный.

➤ *«Определение порядка общения с ребенком – это процедура, которая регулирует, как ребенок будет общаться с родителем, с которым он не живет, и с другими родственниками» [Дубинина, 2019: 86].*

Вторичная категоризация терминологического словосочетания «порядок общения с ребенком» осуществляется посредством лексическом замены по линии «конкретное → абстрактное», так как слово «процедура» означает «порядок действий» или «порядок выполнения чего-либо» (в данном случае режим общения с ребенком). Способ вторичной концептуализации информации – понятийный. Определение характеризуется простотой как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

➤ *«Европротокол – это оформление документов о ДТП без участия сотрудников ГИБДД» [Дубинина, 2019: 183].*

В данном примере адресантом используется лексическая замена по линии «конкретное → абстрактное» при помощи отглагольного существительного «оформление». Определение отличается лаконичностью и содержит компрессирующие лексические средства – аббревиатуры (ДТП; ГИБДД), известные адресату-неспециалисту. Способ вторичной концептуализации – понятийный.

В ряде случаев для разъяснения юридических терминов авторами книг юридических советов используются выражения метаязыка, как показано в примерах ниже.

➤ *«Так, например, в соответствии с ч.4 ст.6 данного закона правонарушением будет являться принятие адвокатом поручения от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер» [Сидоров, 2019: 5].*

➤ *«Под злостным уклонением понимается систематическое и упорное намеренное неисполнение своих обязанностей по содержанию ребенка»* [Дубинина, 2019: 96].

Категоризация юридических понятий («правонарушение» и «злостное уклонение») в обоих определениях осуществляется по линии «абстрактное → конкретное» посредством отглагольных существительных, детализирующих действия, номинированные соответствующими терминами. Способ вторичной концептуализации – смешанный (понятийный + оценочный). Экспликация содержит юридические термины и словосочетания, состоящие из единиц с эмотивными семами (*заведомо незаконный характер; систематическое и упорное намеренное неисполнение своих обязанностей*).

➤ *«Под категорию самозанятых, получающих профессиональный доход, попадают физлица, получающие доход от личной трудовой деятельности, не имеющие работодателя и наемных работников»* [Николаева, 2019].

➤ *«Соглашение с адвокатом представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом, на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу»* [Сидоров, 2014: 15].

В данных примерах при разъяснении используются лексические замены типа «вид → род»: «самозанятые» → *физлица* и «соглашение с адвокатом» → *«гражданско-правовой договор»*. Способ концептуализации в обоих случаях – понятийный.

В отличие от адресантов популярно-юридического дискурса просветительского типа адресанты текстов жанра «юридическая консультация» задействуют денотатную экспликацию терминов только в ответ на соответствующий запрос адресата.

➤ *«Что значит превышение пределов необходимой обороны? А. Алешкин, г. Москва.*

Напомним, что согласно статье 37 Уголовного кодекса РФ необходимой обороной является причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося либо другого лица» [Гранкин, Чайка, 2022а: 47–48].

Категоризация юридического понятия «необходимая оборона» осуществляется посредством метаязыка (*является*) по линии «абстрактное → конкретное». Вторичная концептуализация относится к смешанному типу (понятийный + оценочный). В объяснении широко эксплицированы юридические термины (*причинение вреда; посягающему лицу; защите личности и прав обороняющегося; других лиц; посягательство* и др.), а также приводится ссылка на релевантный нормативно-правовой акт. При этом определение содержит лексические единицы с эмотивными семами (*общественно опасного посягательства; опасным для жизни*). Данные юридические клише имеют устойчивые отрицательные коннотации, осознаваемые адресатом.

➤ *«Объясните, пожалуйста, что такое объективное вменение? Г. Перекиднов, г. Омск.*

Объективное вменение – это один из принципов российского правосудия. Так, согласно ч.2 ст.5 Уголовного кодекса РФ, под объективным вменением понимается невиновное причинение вреда» [Гранкин, Чайка, 2023: 37].

В своем ответе адресант использует двойную экспликацию термина «объективное вменение». Категоризация понятия в первом предложении осуществляется по типу «конкретное → абстрактное» (*один из принципов российского правосудия*). «Принцип правосудия» представляет собой комплекс норм, обеспечивающих безопасность и порядок в обществе, в то время как «объективное вменение» – это конкретный подход в рамках данной ответственности, считающийся нарушением. Во втором предложении для разъяснения используются средства

метаязыка (*под ...понимается*) и замена типа «конкретное → абстрактное» (*вменение → причинение вреда*), где «вменение» понимается узко как юридическая квалификация по отношению к более широкому понятию «причинение вреда». Объяснение дополнено ссылкой на законодательный акт, что можно считать элементом амплификации. Способ концептуализации информации – понятийный.

➤ *«Что такое приобретательная давность? Ф. Савкин, г. Пермь.*

Под приобретательной давностью понимается период, когда у гражданина или юридического лица возникает право стать собственником не принадлежащего им недвижимого имущества или иного имущества. Право на такое приобретение имущества в собственность закреплено в пункте 3 статьи 218 Гражданского кодекса РФ» [Гранкин, Чайка, 2022b: 38].

Для разъяснения значения термина адресантом используется конструкция метаязыка (*под ...понимается*). Категоризация понятия относится к типу «конкретное → абстрактное» (*«приобретательная давность» → «период»*), где «приобретательная давность» является определенным юридическим институтом по сравнению с лексемой широкого значения «период». Способ концептуализации – понятийный. Амплификация содержит ссылку на законодательный документ (*Право на такое приобретение имущества в собственность закреплено в пункте 3 статьи 218 Гражданского кодекса РФ*).

➤ *«Личный фонд – это вариант наследственного фонда. С той лишь разницей, что начать работу он может еще при жизни человека. Возможность создавать личные фонды появилась у граждан два года назад. Так что пока это новый для нас институт. Минимальная цена вопроса – 100 миллионов рублей. В эту сумму входят и размер капитала, и стоимость другого имущества. Например, личный фонд может быть создан для управления заводом. Или санаторием на популярном курорте» [Куликов, 2024].*

В данном примере юридической консультации из соответствующей рубрики интернет-портала «Российской газеты», эксплицируется значение термина «личный фонд». Категоризация понятия относится к типу «вид → род»: «*личный фонд*» → «*наследственный фонд*». Объяснение содержит амплификацию рационального типа, включающую информацию о различиях между двумя фондами, новые возможности граждан в данной области права, минимальный размер фонда и т.д. Отметим также элементы экземплификации тексте, приращенном к определению (*Например, личный фонд может быть создан для управления заводом. Или санаторием на популярном курорте*). Примарный способ концептуализации – понятийный. Однако в объяснении присутствует оценочный компонент (*новый для нас институт*).

Далее проанализируем фрагменты, содержащие примеры денотатной экспликации юридических терминов в лекциях правовой тематики.

➤ «Еще одно важное понятие – это юридический факт. Так называют событие или действие, в результате которых возникают, изменяются или прекращаются правоотношения. Событие – это то, что происходит помимо воли субъектов правоотношений, например, стихийное бедствие или смерть. Действие – это то, что происходит по воле субъектов правоотношений, например, заключение договора или совершение преступления» [Русакович, 2017].

Данное разъяснение содержит экспликацию нескольких юридических понятий: «юридический факт», «(юридическое) событие» и «(юридическое) действие». Вначале адресантом задействуется оценочный способ концептуализации (*важное понятие*). Для объяснения родового термина «юридический факт» используются видовые термины «событие» и «действие», которые эксплицируются посредством типичной конструкции, содержащей тире и указательное местоимение «это». Объяснение содержит элементы экземплификации, в том числе, при помощи лексем с пейоративной коннотацией (*например, стихийное бедствие или смерть; например, заключение договора или совершение преступления*). Отметим также упрощенную

форму объяснения понятий «событие» и «действие» (*Событие – это то, что происходит; Действие – это то, что происходит*), в которых задействуется амплификация рационального типа. Способ вторичной концептуализации – смешанный (понятийный + оценочный).

Сравним примеры объяснения лекторами разных видов правовых отношений.

➤ *«Согласно статье 15 Трудового кодекса, трудовые отношения – это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции, работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности, с указанием квалификации конкретного вида поручаемой работнику работы в интересах, под управлением и контролем работодателя [Токарева, 2024].*

➤ *«Семейные правоотношения – это отношения между членами семьи, урегулированные правом. Например, по поводу алиментов, усыновления, места жительства детей в случае развода или общего имущества супругов» [Русакович, 2017b].*

Оба адресанта – прокурор отдела по надзору в социальной сфере А.А. Токарева и юрист-блогер А. Русакович категоризируют релевантные понятия с помощью замен типа «абстрактное → конкретное». Первое определение представляется более развернутым и характеризуется высокой когнитивной плотностью. Оно также содержит приращение – отсылку к соответствующей статье Трудового кодекса. Во втором определении задействована модель экземплификации рационального типа (*Например, по поводу алиментов, усыновления, места жительства детей в случае развода или общего имущества супругов*). Способ концептуализации информации – понятийный.

Интересным примером образного способа концептуализации информации является объяснение А. Русаковичем в своей лекции об источниках права

иерархических отношений между Конституцией и другими нормативно-правовыми актами (приводилось полностью в предыдущем параграфе):

➤ *«Нормативные правовые акты для государства – это что-то вроде программы или приложения для компьютера. Каждый из них указывает процессору и другим устройствам, что они должны делать в определенных ситуациях. <...> Тем не менее, если мы возьмем такую аналогию, то главный закон страны Конституция – это что-то вроде операционной системы Android, Windows или MacOS. Это главный документ, который определяет всю работу государства и которому должны соответствовать все другие документы»* [Русакович, 2017b].

Эксплицируя значение понятия «конституция», автор использует лексическую замену типа «вид → род»: «конституция» (частный случай документа) → «документ» (любой материальный носитель информации), а также терминологию другой науки – информатики, что, с одной стороны, способствует упрощению объяснения (за счет наглядных примеров), с другой – служит актуализации фоновых знаний адресата для усвоения ключевого законодательного термина.

Экспликация терминов других дискурсов

Референциальная сфера юридического дискурса способствует его пересечению с дискурсами, обслуживающими различные области общественной жизни, в том числе, с образовательным дискурсом, термины которого разъясняются в Примерах 20 – 28 (См. Приложение).

В Примерах 20 и 21 адресантом используется оценочный способ концептуализации информации. В первом случае имеет место комбинация моделей амплификации и денотатной экспликации; во втором – слово «возможность», используемое в позиции ожидаемого категоризирующего слова, на самом деле не способствует расширению понятийного поля адресата в релевантной области.

При анализе моделей адаптации специальной информации нами было отмечено присутствие в текстах определений терминов разных поддискурсов экономического дискурса: финансового, банковского, налогового и др. (См. Примеры 22 – 28 Приложения).

В приведенных примерах используется модель денотатной экспликации, которая зачастую сочетается с амплификацией и экземплификацией рационального типа. В дефинициях наряду с юридическими присутствует значительное количество экономических терминов и клише (*товар, стоимость, денежные средства, зачисляется на счет, доходов, предоставленной государством субсидии, погашения кредита, займа, низкой процентной ставкой, закладывая (квартиру), снижают процент, заемщик*), и в особенности терминов налогового поддискурса (*налоговая база, налогоплательщик, налоговый вычет, стандартные/социальные, имущественные вычеты, бюджетную систему, платежом, уплаты налога, налога на имущество, транспортного/земельного налогов, объектов налогообложения, налоговыми органами, задолженности по налогам* и др.).

Приведенные примеры экспликации терминов других дискурсов в текстах популярно-юридического дискурса свидетельствует о комплексной референциальной сфере юридического дискурса как семиотического образования, имеющего отношение к разного рода общественным отношениям, что подтверждает его гибридный характер. Учитывая упрощенный характер презентации специальной информации, а также средства и способы вторичной категоризации и концептуализации в данных определениях, можно говорить об их принадлежности к текстам популярно-экономического, популярно-педагогического и других разновидностей институциональных дискурсов, входящих в их полевое строение и рассчитанных на аудиторию неспециалистов.

Таким образом, анализ примеров денотатной экспликации в текстах популярно-юридического дискурса разных жанров показал, что для категоризации юридических

понятий (и понятий смежных дискурсов) адресантами чаще всего использовались лексические замены типов *род* → *вид*, и наоборот; а также *конкретное* → *абстрактное*, и наоборот. При этом во всех случаях имела место замена лексем абстрактной семантики другими лексемами абстрактной семантики. В данной связи целесообразно предположить, что уровень категоризации текстообразующих концептов исходного юридического текста при адаптации значительно не изменился. Доминантным способом вторичной концептуализации специальной информации является понятийный, который в ряде случаев может сочетаться с оценочным и (реже) образным способами.

3.2.2. Адаптация по линии текстовой компрессии

Альтернативной моделью адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса, противоположной рассмотренным ранее моделям амплификации и денотатной экспликации, способствующим текстовому расширению, выступает *модель редуцирования*, служащая инструментом текстовой компрессии (сжатия). При этом «редуцирование» понимается нами не только как сокращение объема, но и как уменьшение сложности текста.

Как показал проведенный анализ, данная модель характерна для текстов жанра «правовой комментарий для неспециалиста», служащих передаче примарно ориентационного знания. Ориентационное знание, по наблюдению В.И. Карасика, не требует развернутой логической вербализации. Оно служит оперативному упорядочиванию картины мира (в нашем случае правовой картины мира неспециалиста) и легко подвергается корректировке при необходимости. «Ориентационное знание легко отбрасывается и заменяется другим. Это своеобразные строительные леса вокруг фундаментального знания» [Карасик, 2012: 67].

Исследователи [Ионова, 2006; Первухина, 2015 и др.] относят правовые комментарии к текстам-копиям, т.е. вторичным текстам, созданным адресантом в результате семантических преобразований текста-основы. По нашим наблюдениям, при использовании данной модели текст комментария-источника значительным образом сокращается/упрощается или редуцируется, однако основные когнитивно-семантические элементы инвариантно сохраняются в его версии, адаптированной для неспециалистов.

Учеными (Кох, 1978; Дьякова, 2016) выделяются следующие типы редуцирования текста-источника: избирательное (выбор одного из нескольких предложений как наиболее значимого), перечисляющее (приведение предложений, не имеющих общей темы, в виде перечня), свертывающее (объединение нескольких предложений в одно) и суммирующее или обобщающее (генерализация смысла нескольких предложений/высказывания с опущением частных деталей, представляющихся незначительными). При анализе текстов правовых комментариев для неспециалистов мы также будем оперировать данной терминологией, заменив название первого типа редуцирования на «выборочное» вместо «избирательного», так как считаем данный термин более подходящим по смыслу. Согласно толковому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой, «выборочный» означает «отбирающийся по тому или иному признаку для последующего обобщения», в то время как «избирательный» трактуется как «основанный на возможности производить выбор» [Ефремова, 2000], что представляется нам менее точным для описания характера редуцирования популярно-юридического текста. Далее рассмотрим примеры текстовой компрессии, используемой адресантами правовых комментариев для неспециалистов.

В комментарии под заголовком «Ополченцев Донбасса наделили статусом», опубликованном в журнале «Человек и закон», рассматриваются поправки, внесенные Президентом Российской Федерации в Федеральный закон «О ветеранах» 28 апреля

2023 года. Комментарий включает в себя четыре абзаца, из которых первый и последний абзацы состоят из одного предложения.

Комментарий начинается с предложения: *«Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О ветеранах”»* [Человек и закон, № 6, 2023: 19]. Необходимо отметить, что данное предложение является клишированной формулировкой первого абзаца всех комментариев журнала.

Обращает на себя внимание отсутствие указания реквизитов законодательных документов, приводимых на сайте президента РФ *kremlin.ru*, комментарии которых публикуются в упомянутом национальном правовом журнале. Так, полное название рецензируемого закона – Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 148 – ФЗ «О ветеранах».

Суть изменений, вводимых данным документом, состоит в отнесении к ветеранам и инвалидам боевых действий новых категорий граждан, что кратко обозначено в заголовке комментария (*«Ополченцев Донбасса наделили статусом»*). Считаем важным указать, что заголовки всех рассмотренных комментариев сами по себе являются примерами суммирующего редуцирования и выполняют ориентирующую и аттрактирующую функции.

Комментируемый закон, принятый президентом, предписывает, в частности, внесение поправок в ряд пунктов предыдущей версии документа (См. Пример 29 Приложения). В комментарии в журнале «Человек и закон» (См. Пример 30 Приложения) данные подпункты подвергаются свертыванию (права ветеранов военных действий и инвалидов боевых действий рассматриваются не по отдельности, как в тексте закона, а суммарно).

Таким образом, оригинальный текст комментария (259 слов) сокращается вдвое за счет «сложения» подпунктов статей в адаптированной версии (124 слова). В адаптированной версии также опускается причастный оборот, конкретизирующий

телесные повреждения, которые дают право лицам получить статус инвалида: *«ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по содействию выполнению указанных задач»*. Обратим внимание также на отсутствие четкой сегментации текста комментария по сравнению с текстом-источником. Так, вместо нумерованного списка в оригинальном тексте закона для логического структурирования информации используется вводная конструкция (*Кроме того*). А.С. Аверин в своей работе также указывает на данную особенность логической связи в предложениях популярно-юридического дискурса: «Для многих популярно-юридических текстов характерно связывание предложений посредством вводных слов и конструкций, что неприемлемо для нормативных актов» [Аверин, 2022: 99]. В адаптированном тексте также исключены повторы прецизионной информации (топонимы и словосочетания с топонимическими компонентами).

Далее приводим поправки, принятые к статье 2 рассматриваемого закона, регулирующие порядок выдачи удостоверений упомянутым ранее категориям граждан (См. Пример 31 Приложения).

Содержание данных поправок реферативно излагается адресантом – автором комментария в одном предложении:

➤ *«Федеральным законом предусматривается, что порядок выдачи удостоверения ветерана боевых действий единого образца указанным лицам устанавливается Правительством Российской Федерации»* [Человек и закон, № 6, 2023: 19].

Как мы видим, адресантом-адаптатором опускаются подробные сведения о лицах, имеющих право получить удостоверение, которые кратко называются в тексте комментария как «указанные лица». Адресантом также исключается повторяющаяся прецизионная информация о территориях военных действий, содержащая многочисленные топонимические компоненты. Таким образом, имеет место

значительное текстовое редуцирование: подпункты 1 и 2 текста-источника содержат 165 слов, а адаптированный текст – 18 слов. В данном случае, на наш взгляд, имеет место суммирующее или обобщающее редуцирование специальной информации, приводящее к упрощению текста-источника с точки зрения формы и делающее его восприятие неспециалистом менее напряженным.

В следующем примере рассмотрим адаптированный текст Федерального закона «О внесении изменений в статью 56.2 Федерального закона “О связи”» в соответствующем комментарии в журнале «Человек и закон» под заголовком «Обязали хранить информацию ... до трех лет». В данном случае заголовок также выполняет функцию информационной компрессии. Многоточие в формулировке названия может восприниматься адресатом как игра слов, так как дискурсивное клише «до трех лет», выступающее вербальной эмблемой юридического дискурса, может не только обозначать установленный срок хранения информации, но содержать импликацию об усилении ответственности за нарушение закона.

Первый абзац-предложение комментария содержит клишированную формулировку: *«Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 56.2 Федерального закона “О связи”»*. Полные реквизиты законодательного документа, включающие его номер и дату подписания, опускаются. Название государства «Российская Федерация» заменяется кратким топонимом «Россия». Отчество президента также опускается.

В тексте комментария в отличие от текста закона отсутствует нумерация и указания на конкретные пункты статьи, подлежащие изменениям. Сравним исходный и адаптированный тексты (См. Примеры 32, 33 Приложения).

Исходный текст закона содержит 152 слова, текст комментария – 46 слов, т.е. имеет место значительное сокращение протяженности языкового кода. Данное уменьшение текстового объема в первом абзаце достигается посредством отсутствия конкретизации информации, подлежащей хранению, и действий с указанной

информацией (информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений, а также иной информации о взаимодействии пользователей информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, функционирующих в технологических сетях связи). В адаптированном варианте имеет место перестановка смысловых компонентов (собственники или иные владельцы, которых имеют номер автономной системы → собственников или иных владельцев технологических сетей связи, имеющих номер автономной системы), что мы считаем одним из способов свертывающего редуцирования.

В следующем абзаце адаптация осуществляется посредством выборочного редуцирования, реализующегося за счет перестановки членов первого предложения, опущения информационных повторов (ссылки на подпункт 5 закона) и полного элиминирования второго предложения подпункта 6 текста-источника. Подтверждением применения данного типа редуцирования выступает исключение из текста комментария подпункта 10, вводимого указанным законодательным актом (См. Пример 34 Приложения). Представляется очевидным, что данная информация является малозначительной для адресата-неспециалиста, в связи с чем полностью опускается адаптатором.

В комментариях новых законов портала «Российской газеты» *RG.RU*, по нашим наблюдениям, наиболее часто задействуется выборочный тип редуцирования информации. Напомним, что данное издание является официальным печатным органом Правительства РФ и публикует в полном объеме все законодательные документы, вступающие в силу. Комментарии издания, рассчитанные на неспециалистов, помогают последним разобраться в сути вводимых законов и поправок к ним.

Например, заголовок комментария «Штрафы за нарушение ПДД: что меняется с 1 января 2025 года» сам по себе является примером выборочного и суммирующего типа информационной компрессии. Элементом выборочного редуцирования выступает подзаголовок публикации «С 1 января штрафы для водителей вырастут в полтора раза». Адресант выбирает наиболее значимую, по его мнению, информацию для адресата и излагает ее в упрощенной форме. Информационная компрессия в комментарии достигается в том числе посредством использования изобразительных средств (*Изображение 15*):

Дед Мороз привез водителям поликарбонат за рулем новые штрафы на новый год. / РИА Новости

Изображение 15. Фотография к комментарию «Штрафы за нарушение ПДД: что меняется с 1 января 2025 года»

Сотрудник ГИБДД в костюме Деда Мороза на фотографии помогает адресату оперативно сориентироваться в сути законодательных новшеств (касаются водителей и вступают в силу с нового года).

В тексте комментария, как и в ранее рассмотренных примерах из журнала «Человек и закон» отсутствует полное название с указанием даты принятия и номера закона. Информация о дате подписания и вступления в силу в исходном тексте в адаптированном варианте также опущена. Перечень вводимых изменений представляет собой список статей с указанием подпунктов, в которые вносятся поправки, что иллюстрирует Пример 35 (См. Приложение).

Представляется очевидным, что неспециалисту невозможно будет разобраться в сути новых поправок, так как ему будет необходимо изучить все предыдущие версии закона «Об административных правонарушениях» и сопоставить их с новыми данными. Мы предполагаем, что данная операция по обработке огромного массива законодательных нововведений, требующая временных затрат и определенных навыков работы с юридическими документами может оказаться не под силу человеку без специального образования. Для решения данной проблемы комментаторы «Российской газеты» используют суммирующее и выборочное редуцирование, сопровождаемое личной оценкой адресанта (См. Пример 36 Приложения).

Таким образом, компрессии в комментарии такого рода подвергается не конкретный законодательный текст, а содержащаяся в нем специальная информация. Мы полагаем, что в данном случае имеет место суммирующее и выборочное редуцирование не столько комментируемого текста, сколько всей совокупности нормативно-правовых документов, регулирующих данную юридическую ситуацию (нарушение правил дорожного движения). Синтаксис в адаптированном фрагменте отличается максимальной упрощенностью (доминированием простых предложений). В отличие от комментариев в журнале «Человек и закон» рассмотренный текст содержит многочисленные элементы разговорного стиля (*начнем с самого сурового штрафа; до сих пор; стоит в разы дороже; слишком дорого обойдется; то есть было ... придется платить; любимые лихачами, причем, подвизки и т.д.*), что также служит его симплификации. Кроме того, наличие дополнительной информации, включающей сравнение ранее действовавших условий с новым регулированием, не содержащееся в тексте комментируемого законодательного акта, мы относим к элементам амплификации, как рационального, так и оценочного типов.

Проанализируем еще один пример комментария портала *RG.RU*. Так, в публикации под заголовком «Внесены поправки в закон о частных детективах» «Российской газеты» рассказывается о новациях в законе о частной детективной

деятельности. Полное название закона – «Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. N 434-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»». Как уже неоднократно указывалось нами ранее, информация о дате подписания президентом и вступления закона в силу опускаются в комментарии. Использование адресантом изобразительного средства – фотографии позволяет адресату получить оперативное представление о деятельности лиц, на которых распространяется закон (*Изображение 16*).

Изображение 16. Фотография в тексте комментария «Внесены поправки в закон о частных детективах»

Публикуемый полный текст документа включает 40 статей с подпунктами, подробно раскрывающими суть вводимых изменений. Комментарий закона содержит 7 абзацев без сохранения нумерованного списка исходного документа. Текст закона подвергается выборочному редуцированию, так как адресант сосредотачивается на определенных аспектах работы частных сыщиков и требованиях к их квалификации, а также надзору за их деятельностью, которые должны быть известны адресату во избежание нарушения его прав. Из комментария также полностью исключена экспликация основных понятий, уточняемых законом, таких как «основной вид

деятельности», «федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере частной детективной деятельности», «частный детектив» и других.

Примером выборочного редуцирования может служить также адаптация статьи 5 закона под названием «Медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к осуществлению частной детективной деятельности» [rg.ru, 2024], состоящей из 533 слов. В данной статье устанавливаются необходимые сроки проходимого частным детективом медицинского осмотра (освидетельствования), перечисляются заболевания, препятствующие работе частным детективом, указываются организации, осуществляющие освидетельствование, сроки действия медицинских заключений, а также разъясняются санкции за нарушение детективом указанных требований.

В тексте комментария содержание данной статьи формулируется в одном предложении:

➤ *«По аналогии с охранной деятельностью в Законе «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» предусматривается предоставление медицинских заключений о здоровье сыщиков исключительно в электронном виде»* [Козлова, 2024].

Примером суммирующего редуцирования служит краткий вывод автора комментария:

➤ *«Все эти поправки позволят повысить эффективность работы частных детективов»* [Козлова, 2024].

Отличительными особенностями данного комментария также выступают простой синтаксис, многочисленные разговорные элементы, размывание терминологической плотности и оценочный характер представления специальной информации, что иллюстрирует текстовый фрагмент в Примере 37 (См. Приложение).

В ходе лингвокогнитивного анализа правовых комментариев для неспециалистов интерес вызвали процессы фокусирования и дефокусирования в текстах данного жанра. Опираясь на концепцию М. Силверстайна, О.К. Ирисханова

выделяет «когнитивную салиентность», детерминирующую выбор адресантом какого-либо аспекта информации о референте или когнитивном событии и его перемещение в фокус внимания [Ирисханова, 2014: 29]. Ученый полагает, что выбор коммуникантами языковых средств, отвечающих требованиям контекстуальной салиентности, позволяет сфокусироваться на свойствах объекта, значимых для коммуникантов в конкретный момент. И, наоборот, коммуникантам свойственно осознанно или не вполне осознанно отвлекаться от каких-либо свойств или сторон объекта/ коммуникативного события, перемещая их во вторичный фокус (дефокусирование) [Ирисханова, 2014: 60; Соловьева, 2025: 297]. Рассмотрим примеры упомянутых лингвокогнитивных процессов в текстах комментариев в Примерах 38 и 39 (См. Приложение).

Референция номинативного сочетания «иностранный агент» как в тексте закона (Пример 38), так и в тексте комментария (Пример 39) имеет обобщенный характер, так как указывается не конкретный представитель, а некоторое множество людей, получивших упомянутый правовой статус. Текущая общественно-политическая ситуация обусловила широкое распространение данного понятия в медийном и обиходном дискурсах, что позволило адресанту дефокусировать отдельные свойства индивидуальных референтов с отрицательным коннотативным значением, которое помещает представителей данной группы на оппозиционный полюс дихотомии «свой» – «чужой». Изменение числа существительного «агент» («иностранный агент» → «иностранными агентами») в данном примере выступает грамматическим средством дефокусирования.

В зону фокусирования в комментарии помещается клише «*введен полный запрет*» (вместо «*не вправе осуществлять*»). Авторское добавление «*вне зависимости от возраста учащихся*» демонстрирует семантическое развитие в интерпретации адресантом исходного текста закона. Описание предшествующих введению нового закона обстоятельств, являющееся примером амплификации

рационального и оценочного типов, выступает в качестве фона в анализируемом фрагменте: *«Напомним, что до этого иноагентам было запрещено заниматься образованием и просвещением только детей. Теперь к ним добавили и взрослых. И значит, у граждан, получивших статус иноагента, лицензия на образовательную работу будет сразу аннулирована».*

Средством дефокусирования, в свою очередь, является изменение актуального членения в тексте комментария по сравнению с исходным текстом. Так, в тексте закона «иностранный агент» является агенсом и выступает в качестве подлежащего в предложении. В тексте комментария происходит смещение синтаксического фокуса: личное предложение заменяется на безличное («законом введен полный запрет») с «затушеванным» актантом, что подчеркивает важность произведения самого действия. Такое смещение фокуса, по нашему мнению, призвано подчеркнуть главенствующую роль государства. При этом выводимая адресатом инференция заключается в понимании необходимости защиты интересов граждан страны при помощи упомянутых законодательных мер.

В Примерах 40 и 41 (См. Приложение) обращает на себя внимание опущение отдельных элементов исходного текста закона, не представляющих значимости для адресата, в тексте комментария, обозначаемое многоточием. Адресант использует обобщающее редуцирование, прибегая к преувеличению и эмоционально-окрашенной лексике (*«Век безграничного платного набора закончился»*), что позволяет ввести в фокус самое важное изменение, затрагивающее интересы всех российских абитуриентов. Отдельные значимые аспекты нового закона поочередно помещаются в фокус внимания адресата посредством увеличения объема информации и большей детализации. Оценочная амплификация, при помощи которой адресант описывает ситуацию в области образования до принятия закона, выступает в качестве фона высказывания. В отличие от Примера 39 в Примере 41 наблюдается процесс персонализации референта, в частности, вводится агенс «абитуриенты», что позволяет

адресату понять, какую именно категорию граждан затронут предстоящие нововведения. Интересно заметить, что адресантом формируется негативный образ определенного агенса до принятия закона (*не прошедшие по конкурсу, но имеющие финансовые возможности; зачастую студбилеты получали абитуриенты с минимальными знаниями*). При помощи экспрессивных языковых средств комментатором обосновывается необходимость изменения сложившейся ситуации (*острая нехватка кадров на рынке труда, в особенности кадров инженерных*). Наконец, завершается комментарий эксплицитной оценкой позиции государства, с которой, очевидно, солидаризируется автор текста (*В правительстве уверены: платный прием тоже должен работать на задачи государства*). Используемая адресантом аддитивная дискурсивная стратегия (термин О.К. Ирисхановой) нацелена на достижение определенного коммуникативного состояния адресата (понимания значения и добровольной акцептации вводимых изменений), отвечающего интенциям адресанта.

Таким образом, анализ текстов правовых комментариев для неспециалистов позволяет прийти к выводу о значительном сокращении и упрощении языкового кода при адаптации законодательных текстов-источников. Несмотря на текстовое редуцирование как доминантную модель адаптации, нами отмечены отдельные случаи использования амплификации в изученных комментариях. Данные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что гибридный характер дискурса, а также разнообразие каналов коммуникации при передаче адресату специальной информации приводят к наложению разнонаправленных моделей ее адаптации. Анализ эмпирического материала также показал, что выделение/вуалирование определенных объектов или событий в правовых комментариях для неспециалистов, обусловленные интенцией адресанта, служит реализации не только разъяснительной и регулятивной, но также идеологической функций популярно-юридического дискурса.

Выводы по главе 3

В ходе изучения релевантного эмпирического материала было установлено, что использование различных моделей адаптации специальной информации, обусловленное необходимостью компенсировать несоответствие объема специальных знаний и пресуппозиций адресанта и адресата, а также наличие оценки предметно-смыслового содержания своих высказываний адресантом отличает тексты популярно-юридического дискурса от текстов профессионального юридического дискурса.

Особенности апперцептивного фона восприятия адресата популярно-юридического дискурса, объем специальных знаний и пресуппозиций которого в области права непропорционален уровню соответствующей компетентности адресанта, детерминируют необходимость использования различных моделей адаптации специальной информации во всех жанрах рассматриваемого дискурса.

В процессе адаптации текстов профессионального юридического и научного юридического поддискурсов юридического дискурса, характеризующихся сложностью как в плане выражения, так и в плане содержания, адресантами используются различные трансформации для приспособления данных текстов к фоновым знаниям и особенностям когнитивных механизмов адресата-неспециалиста.

Анализ видов адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса, основанный на общей схеме коммуникации, позволил выявить ряд ее особенностей. Во-первых, *субъектная адаптация* в данных текстах выражается в оценочном ракурсе подачи специальной информации. Во-вторых, *адресатная адаптация* не предусматривает замену специальных терминов общеупотребительными словами, но обуславливает необходимость экспликаций юридических терминов для неспециалистов, что может приводить к значительному приращению текста и «размыванию» его когнитивной плотности. В-третьих,

инструментальная адаптация предполагает выбор и чередование адресантом разных модусов коммуникации с учетом когнитивных особенностей современного массового адресата, который характеризуется «клиповым мышлением», делающим его неспособным к длительному восприятию однородной линейной информации. В-четвертых, *референциальная адаптация*, касающаяся непосредственно текста или сообщаемой в нем специальной информации, детерминирует выбор моделей адаптации в зависимости от жанра популярно-юридического дискурса и коммуникативных задач адресанта.

Первичным этапом семантико-стилистической обработки специального текста при адаптации выступает симплификация, в ходе которой уменьшается лексическая и синтаксическая сложность текста и снижается напряженность его восприятия неспециалистом. Установлено, что адаптация специального текста может осуществляться либо по линии текстового расширения, либо по линии текстовой компрессии.

Анализ эмпирического материала позволил выделить две основные модели текстового расширения в текстах популярно-юридического дискурса разных жанров – *модель амплификации* и *модель денотатной экспликации*. Адаптация текста по линии текстовой компрессии осуществлялась адресантами при помощи *модели редуцирования* разных типов.

Наиболее частотной моделью адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса выступает амплификация в различных ее разновидностях. На наш взгляд, это детерминировано основной коммуникативной целью рассматриваемого дискурса, а именно, распространением правовых знаний с целью повышения уровня правовой грамотности массового адресата.

В ходе исследования были выделены три типа амплификации: *рациональный*, *оценочный* и *образно-ассоциативный*. Было доказано, что частной разновидностью амплификации выступает экземплификация, т.е. разъяснение понятийно-предметной

ситуации посредством реальных примеров из правовой практики, личного опыта, а также использования исторического нарратива и средств художественной выразительности.

Было обнаружено, что выбор модели адаптации детерминируется соответствующим жанром популярно-юридического дискурса, а именно, доминантным типом передаваемого специального знания. Для передачи фундаментального знания, как субстанционального, так и процедурного, задействовались модели текстового расширения, что способствовало формированию фоновых знаний/пресуппозиций адресата за счет приращения новой специальной информации.

Результаты проведенного анализа использования амплификации разных типов в выделенных жанрах популярно-юридического дискурса представлены в таблице ниже (Таблица 3).

Жанр	Амплификация рационального типа	Амплификация оценочного типа	Амплификация образно-ассоциативного типа
научно-популярная книга о праве	+	+	+
книга юридических советов	+	+	—
юридическая консультация	+	+	—
публичная лекция правовой тематики	+	+	+

Таблица 3. Типы амплификации в разных жанрах популярно-юридического дискурса

Денотатная экспликация является частотной моделью адаптации юридического текста для условий популярно-юридического дискурса, однако может отсутствовать

в ряде случаев, что мы относим к проявлениям симплификации при обработке специальной информации. В ходе дефиниционного анализа было установлено, что вторичная категоризация юридических понятий в данной модели посредством замены абстрактных лексем другими лексемами абстрактной семантики не приводит к значительному изменению уровня категоризации текстообразующих концептов. В текстах научно-популярных книг о праве была отмечена модель двойной денотатной экспликации, в которой вектор адаптации специальной информации был направлен от симплификации в сторону компликации. Использование данной модели коррелирует с коммуникативной целью указанного жанра и служит реализации развивающей стратегии просветительского типа популярно-юридического дискурса.

При вторичной концептуализации юридических терминов и понятий других дискурсов в текстах популярно-юридического дискурса значительно преобладает понятийный способ (использовался в 64% определений). Оценочный способ использовался самостоятельно в 13% определений, образный – в 2% приведенных определений. В 21% случаев адресанты прибегали к смешанному способу концептуализации информации, при котором понятийный способ дополнялся оценочным либо образным. Результаты исследования соотношения способов вторичной концептуализации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса разных жанров представлен в круговой диаграмме ниже (*Диаграмма 2*):

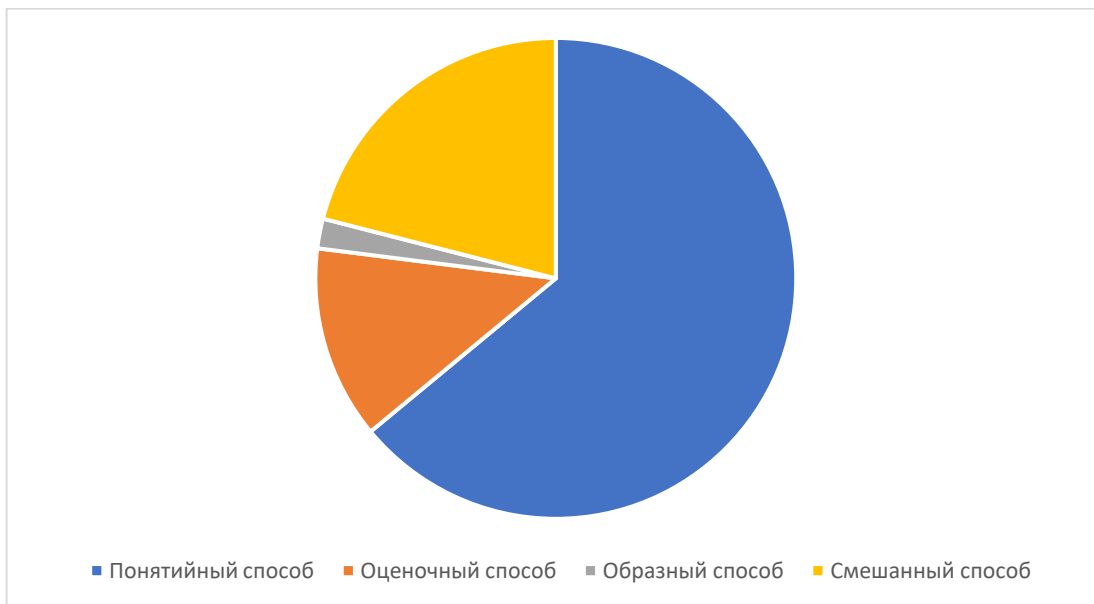

Диаграмма 2. Соотношение способов вторичной концептуализации информации в текстах популярно-юридического дискурса

Мы полагаем, что преобладание понятийного способа вторичной концептуализации понятий, в частности, отличает популярно-юридический дискурс от смежного медийного юридического дискурса, так как основной целью адресанта в данном случае выступает формирование правовой картины мира (включая выработку понятийного аппарата) массового адресата, а не субъективная оценка правовых событий и явлений, выбор которых обусловлен популярностью на данный момент какого-либо медиатопика, связанного со сферой права.

Было обнаружено, что при передаче ориентационного знания адаптация специального текста адресантами осуществляется по линии текстовой компрессии посредством использования *модели редуцирования* разных типов (выборочного, свертывающего и суммирующего). Редуцирование текста при этом приводит не только к сокращению его объема, но и к уменьшению степени сложности. Данная модель способствует упорядочиванию правовой реальности в сознании адресата,

позволяя ему оперативно соотнести новую сложную информацию с уже имеющимися знаниями и пресуппозициями. Выбор адресантом какого-либо аспекта информации о референте или когнитивном событии и его перемещение в фокус внимания детерминирован когнитивной салиентностью. Смещение коммуникативного фокуса при данной модели адаптации служит реализации не только разъяснительной и регулятивной, но также идеологической функции популярно-юридического дискурса.

Анализ специфики адаптации специальной информации в текстах популярно-юридического дискурса позволяет сделать вывод о том, что выделенные модели фактически не используются в его текстах самостоятельно. Целесообразно говорить об их различных комбинациях и частотности употребления в зависимости от жанра текста и коммуникативного намерения адресанта. Гибридный характер изучаемого дискурса, а также разнообразие доступных каналов коммуникации при передаче адресату специальной информации в ряде случаев могут приводить к наложению разнонаправленных моделей ее адаптации.

ГЛАВА 4. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

4.1. Гетерогенный стилистический характер текстов популярно-юридического дискурса

Исследование популярно-юридического дискурса в прагматическом аспекте непосредственным образом связано с изучением стилей, которые адресант выбирает для достижения коммуникативной цели, поскольку выбор стиля всегда прагматически мотивирован. Ученые, занимающиеся изучением популярно-юридического дискурса (Аверин, 2022; Медведев, 2019; Соловьева, 2023; Щитова, 2019 и др.), отмечают его разностилевой характер. Например, Д.С. Медведев и О.Г. Щитова приходят к выводу о том, что популярно-юридический интернет-дискурс имеет межстилевой характер, поскольку интегрирует в себе черты научного, официально-делового, публицистического и разговорного функциональных стилей [Медведев, Щитова, 2019: 72]. Как полагают ученые, подобный стилистический синтез упрощает восприятие адресатом сложной специальной информации. Мы солидарны с данной позицией, и, в свою очередь полагаем, что комбинация разных функциональных стилей в рамках одного дискурса позволяет облегчить линейное развертывание вербально выраженной мысли. При этом мы не считаем термин «межстилевой», используемый Д.С. Медведевым и О.Г. Щитовой для обозначения описываемого языкового явления удачным, поскольку он не дает понимания стилистической природы рассматриваемого популярного дискурса. Согласно словарному определению, «межстилевой» означает «употребляемый во всех функциональных стилях» [Словарь синонимов русского языка], что, на наш взгляд, не совсем корректно описывает стилевое взаимодействие в рамках изучаемого дискурса, так как в

зависимости от жанровой принадлежности текстов популярно-юридического дискурса в них используется устойчивая комбинация, включающая определенные (но не одновременно все) функциональные стили. В данной связи предлагаемый термин «гетерогенный» (неоднородный, состоящий из различных элементов) для стилистической характеристики рассматриваемого дискурса, по нашему мнению, позволяет точнее передать его гибридную сущность.

Другой исследователь (англоязычного) популярно-юридического дискурса А.С. Аверин высказывает мысль о доминантной стилевой принадлежности текстов указанного дискурса к официально-деловому стилю с включением элементов публицистического и разговорного стилей [Аверин, 2019: 97]. Мы солидарны с ученым в том, что стилистическая вариативность отличает тексты популярного дискурса от профессиональных юридических текстов, которые характеризуются стилистической однородностью, даже при условии продуцирования разными адресатами или групповым адресатом. Тем не менее, А.С. Аверин в своей работе не учитывает достаточно большой кластер текстов научно-популярных книг и лекций о праве, что определяет отсутствие упоминания о научном стиле как одном из функциональных стилей, используемых в релевантных жанрах популярно-юридического дискурса.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что хотя тексты современного российского популярно-юридического дискурса характеризуются стилистической гетерогенностью, каждый из жанров, выделенных нами ранее в работе, отличает своя сформировавшаяся и относительно устойчивая стилевая комбинаторика с выраженной доминантой официально-делового стиля. Для подтверждения данного наблюдения предлагаем изучить примеры взаимодействия разных функциональных стилей в вышеупомянутых жанрах популярно-юридического дискурса.

Рассматривая тексты научно-популярных книг и лекций о праве, мы отмечаем практически равную представленность в них черт научного и официально-делового стилей. Возможно, это объясняется тем, что в своем центробежном движении от институционального ядра, формируемого профессиональным юридическим дискурсом, юридический текст проходит поле научного юридического дискурса, что создает предпосылку для их устойчивого «скрещивания» в просветительском типе популярного дискурса. По справедливому утверждению Н.Д. Голева: «юридический текст самым тесным образом связан с научным дискурсом: за каждым словом, термином стоят дефиниции, прошедшие верификацию в юриспруденции как науке и в законодательной практике» [Голев, 2006: 28].

Наглядным подтверждением функционирования научного стиля в текстах популярно-юридического дискурса выступают многочисленные общенаучные обороты и клише, а также денотатные экспликации юридических терминов, используемые адресантами научно-популярных книг и лекций о праве. Кроме того, в текстах указанных жанров в большом количестве используются абстрактная лексика, отглагольные существительные, обобщенно-личные и безличные грамматические конструкции, причастные обороты, формальные средства когезии и выделение жирным шрифтом для логической организации текста.

➤ *«В юридической науке, как правило, выделяются четыре вида источников права, а именно: правовой обычай, судебный прецедент, нормативно-правовой акт, нормативный договор»* [Кизяковский, 2019: 68].

➤ *«Понятие **«памятник права»** может иметь место, по нашему мнению, в широком и узком смысле. В широком смысле – это любой элемент реальности, относящийся к правовой области и имевший место в прошлом <...>. В узком смысле слова памятник права – это источник права, прежде всего нормативно-правовой акт, действовавший в прошлом и оказавший существенное влияние на последующую правовую историю, либо ныне действующий»* [Кизяковский, 2019: 69].

- *«В максимально упрощенном, приближенном к практическому применению виде, понятие «право» все же следует понимать как совокупность зафиксированных (изложенных в различных источниках) обязательных к исполнению правил поведения» [Кизяковский, 2019: 46].*
- *«Для примера рассмотрим несколько правовых норм из различных отраслей права» [Кизяковский, 2019: 55].*
- *«Как отмечал проф. В.К. Бабаев, специально исследовавший тему...» [Кизяковский, 2019: 90].*
- *«Исследователи-цивилисты отмечают...» [Кизяковский, 2019: 310].*
- *«В юридической науке принято делить норму права на три элемента – гипотезу, диспозицию и санкцию» [Русакович, 2017а: 61].*
- *«” Юрисдикция” – это полномочия по рассмотрению каких-то споров, а слово «общая» подразумевает противопоставление термину «специальная» или «специализированная». То есть словосочетание «общая юрисдикция» означает, что суд рассматривает все споры кроме тех, которыми занимаются специализированные суды (со специальной юрисдикцией)» [Русакович, 2024: 139].*
- *«Правовая норма – это правило поведения, установленное и охраняемое государством, т.е. это конкретное указание государства о том, что нам можно делать, что нам нужно делать, и что нам делать нельзя. Правовые нормы делятся на три вида: запрещающие, обязывающие и управомочивающие» [Русакович, 2017].*
- *«Под воспитанием ребенка понимается воздействие на его духовное и физическое развитие, обучение правилам поведения, обеспечение образования ребенка. <...> Будучи свободными в выборе методов, способов воспитания они при этом должны исходить из интересов ребенка, общества и государства. Государство, в свою очередь, принимает меры по осуществлению помощи родителям» [Князева, 2024].*

➤ «Необходимо отметить, что отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также употреблении нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными регулируются Федеральным законом “Об ответственном обращении с животными”» [Фиников, 2024].

К чертам научного стиля в данных текстах мы также относим широкое употребление латинских слов и выражений, либо представляющих собой генетические определения ключевых юридических терминов, либо знакомящих адресата с основными нормами права. Как известно, использование латинизмов характеризует также и тексты официально-делового стиля, что представляется особенно частотным в случае юридических текстов, учитывая мировую историю права. Однако, по нашим наблюдениям, в официально-деловом стиле используются, как правило, ассимилированные латинизмы, передаваемые с помощью транскрипции, либо транслитерации (де-юре, де-факто, персона нон грата, аффидевит и т.д.). В текстах научного стиля имеет место использование латинизмов в исходной форме (трансплантация) с предшествующим или последующим переводом.

➤ «<...> благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа <...>» [Оробинский, 2022: 31].

➤ «Есть и третий тип – клерикальное государство (от лат. *clericalis* – церковный)» [Оробинский, 2022: 31].

➤ «Такие государства называют «унитарными» (от лат. *unitas* – единство)» [Оробинский, 2022: 79].

➤ «Слово «институт» происходит от латинского *institutum*, что означает “установление” или “учреждение”» [Русакович, 2017а: 66].

➤ «Делить право на публичное и частное – *ius publicum ius privatum* – начали в Древнем Риме» [Русакович, 2017а: 78].

- «Как говорили древнеримские юристы, *jus publicum privatorum pactis mutari non potest* («публичное право не может быть изменено соглашением частных лиц»))» [Русакович, 2017а: 79].
- «По этому поводу древнеримские юристы говорили – *nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali* («нет преступления и нет наказания без указания на то в законе»)) [Русакович, 2017а: 100].
- «*Inquīsitīō* (лат.) – церковный суд для рассмотрения дел о ереси» [Кизяковский, 2019: 96].
- «Недаром с древности существовало железное правило для внутригосударственного и международного права: ***pacta sunt servanda*** – договоры должны соблюдаться» [Кизяковский, 2019: 96].
- «Древнеримские историки (Ливий, Диодор) называли авторами этих законов децемвиров (от лат. *decem viri* – «десять мужей»), так в Древнем Риме назывались коллегии из десяти человек для исполнения различных духовных или светских обязанностей в государстве» [Кизяковский, 2019: 96].

Научный стиль детерминирует широкое использование различных таблиц и схем, повышающих плотность когнитивной информации в текстах научно-популярных книг о праве (См. Примеры 42, 43 Приложения).

Помимо указанных характеристик научного стиля в научно-популярных книгах о праве широко используются графические средства логической организации текста, такие как выделение жирным шрифтом, шрифтовое варьирование и заключение части текста в рамку.

- «Под основами конституционного строя РФ понимаются **устои государства, его основные принципы**, которые призваны обеспечить России характер конституционного государства <...>»

Полужирный и курсив в цитате мои. – В.О. [Оробинский, 2022: 27].

Как полагают Ж. Багана и Н.Л. Кривчикова, наличие иерархических отношений между шрифтовыми вариантами позволяет использовать эти средства для «выражения подчиненности <...> текстовой иерархии, для подчеркивания прагматической значимости отдельных языковых элементов» [Багана, Кривчикова, 2008: 146]. По нашим наблюдениям, изменение шрифта и заключение текстового фрагмента в рамку используются адресантами в данном жанре для отделения фактической или научной информации от своей собственной позиции по какому-либо юридическому вопросу.

Приведем пример шрифтового выделения личной позиции В. Кизяковским в книге «Занимательное правоведение» (См. Пример 44 Приложения). Делясь с читателями своими размышлениями и наблюдениями на тему правотворчества, В. Кизяковский не только использует разные шрифты, но и разное выравнивание текста (по ширине и по правому краю).

А. Русакович также прибегает к данному приему для отделения научной информации от своей оценки. Приведем пример из главы «Публичное и частное право» книги «Правоведение для всех» (См. Пример 45 Приложения). В заголовке «Платонические правоотношения» обыгрывается название системы сбора денег «Платон», ставшей результатом сделки, заключенной между агентством «Росавтодор» и правительством Российской Федерации. Данный фрагмент содержит элементы публицистического стиля (оценочную и разговорную лексику, экспрессивные языковые средства), что объясняется профессиональной принадлежностью адресанта, который, пытаясь отделить свою позицию от научной теории, выделяет иностилевой фрагмент рамкой.

Наличие элементов разговорного стиля в научно-популярных книгах и лекциях о праве служит их симплификации и, безусловно, облегчает восприятие и интериоризацию сложной специальной информации, как показано в Примерах 46 и 47 (См. Приложение). Коммуникативная обстановка в данных фрагментах

характеризуется неформальностью несмотря на предмет общения, относящийся к узкоспециальным областям права. Интересным представляется использование обоими адресантами шутливой и/или иронической тональности, что также облегчает восприятие специальной информации и делает чтение увлекательным, как и предполагает жанр (*«А вот с земельным участком все не так просто. Собственник не обязан всегда находиться на своем участке и объявлять всем, что тот ему принадлежит»; пока вы творите, к вам никто не лезет, никто не мешает; признавая за вами права творца на венец творения*).

Высокий уровень интертекстуальности научно-популярных книг и лекций о праве обуславливает также широкое использование официально-делового стиля в их коммуникативном пространстве, в том числе, в многочисленных ссылках и цитировании различных нормативно-правовых актов (См. Примеры 48 – 53 Приложения).

К чертам официально-делового стиля в данных фрагментах мы относим лексические средства компрессии – аббревиатуры (*РФ; ФЗ; ГК*), широкую экспликацию юридических терминов, повтор ключевых слов (допустимую тавтологию) для обеспечения связности текста, многочисленные слова и словосочетания канцелярского стиля (*в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; основаны на положениях Гражданского кодекса РФ; совершить гражданское правонарушение; предусмотрены три вида ответственности; отвечать другим законным требованиям, которые установлены иными специальными законами и правилами; законодательно признаются и др.*), глаголы волеизъявления и глагольные конструкции со значением модальности (*имеет право; запрещен, не вправе ограничивать и др.*), а также инфинитивные конструкции со значением долженствования (*иметь российское гражданство; владеть государственным языком; быть в возрасте не моложе 18 лет и др.*).

В целом, как показал анализ эмпирического материала, официально-деловой стиль представлен во всех выделяемых нами жанрах популярно-юридического дискурса. Можно также утверждать, что во всех жанрах он выступает в качестве отчетливо выраженной стилистической доминанты. В Примерах 54 – 58 иллюстрируется использование официально-делового стиля в текстах книг юридических советов, юридических консультаций и правовых комментариев для неспециалистов (См. Приложение).

В приведенных текстовых фрагментах, основными функциями которых выступают наложение обязанности, наделение правами, а также осведомление адресата об административно-правовых действиях широко представлены такие характеристики официально-делового стиля как: термины и терминологизированные единицы (*неустойку; пеню; ответчик; судебные расходы; производство (по делу); доверитель; дело; право собственности; лица; юридические лица; кодекса; несовершеннолетних правонарушителей; органов внутренних дел* и др.); средства компрессии когнитивной информации (*%; п. 1 ст. 23; ч. 2. Ст. 6; от 31.05.2002 № 63-ФЗ; в ст. 234; РФ; в ст. 21* и др.); отглагольные существительные с суффиксами *-ени-* и *-ани-* (*нарушение; удовлетворении; предъявления; соглашения; оказании; вступления; приобретения; предупреждения; совершенствование; регулирования; рассмотрения; пребыванием; содержания* и др.); юридические клише, которые наряду с терминами являются вербальными эмблемами юридического дискурса (*полностью или частично взыскать; связанные с производством по делу; для вступления в дело; подлежащее государственной регистрации; право возникает; с момента регистрации; порядок закреплен в ст.; согласно статье; неявку без уважительной причины; предусмотрена ответственность; пребыванием в учреждениях* и др.).

Интересным частным случаем использования официально-делового стиля в книгах юридических советов является включение адресантами образцов различных

типовых юридических документов (исковых заявлений, ходатайств, договоров, претензий и т.д.). Как правило, образцы документов и основной текст разграничиваются посредством шрифтового выделения (См. Примеры 59, 60 Приложения).

Наличие подобных «включений» в полной мере соответствует выполнению коммуникативных задач адресанта в данном типе инструктирующего популярно-юридического дискурса, направленного на передачу примарно процедурного правового знания и на «распредмечивание» специальной информации для адресата.

Обращает на себя внимание отсутствие четких границ между официально-деловым и разговорным стилями в первом фрагменте (*заключили договор о том-то; Тогда-то ООО «Ромашка»; нарушила договор так-то; нанесли мне такой-то ущерб; если сделает то-то* и др.). Подобное стилистическое «размывание», по нашим наблюдениям, в целом характерно для книг юридических советов, как иллюстрируется в Примере 61 (См. Приложение). Данный пример подтверждает наши наблюдения о присутствии (в разной степени) элементов разговорного стиля, служащих симплификации специальной информации, в текстах всех жанров популярно-юридического дискурса.

Что касается использования публицистического стиля, то, как показал анализ, он наиболее характерен для текстов жанров «правовой комментарий для неспециалиста» и «юридическая консультация», что обусловлено каналом передачи специальной информации – средствами массовой информации (См. Примеры 62 – 65 Приложения). К чертам публицистического стиля в приведенных фрагментах мы относим: числовые данные (*к 2030 году; 98%; 90 процентов*); прямую и косвенную речь (*отмечает глава Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Александр Хинштейн; говорит Хинштейн*); ссылки на источник информации (*результаты недавнего исследования ВЦИОМ наглядно показали*), сложносокращенные слова и аббревиатуры (*Госдумы; ВЦИОМ;*

«РГ»); наличие зачина или лида публикации (*Нотариусов обязали предупредить наследников о долгах, которые висят на наследстве. Тогда у человека будет возможность сознательно принять решение: вступить в наследство или отказаться. Соответствующий закон публикует «РГ»*); лексику иностранного происхождения (*постфактум; нюансы*); экспрессивную и оценочную лексику (*сознательно принять решение; острые проблемы; известный юридический факт; действительно огромны; неприятная информация; велико доверие; неприличными рисунками; нецензурными словами; вполне действенная управа; вандалы и др.*); газетные клише (*решил проблемы; даст возможность выбирать; наведет порядок; вводятся единые требования; переходят по наследству; получил по наследству; пресекать действия; приведены в первоначальное состояние и др.*); книжную лексику (*ибо*); побудительные языковые средства (*Надо обратиться*); оценочные фразы, имплицитно указывающие на желательность действия (*Это позволит пресекать действия мошенников*).

В приведенных текстовых фрагментах также широко представлены разговорные элементы как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях (*хоть очно, хоть дистанционно; продавец теперь обязан; висят на наследстве; не будет и долгов; легче вообще не вступать в наследство; тратить нервы; на все прочее; приходят люди из банка; только через нотариуса; любителей разрисовывать; есть ... управа; Таковой является статья; находятся вандалы и др.*). Необходимо отметить, что официально-деловой и публицистический стили в данных примерах тесно смыкаются. В связи с этим тексты начинают выполнять смешанные функции: от сообщения и комментирования/оценки значимых новостей правовой тематики до регулирования действий адресата в конкретных юридических ситуациях посредством наложения запретов, информирования о правах и т.д.

Таким образом, в силу своей гибридной природы популярно-юридический дискурс приобретает уникальное свойство, отличающее его, в частности, от

профессионального юридического дискурса, а именно – стилистическую гетерогенность. Данное свойство детерминировано прежде всего транслирующим дискурсом, который используется как канал передачи специальной информации и у которого популярный дискурс заимствует тот или иной жанр. Стилиевые характеристики заимствованного жанра соединяются с доминантным для юридического дискурса официально-деловым стилем, создавая устойчивые стилиевые комбинации в каждом из выделенных жанров популярно-юридического дискурса.

4.2. Коммуникативная политональность популярно-юридического дискурса

Тональность является одним из важных конститутивных признаков дискурса, поскольку изучение выбора говорящим регистра общения, модальности, интонации и т.д. делает возможным построение комплексной модели коммуникации. Тональность общения определяется не только отношением участников коммуникации друг к другу, но и к обстановке, и к предмету речи. Коммуникативная тональность культурно маркирована и корреспондирует с выделяемыми типами дискурса. Н.И. Формановская, в частности, полагает, что тональность детерминирована сферой общения [Формановская, 1989: 14]. С.Е. Тупикова приходит к выводу, что коммуникативная тональность возникает между коммуникантами в процессе общения и является дискурсивной (а не текстовой) категорией [Тупикова, 2010: 247].

Будучи основным признаком прагмалингвистического описания коммуникативной ситуации, тональность привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей (Багдасарян, 2000, 2002; Белошицкая, 2023; Дементьев, 2010, 2016; Карасик, 2007, 2008, 2012; Селезнева, 2018; Соловьева, 2025; Тупикова, 2010; Halliday, 1978 и др.), что привело к выработке ряда подходов к ее изучению. М. Халлидей, например, рассматривает тональность как «ключ общения» (аналогично «коммуникативному ключу» в концепции В.И. Карасика) или «структурный элемент

регистра» [Халлидей, 1978: 222–223], влияющий на ролевые отношения коммуникантов и выбор ими языковых средств: «Характер дискурса, поскольку он касается участников речевой ситуации и того, как они относятся друг к другу постоянно или временно, влияет на выбор говорящим наклонения (своей речевой роли: высказывания утверждений, постановки вопросов и т.д.) и модальности (оценки говорящим достоверности своего высказывания); он также помогает определить тональность, в которой говорящий преподносит свои утверждения (настоятельная, нерешительная, афористичная, квалифицированная и т.д.), а также отношения и чувства, которые он выражает» (*Перевод наш – Ю.С.*) [Соловьева, 2025: 136].

В исследовании Т.О. Багдасарян представление М. Халлидея о тональности как о «ключе общения», определяющем общий эмоциональный настрой, задаваемый говорящим и определяющий его отношение к содержанию и адресату высказывания, получает дальнейшее развитие. Ученый приходит к выводу о том, что тональность – это «такое представление текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, к реципиенту и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозициональное содержание в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов» [Багдасарян, 2000: 3]. Н.Н. Белошицкая также усматривает в тональности реализацию личностного начала автора высказывания [Белошицкая, 2022: 153]. Мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем под коммуникативной тональностью «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик, 2008: 99].

Анализ коммуникативной тональности популярно-юридического дискурса позволяет сделать вывод о реализации двух ее основных функций в разных жанрах указанного дискурса: 1) передаче адресантом своего субъективного отношения к содержанию высказывания; 2) оказании воздействия на адресата в соответствии с коммуникативными целями адресанта. По нашим наблюдениям, адресанты

популярно-юридического дискурса руководствуются тремя основными коммуникативными установками, определяющими типы модальности высказываний. Эпистемическая модальность выражается в стремлении адресанта достоверно описать правовую действительность языком, понятным для неспециалиста. Деонтическая модальность используется адресантом для того, чтобы изменить установки адресата и склонить его к законопослушному поведению. Для этого адресант оперирует грамматическими категориями, выражающими долженствование, запрет, возможность/невозможность совершить действие с учетом принятых правовых норм. Наконец, аксиологическая модальность позволяет адресанту дать оценку правовой системы, феноменов, юридических фактов и т.д. в соответствии с принятыми в обществе ценностями. Модальность наряду с индивидуальными чертами языковой личности адресанта непосредственно определяет способы представления текста (тональность).

По мнению Н.Н. Белошицкой, между типом дискурса и преобладающим видом тональности существует непосредственная корреляция [Белошицкая, 2023: 77]. Мы солидаризируемся с данной точкой зрения и, в свою очередь, полагаем, что коммуникативная тональность дискурса предопределяет готовность адресата воспринимать информацию в заданном адресантом формате. Согласно утверждению В.З. Демьянкова, «целостная интерпретация текста (единство восприятия и понимания текста) выполнена в одной тональности» [Демьянков, 1989: 140]. Готовность адресата к восприятию передаваемого сообщения в соответствии с коммуникативной целью адресанта детерминируется как его пресуппозициями в соответствующей сфере общения, так и эмпатическим настроением на адресанта, а, следовательно, на содержание продуцируемого им сообщения [Соловьева, 2025: 135]. Для обеспечения эффективной коммуникации тональность текста, продуцируемого адресантом, должна совпасть с ожиданиями адресата в особенности в ситуации институционального общения, рамки которого достаточно жестко заданы. Так,

тональность юридического дискурса, по нашим наблюдениям, характеризуется высокой степенью предсказуемости. Однако как показало исследование, в отличие от юридического дискурса тональность популярно-юридического дискурса демонстрирует вариативность и тенденцию к частой переакцентуации.

Не только любой дискурс, но и любой речевой жанр в рамках дискурса обладает определенной коммуникативной тональностью. А. Вежбицкая в данной связи полагает, что каждый речевой жанр обладает собственным «эмоционально-когнитивным фреймом» [Вежбицка, 1997: 104], который позволяет вызывать у адресата прогнозируемую эмоциональную реакцию. В.В. Дементьев, в свою очередь, отмечает важность тональности как параметра жанровой организации речи [Дементьев, 2010: 119]. По мнению Т.О. Багдасарян, модель речевого жанра, отражающая мотивы и интенции говорящего, а также контекст коммуникативной ситуации, детерминирует тип высказывания и его тональность. По мнению ученого, тональность, наиболее соответствующая жанру, не несущая дополнительной семантической нагрузки и воспринимаемая реципиентом как естественная, является *модельной* для данного жанра. Модельная тональность выступает своего рода инвариантом и всегда доминирует в тексте определенного речевого жанра [Багдасарян, 2000: 4]. Поскольку тональность гибридных дискурсивных образований ранее не становилась объектом изучения, нам, в частности, необходимо было установить, сохраняется ли модельная тональность базового юридического дискурса в разных жанрах изучаемого поддискурса.

Существуют разные подходы не только к определению, но и к выделяемым типам тональности. А.Г. Баранов, в частности, полагает, что субъективная модальность в тексте, представленная тональностью, характеризует отношения коммуникантов как формальные, шутливые, иронические, враждебные, снисходительные и т.д. [Баранов, 1994: 22]. В.В. Дементьев, основываясь на противопоставлении информативных и фатических жанров, выделяет соответственно

нейтральную и шутливую тональности общения [Дементьев, 2010: 118]. Т.О. Багдасарян в своей работе дифференцирует 36 «чистых» видов тональности [Багдасарян, 2000], а также многочисленные тональные оттенки, столь же разнообразные, как и связанные с ними коммуникативные ситуации, подсчет которых представляется сложным, если не невозможным. Мы в своей работе придерживались типологии тональности, разработанной В.И. Карасиком, которую сам ученый считает по-прежнему открытой. Опираясь на такие критерии как: одноплановость/многоплановость, заданность / открытость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания/ формы общения, конкретность/ отвлеченность тематики, ученый выделяет следующие типы коммуникативной тональности: *информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, идеологическая, фасцинативная, гипотетическая, агрессивная, эзотерическая, манипулятивная и менторская* [Карасик, 2008: 21].

Практически во всех жанровых типологиях принято противопоставлять информативные жанры, целью которых выступает передача информации о фактах и событиях, и фатические жанры, целью которых является установление и поддержание контакта между собеседниками, а не передача какой-либо конкретной информации. В рамках данной парадигмы жанры профессионального юридического дискурса однозначно относятся к информативным, с соответствующей модельной информативной тональностью (серьезное нейтрально-эмоциональное общение с целью информирования). В некоторых коммуникативных ситуациях она может сочетаться с торжественной (ритуально-возвышенное общение), идеологической (общение с жестко заданными установками, определяющее принадлежность коммуникантов к «своим» либо «чужим») и менторской (демонстрация своего превосходства с опорой на авторитет знаний и традиций) тональностью. Функционирование в коммуникативном пространстве профессионального

юридического дискурса разных типов тональности не делает его политональным, т.к. эти вариации тональности не выходят за рамки официального общения.

Особенностью текстов популярно-юридического дискурса является одновременное использование адресантами способов представления информации, характерных для разных типов коммуникативной тональности (смещение информативности и фатикки), что в конечном итоге способствует более эффективной реализации целей рассматриваемого дискурса. Интересно отметить, что подобное смещение характерно для всех жанров популярно-юридического дискурса, что подтверждает его гибридный характер.

Т.О. Багдасарян в своем исследовании приходит к выводу о том, что тональности способны переакцентуироваться, в зависимости от вариаций отношения говорящего к тексту, ситуации и самому себе, что, тем не менее, не разрушает общую модель речевого жанра [Багдасарян, 2000: 6]. О переакцентуации впервые упоминает М.М. Бахтин в своей теории речевых жанров. В частности, он приводит наблюдение о том, что «например, жанровую форму приветствия из официальной сферы можно перенести в сферу фамиллярного общения, то есть употребить с пародийно-иронической переакцентуацией, с аналогичной целью можно нарочито смешать жанры разных сфер» [Бахтин, 1979: 259]. В аналогичном ключе В.В. Дементьев отмечает: «На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому» [Дементьев, 2016: 17].

В силу гибридного характера популярно-юридического дискурса в его коммуникативное пространство «втягиваются» тексты других дискурсов (медийного, научного и др.) соответствующих речевых жанров, придавая ему гетерогенный характер. Понятийная система права в популярном дискурсе подвергается адаптации как в семантическом (например, изменение способа концептуализации информации),

так и стилистическом (использование элементов других стилей, например, разговорного) планах, что приводит к переакцентуации доминантной тональности. На наш взгляд, подобное «переключение» тональности служит облегчению восприятия адресатом сложных юридических понятий.

Поскольку основной целью популярно-юридического дискурса является, прежде всего, передача знаний о правовой системе и ознакомление адресата-неспециалиста с действующими нормами института, доминантной дискурсивной тональностью, безусловно, выступает **информативная** (См. Примеры 66 – 71 Приложения). Приведенные в данных примерах текстовые фрагменты выдержаны в официально-деловом и научном стилях, функциональной доминантой которых выступает сообщение адресату информации (когнитивной и официальной) с возможным последующим предписанием действий. В ряде случаев (в зависимости от идиостиля адресанта) наблюдается сочетание данных стилей с разговорным стилем (*не возникла на пустом месте; отправляют друг к другу юристов на стажировку; особый госорган, который эту сферу опекает; обсуждаются дополнительные сборы на домофон, установку шлагбаума и т.д.*), что, однако, не сказывается на доминантной тональности текстов. Информативный характер анализируемым текстам придает также высокая плотность прецизионной лексики (терминов, топонимов, эргонимов, названий законов/кодексов и др.).

Прагмалингвистический анализ популярно-юридического дискурса позволяет сделать вывод об изначальном неравенстве участников общения, результатом чего становится присутствие в текстах данного дискурса эксплицированной **менторской тональности**, характерной также и для профессионального юридического дискурса. Как правило, адресант дискурса выступает либо в роли ментора/наставника, который делится своими профессиональными знаниями с людьми, не имеющими юридического образования, либо в роли советчика, что опять-таки предполагает

статус вышестоящего. Приведем несколько примеров выраженной менторской тональности в текстах популярно юридического дискурса разных авторов и жанров.

➤ *«О праве может говорить каждый россиянин, как о политике или о футболе, но мало кто толком понимает и в том, и в другом, и в третьем, а уж трактовка – своя у каждого»* [Кизяковский, 2019: 7].

Местоимение с интенсификатором «мало кто» в данной цитате из научно-популярной книги В. Кизяковского «Занимательное правоведение» служит в качестве единицы, устанавливающей статусное неравенство между участниками коммуникации, в которой адресант демонстрирует свой вышестоящий статус, обусловленный опытом и знаниями. Применяв интерпретативную методику А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1999], позволяющую раскрыть импликации данного высказывания, можно разложить выводимый смысл на следующие части: 1) право является важной темой для каждого гражданина нашей страны; 2) немногие люди разбираются в данном вопросе; 3) в отличие от других я компетентен в данной области; 4) я позволяю другим иметь свое мнение по поводу сообщаемой мной информации. Очевидная ироничность данного высказывания передает авторское отношение к адресату, хотя вышестоящее положение адресантом открыто не демонстрируется.

В аналогичном ключе автор книги «Как устроено право» А. Русакович демонстрирует свой авторитет как профессионала в сфере права в следующем высказывании:

➤ *«Этот термин [правоотношения] почти неизвестен людям без юридического образования, однако он важен для правильного понимания законов и юридической литературы. <...> В этом термине отражен главный принцип, в соответствии с которым право регулирует жизнь в обществе: один человек получает право, а на другого налагают обязанность»* [Русакович, 2024: 20].

Из данного высказывания адресат может вывести следующие инференции: 1) упомянутый термин выражает важный принцип правовой науки; 2) неспециалистам он незнаком; 3) в отличие от большинства людей автор компетентен в данной области; 4) автор способен объяснить это сложное понятие в доступной форме.

Интересным примером вербального выражения адресантом своего превосходства не только над неспециалистами, но и над некоторыми менее образованными коллегами служит использование В. Кизяковским в своей книге редкой лексемы «лапидарный», характерной для книжной речи.

➤ «*” Занимательное правоведение” – попытка обрисовать тему «право» (закон, законодательство, правоприменение) в лапидарном, максимально кратком и упрощенном, вульгарном виде (вульгарном, если считать происхождение этого слова от латинского *vulgo* – «делать всеобщим, общедоступным, доводить до общего сведения», а не от *vulgus* – «народ, масса, толпа», от чего – современное «вульгарный», то есть «пошлый, грубый, непристойный, безвкусный»)» [Кизяковский, 2019: 7].*

➤ «*Лапидарно повторяюсь: в настоящей работе не ставилась задача научной разработки какой-либо из правовых тем, предлагаемая книга – популярный очерк, попытка разрушить романтическое, иллюзорное восприятие правовой сферы, определенный ликбез в части правовой истории и основных правовых понятий»* [Кизяковский, 2019: 17].

Высокий профессиональный и образовательный уровень адресанта подчеркивается не только использованием малоизвестного читателям слова «лапидарный», но также этимологической справкой из латинского языка. Такое самопозиционирование, акцентирующее профессионализм адресанта, позволяет создать образ специалиста, имеющего фундаментальную подготовку в области права и подтвердить достоверность сообщаемой адресату информации. При сопоставлении высказываний становится очевидным, что автор в определенном смысле

отождествляет прилагательные «вульгарный» (пусть и не в привычном смысле) и «популярный», что имплицитно указывает на большой (и возможно, непреодолимый) разрыв между представителями юридической профессии как социальной касты и непосвященным адресатом, имеющим «иллюзорное» представление об институте права. Данная инференция подкрепляется выбором адресантом сложносокращённого историзма «ликбез», подразумевающего мероприятия по обучению грамоте массового адресата.

Следующий пример использования менторской тональности взят из книги В. Оробинского «Основы права»:

➤ *«По наблюдениям ученых, 80% времени вы проводите в обществе. В любом обществе есть свои нормы, правила, писанные и неписанные законы. **Цель книги** – научить вас жить и выживать в обществе. Дать вам понимание, что такое закон, а что – нет, что обязательно, а что – нет. Объяснить, какие вообще у нас в обществе есть законы, и прочие «обязаловки» и как «вертятся колесики» в современном государстве»* [Оробинский, 2022: 7].

Прогнозируемая отрицательная реакция адресата на прямое вербальное давление (*научить вас жить; дать вам понимание и др.*) нивелируется демонстрируемым адресантом искренним намерением помочь гражданам защитить свои права и интересы в потенциально проблемных юридических ситуациях (*научить выживать в обществе; объяснить... как «вертятся колесики» и т.д.*). Пренебрежительное сравнение законов страны с «обязаловками» дает четкий сигнал адресату о том, на чьей стороне находится автор высказывания в оппозиции «гражданин – государство» несмотря на свою профессиональную принадлежность к институту права, и таким образом выступает способом выражения идеологической тональности. С другой стороны, посредством противопоставления адресантом себя адресатам-неспециалистам (*вы проводите в обществе; научить вас жить; дать вам*

понимание) проводится четкая разделительная линия между ним как агентом института и непосвященными читателями.

В следующем примере из книги «Если ты сам себе адвокат, значит твой клиент идиот» автор – А.С. Сидоров открыто иронизирует над переоценкой неспециалистами своих возможностей:

➤ *«Как правило, те, кто принял решение защищать себя в суде самостоятельно, руководствуются доводами о своей образованности, большом жизненном и профессиональном опыте, информированностью о судопроизводстве, почерпнутом из книг, кинофильмов, телевидения, сети Интернет и других средств массовой информации. Такие граждане считают, что если они достаточно грамотны по жизни, прочитали брошюру из серии «Сам себе адвокат», то и в зале суда они будут поняты, и успех им гарантирован. Такая самоуверенность ведет к тому, что суды зачастую выносят решения не в их пользу. <...> Я думаю, теперь вы уяснили: чем раньше вы обратитесь за юридической помощью к адвокату, тем больше у вас шансов на положительный исход дела» [Сидоров, 2014: 7].*

Профессиональный опыт адресанта в данном фрагменте противопоставляется искаженным представлениям адресата-неспециалиста, в частности, о судебной системе государства, информацию о которой он не всегда получает из надежных источников (*информированностью о судопроизводстве, почерпнутом из книг, кинофильмов, телевидения, сети Интернет и других средств массовой информации; прочитали брошюру из серии «Сам себе адвокат»*). Свое высказывание адресант подытоживает в безапелляционной менторской тональности: *«Я думаю, теперь вы уяснили...»*. В последнем предложении также содержится косвенная реклама юридических услуг, которая, как мы упоминали ранее, часто сопровождает тексты популярно-юридического дискурса: *«чем раньше вы обратитесь за юридической помощью к адвокату, тем больше у вас шансов на положительный исход дела»*.

Для анализа вышестоящего статуса адресанта популярно-юридического дискурса интересно также рассмотреть речевой акт совета, который в полной мере реализуется в жанрах «книга юридических советов» и «юридическая консультация», и, на наш взгляд, выступает более «мягкой» разновидностью (оттенком) менторской тональности. По наблюдению Т. Хадсона, тот, кто советует, ситуативно всегда наделен статусом вышестоящего по отношению к тому, кто нуждается в совете (в нашем случае в юридической помощи) [Hudson, 1990: 286]. Ученый отмечает, что в данной коммуникативной ситуации советующий избегает категоричных суждений и создает видимость общения на равных, сознательно игнорируя очевидные статусные различия между ним и получателем совета. Последний, ощущая свою неспособность самостоятельно справиться с юридической проблемой, принимает свое нижестоящее положение и в определенной мере воспринимает на веру все, что рекомендует более сведущий в правовых вопросах специалист. Ожидаемой реакцией адресата в данной коммуникативной ситуации является следование полученным от юриста указаниям, что иллюстрируется в Примерах 72 – 74 (См. Приложение).

Помощь адресанта в Примере 72 можно назвать психолого-юридической. Ю.А. Дубинина в своих рекомендациях стремится учесть не только правовые последствия, но и помочь адресату сориентироваться в ситуации в состоянии стресса. Менторская тональность в тексте выражается такими языковыми средствами как глагольный императив и инфинитивные формы глагола (*включить аварийку и выставить знак; вызвать сотрудников ГИБДД; запишите имена и фамилии всех участников ДТП* и т.д.). Наличие в рекомендации разговорных и жаргонных элементов (*Для начала – выдохнуть; Все живы-здоровы; «влетели»; что он там замеряет; плюс-минус метр* и др.) способствует созданию доверительной атмосферы общения между коммуникантами в ситуации очевидного статусного неравенства. Фрагмент содержит рекомендацию обратиться за помощью к юристу, что мы относим к не прямой юридической рекламе, зачастую сопровождающей тексты популярно-

юридического дискурса. Обращает на себя внимание недоверие к сотруднику правоохранительных органов, представляющему государство, со стороны юриста: *«Ходите за ним и смотрите, что он там замеряет (!)»*. Таким образом, как и в предыдущем примере, мы наблюдаем наложение менторской и идеологической тональностей.

Нижестоящий статус адресата в Примерах 73 и 74 очевиден из вопросительных предложений, содержащих запрос на помощь юриста (*Что делать? Как узнать кто является собственником? Как далее оформить квартиру?*). Уверенный тон адресанта в ответах на вопросы четко определяет его статус вышестоящего в данных коммуникативных ситуациях. Для разъяснения порядка действий в обеих юридических ситуациях используются предикативные наречия «надо» и «нужно» с модальным значением, что подчеркивает главенствующий статус адресанта в данном общении. Оба адресанта апеллируют к соответствующим нормативно-правовым актам для демонстрации своей профессиональной компетентности. Саркастический тон юриста в первой ситуации содержит непрямую угрозу наказания для потенциальных правонарушителей (*На любителей разрисовывать общественные места ...есть вполне действенная управа*), которая легко считывается адресатом.

При дальнейшем рассмотрении вышестоящего статуса адресанта популярно-юридического дискурса заслуживает внимания также речевой акт запрета (наиболее категоричную форму выражения менторской тональности), который, на наш взгляд, в концентрированном виде представлен в текстах жанра «правовой комментарий для неспециалиста». Адресант в данной коммуникативной ситуации только переформулирует в доступной форме юридический запрет, наложенный уполномоченными государственными органами. Однако категоричность используемых перформативов свидетельствует о том, что адресант чувствует себя вправе (как агент института права) координировать действия адресата в релевантной ситуации. Интересно при этом, что запрет, исходящий от адресанта как посредника в

передаче, а не как непосредственного продуцента запрета не вызывает чувства отрицания или естественного противодействия у адресата, которые могли бы иметь место в иной коммуникативной ситуации.

➤ *«В частности, в Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» вносятся изменения, согласно которым запрещается розничная торговля устройствами для потребления никотинсодержащей продукции и их составными частями на ярмарках, выставках, путем развозной и разносной торговли, дистанционным способом продажи и с использованием автоматов, а также открытая выкладка и их демонстрация в торговом объекте. Кроме того, не допускается применение скидок с цены устройств для потребления никотинсодержащей продукции любыми способами, в том числе посредством издания купонов и талонов»* [Человек и закон, № 6, 2023: 13].

Возвратные глаголы разной степени категоричности «запрещается» и «не допускается» в составе безличных предложений указывают на безальтернативную необходимость следования закону. Подробное, с многочисленными лексическими повторами описание гипотезы и диспозиции закона нацелено на предупреждение возможных случаев непонимания или неправильного толкования адресатом смысла разъясняемого документа. Потенциальное сопротивление адресата частично снимается самой формулировкой темы федерального закона: *«Об охране здоровья граждан...»*, а также импликациями в словосочетаниях *«воздействия окружающего табачного дыма»* и *«последствий потребления табака»*, указывающими на вред, причиняемый здоровью граждан. Даже в случае недовольства вводимым запретом адресат осознает стремление государства защитить его интересы.

По нашим наблюдениям, категорические запреты в текстах популярно-юридического дискурса встречаются не так часто, как более мягкие формы, вербализируемые посредством модальных конструкций, обозначающих

невозможность или нежелательность каких-либо действий, а также косвенных формулировок, не содержащих непосредственно слово «запрет». Например:

➤ *«Дистанционным способом не могут быть реализованы лекарственные препараты, содержащие наркотические препараты, содержащие наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, лекарственные препараты, содержащие сильнодействующие вещества, радиофармацевтические, иммунобиологические лекарственные препараты, <...> изготовленные аптечными организациями, а также льготные лекарственные препараты»* [Человек и закон, № 12, 2022: 6].

➤ *«В соответствии с федеральным законом Уголовный кодекс Российской Федерации дополняется ст.234, устанавливающей ответственность за незаконное производство, приобретение, хранение, перевозку или пересылку в целях сбыта <...> метилового спирта под видом алкогольной продукции»* [Человек и закон, № 6, 2023: 16].

➤ *«Федеральный закон направлен на усиление уголовной ответственности за террористическую, диверсионную деятельность и государственную измену <...>»* [Человек и закон, № 6, 2023: 17].

Косвенные запрещающие формулировки в двух последних примерах подкрепляются достаточно прямолинейными заголовками комментариев – «Мало не покажется...» и «Жесткие меры» соответственно, а также импликацией прилагательного «незаконное» во втором примере. Выводимые адресатом инференции во всех случаях равнозначны прямому запрету на осуществление описанных в новых законах противоправных действий, являющегося квинтэссенцией выражения менторской тональности продуцентов текстов.

Нами также отмечены многочисленные случаи использования адресантами популярно-юридического дискурса *идеологической тональности*. По мнению исследователей (Коньков, 2022; Соловьева, 2022 и др.), популяризация «здесь и

сейчас» характеризуется социальной оценочностью, что проявляется во всех текстах изучаемого дискурса. Функционирование популярно-юридического дискурса в медийной среде, а также тот факт, что зачастую в роли популяризаторов права выступают журналисты, делают его идеологически заряженным. «Поскольку мы говорим о популяризации научного знания, воплощённой в медийном тексте, то эта популяризация, как и любое собственно медийное сообщение, создаётся для здесь и для сейчас, и, как следствие, она неизбежно в большей или меньшей степени идеологически ориентирована» [Коньков, 2022: 63]. Идеологическая функция, также выполняемая популярно-юридическим дискурсом, достигается посредством представления массовой аудитории событий и процессов, затрагивающих институт права, исходя из государственной либо оппозиционной доктрины, с учетом национальной системы культурных ценностей и политических ориентиров.

Идеологическая тональность используется адресантами изучаемого дискурса для выражения своего критического отношения к неэффективной, по их мнению, политике государства, создающей проблемы в разных сферах права. Проиллюстрируем наши наблюдения релевантными примерами из эмпирической базы исследования, среди которых можно выделить две наиболее часто встречающиеся тематические группы:

1) Несовершенство современного законодательства и судебной системы РФ.

➤ *«Законы у нас иногда неясные, туманные и чересчур абстрактные, не поспевают за жизнью и оставляют после прочтения много вопросов»* [Русакович, 2017а: 49].

➤ *«Примерно так же и каучуковую норму права можно подвести к любой ситуации и вывернуть самым причудливым образом. Эти нормы не дают нам четких указаний, как поступать, и каждый судья, чиновник и полицейский может вложить в них свой смысл»* [Русакович, 2017а: 144].

➤ *«Статья 47 Конституции, п.2, **обещает нам:** «Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом». **Заметили лукавство?** Правильно. Выделенная фраза. Суд присяжных будет рассматривать дело не о любом преступлении, названном в УК, а только о преступлении, входящем в узкий круг <...>» [Оробинский, 2022: 173].*

➤ *«Для России с ее огромными пространствами, с **неупорядоченным, изжившим себя и нуждающимся в серьезной реформе федеративным устройством**, такая судебная система жизненно необходима» [Кизяковский, 2019: 39].*

➤ *«Одной из важнейших задач **судебной реформы** следует признать создание условий для полной реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве и расширении возможностей защиты в полном объеме реализовывать свою процессуальную функцию» [Сидоров, 2014: 8].*

2) Некомпетентность, непрофессионализм и злоупотребление полномочиями агентов юридического института.

➤ *Но формировать ее [судебную систему] необходимо с **создания нового судейского корпуса. Вырастить его невозможно в условиях современных юридических факультетов, превращенных в меняльные лавки**» [Кизяковский, 2019: 39].*

➤ *«Периодически съезжая с Рублевского шоссе на МКАД, наблюдаю картину: сотрудники ГИБДД, останавливая машины, чуть ли не по пояс ныряют в бардачки и багажники автомобилей. Очевидно, что происходит это в рамках проверки документов, **но вот на досмотр это не очень тянет**. Чтобы с вами подобного не случилось, запоминайте, в чем разница между осмотром и досмотром автомобиля» [Николаева, 2019: 33].*

- *«Правоохранительные органы увидели, что можно улучшить статистику раскрываемости, даже не выходя из кабинета, а просто читая социальные сети и блоги»* [Русакович, 2017а: 49].
- *«Если ваш исполнительный лист находится у приставов, но алиментов вы не получаете, значит, приставы недорабатывают»* [Дубинина, 2019: 74].
- *«Поэтому, если полиция вас не слышит или делает вид, что не слышит, - звоните им же, только по 02 – это очень стимулирует их к работе. Понимаю, что скоро звонков по 02 станет больше, а работа полиции эффективнее»* [Дубинина, 2019: 166].
- *«В обязательном порядке потребуйте от адвоката финансовый документ, подтверждающий оплату его гонорара. Иногда недобросовестные адвокаты прибегают к различным способам дополнительных поборов с клиента. Это обеды адвоката в ресторане, заправка и обслуживание его авто, визиты к парикмахеру и визажисту (для женщин), в солярий и бассейн (для поддержания хорошей формы) и т.п. Подчас такие дополнительные расходы превышают стоимость самого дела»* [Сидоров, 2014: 20].

Согласно определению В.И. Карасика, идеологическая тональность – это «серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим» [Карасик, 2008: 21]. В средствах создания идеологической тональности в данном аспекте мы усматриваем еще одно принципиальное различие между популярным и профессиональным юридическим дискурсом, для предметного поля которого, по наблюдению Е.А. Кожемякина, недопустимо деление на «свои» и «чужие» объекты [Кожемякин, 2011: 139]. Мы, в свою очередь, полагаем, что дихотомия «свой – чужой» в юридическом дискурсе институционально зафиксирована и четко определена следующими парами оппонентов: 1) агент института – клиент института (неспециалист), 2) агент института – преступник/нарушитель и 3) законопослушный гражданин –

преступник/нарушитель. Как показывают многочисленные случаи употребления менторской тональности в текстах популярно-юридического дискурса, бинарная оппозиция «агент института – клиент института (неспециалист)» в нем широко представлена.

Особый исследовательский интерес вызывает регулярно реализуемая в разных жанрах популярно-юридического дискурса оппозиция «гражданин – государство», характерная скорее для медийного дискурса. Нами отмечена лабильность позиции адресанта популярно-юридического дискурса – юриста-популяризатора в дихотомии «свой – чужой», в которой он часто переходит на противоположный полюс и выступает не как агент государственного института («свой») по отношению к рядовым гражданам без юридического образования («чужим»), а как «свой» по отношению к обывателям против «чужого» в лице государства или недобросовестного представителя института права (как одного из государственных институтов).

➤ *«Так бывает, когда **соответствующие властные органы забывают, что, если им доверили решать судьбы людей, нужно руководствоваться народной мудростью, предупреждающей о недопустимости торопливости в серьезных делах**»* [Гранкин, 2023а: 17].

➤ *«Критика, как известно, никому не нравится. Особенно ее **не переносят те, кто облечен властью и считают, что ратуют за государственные интересы**»* [Гранкин, 2023b: 12].

Такое самопозиционирование, на наш взгляд, способствует снятию защитных барьеров восприятия передаваемой специальной информации, так как адресату импонирует, что юрист находится на его стороне. Наши выводы относительно самопрезентации адресантов популярно-юридического дискурса (в особенности, инструктирующего типа) подтверждают наблюдения Д.С. Медведева и О.Г. Щитовой о том, что «в текстах, носящих рекомендательный характер, адресант выступает на

стороне адресата» [Медведев, Щитова, 2019: 71]. В данной связи считаем важным указать, что, к сожалению, оказываемое адресантом суггестивное воздействие может использоваться в манипулятивных целях, так как передаваемое адресату субстанциональное и процедурное знание воспринимается им на веру.

Мы привели только несколько из многочисленных примеров использования идеологической тональности адресантами популярно-юридического дискурса. Согласимся, что присутствие данной тональности не является необходимым для реализации просветительской и регулятивной функций изучаемого дискурса и служит исключительно способом оказания воздействия (подчас манипулятивного) на адресата, несведущего в рассматриваемых вопросах. Такое наложение информативной и идеологической тональностей, по нашему мнению, затрудняет критический анализ адресатом передаваемого знания, поскольку достоверность трактовки адресантом юридических терминов и понятий отнюдь не означает, что остальная информация, в том числе, интерпретирующего характера, преподносится им с достаточной степенью объективности.

Нами также отмечено присутствие *гипотетической тональности* в текстах популярно-юридического дискурса просветительского типа, выражаемой как посредством экспликации позиции адресанта по какому-либо правовому или философскому вопросу, так и посредством аллюзий на известные литературные или философские произведения. Как известно, целью такого серьезного общения выступает поиск истины посредством обсуждения отвлеченных тем. Так, адресанты пытаются не только передать адресату некое фундаментальное знание, но и заставить его задуматься над предпосылками и последствиями тех или иных правовых событий, фактов, подходов и т.д. (См. Примеры 75 – 79 Приложения).

Необходимо отметить, что тесное пересечение религиозных норм с нормами права, отмеченное нами ранее в работе и иллюстрируемое Примере 79, обуславливает использование цитат из произведений, затрагивающих темы существования Бога,

бессмертия и др. в аргументации адресантами своей позиции в вопросах веры, что, на наш взгляд, служит своеобразным средством выражения *эзотерической тональности* – общения в целях получения сакрального знания. В Примерах 80 и 81 (См. Приложение), содержащих текстовые фрагменты из романов «Мастер и Маргарита» (1940) М.А. Булгакова и «Братья Карамазовы» (1880) Ф.М. Достоевского, затрагиваются важные социально-философские вопросы, по-прежнему актуальные для общества и настраивающие адресата на серьезные размышления и духовный поиск.

Однако наибольший интерес для нашего исследования представляли коммуникативные ситуации, в которых адресанты выходили за рамки серьезного общения и «переключались» на шутливую тональность, что, по нашим наблюдениям, становится возможным только в популярном «поле» юридического дискурса. Согласно определению В.И. Карасика, шутливая тональность представляет собой «несерьезное сниженное эмоциональное общение, целью которого является сокращение дистанции между коммуникантами» [Карасик, 2008: 21]. Регулярно фиксируемое нами в текстах популярно-юридического дискурса переключение с информативной на шутливую тональность, во-первых, позволяет уменьшить дистанцию между коммуникантами в условиях значительного исходного статусного неравенства; а во-вторых, служит лучшему усвоению и запоминанию сложной информации, благодаря образному и оценочному способам ее концептуализации. В частности, в Примерах 82 – 84 (См. Приложение) из книг юридических советов адресанты в шутливой форме объясняют, как поступать в случаях нарушения прав потребителей.

Шутливая тональность может сочетаться с информативной и в жанре «юридическая консультация» (См. Пример 85 Приложения). Констатация общеизвестных фактов об имеющемся у каждого предмете кухонный утвари в серьезном тексте юридической консультации, содержащем юридические клише и

ссылку на релевантный нормативно-правовой документ, вызывает улыбку у адресата и положительно настраивает его на восприятие специальной информации.

Интересным примером наложения серьезной и шутливой тональностей могут служить заголовки параграфов главы, посвященной отраслевому делению права, в научно-популярной книге А. Русаковича «Правоведение для всех». Для того, чтобы адресат не запутался в обилии специальной терминологии, автор использует шутивное обыгрывание прецедентных текстов:

- *«Гражданское право: утром деньги, вечером – стулья»* [Русакович, 2017а: 412].
- *«Трудовое право: кто не работает, тот не ест»* [Русакович, 2017а: 416].
- *«Семейное право: пока смерть не разлучит нас»* [Русакович, 2017а: 417].
- *«Уголовный процесс: то, что вы на свободе – не ваша заслуга, а наша недоработка»* [Русакович, 2017а: 418].
- *«Гражданский процесс: закон – что дышло»* [Русакович, 2017а: 419].
- *«Административный процесс: я на вас жалобу подам...коллективную»* [Русакович, 2017а: 420].
- *«Налоговое право: неизбежны только смерть и налоги»* [Русакович, 2017а: 421].
- *«Уголовно-исполнительное право: раньше сядешь – раньше выйдешь»* [Русакович, 2017а: 423].
- *«Международное право: ребята, давайте жить дружно»* [Русакович, 2017а: 424].
- *«Право социального обеспечения: просите, и дано будет вам»* [Русакович, 2017а: 425].
- *«Жилищное право: пока все дома»* [Русакович, 2017а: 426].
- *«Экологическое право: береги природу – мать вашу»* [Русакович, 2017а: 427].

Источниками прецедентных феноменов, посредством обыгрывания которых создается комический эффект, выступают: 1) художественная литература (*утром*

деньги, вечером – стулья); 2) пословицы и поговорки (*кто не работает, тот не ест; закон – что дышло; неизбежны только смерть и налоги*); 3) религиозные обряды и молитвы (*пока смерть не разлучит нас; просите, и дано будет вам*); 4) телевидение и кинематограф (*пока все дома; я на вас жалобу подам...коллективную; ребята, давайте жить дружно; раньше сядешь – раньше выйдешь*); 5) цитаты известных деятелей (*то, что вы на свободе – не ваша заслуга, а наша недоработка*). Комический эффект также может достигаться посредством сочетания разностилевого материала, например, высокого и низкого регистров. На таком сочетании, в частности, основана языковая игра в заголовке: *«Экологическое право: береги природу – мать вашу»*.

Таким образом, мы видим, что шутливой интерпретации может быть подвергнут самый разный материал, в том числе, специальная терминология. Подобное соединение серьезного со смеховым коррелирует с теорией карнавализации культуры и мышления, предложенной М.М. Бахтиным, согласно которой становится возможным сочетание трагического и комического, нарушается официальность, происходит своеобразное освобождение от социальных норм и запретов, а также наблюдается свобода самовыражения.

По нашим наблюдениям, аллюзии к литературным произведениям и известным персонажам, пословицы, популярные изречения, отрывки из анекдотов, фельетонов отечественных сатириков и т.д. очень часто используются адресантами изучаемого дискурса в качестве средств переключения тональности или переакцентуации (по Т.О. Багдасарян).

➤ *«Прежде всего, правовые нормы установлены государством, и государство обычно наказывает за их несоблюдение. Это, конечно, более действенный метод – как говорил известный американский бандит Аль Капоне, “добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом”»* [Русакович, 2017а: 12].

➤ *«Кардиналу Ришелье, французскому государственному деятелю XVII в., приписывают следующие слова: «Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них то, за что его можно повесить». Это высказывание напоминает о самой известной каучуковой норме российского права – статье 282 УК РФ. К счастью, за ее нарушение пока не вешают, а только сажают в тюрьму, штрафуют или приговаривают к обязательным работам. Однако принцип применения статьи точно соответствует формуле Ришелье» [Русакович, 2017а: 163].*

➤ *«По этому поводу Бернард Шоу шутил: “Идея судебного процесса заключается в том, что, если заставить двух лжецов разоблачать друг друга, правда выплывет наружу”» [Русакович, 2017а: 251].*

➤ *«После теории разделения властей государство предстает нам уже эдаким Змеем Горынычем. То же чудище, но – о трех главах. Законодательная, исполнительная, судебная. И последующие мыслители идею «не дать всю власть в одни руки» дополнили до: а давайте, пусть головы змия следят друг за другом» [Оробинский, 2021: 31].*

➤ *«В общем, будьте аккуратнее: одно неловкое движение – и вы уже в правоотношениях» [Русакович, 2017а: 21].*

➤ *«Юридически правильное отношение к документам лучше всего выразил Михаил Жванецкий:*

–Куда движешься сам?

– А вот направление.

– А как сюда попал?

– А вот трамвайный билет.

Все! Крыть нечем. Хочется крыть, а нечем. <...> Некоторые издеваются: справки – это все, что ты накопил к старости? – Все! Причем это копии. Оригиналы закопаны в таком месте, что я спокоен» [Русакович, 2017а: 324].

➤ *«В одном из сюжетов М.М. Жванецкого российское общество сравнивалось с несущимся неизвестно куда табуном лошадей. Вожак, как полагается, впереди, и вдруг они закричали: «Не туда бежим! Надо в другую сторону!» Табун разворачивается и несется в противоположном направлении, а вожаки каким-то непостижимым образом опять оказываются впереди табуна»* [Кизяковский, 2019: 27].

➤ *«Анекдот по этому поводу – разговаривают двое судей: “А ты можешь посадить невиновного?” – «Конечно, нет! Дам ему условный срок”»* [Русакович, 2017а: 9].

➤ *«И анекдот про формы государственно-территориального устройства. Английский мальчик, норвежский мальчик, французская девочка и швейцарская девочка обсуждают, откуда появляются малыши. «Малышей приносит аист», – сказал английский мальчик. «Нет, малышей находят на рождественской елке», – возразил норвежский мальчик. «Во Франции малышей находят в капусте», – сказала французская девочка. – А что насчет Швейцарии?» Швейцарская девочка задумалась и ответила: “Зависит от кантона”»* [Русакович, 2017а: 205].

Необходимо указать, что поскольку сатирические жанры «анекдот» и «фельетон» имеют целью высмеивание различных общественных недостатков, аллюзии к ним в текстах популярно-юридического дискурса служат также средством выражения идеологической тональности. Это подтверждает наблюдение В.В. Дементьева о наложении друг на друга в рамках одного речевого жанра эмоциональных обертонов общения, порождающих новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях [Дементьев, 2016: 17].

Анализируя способы переакцентуации тональностей, Т.О. Багдасарян высказывает мнение о том, что ирония является наиболее значимым из них и отражает диалектичность человеческого мышления через синтез противоположностей [Багдасарян, 2000: 7]. В данной связи считаем важным заметить, что, по мнению

В.В. Дементьева, ирония и шутка относятся к разным (противоположным) типам фатических жанров [Дементьев, 2010]. Принято считать, что ирония в скрытой форме ухудшает межличностные отношения, а шутка, наоборот, их улучшает. По нашим наблюдениям, юмористическое (как шутливое, так и ироническое) обыгрывание той или иной юридической проблемы или ситуации в текстах популярно-юридического дискурса оказывает суггестивное воздействие на адресата, снимая возможные перцептивные «блоки», и положительно настраивает его на коммуникацию. Например, рассмотрим шутливо-ироничные объяснения понятия «брачный договор», приводимые авторами книг юридических советов «Адвокат для дилетантов» и «Домашний юрист» в Примерах 86 и 87 (См. Приложение).

Доминантная для изучаемого дискурса информативная тональность, настраивающая адресата на серьезное общение, подвергается переакцентуации в текстовом фрагменте в Примере 86, который в итоге становится политональным по «звучанию». В частности, комический эффект создается как посредством сочетания разностилевых элементов (от официально-делового до разговорного стиля), так и посредством ценностного понижения такого важного события в жизни индивида как заключение брака (*И какой договор, когда любовь-морковь и платье, как пирожное с кремом и др.*)» [Соловьева, 2025: 139]. В Примере 86 представлены следующие типы тональности: 1) информативная (содержится в юридическом определении брачного договора и его дальнейшем пояснении адресантом); 2) шутливая (настраивает адресата на эмпатическое восприятие адресанта): *любовь-морковь; жизнь в богатстве и бедности, но лучше в богатстве; плевков в душу любимого и др.*; 3) менторская (демонстрируется превосходство адресанта над адресатом в силу отсутствия у последнего достаточных фоновых знаний в правовой сфере): *Тогда скучно, но по делу; Ключевое слово – имущественных прав и обязанностей!*; 4) идеологическая (актуализируются национально-специфические ценности русской

культуры: *мысли корыстны и душа нечиста; кто в семье хочет прибрать к своим грязным ручкам все нажитое в любви и согласии.*

В приведенных фрагментах (См. Примеры 86, 87 Приложения) как Ю.А. Дубинина, так и Е.Н. Николаева с помощью иронии (местами переходящей в сарказм), подвергают критике традиционно сложившиеся в российском обществе представления о браке как о союзе любящих людей, лишенных меркантильных интересов (*Впереди – жизнь в богатстве и бедности; развод – это не про нас, мы же так любим друг друга, и это на века*), акцентируя его прекращение (развод) как возможный и довольно частый исход супружеских отношений. Варьируя информативную и шутливую тональности, оба адресанта стремятся к воспитанию правовой культуры российских граждан, апеллируют к международному опыту, убеждают адресата, что заключение брачного договора – очень полезная юридическая практика, никак не связанная с корыстными мотивами.

Карнавализация культуры и мышления в эпоху постмодернизма привела к тому, что все ценности стали признаваться относительными, а игровое и юмористическое отношение к жизни стало нормой [Карасик, 2012: 70]. Смеховому переосмыслению стали подвергаться ранее табуированные темы, такие как святыни веры, смерть, неизлечимые болезни и т.д. Эту тенденцию мы наблюдаем и в текстах популярно-юридического дискурса разных жанров, когда серьезная юридическая информация в одном и том же контексте может неожиданно сочетаться с черным юмором и даже стёбом.

➤ «– Цивилизации бы тогда совсем не было, если бы не выдумали бога.

– Не было бы? Это без бога-то?

– Да. И коньячку бы не было. А коньяк все-таки у вас взять придется».

Чтобы прекратить споры о «перспективах», следует признать две очевидные «перспективы», об обязательном наступлении которых можно дать 200-процентные гарантии. Первая: у всех (без исключения) ныне здравствующих и

спорящих о наличии (или отсутствии) Всевышнего будет возможность на себе проверить правильность своих взглядов. Вторая: ни у кого из вышеназванных (без исключения) не будет возможности рассказать о своих «выводах» оставшимся, пока еще живущим» [Кизяковский, 2019: 128].

Рассуждая о происхождении человечества и возникновении правовой науки, В. Кизяковский использует цитату из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, в которой рассуждения о существовании бога вплетены в повседневный контекст и шутливо обыгрываются персонажем. В следующих за цитатой рассуждениях адресант сочетает гипотетическую и шутливую (ироническую) тональности.

➤ *«Если ненароком отправите нападавшего в ... «края вечной охоты», будет вам ст. 108 УК, п. 1:*

«Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, – наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Сроки, в принципе, не большие. И дают по таким делам, как правило, условно. Поэтому опять выходим на «лучшие пусть трое судят, чем четверо несут». Но все равно – судимость, пятно на всю жизнь и т.д. Все всё понимают, но “закон есть закон”» [Оробинский, 2021: 54].

В данном фрагменте из книги В. Оробинского «Основы права: теория, практика и как с этим жить» представлено несколько типов коммуникативной тональности. Используя информативную тональность, адресант передает адресату сведения о правовых последствиях убийства в целях самообороны со ссылкой на соответствующую статью закона (*Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, – наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок; будет вам*

ст. 108 УК, п. 1). Шутливая тональность представлена черным юмором адресанта на тему смерти (*Если ненароком отправите нападавшего в ... «края вечной охоты»; лучше пусть трое судят, чем четверо несут*). Идеологическая тональность отражает аксиологические установки этноса (*судимость, пятно на всю жизнь; но «закон есть закон»*).

Наш исследовательский интерес при анализе способов выражения шутливой тональности адресантами вызвали также ситуации иронизирования на тему смерти посредством комических креолизованных и полимодальных «включений» в тексты популярно-юридического дискурса (*Карикатура 1*).

Карикатура 1. Рисунок А. Меринова к ст. 162 Налогового кодекса РФ

Представленная карикатура из книги В. Кизяковского «Занимательное правоведение» [Кизяковский, 2019: 581] – это гротеск, направленный на критику современной российской политики в сфере налогообложения. Помимо сатирической данная карикатура, безусловно, выполняет и идеологическую функцию, так как высмеиваемое нивелирование ценности человеческой жизни не может не вызывать отрицательную реакцию адресата.

Современные технические средства дают дополнительные возможности виртуализованному популярно-юридическому дискурсу в аспекте переключения тональностей. Например, в одной из своих лекций цикла «Веселые ролики об основах

права» (как видим, сочетание информативной и шутливой тональностей присутствуют в самом амбивалентном названии цикла) А. Русакович, комментируя статью 105 УК РФ, также прибегает к переключению тональности при помощи черного юмора. Так, серьезный звуковой ряд лекции (*«Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 105 устанавливает запрет убийства и наказание за его совершение. Речь идет не о конкретном убийстве, а о множестве подобных ситуаций»*) [Русакович, 2017b] дополняется визуальным, в котором демонстрируются сцены убийств из популярных американских фильмов: «Криминальное чтиво», «Джанго освобожденный» и др. (См. Пример 88 Приложения).

Мы разделяем мнение А.И. Матяшевской о том, что умение популяризатора вызвать интерес у массовой аудитории является ключевым для оказания эффективного воздействия на потенциально разнородного адресата [Матяшевская, 2020: 239]. Многочисленные аудиовизуальные включения (от слайдов и фотографий до целых фрагментов из художественных фильмов и телевизионных шоу) в рассматриваемом цикле публичных лекций обеспечивают интерактивную и увлекательную форму подачи специальной информации.

Сочетание и соотношение различных модусов в коммуникативном пространстве интернет-лекции играют важную роль в создании общей тональности аудиовизуального текста. По мнению Г. Кресса, сообщение распространяется через все коммуникативные модусы, являющиеся носителями глобального значения сообщения [Kress, 2002: 6]. А.А. Кибрик в данной связи полагает, что, визуальные средства, которые играют очень большую роль в трансляции сообщения, не просто аддитивно участвуют в передаче информации, но могут дополнять и даже менять содержание вербального компонента коммуникации [Кибрик, 2008: 136, 148]. По нашим наблюдениям, все включения в анализируемом цикле лекций, служащие переакцентуации тональности, могут быть разделены на две основные группы: *конгруэнтные* (гармонично сочетающиеся с содержанием речи популяризатора,

дополняющие сообщаемую им специальную информацию, воздействуя на эмоции реципиента на разных уровнях) и *контрадикторные* (контрастирующие с основной тональностью передаваемого сообщения) [Соловьева, 2022f: 569].

Например, в разъяснении адресантом нюансов правоотношений с арендодателем сложная специальная информация сопровождается знаменитой «колыбельной» из знакового для советского поколения художественного фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965):

- «– Я вам денежку принес, за квартиру, за январь.
– Вот спасибо, хорошо, положите на комод» [Русакович, 2017b].

Примером контрадикторного «включения» может служить эпизод из Лекции № 2, в котором адресант разъясняет сущность понятия «правоотношения», демонстрируя соответствующее определение на экране. Объяснение, в котором доминирует информативная тональность, неожиданно для адресата завершается видеовставкой, содержащей реплику одного из персонажей популярного американского художественного фильма «Омерзительная восьмерка» (2015), шутливо используемой лектором в качестве саморефлексии:

- «Да что ты, черт побери, такое несешь!» [Русакович, 2017b].

Мы полагаем, что при линейном разворачивании сложная специальная информация может перестать представлять интерес для современного адресата с учетом особенностей его когнитивных механизмов. Чтобы предотвратить коммуникативную неудачу, адресантом вводится видеофрагмент, контрастирующий с серьезной тональностью основного речевого ряда. Создаваемый таким переключением тональности эффект неожиданности позволяет удержать внимание и сохранить познавательную мотивацию адресата.

По нашему мнению, креативное преобразование правовой реальности служит реализации развлекательной функции, присущей современному популярно-юридическому дискурсу. Однако подобная упрощенная модель популяризации,

характеризующаяся смещением акцента с просвещения на развлечение аудитории, несмотря на свою очевидную эффективность, со временем может привести к необратимым изменениям в когнитивных механизмах освоения действительности массового адресата, поскольку не прививает ему вкус к познавательной деятельности [Соловьева, 2022f: 570].

Наконец, наше исследование тональности популярно-юридического дискурса было бы неполным без упоминания присутствия ее *фасцинативного* типа, представленного, главным образом, в научно-популярных книгах о праве. Фасцинативное восприятие сообщения адресатом подразумевает получение им эстетического удовольствия от содержания или формы текста, а также от субъективного использования автором языковых средств. Положительный фасцинативный отклик адресата может побудить его повторно обратиться к популярно-юридическому тексту. На наш взгляд, позитивное фасцинативное восприятие также способствует повышению эффективности интериоризации специальных знаний.

Просветительская функция популярно-юридического дискурса в рамках развивающей стратегии, реализация которой позволяет повысить общий культурный уровень и расширить фоновые знания адресата, детерминирует присутствие в его текстах многочисленных аллюзий к произведениям русской и мировой литературы. Цитируемые фрагменты при этом могут быть достаточно значительными по объему. Например, В. Кизяковский в своей книге «Занимательное правоведение» (См. Пример 89 Приложения), разъясняя неспециалистам понятие «экологические права личности», сочетает информативную и фасцинативную тональности: эксплицирует значение термина и цитирует стихотворение А.С. Пушкина «Из Пиндемонти» («Каменноостровский цикл, 1836) с целью не только передать знание, но и доставить эстетическое удовольствие адресату. А. Русакович в своей книге «Правоведение для всех» для объяснения сущности понятия: «правовое государство» цитирует оду

«Вольность» (1817), которая считается отправной точкой политической поэзии А.С. Пушкина (См. Пример 90 Приложения).

Цитаты из поэтических произведений античных авторов могут выступать в качестве эпиграфов к главам в научно-популярных книгах о праве. Например, в книге «Занимательное правоведение» глава 3.4. под названием «Древнегреческий след в правовой истории» начинается с цитаты из трагедии Софокла «Антигона» (442 г. до н.э.), в которой рассказывается о конфликте между родовыми неписаными законами и государственными законами:

➤ *«Нельзя же душу всякого узнать
И мысль его и чувства, если прежде
Он не покажет опытным себя
У власти и в законах. А по мне,
Кто, государством целым управляя,
Не держится советов наилучших,
Но в страхе замыкает свой язык,*

То есть и был негодный человек» [Кизяковский, 2019: 163].

Далее автор аргументирует включение цитаты греческого драматурга исторической справкой:

➤ *«Общепризнано, что в культуре Древней (или Античной, от лат. antiquus – древний) Греции (Эллады) лежат истоки современной человеческой цивилизации. <...> Следует признать, что по своему влиянию на дальнейшее юридическое развитие Европы и мира Греция ни в каком отношении не может идти в сравнение с правом своего завоевателя и наследника – Древнего Рима»* [Кизяковский, 2019: 163].

Сочетая фасцинативную и информативную тональности, адресант, на наш взгляд, выбирает достаточно необычный способ концептуализации специальной информации, который позволяет ему задействовать эмоционально-окрашенную

память адресата (эстетическое переживание содержания литературного произведения) наряду с декларативной (запоминание фактов и событий).

Интересным представляется также наложение друг на друга шутливой и фасцинативной тональностей в поле изучаемого дискурса, что иллюстрируется в Примерах 91 и 92 (См. Приложение). Первый фрагмент (Пример 91) взят из шуточной песни об основных понятиях гражданского права «Спроси меня про сервитуты» российского ученого-цивилиста В.В. Витрянского, биографию которого В. Кизяковский приводит в главе своей книги «Занимательное правоведение», посвященной известным персоналиям российской правовой истории. В каждом новом куплете песни автор в шутливой форме разъясняет узкоспециальные юридические термины (*коммандит*, *оферта*, *акцент* и др.). Второй фрагмент (Пример 92) – отрывок из повести А. Кивинова «Кошмар на улице Стачек» (1994), по мотивам которой впоследствии был снят популярный детективный сериал «Улицы разбитых фонарей». А. Русакович вставляет фрагмент из повести в главу своей книги «Правоведение для всех», посвященную проблемам работы правоохранительных органов. Отрывок обособляется рамкой в тексте книги и получает отдельный заголовок «Бумажный полицейский», что, очевидно, способствует выражению идеологической тональности автора, подвергающего критике профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, как показал прагмалингвистический анализ современного российского популярно-юридического дискурса, он является **политональным** по своему коммуникативному характеру. Адресанты текстов изучаемого дискурса задействуют различные способы переакцентуации доминантой информативной тональности, зачастую переводя общение из серьезного в шутливый диапазон, что усиливает общий прагматический потенциал текстов рассматриваемого дискурса.

Выводы по главе 4

В ходе анализа эмпирического материала было доказано, что популярно-юридический дискурс имеет гетерогенный стилистический характер, обусловленный его гибридной природой. В коммуникативном пространстве изучаемого популярного дискурса взаимодействуют официально-деловой, научный, публицистический и разговорный стили. При этом во всех жанрах официально-деловой стиль выступает в качестве стилистической доминанты. Было установлено, что каждый из выделенных жанров характеризуется индивидуальной относительно устойчивой стилевой комбинаторикой, как показано в *Таблице 4*.

Жанр	Научный стиль	Официально-деловой стиль	Публицистический стиль	Разговорный стиль
научно-популярная книга о праве	широко представлен	широко представлен	не представлен/ представлен в форме интертекстовых включений	представлены элементы
книга юридических советов	не представлен	широко представлен	не представлен	представлены элементы
юридическая консультация	не представлен	широко представлен	представлен (в дистантном типе)	представлены элементы
публичная лекция правовой тематики	широко представлен /представлен	широко представлен	не представлен	представлены элементы

правовой комментарий для неспециалиста	не представлен	широко представлен	широко представлен/ представлен	представлены элементы
---	---------------------------	-------------------------------	--	----------------------------------

Таблица 4. Представленность функциональных стилей в жанрах популярно-юридического дискурса

Данные, полученные в ходе сравнительного лингвостилистического анализа, позволяют сделать вывод о том, что официально-деловой стиль, являющийся доминантным для жанров профессионального юридического дискурса, также инвариантно представлен во всех жанрах популярно-юридического дискурса. Научный стиль широко репрезентирован в научно-популярных книгах и лекциях о праве, если они служат передаче субстанционального знания, т.е. если данные тексты относятся к просветительскому типу дискурса. Публицистический стиль представлен спорадически в текстах тех жанров, для которых средства массовой информации выступают основным каналом передачи сообщения. Отдельные черты публицистического стиля были интегрированы в тексты научно-популярных книг о праве в форме интертекстовых включений в случаях, когда адресантом выступал журналист. Элементы разговорного стиля, такие как разговорная лексика, слова-предложения и преобладание простых предложений в разной степени были эксплицированы во всех жанрах популярно-юридического дискурса и служили средствами симплификации специального текста, облегчающими восприятие его формы и содержания неспециалистом. Было установлено, что границы между стилями в коммуникативном пространстве современного популярно-юридического дискурса достаточно размыты, что приводит к смешению функций, выполняемых его текстами.

Коммуникативная тональность является важным жанрообразующим признаком популярно-юридического дискурса и выполняет две основные функции: 1) передача адресантом своего субъективного отношения к содержанию высказывания; 2)

оказание воздействия на адресата в соответствии с коммуникативными целями адресанта. Коммуникативная тональность дискурса предопределяет готовность адресата воспринимать информацию в заданном адресантом формате. Целостная интерпретация сообщения возможна только при наличии релевантных пресуппозиций адресата и его эмпатическим настроением на адресанта.

Тип модальности высказываний адресантов популярно-юридического дискурса определяется тремя основными коммуникативными установками: *эпистемической* (выражается в стремлении адресанта достоверно описать правовую действительность доступным языком); *деонтической* (используется адресантом для изменения установок адресата, в частности, чтобы склонить его к законопослушному поведению посредством грамматических категорий, выражающих долженствование, запрет, возможность/невозможность совершить действие с учетом принятых правовых норм); *аксиологической* (позволяет адресанту дать оценку правовой системы, феноменов, юридических фактов и т.д. в соответствии с принятыми в обществе ценностями). Модальность наряду с индивидуальными чертами языковой личности адресанта непосредственно определяет способы представления текста (тональность).

Прагмалингвистический анализ современного российского популярно-юридического дискурса показал, что он является **политональным** по своей коммуникативной характеристике. В частности, из выделяемых согласно классификации В.И. Карасика 12 типов тональности, в анализируемых текстах было обнаружено присутствие 7 типов: *информативной, менторской, шутливой, идеологической, фасцинативной, эзотерической и гипотетической*. Необходимо указать, что фасцинативная, эзотерическая и гипотетическая тональности использовались исключительно в жанре «научно-популярная книга о праве». Было установлено, что информативная тональность, являющаяся модельной для профессионального юридического дискурса, также доминирует в текстах его популярного подвида. Отношения между коммуникантами в рамках популярно-

юридического дискурса основаны на статусном неравенстве, обусловленном профессиональным образованием и опытом адресанта, и эксплицируемом, в том числе, посредством речевых актов разной степени категоричности (совет, запрет).

Однако в отличие от профессионального юридического дискурса популярный дискурс демонстрирует тенденцию к наложению друг на друга и частой переакцентуации тональностей, в том числе переходу общения из серьезного в шутливый диапазон. В целях переключения тональности адресанты часто прибегали к иронии и черному юмору, а также к цитированию прецедентных текстов (литературных произведений, пословиц, популярных изречений, анекдотов, фельетонов отечественных сатириков и т.д.). Комический эффект достигался посредством сочетания разностилевых элементов и, в ряде случаев, ценностного понижения значимости каких-либо ценностей или событий в жизни индивида.

Было обнаружено, что полимодальность виртуализованного популярно-юридического дискурса в жанре публичной лекции наделяет его широкими возможностями, так как позволяет разным типам тональности накладываться на основную информативную, занимая одно и то же время при линейном разворачивании мысли адресанта. Синхронное использование адресантами различных каналов передачи информации служило уплотнению информационного потока, а визуальные средства не только дополняли, но, в ряде случаев, полностью меняли содержание вербального компонента сообщения.

Было установлено, что концептуализация специальной информации при переключении тональности происходит одновременно понятийным, образным и оценочным способами, что оптимизирует ее усвоение (задействуя как эмоционально-окрашенную, так и декларативную память адресата). Переакцентуация тональности усиливает прагматический потенциал популярно-юридических текстов, облегчая восприятие сложной информации массовым адресатом и способствуя ее интериоризации.

ГЛАВА 5. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

5.1. Особенности объективации ценностей в текстах популярно-юридического дискурса

Популярно-юридический дискурс как подвид одного из наиболее влиятельных на сегодняшний день институциональных дискурсов, служащий правовому просвещению массового адресата, играет важную роль в формировании индивидуальной и национальной идентичности граждан России. Э.И. Атагимова и Г.И. Макаренко определяют понятие «правовое просвещение как «целенаправленную и систематическую деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения процесса духовного формирования личности» [Атагимова, Макаренко, 2014: 64]. Культурно-маркированной особенностью правового просвещения в России мы считаем его тесную связь с моральными нормами общества. Мы солидаризируемся с выводами С.Ю. Полуйковой о ярко выраженном нравственном содержании просвещения в нашей стране и о его неразрывной связи в общественном сознании с такими общекультурными ценностями как гуманизм, стремление к познанию, гражданственность, толерантность, жизнь, здоровье и т.д. [Полуйкова, 2012: 106].

В отличие от западной практики в России бóльший акцент в области правового просвещения делается не столько на информировании граждан о том, как вести себя в той или иной юридической ситуации, сколько на формировании социально развитой личности, которая знает свои права и обязанности, умеет защищать свои интересы законными средствами и уважает права других людей. Отечественная традиция

правового просвещения способствует формированию правовой культуры общества, основанной на уважении к закону и правопорядку, а также распространению моделей социального поведения, которые зиждутся на добропорядочности, честности и добросовестности.

Правовая культура трактуется исследователями как исторически сложившаяся разновидность общечеловеческой культуры, обусловленная экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества. Правовая культура материализуется посредством хранения и передачи правовых ценностей, которые служат ориентиром юридически значимого поведения. Задача по сохранению и трансляции ценностей института права возложена на его представителей.

Знание ценностных ориентаций позволяет адресанту популярно-юридического дискурса влиять на поведение адресата, в частности, предотвращать возможные конфликтные ситуации, вызванные различиями в представлениях и убеждениях индивидов, а также создавать тексты, наиболее эффективно отвечающие целям правового просвещения. Анализ содержания текстов дискурса в аспекте ценностных ориентаций позволяет определить жизненные установки адресантов, их идеалы, иерархию жизненных целей, представлений о нормах поведения и т.д., которые они транслируют на массового адресата.

Аксиологическую цель популярно-юридического дискурса мы усматриваем в соотнесении законодательно закрепленных норм права с важнейшими ориентирами человеческого поведения. Как известно, ценности выступают высшими ориентирами для индивида, задающими смысл его действиям и приоритизирующими его мотивацию. Согласно определению В.Л. Абушенко, ценности – это «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [Абушенко, 2002: 21]. Изучение ценностей и оценочных приоритетов в сознании представителей разных лингвокультур вызывает большой интерес отечественных и зарубежных исследователей (Абушенко, 2002;

Алефиренко, 2010; Вежбицкая, 2002; Вольф, 1985; Воркачев, 2014; Дементьев, 2016; Карасик, 2019; Rokeach, 1973; Schwartz, 1992 и др.). Существуют разные подходы к определению и классификации ценностей, дифференцирующие их с учетом определенных критериев. Согласно субъектному подходу, выделяются *общественные* или *социальные* (справедливость, порядок, безопасность и т.д.) и *личные* или *индивидуальные* (здоровье, семья, самореализация и т.д.) ценности. По своему характеру ценности могут быть *материальными* (деньги, имущество и т.д.) и *духовными* (знания, творчество, вера и т.д.). По степени универсальности все ценности подразделяются на *общечеловеческие* (жизнь, свобода, равенство), *этнокультурные* (специфичные для представителей определенной культуры) и *индивидуальные* (личные предпочтения и убеждения индивида).

Наиболее распространенной и популярной на сегодняшний день является методика изучения ценностных ориентаций индивида, предложенная американским психологом М. Рокичем. Под «ценностью» исследователь понимает устойчивое убеждение, определяющее предпочтительность некоторых целей или способов существования человека перед другими [Rokeach, 1973]. Система ценностных ориентаций в рамках данной концепции составляет основу отношения личности к окружающему миру, себе, другим людям. По мнению ученого, ценности, которых в разной степени придерживаются все индивиды, можно разделить на две основные группы: *терминальные* (активная деятельность, жизнь, здоровье, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, общественное признание, счастливая семейная жизнь, жизненная мудрость, красота природы и искусства, любовь, познание, развитие, свобода, счастье других и др.) и *инструментальные* (ответственность, независимость, широта взглядов, терпимость, чуткость, честность, образованность, рационализм, смелость в отстаивании собственного мнения и др.). Первый класс ценностей представляет собой конечные цели, к которым должен стремиться индивид

в процессе существования (ценности-цели); второй – предпочтительный образ действий или свойство личности в любой ситуации (ценности-средства).

Взяв за основу методику М. Рокича, другой американский ученый – Ш. Шварц в 1992 году разработал еще одну популярную теорию базовых ценностей, на основе которой проводятся современные транскультурные поведенческие исследования [Schwartz, 1992]. Ученый выделил 10 универсальных ценностей (позднее список был расширен до 19), которые являются мотивационными целями, направляющими жизнь человека и неразрывно связанными с эмоциональной сферой, такие как: власть, традиция, безопасность, благожелательность, стимуляция, гедонизм, достижение, самостоятельность и др. Выделяемые ценности в рамках данной концепции образуют круговую структуру из 4 измерений, различающихся типом мотивации: открытость к изменениям, сохранение, самопреодоление и самоутверждение. Ученый доказал, что границы между ценностями являются размытыми, а сами ценности могут диссонировать и «конкурировать» между собой в разных условиях осуществления выбора индивидом.

Анализ подходов отечественных исследователей позволяет прийти к выводу о совпадении выделяемых ими аксиологических ориентиров с рядом ценностей в вышеупомянутых классификациях. В частности, Н.Ф. Алефиренко выделяет следующие типы ценностей: 1) *витальные* (жизнь, здоровье, и др.); 2) *социальные* (социальное положение, статус, трудолюбие, профессия, семья и др.); 3) *политические* (свобода слова; гражданская свобода, законность и др.); 4) *моральные* (добро, долг, честь, порядочность и др.); 5) *религиозные* (Бог, вера и др.); 6) *эстетические* (красота, гармония и др.) [Алефиренко, 2010: 7].

В.И. Карасик полагает, что по аксиологическому содержанию, отражающему соотношение личного и общественного блага, различаются ценности *моральные* и *утилитарные*. По функции, определяющей суть жизненных ориентиров, ученым противопоставляются *телесные* (витальные) и *духовные* (смысложизненные)

приоритеты. По степени конкретизации выделяются: 1) собственно ценности (формулируются в виде концептов и скриптов); 2) нормы, уточняющие ценности (формулируются в виде запретов и предписаний); и 3) частные рекомендации (зафиксированы в обыкновениях и традициях) [Карасик, 2019: 9].

Особый интерес для целей нашего исследования представляет дифференциация ценностей, представленных в том или ином дискурсе, по специализации. В частности, В.И. Карасик выделяет *дискурсивно-специфические* (аксиологические ориентиры института) и *дискурсивно-универсальные* (аксиологические ориентиры личностно-обусловленной коммуникации) ценности [Карасик, 2019: 9]. При этом нормы институционального дискурса детерминированы этническими ценностями социума в целом. Мы солидаризируемся с И.В. Палашевской, которая считает, что юридические системы – это не просто автономный мир норм, но и квинтэссенция ценностей национальной культуры. Ученый полагает, что право в целом представляет собой символическое пространство, включающее как речевые формы, так и культурные смыслы, которые «выверены и аксиоматичны, за которыми стоят юридически значимые действия, события, отношения, интересы и многовековая история права и культуры в целом» [Палашевская, 2010: 100].

Согласно представлениям С.Г. Воркачева, ценности представляют собой эмоционально окрашенные, тесно связанные с языком и культурой конструкты. Представленные в виде лингвокультурных концептов, ценности формируют менталитет этноса, систему его взглядов и убеждений [Воркачев, 2001]. Аксиологические концепты юридического дискурса, используемые для создания правовых норм, их интерпретации и оценки, служат формированию общественного правового сознания. Исследователи юридического дискурса в целом отмечают, что его когнитивной спецификой выступает примат фактов над индивидуальными и коллективными ценностями (Кожемякин, 2011; Хомутова, 2019; Чернышев, 2016; Шефер, 2019 и др.), а также преобладание рационального над эмоциональным.

Изучение дискурсивно-специфических ценностей, в частности, способов их языковой объективации, имеет большое значение для установления аксиологических характеристик популярно-юридического дискурса. Мы солидаризируемся с И.В. Палашевской в том, что назначение права заключается, в том числе, в реализации ценностей культуры, выражаемых в определенных правовых процедурах, традициях, правовых сценариях, в которых проигрываются ценностно значимые смыслы, а также в вербальных и невербальных символах юридического дискурса [Палашевская, 2010: 538b]. Как показал анализ эмпирического материала, объективация ценностей в текстах популярно-юридического дискурса осуществляется посредством: 1) базовых правовых концептов; 2) юридических скриптов; 3) аллюзий к прецедентным феноменам; 4) невербальных эмблем института права.

Мы разделяем представления В.В. Дементьева о том, что в каждом жанре возможно выделение системообразующих концептов и конкретизирующих их частотных концептов, определяющих общую концептуальную насыщенность того или иного жанра и его место в жанровой типологии [Дементьев, 2016: 19]. Так, по нашим наблюдениям, наибольшей плотностью аксиологических концептов, таких как «право», «законность», «правосудие», «справедливость», «равенство», «свобода», «безопасность», «гуманизм», «ответственность», «добросовестность», «мораль» и т.д., вербализованных, как правило, с помощью дефиниций, характеризуются жанры «научно-популярная книга о праве» и «публичная лекция правовой тематики», принадлежащие к просветительскому типу дискурса. Однако нами отмечена специфика репрезентации данных концептов в текстах популярно-юридического дискурса, состоящая в субъективном подходе адресанта при разъяснении сущности тех или иных понятий или аксиологем.

По наблюдению О.Л. Кургаевой, термины-концепты «закон» и «право» являются основополагающими и максимально репрезентативными для юридического дискурса. Они представляют собой «особые лингвокогнитивные структуры

объективации знания и его оценивания, которые отражают не только специфический фрагмент языковой картины мира, но и культурно-этнические ценности социума в целом» [Кургаева, 2018: 61]. Как показал анализ, неоднозначность трактовки, характеризующая практически все аксиологически значимые концепты юридического дискурса, присуща и вышеупомянутым базовым концептам. Для начала рассмотрим несколько подходов к определению понятия **«право»** в объективном смысле, приводимых адресантами популярно-юридического дискурса.

➤ *«Право – искусство добра и справедливости. Сегодня в России это кажется насмешкой, но именно так считали древнеримские юристы и так переводится с латыни их пословица двухтысячелетней давности *jus est ars boni et aequi*»* [Русакович, 2017а: 6].

➤ *«Этот подход утверждает, что право – набор правил поведения, отражающих идеи добра, справедливости и разумности. То есть право приравнивается к тому, что люди считают правильным, разумным и целесообразным. А законы и реальная жизнь могут либо отражать, либо не отражать эти идеи. <...> Первый минус такого подхода к правопониманию: представление о добром, справедливом и разумном у разных людей в разное время отличается»* [Русакович, 2017а: 8].

➤ *«Однако, классическая формула Ульпиана «*jus est ars boni et aequi*» (общепринятый перевод: «право – это искусство добра и справедливости») не имеет у исследователей единого толкования; есть и более расширенные и сложные, например, “право есть гармония интересов и средство улажения их столкновений”»* [Кизяковский, 2019: 220].

➤ *«Простота и ясность понятия «право» - кажущиеся, оно одно из самых древних и дискуссионных в науке юриспруденции.*

Люди всегда обращались к «праву» в поисках защиты собственных интересов, и здесь возникала коллизия между «правдой» («справедливостью») для конкретного

субъекта в конкретной ситуации и «правдой по праву», при этом первое для индивида в реальных жизненных отношениях оказывалось важнее второго.

Что является регулятором человеческих отношений? Критерием этой возжеленной и недостижимой пока «справедливости»? Совесть? Правда? Моральный или нравственный закон? Или все же некие сформулированные и принятые к обязательному исполнению правила?

«Право» в обыденном сознании неразрывно связывается со «справедливостью», «праведностью», «добром», «правдой», «истиной», «совестью», «нравственностью» и другими субъективными и поэтому до чрезвычайности многообразно понимаемыми понятиями» [Кизяковский, 2019: 45].

Как видим, правовые и моральные нормы, взаимодействие которых обеспечивает стабильность в обществе, тесно переплетаются в существующих подходах к определению понятия «право». Анализ дефиниций доказывает неразрывную связь данного юридического понятия с общечеловеческими ценностями, выражаемыми при помощи аксиологем «добро», «справедливость», «совесть» и «правда». Считаем важным указать, что правда является одной из высших нравственных ценностей русской культуры и имеет приоритет перед законом, что подтверждает, в частности, народная пословица: «Хоть бы все законы пропали, тогда бы люди правдой жили» [Даль, 1904].

Интересным в данной связи представляется наблюдение А. Вежбицкой о том, что представителей русской лингвокультуры отличает особое отношение к правде, предполагающее, что собеседники открывают душу не только друг перед другом, но и перед Богом [Вежбицкая, 2002: 21]. Связь ключевого юридического понятия «право» с моральными ценностями, репрезентированная в рассмотренных дефинициях, доказывает, что нормы морали играют важную роль в формировании правовых норм. Правовые нормы, в свою очередь, способствуют укреплению и развитию моральных ценностей, устанавливая ответственность за их нарушение или

пропагандируя социальное поведение, соответствующее национальным представлениям о морали.

Еще одним значимым аксиологическим концептом юридического дискурса выступает «закон», который является нормативным выражением системы ценностей общества, основой правопорядка и гарантом защиты прав и свобод граждан. Концепт «закон» представляет собой многогранное понятие, включающее юридические, философские и лингвистические аспекты. В текстах популярно-юридического дискурса понятие «закон» используется либо в узком смысле для обозначения нормативно-правового акта, обладающего высшей юридической силой, либо в широком смысле как правило поведения в обществе, установленное государством. Рассматриваемый концепт обладает выраженной лингвокультурной спецификой. Так, согласно выводам И.В. Палашевской, закон в русском языковом сознании воспринимается как некий предел – ограничитель свободы [Палашевская 2010: 100]. Представление закона в русской паремиологии характеризуется отрицательными коннотациями: «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь», «Что мне законы, коли судьи знакомы», «Законы святы, да законники супостаты» и др. [Даль, 1904]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «пессимистичные» пословицы либо являются отрицательной эмоциональной реакцией говорящего на «худо», либо выражают мысль о том, что все повороты жизненного пути ведут к ухудшению жизненной ситуации, которая не имеет выхода [Арутюнова, 1998: 295]. Необходимо отметить, что современные адресанты популярно-юридического дискурса регулярно подвергают критике современную законодательную систему, требующую реформирования, и законодателей, издающих неясные, зачастую противоречащие друг другу законы, таким образом подкрепляя релевантные отрицательные стереотипы в сознании языкового коллектива.

➤ *«Можно ли отсюда предположить: государство, помимо контроля за соблюдением законов, ОБЯЗАНО издавать простые и ясные законы, понятные гражданам? Думаю, да. Увы, на практике мы видим иную картину. Многие статьи закона не всегда понятны даже узким специалистам, не говоря уже о простом гражданине. И в наше время мало просто прочесть закон. Приходится читать еще комментарии, практику высших судов, подзаконные акты. Тогда, да, можно еще что-то понять»* [Оробинский, 2022: 275].

Данные рассуждения В. Оробинского из книги «Основы права: теория, практика и как с этим жить» подтверждают наблюдения Н.Д. Голева и А.В. Ирковой о том, что читабельность современных российских законов демонстрирует тенденцию к заметному ухудшению [Голев, Иркова, 2023: 9]. Двусмысленность законодательных норм также подвергается критике А. Русаковичем в его книге «Правоведение для всех»:

➤ *«В идеале норма права должна быть понятной и конкретной. То есть при чтении закона должно быть ясно, кому и что запрещено, кто и что должен делать, у кого какие права и обязанности.*

Не всегда это получается. <...> Происходит это потому, что законодатели оставили в законе очень расплывчатую формулировку, а суды толком не объяснили, как именно ее применять в реальной жизни.

Такие нормы права называют «каучуковыми» или «резиновыми». <...> Эти нормы не дают нам четких указаний, как поступать, и каждый судья, чиновник и полицейский может вложить в них свой смысл» [Русакович, 2017а: 144].

Интересным в данной связи представляется наблюдение Е.А. Кожемякина о том, что в отличие от ряда других дискурсов (политического, религиозного и др.) для предметного поля юридического дискурса недопустимо деление на «свои» и «чужие» объекты, так как беспристрастность и безоценочное отношение априори являются основными принципами устройства правового общества [Кожемякин, 2011: 139].

Ученый приходит к выводу, что предметы физического мира, поведенческие объекты (действия и отношения индивидов и групп индивидов в качестве объектов права), а также абстрактные объекты юридического дискурса (право, закон, справедливость, вина, мораль и другие) получают ту или иную трактовку только в системе ценностных координат, принятых в данном социуме. Данное представление позволяет сделать вывод о том, что оценочность, нехарактерная для профессионального юридического дискурса, выступает значимым отличительным признаком популярно-юридического дискурса, играя особую роль в организации текста, формировании его тональности и самопрезентации автора.

Мы полагаем, что наличие оценки при репрезентации адресантами ценностного концепта «закон», прежде всего, служит реализации идеологической функции дискурса и формирует модель поведения адресата, основанную на критическом восприятии правовой действительности, в частности, на осознании того, что следовать закону необходимо не из-за страха наказания, а исходя из знания своих прав, что, на наш взгляд, коррелирует с инструментальной ценностью «смелость в отстаивании собственного мнения» в классификации М. Рокича:

➤ *«Навык защищать свои права формируется, тренируется и совершенствуется.*

Есть те, кто ничего не делает, потому что ему с детства внушали, что лучше промолчать, кто-то избегает конфликтов и боится обидеть другого.

Если у вас проблемы такого характера, и они не связаны с незнанием закона, то с этим нужно бороться. Отстаивая свои интересы, вы отстаиваете свое достоинство! Не терпите и требуйте того, что положено вам по закону» [Дубинина, 2019: 249].

Считаем важным указать, что все адресанты акцентируют не только ценность закона, но и ценность **правового знания**, что мы относим к дискурсивно-специфическим ценностям популярно-юридического дискурса.

- *«Выходит, принцип законности не только в том, что «все обязаны соблюдать закон», но и в том, что «все обязаны ЗНАТЬ и соблюдать закон». Думаем вместе. Чтобы соблюдать закон, нужно... что? Во-первых, знать, что тот или иной закон существует. Во-вторых, человек должен ПОНЯТЬ закон» [Оробинский, 2022: 275].*
- *«Самое главное, повышайте свою правовую грамотность, так как вы получите полезные знания, которые стопроцентно пригодятся вам в повседневной жизни» [Николаева, 2019: 114].*

При анализе данных высказываний обращает на себя внимание гипотетическая тональность, используемая адресантом в первом примере из научно-популярной книги о праве, служащей средством реализации развивающей стратегии популярно-юридического дискурса. В. Оробинский предлагает адресату возможность прийти к самостоятельным выводам, направляя его мыслительную деятельность соответствующими вопросами. Утилитарная оценка правового знания, представленная предикатом «полезные» (*так как вы получите полезные знания*), в примере из книги юридических советов Е. Николаевой, подкрепляется наречием «стопроцентно», усиливающим оценочное значение глагола «пригодятся», что свидетельствует об абсолютной уверенности адресанта в истинности продуцируемого высказывания, которую он транслирует на массового адресата.

Как показал анализ, отличительной чертой репрезентации ключевых правовых понятий в текстах популярно-юридического дискурса выступает наличие эксплицитной оценки адресантом содержания высказывания. Н.Г. Храмцова считает, что знак оценки того или иного явления или поступка совпадают как в правовом, так и деонтическом кодексах в пределах одной культуры, что детерминировано социальным опытом. «Право опирается на ценностную картину мира, присущую данной культуре, вбирая в себя раз и навсегда определенный, условный смысл того или иного явления, заключая его в конкретные формулировки, которые становятся

знаками, отсылающими нас к уже накопленному, т.е. прошлому опыту» [Храмцова, 2005: 158].

По наблюдению Н.Д. Арутюновой, «оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Оно воспитывает нормы поведения. Его интерпретация, таким образом, включает и фактор адресата, и коммуникативную цель конкретного речевого акта» [Арутюнова, 1998: 6]. Исследователь полагает, что в общих суждениях о предпочтении можно найти отражение разных систем ценностей. Однако, выражая субъективное отношение к действительности, они не могут, в отличие от объективных суждений, быть независимыми от субъекта мнения. Таким образом, все оценочные высказывания релятивизованы относительно конкретного субъекта [Арутюнова, 1998: 296], что иллюстрирует, в частности, пример ниже:

➤ *«Температурный график отопления утверждается администрацией города, и ЖКХ обязано его соблюдать. <...> Что Хабаровску хорошо, то в Краснодаре неприемлемо, поэтому не могут в Сибири топить по температурному графику Сочи. Цель отопления – поддерживать в жилом помещении в холодное время 20-22 градусов, но не ниже 18 градусов»* [Дубинина, 2019: 31].

Как справедливо замечают Т.В. Маркелова и А.П. Савина, ключевым аспектом разграничения единиц оценочной лексики выступает не только их способность выражать оценку, но и то, насколько выражение оценки зависит от контекста [Маркелова, Савина, 2015: 177]. Автор книги юридических советов в приведенном примере, консультируя читателей по вопросу прав собственников в сфере услуг ЖКХ, создает контекстуальные оппозиции, обозначенные предикатами «хорошо» и «неприемлемо». Таким образом, адресант дает утилитарную оценку объектам, основанную на топонимическом противопоставлении, вызывающем прогнозируемые ассоциации адресата и задействующие его эмоциональную память для усвоения специальной информации.

Такие терминальные ценности как «справедливость», «свобода», «безопасность», «равенство», «гуманизм» и др., лежащие в основе принципов права, широко эксплицированы и зачастую накладываются друг на друга в текстах популярно-юридического дискурса, как иллюстрируют примеры текстов юридических консультаций в журнале «Человек и закон» (См. Примеры 93 – 96 Приложения). Упомянутые ценности определяют те цели, к которым стремится каждое правовое государство для достижения общественного блага. В соответствии с терминальными ценностями те или иные нормы права признаются справедливыми или несправедливыми, что в дальнейшем может привести к принятию новых или корректировке старых законов. Терминальные ценности также детерминируют приемлемость или желательность последствий применения законов (например, судья может смягчить приговор, руководствуясь чувством справедливости). По нашим наблюдениям, терминальные ценности оказывают значительное влияние на интерпретацию правовых норм и принципов адресантами популярно-юридического дискурса.

Отметим амбивалентную природу понятия «*справедливость*», присущую, как мы упоминали ранее, многим правовым концептам. Адресант в Примере 94 задействует развивающую стратегию популярно-юридического дискурса, заставляя адресата прийти к необходимым выводам посредством риторических вопросов, приема экзemplификации и субъективного ракурса подачи специальной информации. Обращает на себя внимание аксиологическая насыщенность данного фрагмента из главного источника права нашей страны (*справедливость; права и свободы; мир и согласие, равноправия; память предков; любовь и уважение к Отечеству, добро и др.*), подтверждающая тезис о том, что правовые нормы имеют духовно-нравственные основания. Последняя реплика автора книги (*Это – единственное место в Конституции, где упомянута справедливость*) выражает идеологическую тональность, а выводимой инференцией адресата будет представление о том, что

создатели главного закона РФ не придают справедливости должного значения, что может впоследствии приводить к нарушению прав граждан и искажениям данного принципа отдельными служителями закона.

Еще одним фундаментальным принципом российского права, эксплицированным в текстах популярно-юридического дискурса, выступает **равноправие** (См. Примеры 95, 96 Приложения). Оба адресанта в данных примерах акцентируют значение равноправия как ценности, обеспечивающей равные возможности для всех членов общества, независимо от пола, расы, национальности, религии, социального статуса и т.д., что представляется особенно важным с учетом изначального фактического неравенства между людьми. Таким образом, каждый индивид получает возможность реализовать свой потенциал и участвовать в жизни общества наряду с другими. По нашему мнению, обеспечение равноправия государством снижает социальную напряженность, создаваемую упомянутым неравенством, и укрепляет доверие граждан к власти, что, в конечном итоге, способствует установлению стабильности и порядка в обществе.

Важной ценностью правового института, эксплицированной, в том числе, в текстах популярно-юридического дискурса, выступает **гуманизм**. Гуманизм как система взглядов ставит в центр внимания человека, признавая уникальность и ценность каждого индивида, права которого охраняются государством.

➤ *«Гуманизм (от лат. *humanitas* – человечность, *humanus* – человеческий, *homo* – человек) – такое видение мира и взгляд на жизнь, где в центре вселенной стоит человек как высшая ценность.*

Применительно к праву сие означает: человек – высшая ценность в государстве. О чем так и написано в ст. 2 Конституции: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства”» [Оробинский, 2022: 275].

Принятие гуманизма как ценности приводит к формированию моделей поведения в обществе, основанных на доброте и сострадании. Гуманное поведение или поступок направлены на помощь всем нуждающимся – не только людям, но и животным. Тема гуманного отношения к животным находит отражение в текстах популярно-юридического дискурса разных типов (См. Примеры 97, 98 Приложения). Как в первом фрагменте из лекции прокурора В.Э. Финикова на тему «Актуальные вопросы исполнения законодательства в сфере ответственного обращения с животными» (Пример 97), так и во втором фрагменте из текста юридической консультации (Пример 98) затрагивается проблема гуманного отношения к животным, хотя она и получает разное освещение. Тем не менее, оба адресанта акцентируют необходимость защиты животных, формируя у адресата соответствующие поведенческие установки.

Анализ аксиологических характеристик популярно-юридического дискурса показал, что такие общечеловеческие ценности как «свобода», «достоинство», «репутация», «общественное благо» и др. находят отражение в его текстах. В данной связи представляется интересным наблюдение Н.Д. Голева о том, что лексемы «честь», «достоинство», а также словосочетание «деловая репутация» приобретают полутерминологическое значение в юридическом языке. С ним солидизируется А.В. Иркова, которая полагает, что семантика таких единиц «сопряжена с глубокими и многогранными морально-нравственными представлениями носителей языка, репрезентируя значимые концепты» [Голев, Иркова, 2023: 9].

➤ *«На замечания прекратить материться сосед по дачному участку меня оскорбляет всякой нецензурщиной. Есть ли на него управа?»*

Т. Ульчина, Краснодарский край

Гражданин, который позволяет себе оскорблять других людей, совершает административное правонарушение. <...> Согласно ст. 5. 61 КоАП РФ оскорблением считается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной

форме. Оценивает общественную опасность суд, используя в том числе заключение лингвистической экспертизы» [Гранкин, Чайка, 2023d: 35].

➤ *«Как защититься от клеветника?»*

М. Очерин, г. Хабаровск

В ст. 152 Гражданского кодекса РФ записано, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений» [Гранкин, Чайка, 2023f: 49].

Отличительной особенностью употребления лексем «честь», «достоинство», а также словосочетания «деловая репутация» в приведенных примерах является их сочетание с разговорными элементами, обусловленное пересечением популярно-юридического с обиходным дискурсом в жанре «юридическая консультация». Инвариантом остается наличие отсылки к правовой норме (*Согласно ст. 5. 61 КоАП РФ; В ст. 152 Гражданского кодекса РФ записано*), законодательно закрепляющей ценностные смыслы, объективированные посредством указанных лексем.

Примерами юридизации общеупотребительной лексики, обладающей аксиологическим потенциалом, служат также лексемы «разумность» и «добросовестность».

➤ *«Принцип разумности. Не закреплен в Конституции, но упомянут в ГК: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости» (ст. 6, п. 2).*

Суть принципа: мозг должен быть включен всегда и у всех. Думаем, господа, думаем» [Оробинский, 2022: 288].

➤ *«Моя жена получила на карточку зарплату, а еще через день двадцать тысяч рублей. Она решила, что эти деньги были премией. Прошел год, неожиданно работодатель потребовал вернуть двадцать тысяч рублей. Говорит, что произошла счетная ошибка. Как быть?»*

Крышлаков, г. Брянск

Судя по описанной вами ситуации, возвращать деньги не обязательно. <...> Этот вопрос регулируется ст. 1109 Гражданского кодекса РФ. В ней, в частности, записано, что не подлежат возврату заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки.

Со стороны вашей супруги не было проявления недобросовестности» [Гранкин, Чайка, 2023а: 49].

Принцип «разумности», упоминаемый адресантом в первом примере из научно-популярной книги, основан на свойстве индивида действовать в соответствии со здравым смыслом и целесообразностью, а также на способности принимать обоснованные решения в зависимости от ситуации. На наш взгляд, «разумность» в данном понимании коррелирует с инструментальной ценностью «рационализм» в классификации М. Рокича. Как правовой принцип, «разумность» предполагает оценку действий участников юридической ситуации для определения степени их ответственности. Обращает на себя внимание наложение ценностей друг на друга в формулировке релевантной правовой нормы (*определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости» (ст. 6, п. 2)*). Во втором примере из текста юридической консультации вызывает интерес использование юридизированной лексемы «недобросовестность» для объективации «антиценности», указывающей адресату на то, какое поведение в обществе считается нежелательным и противоправным.

В.В. Дементьев, вслед за В.И. Карасиком, полагает, что среди общекультурных ценностей выделяются особые ценности, существующие как нормы поведения,

например: «Нельзя причинять вред своим», «Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)», «Нельзя бросать людей в беде», «Нельзя быть неблагодарным», «Следует быть честным», «Следует советоваться с людьми» и т.д. [Дементьев, 2010: 255]. Согласно представлениям Е.А. Кожемякина, в каждом обществе сформирована система экспектаций в отношении индивида и его поступков, нарушение которых рассматривается как противоправное поведение и является наказуемым [Кожемякин, 2011: 139]. По нашему мнению, основным отличием ценностей юридического дискурса от аксиологических установок других институциональных дискурсов выступает то, что они объективируются в конкретных законодательных нормах, разрешающих или запрещающих индивиду то или иное поведение, и таким образом легитимирующих указанные ценности. В частности, все репрезентируемые ценности в текстах популярно-юридического дискурса объективируются не только в дефинициях, но и в ссылках на релевантные нормативно-правовые документы, что подтверждает опору законодателей на общечеловеческую систему ценностей при разработке того или иного законодательного документа.

➤ *«Соседской девочке всего лишь пятнадцать лет, а уже родила сына. Есть ли у нее право воспитывать его?»*

М. Ладонина, г. Выборг

Право несовершеннолетних родителей на воспитание своих детей закреплено в статье 62 Семейного кодекса РФ. У них есть и обязанности в отношении своих детей по их воспитанию, защите прав и интересов. Причем родительские права не могут осуществляться в противоречие с интересами детей. Так, нельзя причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию» [Гранкин, Чайка, 2022с: 49].

➤ *«Публикуемый в «РГ» документ также регулирует передачу наградного оружия по наследству.*

Закрепляется в новом законе и право гражданина России, награжденного короткоствольным огнестрельным оружием с нарезным стволом, в случае смерти его наследника передать такое оружие юридическому лицу «в целях производства списанного оружия». Исключение – оружие, имеющее культурную ценность. <...> Патроны к наградному оружию, переданному по наследству, необходимо сдать в Росгвардию или ее территориальный орган либо в органы внутренних дел. <...> Сказано, что использование такого оружия в целях, не предусмотренных законом, или после того, как будет получено уведомление от Росгвардии о том, что необходимо сдать это оружие, запрещено» [Козлова, 2025].

Фрагмент текста юридической консультации в первом примере посвящен теме защиты детей – их физического и психического здоровья, а также прав и интересов. Защита детей занимает особое место среди семейных ценностей, представляя собой не только моральный долг, но и юридическое обязательство, установленное и охраняемое законом. Правовой комментарий во втором примере содержит разъяснение новых правил хранения и ношения оружия – вопроса, от которого в большой мере зависит безопасность жизни членов общества. Необходимо отметить использование юридических императивов, представленных в данных фрагментах (*не могут осуществляться в противоречие с интересами; нельзя причинять вред; необходимо сдать; использование...запрещено* и др.).

Юридические императивы предписывают гражданам определенные правила поведения, которые обязательны к выполнению. Императивные нормы могут быть выражены в форме запретов, обязательств совершения каких-либо действий или жесткой регламентации каких-либо процедур. Как справедливо замечает И.В. Палашевская, право по своей природе является нормативным регулятором, устанавливающим некие границы или пределы поведения людей. Назначение императивов исследователь усматривает не только в применении логики при правотворческой и правоприменительной деятельности, но и в реализации

культурных ценностей в символическом пространстве права. «Юридическая версия социальной реальности, ее смысловая организация, создается, существует и изменяется через предписанные в юридических императивах социально значимые действия правовых субъектов» [Палашевская 2010: 100]. Считаем важным указать, что хотя юридические императивы, как и моральные нормы регулируют поведение людей, они имеют иную природу и отличаются от последних средствами воздействия. Императивы, как правило, выражаются в виде правовых норм, обязательных к исполнению и обеспечиваемых государственным принуждением, в то время как моральные нормы опираются на общественное мнение, совесть и индивидуальную систему ценностей индивида (чувство вины, стыда и т.д.). Моральные нормы формируются на основе общественных представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости и т.д. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, в аксиологических концепциях первичным считается концепт ценности, добра, а понятие обязанности производным от него [Арутюнова, 1998: 9]. Назначение правовых норм заключается, в том числе, в укреплении моральных принципов. В связи с этим трансляцию ценностей института права, основанных на моральных нормах, посредством популярно-юридического дискурса мы рассматриваем как одну из важнейших задач, стоящих перед адресантами.

Помимо упомянутых моральных ценностей, объективированных различными способами, широкое распространение в текстах изучаемого дискурса получили витальные ценности, в частности, *здоровье* и *безопасность*. Здоровье человека (как физическое, так и психическое) рассматривается адресантами дискурса в качестве неотъемлемого условия благополучного существования индивида. Здоровье считается желательным состоянием человека, необходимым для полноценной жизни, достижения целей и выполнения им социальных функций. Сохранение здоровья граждан выступает законодательно закрепленным приоритетом российского

государства, что иллюстрируют ответы юристов на вопросы граждан в рамках консультаций (См. Примеры 99, 100 Приложения).

Обращает на себя внимание использование ценностно-ориентирующей стратегии в Примере 99. Серьезность последствий неосторожного поведения матери комментируется адресантом в отчасти утрированной форме. Пострадавший ребенок достиг двухлетнего возраста, что не соответствует утверждению адресанта о том, что он «едва научился ползать». Повтор глагола «ползать» в данном высказывании, а также использование единиц с эмоциональными семами и пейоративными коннотациями (*беспечность; заведомое оставление без помощи; опасном для жизни или здоровья состоянии; лишенного возможности; старости; болезни; беды; опасного места* и др.), служат формированию необходимой (отрицательной) оценки действий матери ребенка, акцентируя беспомощность последнего.

Ответ юриста в Примере 100, по сути, представляет собой юридический скрипт, характерный для жанра юридической консультации (*лица виновные в... привлекаются к уголовной ответственности по ст. 238 Уголовного кодекса РФ; под эту статью подпадают и лица; в зависимости от тяжести совершенного преступления виновные могут быть лишены свободы на срок до десяти лет*). Как показал анализ, конкретизации ценностей в текстах популярно-юридического дискурса регулярно осуществляется в форме скриптов. Знание и понимание юридических скриптов, т.е. устоявшихся моделей речевого поведения в конкретных ситуациях юридического дискурса, представляется особенно важным для неспециалистов. Используемые в текстах инструктирующего типа популярно-юридического дискурса скрипты помогают адресату ориентироваться в различных правовых ситуациях и правильно формулировать свои высказывания в условиях институционального общения.

Как мы уже упоминали, такие ценности как жизнь и здоровье являются витальными и необходимы для благополучного существования индивида, в связи с чем они тщательно охраняются государством. **Безопасность** (личная, социальная,

экономическая, экологическая и т.д.) как ценность неразрывно связана с понятием защищенности, исключающей угрозы жизни и здоровью человека. Обеспечение государством безопасности, включающее защиту граждан от противоправных посягательств, служит поддержанию порядка, стабильности и спокойствия в обществе. Интересно заметить, что безопасность находится на втором уровне иерархии потребностей А. Маслоу, предшествуя потребностям индивида в уважении и самореализации [Маслоу, 2014]. В связи с этим представляется обоснованным внимание, уделяемое данной ценности адресантами популярно-юридического дискурса.

➤ *«На нашем предприятии стали допускать к работе новых рабочих без всяких инструктажей. Разве это законно?»*

П. Реплин, г. Тверь

Нет, не законно. Статью 212 Трудового кодекса РФ никто не отменял. В ней записано, что работодатель обязан обеспечить обучение безопасным методам и приемам выполнения работ и проведение инструктажей по охране труда» [Гранкин, Чайка, 2022b: 37].

➤ *«Что значит превышение пределов необходимой самообороны?»*

Р. Лохин, г. Белгород

Каждая ситуация, возникшая при защите гражданином своей семьи или самого себя и повлекшая смерть нападавшего, проверяется следственным органом для всестороннего и объективного расследования. <...> В то же время следует иметь в виду, что согласно ст. 37 Уголовного кодекса РФ необходимой обороной является причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося либо другого лица» [Гранкин, Чайка, 2023с: 38].

Хотя в отличие от витальных ценностей *труд* не является необходимым для выживания человека, он необходим для обеспечения надлежащих условий и качества его жизни. Благодаря труду индивид не только удовлетворяет свои материальные и духовные потребности, но и создает социальные блага, развивающие как его самого, так и общество в целом. Таким образом, будучи социальной ценностью, труд объединяет людей, в свою очередь, формируя у них такие моральные качества как ответственность, трудолюбие и добросовестность. В русской культуре труд всегда выступал важной нравственной ценностью, служа источником удовлетворения, самореализации и раскрытия внутреннего потенциала человека. По нашим наблюдениям, данная ценность регулярно объективируется в текстах популярно-юридического дискурса (См. Примеры 101, 102 Приложения).

В своей лекции на тему «Основания трудовых отношений и защита права работника» (Пример 101) прокурор отдела по надзору в социальной сфере А.А. Токарева рассказывает об основных правах гражданина РФ в данной области (*труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду; принудительный труд запрещен* и т.д.). Одновременно с ценностью «труд» в данном фрагменте эксплицируются также ценности «свобода», «безопасность», а также антиценность «дискриминация», что служит еще одним подтверждением наложения ценностных смыслов в юридических нормах. Ответ юриста в тексте юридической консультации в Примере 102 также затрагивает права и свободы граждан в трудовой сфере. В частности, конституционная норма о том, что «принудительный труд запрещен» в нашей стране, освещается под другим углом – в аспекте запретом государства «рабского труда», который получает категоричную отрицательную оценку (*мерзкому явлению*). Описание адресантом ситуации нарушения прав граждан выполняет идеологическую функцию, косвенно пропагандируя здоровый образ жизни (*обещают красивую жизнь за границей*

слабохарактерным людям, лицам, злоупотребляющим алкоголем, наркоманам) и ответственный подход к трудоустройству.

Адресанты инструктирующего типа дискурса, по нашим наблюдениям, часто затрагивают различные вопросы в сфере охраны труда, касающиеся нюансов заключения трудовых договоров, защиты прав беременных сотрудниц, расчета заработной платы, оплаты дополнительных часов работы, количества выходных и отпускных дней и т.д.

➤ *«Ежегодный оплачиваемый отпуск – святое право работника.*

Сотрудник имеет право на отпуск через полгода непрерывной работы в компании. Если руководитель не против, то отпуск можно получить и раньше» [Дубинина, 2019: 142].

Интересным с лингвистической точки зрения представляется Пример 103 (См. Приложение), в котором адресант в форме личного нарратива описывает распространенную ситуацию нарушения прав граждан в трудовой сфере, таким образом предотвращая аналогичные потенциальные ошибки адресата. Акцентируются права работников на определенные социально-трудовые гарантии, возможные только при заключении трудового договора, который является основным инструментом регулирования отношений между работником и работодателем. Использование разговорных и жаргонных единиц в тексте книги юридических советов (*была ... одна история; вот только незадача; «лайтовая» история; по факту и др.*), а также переключение на шутливую тональность (*на Трудовом кодексе клялся*) способствуют облегчению восприятия адресатом специальной информации, репрезентированной в увлекательной форме, и формированию эмпатического настроения на адресанта. В целом, объективация ценности «труд», по нашему мнению, имеет большое значение для формирования аксиологических установок массового адресата, так как труд способствует реализации прав человека и является основой развития общества.

Аксиологический потенциал прецедентных феноменов в текстах популярно-юридического дискурса

Выделяя важнейшие специфицирующие признаки юридического дискурса, Е.А. Кожемякин указывает на его текстово-языковую прецедентность. Отличительной чертой юридических высказываний, по мнению ученого, является то, что оценка их истинности производится не только на основе соответствия внеязыковой реальности, но и на основе соответствия предыдущим текстам и высказываниям [Кожемякин, 2011: 144]. Прецедентные феномены в текстах популярно-юридического дискурса, на наш взгляд, обладают значительным аксиологическим потенциалом, служа источником моральных норм, идеалов и образцов для подражания для массового адресата.

Будучи артефактами культуры, прецедентные феномены вызывают большой исследовательский интерес (Гудков, 1999; Караулов, 2002; Красных, 1997; Неговора, 2021; Петрова, 2010; Слышкин, 2000; Щитова, 2021 и др.), в связи с чем получили множество определений. Так, В.В. Красных понимает под прецедентными феноменами те феномены, которые хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 1997: 9]. Согласно ее определению, прецедентный феномен – это «комплекс представлений, образов, спаянных воедино и предстающих как “молекулярная единица”» [Красных, 2007: 54]. Исследователь выделяет *вербальные* (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и *вербализуемые* (прецедентный текст и прецедентная ситуация) прецедентные феномены. Таким образом, прецедентные феномены как более широкое понятие включают в себя *прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные ситуации*.

Прецедентный текст хранится в когнитивной базе индивида в виде инварианта восприятия, включая связанные с ним коннотации. Многие отечественные

исследователи основывают свое понимание прецедентного текста на характеристиках, выделенных Ю.Н. Карауловым: 1) прецедентный текст значим для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) прецедентный текст хорошо известен не только отдельно взятой личности, но и ее широкому окружению, включая предшественников и современников; 3) обращение к прецедентному тексту неоднократно возобновляется в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1986].

Г.Г. Слышкин считает прецедентный текст концептом и определяет его как «характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающих ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000: 28]. Исследователь дифференцирует *внутритекстовые* (название, имена персонажей, сюжетная линия, отрывки, запомненные наизусть) и *внетекстовые* (историческая ситуация создания текста, отношение к нему со стороны политических институтов, ритуальное использование и т.п.) аспекты прецедентности в составе концепта прецедентного текста [Слышкин, 2000: 63].

По мнению Л.А. Борисовой, прецедентным можно считать только тот текст, который известен не только специалистам, но и рядовым гражданам и является «фактом культуры» [Борисова, 2016: 139]. Таким образом, прецедентными исследователем признаются тексты только национального и универсального уровней. Однако тот факт, что один и тот же текст может являться прецедентным для профессиональных юристов и непрецедентным для остальных членов языкового коллектива, тем не менее, не лишает его статуса прецедентного. В данном случае целесообразно говорить об ином уровне прецедентности. Считаем важным указать, что большинство прецедентных текстов профессионального юридического дискурса относится к социумному уровню прецедентности. Однако, по нашим наблюдениям, отдельные прецедентные тексты в ряде случаев могут выходить на национальный и

универсальный уровни прецедентности, как, например, «Государство» Платона, «Политика» Аристотеля, «Государь» Макиавелли, кодекс Наполеона и др.

По наблюдению В.В. Красных, *социумно-прецедентные феномены* известны любому среднему представителю профессионального социума и находят отражение в прецедентных ситуациях, прецедентных текстах, прецедентных именах и прецедентных высказываниях [Красных, 1997: 50-56]. Согласно представлениям М.В. Коноваловой, основным прецедентным текстом юридического дискурса выступает текст закона [Коновалова, 2008: 5]. К.А. Петрук считает прецедентными разнообразные юридические документы, играющие важную роль в юридической практике на любом уровне ее осуществления [Петрук, 2007: 6]. О.Н. Исаева полагает, что прецедентный текст в юридическом дискурсе — это «источник нужной информации (интертекстуальность)», а его когнитивные составляющие могут служить основой образования связей внутри дискурса [Исаева, 2014: 133]. В данной связи считаем необходимым провести различие между интертекстуальностью и прецедентностью текстов юридического дискурса как его неотъемлемыми характеристиками.

По нашим наблюдениям, некоторые современные исследователи отождествляют понятия «интертекстуальность» и «прецедентность», что приводит к терминологической путанице. Расширенное понимание прецедентного текста для обозначения любого текста, являющегося источником интертекстуальности отдельного текста, представляется нам спорным. Мы солидаризируемся с позицией Н.А. Кудриной, которая полагает, что «обращение к прецедентным текстам, неизбежное в процессе создания новых текстов, приводит к интертекстуальности последних, но интертекстуальность не всегда создается за счет ссылок на прецедентные тексты» [Кудрина, 2005: 5]. В связи с данным подходом исследователь считает возможным выделить собственно прецедентные единицы и интертекстемы (интертекстовые включения), которые не являются самостоятельными единицами и,

в отличие от прецедентных, не могут быть включены в специальные словари. Таким образом, прецедентность какой-либо единицы формируется благодаря ее неоднократной интертекстуализации [Кудрина, 2005: 10]. Н.А. Кудрина предлагает собственный подход к классификации интертекстем, разделив их на прецедентные и непрецедентные. Ценным представляется наблюдение ученого о том, что границы между непрецедентными и прецедентными интертекстемами являются подвижными. При наличии ряда условий (востребованность передаваемой идеи или удачный способ выражения) любая простая интертекстема может стать прецедентной. И наоборот, если прецедентная единица на какое-то время утрачивает свой статус, то при возобновлении апелляции к ней для значительной части языкового коллектива она будет опознаваться им как простая (непрецедентная) интертекстема [Кудрина, 2005: 11].

Мы согласны с выводами М.В. Коноваловой о том, что интертекстуальность в юридическом дискурсе реализуется как «способность текстов ссылаться друга на друга, заимствуя содержательные и формальные элементы, принадлежащие другим текстам» [Коновалова, 2008: 6]. Развивая мысль ученого о целостности дискурса, мы полагаем, что категория интертекстуальности позволяет юридическому дискурсу сохранять свои специфические черты при взаимодействии с другими дискурсами, что особенно важно в условиях активных процессов гибридизации.

Анализируя функционирование интертекстовых включений в популярно-юридическом дискурсе, мы, вслед за А.В. Богатыревым, полагаем, что в отличие от ряда других дискурсов, интертекстуальность не всегда добавляет тексту информативность. «Интертекстуальность в юридическом дискурсе зачастую не привносит новой информации в текст, но помогает приобрести старой, уже известной информации новый смысл, дать новое содержание отрывкам текста – донора благодаря новому контексту, авторскому комментарию или сопоставлению одного элемента интертекста с другим (например, цитату из речи прокурора с цитатой из

статьи закона)» [Богатырев, 2015: 83]. С данной позицией солидаризируется О.Л. Кургаева, которая считает, что фигуры интертекста в рамках юридического дискурса способствуют решению коммуникативных задач оратора [Кургаева, 2018: 62]. По нашим наблюдениям, цитирование в тексте популярно-юридического дискурса того или иного юридического источника, как правило, используется адресантами в рамках аргументативной стратегии или служит экспрессивизации высказывания.

Считаем важным указать, что тексты законов и других нормативно-правовых актов широко эксплицированы в популярно-юридическом дискурсе разных типов, что было доказано многочисленными примерами в данной работе. Придерживаясь подхода, обозначенного Н.А. Кудриной, представляется возможным оценить прецедентность таких интертекстовых включений с позиции рекуррентности и инвариантности их воспроизведения в текстах популярно-юридического дискурса разных жанров. По нашим наблюдениям, фрагменты отдельных статей Конституции, в частности те, в которых закреплены основные права человека, а также статьи кодексов (например, статьи 105 «Убийство» и 158 «Кража» УК РФ), которые многократно используются адресантами популярно-юридического дискурса в виде интертекстовых включений в разных жанрах, позволяет считать их прецедентными интертекстемами.

Представляется интересным вывод М.В. Коноваловой о том, что содержащиеся в юридических текстах ссылки представляют собой «индексальные знаки, которые задействуют соответствующие фреймовые структуры, содержащие свернутую информацию, закрепленную за тем или иным набором графических знаков» [Коновалова, 2008: 18]. Данная информация присутствует в когнитивной базе представителей институционального сообщества в свернутом виде, поэтому у них, как правило, не возникает необходимости обращаться к каким-либо дополнительным источникам для декодирования специальной информации, содержащейся в ссылках.

По нашим наблюдениям, при предъявлении массовому адресату специальная информация в текстах популярно-юридического дискурса нуждается в обязательном развертывании и пояснении. Так, названия кодексов и законов, как правило, употребляются адресантами популярно-юридического дискурса не в виде аббревиатур (УК, ГК, ФЗ и т.д.), а в полной форме (Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, Федеральный закон и т.д.). Содержание наиболее значимых или релевантных нормативных актов максимально эксплицируется, что подразумевает отсутствие достаточных фоновых знаний адресата.

- *«Этот вопрос регулируется ст. 1109 Гражданского кодекса РФ. В ней, в частности, записано, что не подлежат возврату заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки»* [Гранкин, Чайка, 2023а: 49].
- *«Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О ветеранах”»* [Гранкин, Чайка, 2023f: 19].
- *«Ст. 48 Семейного кодекса РФ «Установление происхождения ребенка»:*
1. Происхождение ребенка от матери (материнство) устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинском учреждении» [Кизяковский, 2019: 55].

Как показало исследование, включаемые в тексты популярно-юридического дискурса фрагменты законов и других нормативно-правовых актов, как правило, аксиологически заряжены. Мы неоднократно отмечали в данной главе, что любой закон имеет ценностную основу и базируется на таких терминальных ценностях как «справедливость», «равенство», «свобода» и т.д. При этом целью закона выступает не только провозглашение данных ценностей, но и обеспечение их реального воплощения на практике. Мы полагаем, что включение адресантами в тексты

популярно-юридического дискурса фрагментов законов, основанных на значимых общечеловеческих ценностях, в форме прецедентных интертекстов оказывает положительное влияние на сознание массового адресата, формируя уважительное отношение к праву и стремление соблюдать правовые нормы.

По мнению исследователей (Карасик, 2000; Кожемякин, 2011; Палашевская, 2010; Хомутова, Шефер, 2019), создание традиций и приверженность им – это способ создания авторитета института права. Поскольку древность наделяет правовые нормы особой значимостью, адресанты популярно-юридического дискурса апеллируют не только к современным, но и к историческим законодательным текстам, ставшим прецедентными для мирового юридического сообщества, таким как Законы Хаммурапи или Кодекс Юстиниана.

➤ «(§4) Если человек выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело о жизни, этого человека должно убить» [Кизяковский, 2019: 144].

➤ «(§6) Если человек украдет достояние бога или дворца, то этого человека должно убить» [Кизяковский, 2019: 145].

➤ «(§128) Если человек возьмет жену и не заключит договора, то эта женщина не жена» [Кизяковский, 2019: 149].

➤ «КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Титул III. О доказательствах и презумпциях

1. (Павел). Доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает» [Кизяковский, 2019: 234].

➤ «КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Титул II. О совершении брака

1. (Модестин). Брак есть союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права» [Кизяковский, 2019: 234].

В приведенных фрагментах из свода Законов Хаммурапи и Дигест Юстиниана объективированы ценности, положенные в основу современных законодательных норм, регулирующих соответствующие сферы общественных отношений, что подтверждает их универсальный характер и придает авторитет в сознании массового адресата. Обращает на себя внимание тесная связь некоторых древних правовых норм с религиозными нормами, в частности, акцентируемая ценность института брака.

Как установлено исследователями (Карасик, 2004; Кожемякин, 2011; Палашевская, 2010), аксиологическая система юридического дискурса основана на ценностях, ряд из которых уже сформирован другими культурными институтами. «Право функционирует в поле уже сформированных социальных отношений, значений и смыслов, используя те из них, которые эффективно используются в качестве инструментов контроля» [Кожемякин, 2011: 132]. Наиболее тесная связь, по нашему мнению, прослеживается между правовыми и религиозными нормами. Как справедливо замечает И.В. Палашевская, «сами основания установления норм, в соответствии с которыми выделяются те или иные категории («преступление», «порядок», «вменяемость», «наказание», etc.), могут иметь ценностный характер – например, быть основанными на религиозных идеалах» [Палашевская, 2010: 536]. К примеру, причинение смерти другому человеку, причинение имущественного вреда, распространение ложных сведений о другом человеке и т.д. являются нарушениями моральных и этических норм, изначально сформулированных институтом религии. Проиллюстрируем данные наблюдения некоторыми примерами корреляции современных правовых и религиозных норм, приводимыми адресантами популярно-юридического дискурса.

➤ *«В незапамятные времена право родилось из религии, о чем говорит в том числе и совпадение догм христианства с нормами современного права. И хотя право и религия «разделились», но до сих пор идут бок о бок в ОДНУ сторону, так как устанавливают одинаковые запреты» [Оробинский, 2022: 267].*

➤ «Мне кажется, если бы в любой стране люди неукоснительно соблюдали нормы религии не на словах, а на деле, не «из-под палки» закона, а, по внутреннему убеждению, наверное, процентов так 80 законов можно было бы отменить. За ненадобностью. Подумайте на досуге» [Оробинский, 2022: 269].

➤ «Примечательно, что три ветхозаветные заповеди-запрета воплотились в современном российском законодательстве в статьях УК РФ.

Шестая («не убивай») – в шести статьях УК РФ: ст. 105. «Убийство», ст. 106. «Убийство матерью новорожденного ребенка», ст. 107. «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», ст. 108. «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», ст. 109. «Причинение смерти по неосторожности», ст. 110. «Доведение до самоубийства»;

восьмая («не кради») – если ограничивать «завладение» чужим имуществом только «тайным» способом, то только в одной (ст. 158. «Кража»), если же расширить на другие способы, то еще ст. 159. «Мошенничество», ст. 160 «Разбой», ст. 163. «Вымогательство», ст. 164. «Хищение предметов, имеющих особую ценность», ст. 165. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»;

девятая («не произноси ложного свидетельства на ближнего своего») – вообще сложновоплощенная: <...> ст. 307. «Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод»; <...> ст. 128-прим. "Клевета" как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [Кизяковский, 2019: 54].

➤ «А теперь сравним Библию и современное право.

№	Библия	Право
6	«Не убивай»	Ст. 105 – 111 УК РФ.
8	«Не кради»	Ст. 158 УК РФ.

9	<i>«Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего»</i>	<i>Ст. 306, 307 УК РФ.</i>
10	<i>«Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».</i>	<i>Ст. 1 ГК РФ:</i> <i>«3. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.</i> <i>4. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».</i> <i>Также ст. 10 ГК РФ:</i> <i>«1. Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)».</i>

[Оробинский, 2022: 267].

➤ *«Принцип добросовестности. Следует из ст. 17, п. 3 Конституции: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».*

То же самое и в ст.1, п. 3 ГК РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

Далее в ГК есть еще ст. 10, где сказано чуть подробнее: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)».

Ничего не напоминает?! Сравните нормы закона с библейским постулатом: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». В этом – суть принципа добросовестности. Умри, лучше не скажешь» [Оробинский, 2022: 277].

Сравнивая природу юридических и религиозных запретов, В.И. Карасик приходит к выводу, что причиной существования запретов в юридической сфере выступает вред обществу в целом или отдельным его представителем, в то время как источником религиозного запрета выступает божественная воля [Карасик, 2004: 56]. Религиозные запреты носят сакральный характер и не подлежат обсуждению, в то время как правовые нормы могут подвергаться критике и последующей корректировке или отмене. Однако в отличие от наказания за нарушение религиозных норм, за проступками в правовой сфере следует незамедлительная санкция. Подобная языковая, социальная и поведенческая объективация ценностей института права, в частности, отличает его от других общественных институтов.

По мнению О.Н. Исаевой, инвариант восприятия прецедентного текста актуализируется посредством вербализации, а обращение к этому тексту осуществляется через связанные с ним прецедентные высказывания или прецедентные имена [Исаева, 2014: 134]. К прецедентным именам в юридическом дискурсе исследователь относит имена специалистов, работающих в сфере юриспруденции, или участников известных судебных процессов. О.В. Косоногова, в свою очередь, полагает, что в семиотическом пространстве юридического дискурса функционируют прецедентные социальные, литературные и исторические имена собственные, которые понимаются ученым как элементы терминосистемы юридического дискурса [Косоногова, 2008: 189–190]. К первой

группе относятся имена собственные, актуализирующие знания адресата о каких-то фактах, событиях, ситуациях, которые ему хорошо известны (*Япончик, Чикатило, Бутырка, Лефортово, Петровка, 38* и др.). Вторая разновидность включает имена персонажей художественных произведений и опирается на знание адресатом их прототипов (*Шерлок Холмс, Каменская* и др.). Наконец, третья группа включает имена исторических личностей и событий, значимых для юридического сообщества страны (*Кони, Плевако* и др.). По наблюдению ученого, лингвопрагматическая и национально-культурная специфика имени собственного «отображает исторические, философские, социальные и культурные факторы формирования дискурса и является зеркалом ментальности его участников» [Косоногова, 2008: 188].

Нам импонирует комплексный подход О.В. Косоноговой к классификации прецедентных имен в текстах юридического дискурса. Мы отмечаем представленность всех выделяемых ученым групп прецедентных онимов в популярно-юридическом дискурсе. При этом, по нашим наблюдениям, наибольшая частота отсылок к прецедентным именам и их разнообразие характеризует популярно-юридический дискурс просветительского типа, что выступает средством реализации его развивающей стратегии. Отсылки к прецедентным именам в рассмотренных текстах дискурса других типов носили единичный характер.

➤ *Как говорил известный американский бандит Аль Капоне, “добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом”* [Русакович, 2017а: 12].

➤ «Мода делать кодексы (или, как говорят юристы, «кодифицировать» или «проводить кодификацию») появилась в начале XIX века. Первопроходцем здесь стала Франция, где при **Наполеоне Бонапарте** были созданы наиболее удачные кодексы: *Гражданский и Уголовный*» [Русакович, 2017а: 32].

➤ «Еще в Римской империи в 426г. император издал закон, по которому судьи должны следовать мнению пяти величайших римских юристов (**Папиниан, Павел,**

Гай, Ульпиан и Модестин). На тот момент никого из них уже не было в живых, поэтому закон не без юмора прозвали “сенат мертвых”» [Русакович, 2017а: 54].

➤ «Драки случаются и в других городах и весях. Значит, не в генах дело или во внешности человека. Давно канула в Лету теория **Ламброзо**, который по носу или форме уха пытался определить, кто перед ним – преступник или законопослушный человек и много раз, как говорится, садился в лужу. Об этом известно каждому следователю» [Гранкин, 2022: 10].

➤ «Поднятием руки **Плевако** успокоил своих слушателей, затем сказал: – Господа, вы возмутились всего лишь через минуту появления к вам неуважения. Я извиняюсь. А теперь представьте, каково было моему подзащитному пятнадцать лет слушать несправедливые упреки и раздраженное зудение своей сварливой жены по каждому ничтожному поводу. <...>

Столь оригинальный способ защиты подсудимого зал оценил оглушительными аплодисментами. Присяжные тоже не остались в долгу перед остроумием адвоката и вынесли убийце оправдательный вердикт» [Гранкин, 2022: 9].

Прецедентные онимы в приведенных примерах актуализируют фоновые знания адресата об истории права (*Наполеон Бонапарт, Папиниан, Павел, Гай, Ульпиан, Модестин, Ламброзо*). Предполагая возможное отсутствие достаточных фоновых знаний у неспециалистов, адресанты сопровождают отсылки историческими справками или личными комментариями. В первом примере приводится известная фраза американского гангстера XX века Аль Капоне, а само имя преступника можно отнести к феноменам универсального уровня прецедентности. Последний фрагмент представляет собой пример прецедентной ситуации с упоминанием имени одного из выдающихся российских адвокатов XIX века Федора Никифоровича Плевако. Считаем важным указать, что имя Плевако мы считаем феноменом национального уровня прецедентности, чему способствует популяризация имени адвоката в русской литературе, документалистике и кинематографе и т.д. К примеру, наиболее известные

выступления Ф. Плевако в судебных процессах легли в основу проекта С.А. Шарапова «Судебные речи известных русских юристов». В 2024 году творческо-производственным объединением «Рок» при участии канала «НТВ» был снят одноименный историко-детективный сериал по мотивам жизни Ф. Плевако, ставший лауреатом национальной кинопремии «Ника». Обращают на себя внимание ярко выраженные аксиологические установки в двух последних примерах. В частности, адресантами акцентируется необходимость беспристрастного подхода и руководства принципом справедливости при вынесении решения о виновности или невиновности лица. Это представляется особенно важным для потенциальных присяжных заседателей, которых государство отбирает из числа рядовых граждан и привлекает к судебным слушаниям по наиболее тяжким уголовным делам.

По наблюдению Г.Г. Слышкина, апелляция к прецедентному тексту может осуществляться посредством реминисценций, актуализирующих его концепт в сознании носителя языка. Ученым выделяются пять основных видов реминисценций: *упоминание, прямая цитация, квазицитация, аллюзия и продолжение*. Как показал анализ, наиболее частотным видом реминисценций в текстах популярно-юридического дискурса выступает прямая цитация. «Прямая цитация – дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего» [Слышкин, 2000: 65]. Рассмотрим некоторые примеры прямых цитаций из научно-популярных книг о праве.

➤ *«Кардиналу Ришелье, французскому государственному деятелю XVII в., приписывают следующие слова: “Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них то, за что его можно повесить”»* [Русакович, 2017а: 163].

➤ «” Если бы люди были ангелами, правительство было бы ненужно”, – говорил **Джеймс Мэдисон**, один из авторов американской Конституции и четвертый президент США» [Русакович, 2017а: 178].

➤ «Вспомните тиранов от **Калигулы** («Стоит мне кивнуть, и вам перережут глотки») и **Людвика XIV** («Государство – это я!») до **Сталина** («Обо мне говорят, что я чудовище, а я, видите, шучу по этому поводу. Значит, я не так и ужасен») и **Пиночета** («Любую демократию периодически нужно купать в крови»). [Оробинский, 2022: 29].

➤ «Дай человеку власть, и ты узнаешь кто он» (**Наполеон Бонапарт**) [Кизяковский, 2019: 15].

Посредством отсылок к прецедентным феноменам адресанты в данных примерах подкрепляют свои рассуждения о справедливом/несправедливом государственном устройстве, осуждая тиранию и злоупотребление властью. Цитата кардинала Ришелье, на наш взгляд, выступает завуалированной критикой обвинительного уклона российского правосудия, неоднократно порицаемого в текстах популярно-юридического дискурса.

Прямая цитация в ряде случаев содержалась также в отсылках к прецедентным ситуациям из истории права:

➤ «А вот изложение взглядов **Конфуция** в форме диалога с учениками:

«...говорят, что Вы боролись с законом?» <...>

«Верно, я считал, да и сейчас считаю, что если управлять народом при помощи законов и вносить в народ порядок с помощью наказаний, то народ обязательно будет стремиться избежать наказания, и не будет испытывать стыда. <...> Если руководить народом с помощью добродетели и вносить в народ порядок с помощью правил поведения, то народ будет знать стыд и исправится! А то поставили везде треножники с надписанными на них законами и думают, что народ станет добродетельным! Нет, нужно руководить народом на основе морали, ограничить

действия людей нормами поведения и народ не только станет стыдиться своих преступлений, но и будет с охотой подчиняться правителям» [Кизяковский, 2019: 158].

Описываемую в данном фрагменте ситуацию можно назвать аксиогенной или ценностнопорождающей [Карасик, 2014: 65], поскольку в ней декларируется приоритет моральных норм над законом, что, как мы упоминали ранее, выступает национально-специфической чертой русской культуры.

Некоторые прецедентные имена встречались в текстах популярно-юридического дискурса как элементы исторического нарратива, а также в виде аллюзий во включениях, принадлежащих художественному дискурсу:

➤ *«В указе императрицы **Анны Иоанновны** от 1730 года сказано: «Извозчикам и прочим всяких чинов людям ездить, имея лошадей в упряжи, со всяким опасением и осторожностью, смирно. А тех, кто не будет соблюдать сих правил, бить кнутом и ссылать на каторгу».*

*В указе императрицы **Екатерины II** читаем: «На улицах ямщикам ни в коем разе не кричать, не свистеть, не звенеть и не бренчать». Ради интереса сравните с п.19.10 нынешних ПДД: «Звуковые сигналы могут применяться только: для предупреждения других водителей о намерении произвести обгон вне населенных пунктов; в случаях, когда это необходимо для предотвращения дорожно-транспортного происшествия». Не правда ли, похоже? Чувствуется переключка веков» [Оробинский, 2022: 238].*

➤ *«Скажи, читал ли ты Наказ **Екатерины**?*

Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем

Свой долг, свои права, пойдешь иным путем» А.С. Пушкин. «Послание цензору», 1822 г.» [Кизяковский, 2019: 414].

В первом примере адресант использует исторические параллели и апеллирует к личному опыту адресата при предъявлении новой информации. Во втором примере

для обозначения важности исторической персоналии и упомянутого нормативного акта адресант прибегает к эстетической тональности, позволяющей задействовать эмоционально-окрашенную память адресата. Необходимо отметить, что в последние годы правительством РФ проводится усиленная политика, направленная на сохранение исторической памяти, для чего принимаются соответствующие законы и проводятся различные просветительские мероприятия. Мы полностью приветствуем такие инициативы и полагаем, что тексты изучаемого дискурса могут эффективно служить цели воспитания патриотизма и сохранения национальной идентичности русского народа, популяризируя исторические персоналии, значимые для нашего государства.

Особый интерес при анализе ценностных характеристик популярно-юридического дискурса вызвали цитаты – эпитафьи в книге В. Кизяковского «Занимательное правоведение», которые, несмотря на свою лаконичную форму, обладают значительным аргументативным потенциалом и имеют большое значение для формирования ценностной картины мира адресата. Каждый эпитафья содержит непосредственно «крылатое изречение» и отсылку к прецедентному имени автора высказывания – известного юриста, писателя, общественного деятеля и т.д.

- *«История прав человека – это история очеловечивания людей». В.С. Нерсисянц»* [Кизяковский, 2019: 70].
- *«Я утверждаю, что то, что законно, то и справедливо...СОКРАТ.»* [Кизяковский, 2019: 192].
- *«Jure naturali omnes liberi nascerentur». (лат. «По естественному закону все рождаются свободными»). Ульпиан»* [Кизяковский, 2019: 219].
- *«Тем, кто любит колбасу и законы, лучше не смотреть, как они делаются». У. Черчилль»* [Кизяковский, 2019: 67].
- *«Мудрый творит законы, а глупый ограничен ими (легист Шан Ян, IV в. До н.э.)»* [Кизяковский 2019: 160].

- *«Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. А.Ф. Кони»* [Кизяковский, 2019: 632].
- *«На свете не существует любимых народом правительств. Поэтому все революции вначале популярны». Ш.-М. Талейран»* [Кизяковский, 2019: 554].
- *«Из всего можно сделать себе занятие – был бы царь в голове» (А.Н. Толстой. «Похождения Невзорова, или Ибикус», 1924»* [Кизяковский, 2019: 15].
- *«Что за страна?! Жулик на жулике; святых – через одного, а порядочного человека днем с огнем не сыщешь...» А. Кивинов»* [Кизяковский, 2019: 423].

Данные эпиграфы – высказывания представляют собой аксиологические «сгустки», в которых в концентрированной форме объективированы такие значимые для социального регулирования ценности как «законность», «справедливость», «свобода», «добросовестность», «разумность», «порядочность». Все отсылки содержат упоминания авторов высказываний, что служит реализации просветительской функции популярно-юридического дискурса, направленного на формирование глубоко нравственной и образованной личности адресата, способной к критическому восприятию социальной реальности.

Интересным представляется последний пример, содержащий отсылку к творчеству А.В. Кивинова – автора произведений, на основе которых создавался сценарий популярного российского детективного сериала «Улицы разбитых фонарей» (1998–2019). По нашим наблюдениям, отсылки к произведениям А. Кивинова встречаются в текстах научно-популярных книг о праве разных авторов. В частности, в Главе 4 мы приводили фрагмент из книги А. Русаковича «Правоведение для всех», содержащий объемный отрывок из повести «Кошмар на улице Стачек», в котором высмеивалась бумажная волокита, препятствующая выполнению своих непосредственных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов.

Апелляции разных адресантов к одним и тем же национальным прецедентным феноменам иллюстрируются также примерами цитат и квазичитат из фельетонов известного отечественного сатирика М. Жванецкого (См. Примеры 104 – 106 Приложения). Использование квазичитат, по нашим наблюдениям, выступает частым приемом адресантов популярно-юридического дискурса. Квазичитация представляет собой «воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в умышленно изменённом виде» [Слышкин 2000: 65]. Например, глава из книги «Правоведение для всех», в которой описываются принципы уголовного судопроизводства носит название: *«Уголовный процесс: то, что вы на свободе – не ваша заслуга, а наша недоработка»* [Русакович 2017: 418]. В данной реминисценции частично воспроизводится ставшая «крылатой» в нашей лингвокультуре фраза основателя и руководителя ВЧК Ф.Э. Держинского: «Отсутствие у вас судимости – это не ваша заслуга, а наша недоработка». Обращает на себя внимание критика обвинительного уклона российского правосудия, в ряде случаев допускающего несправедливое, по мнению адресанта, судебное разбирательство.

Подобные примеры иллюстрируют наложение друг на друга социумных и национальных прецедентных феноменов, что становится возможным в силу гибридной природы популярно-юридического дискурса. Отсутствие ограничений, накладываемых на адресантов «трафаретным» характером профессионального юридического дискурса, наделяет тексты популярного дискурса значительным потенциалом воздействия на адресата, а институт права приобретает дополнительные возможности для трансляции своих ценностей.

В ряде случаев отсылки к прецедентным текстам осуществлялись в форме упоминания. Под упоминанием Г.Г. Слышкин понимает прямое (нетрансформированное) воспроизведение языковой единицы, являющейся именем концепта (название произведения, автор текста, метонимия по принципу «автор вместо произведения») [Слышкин, 2000: 64]. Примером упоминания выступает

название главы книги «Правоведение для всех», посвященной рассмотрению норм уголовного права: «*Уголовное право: преступление и наказание*» [Русакович 2017: 415]. Мы полагаем, что концепт «Преступление и наказание», актуализируемый в сознании носителя упоминанием названия произведения Ф. Достоевского, относится не только к национальным, но и универсальным прецедентным феноменам, выходящим за пределы русской культуры.

Необходимо отметить, что частым источником прецедентных феноменов в текстах популярно-юридического дискурса просветительского типа выступает художественная литература (см. Главу 4), что является еще одним принципиальным отличием реализации свойства прецедентности текстов юридического дискурса профессионального и популярного подвидов. При этом используемые адресантами реминисценции взяты как из произведений, чья литературная ценность получила международное признание, так и из произведений массовой (популярной) культуры (См. Примеры 107, 108 Приложения).

Интертекстовые включения, принадлежащие художественному дискурсу, безусловно способствуют реализации развлекательной функции популярно-юридического дискурса, являющейся неотъемлемой для современного формата популяризации. Импликацией известного высказывания профессора Ф. Преображенского из повести М. А. Булгакова (Пример 107) является необходимость установления такой модели социального порядка, при которой каждый член общества занимается непосредственными обязанностями в сфере своих компетенций. Второй фрагмент из повести С. Довлатова «Зона» (Пример 108), отличающийся использованием жаргонных, в том числе, ненормативных лексических единиц (*взяли; намекнул шабером под ребра; гад; падла; в отказ* и др.) для создания комического эффекта в контексте, способствует выведению адресатом инференции о том, что любое преступление, совершенное против индивидуального лица, является преступлением против общества в целом.

По наблюдению И.В. Палашевской, в ценностном пространстве юридического дискурса выделяются «обобщенные ценностно-нормативные структуры, которые управляют институциональной деятельностью без опоры на дифференциацию участников и ситуативных контекстов» [Палашевская, 2017: 145]. Под этими структурами исследователь понимает аксиомы права, которые, обладая такими свойствами как прецедентность, прескриптивность и приоритетность, выполняют кумулятивную, регулятивную, информативную и символическую функции. И.В. Палашевская также отмечает, что, благодаря своей аксиогенной сущности, аксиомы права характеризуются взаимопроникновением в содержание друг друга, результатом которого становится формулировка предписаний, сводимых к семантической экспликации императивов – «следуй данному правилу», что иллюстрируют примеры ниже:

➤ *«В общей теории права аксиом («утверждающих» и «отрицающих») достаточно много <...> «кто живет по закону, тот никому не вредит»; «что не запрещено, то разрешено»; «всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого»; «люди рождаются свободными и равными в правах»; «гнев не оправдывает правонарушения»; «один свидетель – не свидетель»; «если обвинение не доказано, обвиняемый оправдан»; «показания взвешивают, а не считают»; «тот, кто щадит виновного, наказывает невиновных»; «правосудие укрепляет государство»; «власть существует только для добра» и другие* [Кизяковский, 2019: 89].

➤ *«закон не требует невозможного» (ad impossibilia lex non cogit); «кто не отрицает, признает»; «не все, что законно, то нравственно»* [Кизяковский, 2019: 95].

➤ *«незнание закона не освобождает от ответственности»* [Кизяковский, 2019: 113].

Мы считаем возможным разделить правовые аксиомы, функционирующие в текстах популярно-юридического дискурса просветительского типа, на группы по тематическому признаку. Как показал анализ, наибольшую представленность в изученных текстах демонстрировали аксиомы законотворчества и правоприменения («закон не требует невозможного»; «*публичное право не может быть изменено соглашением частных лиц*»; «нет преступления и нет наказания без указания на то в законе» и др.), аксиомы – модели законопослушного поведения («кто живет по закону, тот никому не вредит»; «договоры должны соблюдаться» и др.) и аксиомы надлежащего процесса судопроизводства («сила доказательств определяется их весомостью, а не количеством»; «пусть будет выслушана и другая сторона»; «нельзя дважды предъявить иск по одному и тому же делу»; «один свидетель – не свидетель»; «если обвинение не доказано, обвиняемый оправдан»; «показания взвешивают, а не считают» и др.), что, на наш взгляд, определяется релевантностью данных тем для массового адресата. Все указанные аксиомы характеризовались оценочностью и содержали указание на некий признак идеального образа действия или желательного состояния.

Наш анализ прецедентности текстов популярно-юридического дискурса в данном аспекте был бы неполным без упоминания правовых аксиом и «крылатых выражений» на латинском языке, объективирующих как ценности правового института, так и универсальные ценности. Так, по нашим наблюдениям, правовая аксиома, утверждающая верховенство права «*Jus est ars boni et aequi — Право есть искусство добра и справедливости*», является прецедентной и демонстрирует рекуррентность в текстах разных авторов. Рассмотрим еще несколько примеров аксиом, трансплантированных на латинском языке с обязательным переводом в тексты научно-популярных книг о праве:

➤ «Некоторые из правовых аксиом пришли в современность еще из римского права, как то:

«где есть право, там есть и его защита» (*ubi jus, ibi remedium*);

«сила доказательств определяется их весомостью, а не количеством» (*argumenta ponderantur, non numerantur*);

«решение спора между двумя лицами не должно вредить третьему лицу» (*res inter alios acta alteri non nocet*);

«пусть будет выслушана и другая сторона» (*audiatur et altera pars*);

«нельзя дважды предъявить иск по одному и тому же делу» (*ne bis de eadem re sit actio*)» [Кизяковский, 2019: 89].

➤ «Недаром с древности существовало железное правило для внутригосударственного и международного права: ***pacta sunt servanda*** – договоры должны соблюдаться» [Кизяковский, 2019: 114].

➤ «Например, старый принцип римского права *lex specialis derogate legi generali* («специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон») – он означает, что норма, регулирующая специальный вопрос, имеет приоритет над нормой, регулирующей общий вопрос» [Русакович, 2017а: 57].

➤ «Поэтому суды используют принцип *lex specialis derogate legi generali* и применяют не общую норму о выполнении работ, а специальную норму о договоре долевого участия» [Русакович, 2017а: 57].

➤ «Как говорили древнеримские юристы, *jus publicum privatorum pactis mutari non potest* («публичное право не может быть изменено соглашением частных лиц»)» [Русакович, 2017а: 79].

➤ «По этому поводу древнеримские юристы говорили – *nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali* – («нет преступления и нет наказания без указания на то в законе»)» [Русакович, 2017а: 79].

Считаем важным указать, что некоторые исследователи полагают возможным выделение нормативных комплексов или аксиом поведения, выводимых из латинских «крылатых выражений». В частности, Н.Г. Храмцова выделяет такие функции

указанных нормативных комплексов на латинском языке как: функция взаимодействия, функция иерархии, функция ответственности, функция благоразумия, функция меры и др. [Храмцова, 2005: 159]. Данные ценностные смыслы, по нашему мнению, коррелируют с некоторыми инструментальными ценностями в классификации М. Рокича.

Аксиологическая значимость правовых аксиом, по нашему мнению, заключается в объективации фундаментальных ценностей института права. Как положения, не требующие доказательств, правовые аксиомы отражают многовековой аккумулированный социальный опыт. Выражая общечеловеческие представления о справедливости, морали и т.д., они представляют собой нравственные основы права. Понимание сути правовых аксиом массовым адресатом оптимизирует процесс правового регулирования, так как зафиксированные посредством аксиом нормы поведения становятся элементом правового сознания неспециалиста, формируемого не только знанием законов, но и усвоением их ценностного содержания.

Невербальные эмблемы в текстах популярно-юридического дискурса

Как мы указывали ранее, объективация ценностей в текстах популярно-юридического дискурса может осуществляется посредством невербальных эмблем института права. По наблюдению И.В. Палашевской, «величие права создается посредством его презентации» [Палашевская, 2010: 536]. Семиотика здания суда, по мнению исследователя, помогает институировать авторитет судьи, здание парламента — авторитет законодателя и т.д. В.И. Карасик полагает, что каждая коммуникативная ситуация включает в себя использование как вербальных, так и невербальных дискурсивных эмблем, позволяющих адресату безошибочно распознавать ситуацию в рамках институционального общения [Карасик, 2014: 186].

Являясь, согласно нашим представлениям, подвидом юридического дискурса, популярно-юридический дискурс заимствует у базового дискурса элементы разных уровней, включая терминологию, дискурсивные формулы, а также невербальные эмблемы. Как показал анализ, в качестве невербальных эмблем, интегрированных и регулярно актуализируемых в текстах современного российского популярно-юридического дискурса разных типов и жанров выступают: изображения богини Фемиды, весов и судейского молотка (используются как в комбинациях, так и по отдельности); государственная символика РФ (флаг, герб); изображения зданий судов; профессиональная форма одежды сотрудников правоохранительных органов и судей [Соловьева, 2024: 322]. Указанные эмблемы были интегрированы в тексты интервью с юристами, юридических консультаций, рекламных юридических объявлений, а также документальные и художественные фильмы о праве и служителях закона, телевизионные судебные шоу и т.д.

Статуя богини правосудия Фемиды, являющаяся примером предметной объективации (создания материальных объектов) правовых ценностей, выступает главным институциональным символом. Образ Фемиды в повязке на глазах, означающей равенство людей перед законом, с весами в руках, указывающими на взвешивание всех доводов и обстоятельств дела для вынесения справедливого решения, а также с мечом, опущенным вниз, олицетворяющим способность закона наказывать виновных, глубоко символичен. Данный образ используется в интерьере зданий судов, гербах и юридической документации, служа напоминанием о высших идеалах и целях правосудия. Аксиологическая значимость эмблемы заключается в олицетворении таких терминальных ценностей как «справедливость», «беспристрастность», «равенство» и др., вербально объективируемых в текстах популярно-юридического дискурса всех жанров. Однако форма актуализация данной эмблемы, по нашим наблюдениям, зависит от типа дискурса. Сравним примеры апелляции к данной эмблеме в текстах виртуальной юридической консультации

правового центра «Человек и закон» (*Изображение 17*) и в научно-популярной книге В. Кизяковского «Занимательное правоведение» (*Изображение 18*):

Здравствуйте. После проведения независимого замера шума в квартире, куда мне следует обращаться (Ольга С., 13.06.2022)
[Правовой центр «Человек и закон», 2022].

Изображение 17. Фотография из поста виртуальной приемной правового центра «Человек и закон»

Статуя богини правосудия Фемиды на фасаде здания Верховного Суда Российской Федерации в Москве.

Изображение 18. Фотография статуи Фемиды на фасаде здания Верховного Суда РФ из книги В. Кизяковского «Занимательное правоведение»

Восприятие адресатом эмблемы в тексте юридической консультации происходит в «фоновом» режиме и не предполагает осмысления, выполняя символическую, а также отчасти ориентирующую функции, позволяющую адресату оперативно соотнести коммуникативную ситуацию с юридическим дискурсом и принять решение об ознакомлении с контентом публикации, либо его игнорировании.

Иллюстрация статуи богини Фемиды в научно-популярной книге, в свою очередь, сопровождается подробной исторической справкой о происхождении и значении символа, что соответствует развивающей функции популярно-юридического дискурса просветительского типа (См. Пример 109 Приложения).

Весы, судейский молоток и судейская мантия используемые в заставках и передачах жанра «судебное шоу», который мы относим к развлекательному типу популярно-юридического дискурса также выполняют символическую функцию, вызывая определенные образы и ассоциации в сознании массового адресата. Весы выступают мерой определения соотношения хороших (добрых) и плохих (злых) деяний при вынесении решения о виновности или невиновности человека. Аксиологическое значение весов в юридическом дискурсе коррелирует со значением данного символа в религиозном дискурсе. Так, в Библии весы позиционируются как мерило правды и справедливости, а архангел Михаил в некоторых апокрифических текстах изображается с весами, на которых он взвешивает души праведников перед их вознесением в рай.

Молоток как атрибут судебной власти символизирует полномочия судьи – представителя закона обеспечивать правовой порядок и принимать окончательные решения. Удар молотка напоминает о неоспоримости судебного решения и используется не только для привлечения внимания в судебном процессе, но и для формирования уважительного отношения к закону. Демонстрация государственной символики Российской Федерации наряду с весами, судейской мантией и молотком также способствует трансляции институциональных ценностей, которые охраняются и поддерживаются государством. Кроме того, демонстрация государственной символики в текстах популярно-юридического дискурса способствует формированию чувства патриотизма и национальной идентичности.

Необходимо указать, что имитация судебных процессов в телепередачах жанра «судебное шоу», характеризующихся высокой концентрацией невербальных эмблем

правового института, подготавливает адресата к жестко регламентированному и отчасти ритуализированному общению в соответствующей юридической ситуации (*Изображение 19*).

Изображение 19. Демонстрация правовой символики в телепередачах жанра «судебное шоу»

Таким образом, по нашему мнению, невербальные эмблемы не просто аддитивно участвуют в коммуникации в условиях популярно-юридического дискурса. Они находятся во взаимосвязи с вербально объективированными ценностями и создают аксиологические смыслы, укрепляющие авторитет института права. Апелляция к невербальным эмблемам ускоряет процесс передачи сообщения, так как они воспринимаются быстрее вербального компонента коммуникации. Необходимо отметить, что рассмотренные невербальные эмблемы являются универсальными для института права стран континентальной и англо-саксонской систем, а их аксиологический смысл однозначно трактуется представителями разных лингвокультур, что позволяет считать их прецедентными феноменами универсального уровня.

5.2. Репрезентация лингвокультурного типажа «российский юрист» в текстах популярно-юридического дискурса

Рассмотрение аксиологических характеристик российского популярно-юридического дискурса представляется неполным без изучения особенностей репрезентации в нем обобщенного типизированного образа (типажа) представителя юридической профессии. В силу антропологической направленности современной лингвистики лингвокультурные типыжи становились объектом изучения многих научных исследований (Деревянская, 2005; Дмитриева, 2004, 2005; Дубровская, 2017; Елина, 2005; Карасик, 2004, 2005, 2007; Комбарова, 2005; Коровина, 2005; Мищенко, 2004; Мурзинова, 2009; Скачко, 2005; Уфаева, 2008; Щеглова, 2010; Ярмахова, 2004 и др.). Под «лингвокультурным типажом» О.А. Дмитриева, в частности, понимает «совокупность культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, значений, установок и поведенческих реакций» [Дмитриева, 2006: 29]. Будучи абстрактным ментальным образованием, хранящимся в памяти представителей лингвокультуры, типаж является разновидностью концепта, который включает в себя понятийные, образные и ценностные характеристики.

Как справедливо замечает О.А. Дмитриева, «лингвокультурный типаж является сгустком ценностных предпочтений языковой личности» [Дмитриева, 2006: 30]. В этой связи рассмотрение ценностных характеристик в структуре типажа «российский юрист» представляется особенно актуальным для данного исследования, так как позволяет выявить значимые для современного российского общества ориентиры поведения представителя юридической профессии. Это позволит улучшить восприятие их деятельности неспециалистами, таким образом способствуя формированию уважительного отношения к агентам института права в обществе.

Согласно классификации Е.М. Дубровской, рассматриваемый нами лингвокультурный типаж относится к группе «типаж – профессия», т.е. связан с

профессиональными особенностями, родом занятий или сферой деятельности типажа [Дубровская, 2016: 365]. В рамках данной группы возможно выделение таких профессиональных типажей как «российский судья», «российский следователь», «российский полицейский» и др., рассмотрение которых может послужить перспективой дальнейших исследований в русле аксиологической лингвистики. Типаж «российский юрист» представляется обобщением образа представителя юридической профессии в сознании массового адресата, что подтверждается, в частности, определением, приводимом в книге «Правоведение для всех»:

➤ *«Юрист – это любой человек, работающий в правовой сфере. Судьи, прокуроры, следователи и другие работники правоохранительных органов – это все юристы, которые имеют юридическое образование и занимаются юридической работой. Однако в быту юристами чаще называют тех, кто не связан с государством и помогает решать правовые проблемы граждан и организаций»* [Русакович, 2017а: 367].

Наблюдения А. Русаковича подтверждают наш вывод о том, что в обыденном сознании наблюдается смешение понятий «юрист» и «адвокат», что объясняется недостаточной информированностью граждан о специфике деятельности каждого из данных представителей юридической профессии и отсутствием релевантного опыта взаимодействия с ними:

➤ *«”Адвокатом” у нас любят называть любого юриста, который не работает на государство. Такой юрист постоянно слышит вопросы вроде: «Ты адвокатом что ли работаешь?» и после этого он либо долго объясняет, почему не имеет статуса адвоката, либо просто соглашается: «Да, вроде того».*

Соответственно, попробуем разобраться, чем адвокат отличается от других юристов. Итак, адвокат – это независимый профессиональный советник по правовым вопросам, который сдал соответствующий экзамен и состоит в органе адвокатского самоуправления (адвокатской палате)» [Русакович, 2017а: 367].

Анализируя имидж современных представителей института права, Т.И. Снегова приходит к выводу о том, что реформирование отечественной правовой системы обусловило качественные изменения не только в профессиональном облике представителей института права, но и в восприятии их деятельности гражданами, что находит свое отражение в публицистических, научно-популярных и художественных текстах [Снегова, 2005: 1]. Если в начале XX века юрист ассоциировался только с профессионалом, работающим в суде или юридической консультации, то современный юрист вызывает у читателя интерес как частное лицо, как семьянин и т.д. [Снегова, 2005: 20].

Повышенный интерес адресата к данным аспектам отражается в особенностях репрезентации образных характеристик лингвокультурного типажа «российский юрист» в текстах популярно-юридического дискурса. В частности, адресантами акцентируется, что семья для юриста – одна из главных ценностей. Например, в интервью с адвокатом из Ставропольского края, победителем конкурса судебных речей в 2023г. Нарине Айрапетян журналист делает акцент на важности семьи для успешного юриста:

➤ *«ЖУРНАЛИСТ: Недавно Вы стали мамой в третий раз. Как при Вашем загруженном графике Вам удастся уделять внимание семье?»*

НАРИНЕ АЙРАПЕТЯН: Все в жизни человека должно быть на своем месте. Привычное и любимое блюдо не будет прежним, если лишить его какого-то ингредиента. Можно его, безусловно, заменить, но истинного гурмана никогда не проведешь» [Сидоренко, 2023: 29].

В данном примере адресант апеллирует к терминальной ценности «счастливая семейная жизнь» по классификации М. Рокича и универсальной ценности – цели «гедонизм» по классификации Ш. Шварца, что, на наш взгляд, не может не импонировать адресату, в большинстве случаев разделяющему указанные общечеловеческие ценности. Источником коммуникативной имплицатуры в данном

примере является развернутая метафора. Свою жизнь адвокат сравнивает с «привычным и любимым блюдом», которое может потерять свой неповторимый вкус, если лишится хотя бы одного из необходимых ингредиентов (в данном случае если будет игнорироваться личный аспект жизни). Импликатура сравнения себя с «истинным гурманом» заключается в том, что Нарине любит жизнь во всех ее проявлениях и умеет получать от нее удовольствие.

В своем анализе ценностей, объективированных в текстах популярно-юридического дискурса, мы неоднократно отмечали акцентуацию социальной ценности «труд», имеющей особую значимость для русской культуры. Посредством труда формируются такие моральные качества индивида как ответственность, трудолюбие, добросовестность и т.д., которые всегда получали высокую оценку в российском обществе и ассоциировались с добродетелями. Моделируя положительный образ юриста в обыденном сознании, адресанты популярно-юридического дискурса подчеркивают, что работа с юридическими документами и защита доверителей требуют полной самоотдачи от представителя юридической профессии.

- *«Адвокат, взявшись за дело, должен изучить большое количество документов, прочесть огромное количество самой разной литературы, быть постоянно в курсе изменяющегося законодательства, просиживать порой днями в судах, выступать, доказывая правоту своего доверителя, писать иски, заявления, ходатайства, готовить запросы в различные инстанции <...>»* [Сидоров, 2014: 19].
- *«Могу проделать большую работу, сидеть над томами днями и ночами...»* (Нарине Айрапетян) [Сидоренко, 2023: 29].
- *«Я убеждена, что стать успешным в истинном понимании этого слова можно только долгим, упорным и добросовестным трудом* (Нарине Айрапетян) [Сидоренко, 2023: 24].

- *«Трудолюбие и добросовестность, стремление все выполнять до конца – эти качества у меня от отца»* (Николай Рогачев) [Румянцева-Томашевич, 2023, № 1: 16].
- *«Для меня главное в адвокатской деятельности – добросовестное отношение к делу»* (Николай Рогачев) [Румянцева-Томашевич, 2023: 23].

Воздействие на эмоциональную сферу адресата в данных высказываниях осуществляется посредством повторов однокоренных лексем «*добросовестно*», «*добросовестность*», «*добросовестный*», а также лексем одного семантического поля «*работа*», «*труд*», «*дело*» в сочетании с атрибутами-интенсификаторами («*большая работа*», «*долгий, упорный труд*»). В результате в сознании адресата формируется образ трудолюбивого человека, который много времени и сил отдает работе над каждым делом, посвящая долгие часы подготовке материалов и выступлений в суде, что становится ведущей образной характеристикой изучаемого типажа.

В.И Карасик полагает, что по признаку оценочного знака можно выделить положительные и отрицательные лингвокультурные типажи [Карасик, 2007: 88]. В данной связи считаем необходимым указать, что амбивалентность репрезентации образа юриста в текстах популярно-юридического дискурса не позволяет однозначно охарактеризовать его как положительный или отрицательный лингвокультурный типаж в современной русской лингвокультуре. Например, А. Сидоров – автор книги юридических советов «Если ты сам себе адвокат, значит твой клиент идиот!» приводит данные социологического опроса, который показывает, что мнения граждан по поводу оценки деятельности представителей юридической профессии расходятся. В частности, отвечая на вопрос: «Нужны ли адвокаты обществу?», респонденты приводили следующие аргументы:

- *«Адвокатами работают люди, которые нигде не нужны – ни в МВД, ни в ФСБ, ни в прокуратуре».*

- *«Адвокаты нужны для отображения юридических тонкостей в процессе, обосновании невиновности подзащитного юридически грамотно, с опорой на соответствующие статьи законов и постановлений».*
- *«Адвокаты – мошенники, и всегда будут зарабатывать на несчастье людей»* [Сидоров, 2014: 6].

По нашим наблюдениям, образ юриста (адвоката, судьи, полицейского, следователя и др.) в сознании российских граждан стереотипизирован и вызывает устойчивые отрицательные ассоциации, связанные, прежде всего, с личностными качествами представителей профессии, которых принято считать корыстолюбивыми, нечестными и недобросовестными [Соловьева, 2024: 75]. Указанные качества, очевидно, диссонируют с такими признанными ценностями русской национальной культуры, как сострадание, честность, порядочность и др.

Наши выводы подтверждаются бытующими в российском обществе юридическими анекдотами, которые интегрируются адресантами в тексты научно-популярных книг о праве, книг юридических советов, статей правовых журналов и т.д. Как полагает В.И. Карасик, наличие аксиогенных ситуаций, объективируемых в семантике слов, определенных сюжетах и жанрах речи, в том числе, анекдотах, представляется важным для лингвокультурного моделирования реальности [Карасик, 2014: 65]. Право, законность, правопорядок, деятельность судей, прокуроров и нотариусов исторически являются объектами многочисленных «пессимистичных» анекдотов. По наблюдению В.М. Баранова, анекдотическое освещение законодательства и практики его реализации составляет особый пласт культурной жизни. «Юридический анекдот обладает полифункциональностью: он может играть позитивную роль (способствуя устранению из правовой жизни пороков) или служить катализатором правового нигилизма (культивируя пренебрежительное отношение к органам государственной власти, юстиции, закону). Так или иначе, но он живет и активно впитывается обывателями и должностными лицами. <...> Воспитательное

значение этого жанра велико и многопланово. Никто из нормальных, дорожащих своей профессиональной честью правоведов не желает стать прототипом анекдота. Каждый вольно или невольно примеряет на себя те или иные высмеянные анекдотом ситуации и стремится не попасть в аналогичные» [Баранов, 2024: 9].

➤ *«Мужчина заходит в юридическую консультацию:*

– Сколько у Вас стоят два ответа на два вопроса?

– Сто долларов. Каков Ваш второй вопрос?» [Человек и закон, № 8, 2022: 71].

➤ *«В новогоднюю ночь тест на трезвость не прошли 7 автолюбителей, а 177 прошли, но дорого»* [Человек и закон, № 1, 2023: 64].

➤ *«Анекдот по этому поводу – разговаривают двое судей: «А ты можешь посадить невиновного?» – «Конечно, нет! Дам ему условный срок»* [Русакович, 2017а: 9].

Высмеиваемые в анекдотах отрицательные характеристики представителей юридической профессии подвергаются резкой критике адресантами в текстах популярно-юридического дискурса просветительского и инструктирующего типов, что иллюстрируют примеры ниже:

➤ *«Всякий нравственный элемент исчез на юридическом факультете. Кроме пошлости, невежества и мелочных целей ничего в нем не осталось». Б.Н. Чичерин. «Воспоминания»* [Кизяковский, 2019: 592].

➤ *«Юрист, настроенный на обогащение за счет человека, которому взялся помогать, или за счет государства, на службе которого состоит, не является юристом: он служит не юрису (juris) – праву, а своему карману, он – карманник»* [Кизяковский, 2019: 39].

➤ *«В большинстве стран (в том числе в России) подсудимый на следствии и в суде обязательно должен иметь защитника. И если у него нет денег, государство назначает адвоката и оплачивает его работу. Поскольку подсудимые, как правило, не очень богаты, такие «назначенные» адвокаты работают по большинству дел. К*

сожалению, многие делают это недобросовестно. В юридическом сообществе даже возник термин «мебельная защита»: это когда адвокат в уголовном процессе ведет себя как предмет мебели (не задает вопросов и не спорит)» [Русакович, 2017а: 370].

Считаем необходимым указать, что образ юриста в текстах презентационного типа популярно-юридического дискурса получает принципиально иное представление. По наблюдению А.В. Олянича, каждый вид дискурса может быть презентационным в определенной коммуникативной ситуации. При помощи данного дискурса говорящий транслирует важную для него информацию в персональную или институционализированную среду [Олянич, 2015: 148]. Целью презентационного популярно-юридического дискурса является создание привлекательного для общества имиджа агентов института права. Г.Г. Почепцов определяет «имидж» как знаковый заменитель сложного портрета человека, отражающий его основные черты [Почепцов, 2000: 12]. В случае презентационного дискурса речь идет о тех чертах образа юриста, которые адресанты хотят спроецировать на массового адресата. Представляется очевидным, что, прежде всего, необходимо заменить сложившиеся в обыденном сознании отрицательные стереотипы, основанные на тех негативных чертах образа юриста, которые наиболее часто подвергаются критике. Для этой цели адресантами делается особый акцент на бескорыстном характере помощи, оказываемой юристами, а также на искренней любви представителей юридической профессии к своему ремеслу.

➤ *«Если твоя работа – не просто способ заработка или существования, а образ жизни (Нарине Айрапетян) [Сидоренко, 2023: 25].*

➤ *«И только порядочный подход к работе способен сделать адвоката успешным – даже не в глазах общественности, а в своих собственных, что, наверное, важнее. И этот порядочный подход возможен, если ты любишь то, что делаешь (Сидоренко (Нарине Айрапетян) [Сидоренко, 2023: 24].*

➤ *«Дорогие дела приносили деньги, и тем самым давали возможность вести бесплатные дела. <...> Да, бесплатные дела доставляли большое моральное удовольствие. Когда ты выигрываешь такое дело, на душе удовлетворение от того, что ты помог страждущему, которое не противовесится ощущением, что, на самом деле, ты еще и хорошо заработал. Вот тут чистое моральное удовлетворение, не отягощенное златом» [Барщевский, 2014].*

➤ *«...для работы адвокатом надо очень любить людей и быть настроенным на помощь только ради того, чтобы увидеть благодарные глаза. Если вы пришли в адвокатуру, чтобы хорошо зарабатывать, то, во-первых, этого с вами не случится: «бодливой корове Бог рогов не дает» [Барщевский, 2014].*

➤ *«...позиция съезда была закреплена в Стандарте оказания адвокатом бесплатной юридической помощи <...> Благодаря этим решениям адвокаты получили актуальные ориентиры для осуществления своей важной миссии – защищать людей как в рамках правосудия, так и в житейских ситуациях. Причем на альтруистических началах» (С. Володина) [Гранкин, 2023:12].*

➤ *«Помню, ко мне обратилась одна пожилая женщина, пенсионерка, которая никак не могла добиться возбуждения гражданского дела – судья откровенно придиралась к ее исковому заявлению <...> Оплатить помощь по подготовке процессуальных документов доверитель не смогла бы. В итоге решил помочь безвозмездно, подготовил необходимые документы, сделал копии, объяснил, что и как нужно подать» (Сергей Краузе) [Сидоренко, 2023: 50].*

Милосердие как ценность всегда высоко ценилось представителями русской культуры, выступая проявлением духовности и веры. Способность юриста воспринимать проблему или боль доверителя как свою, сопереживать ему, оказывать помощь, не ожидая ничего взамен, демонстрируемая в приведенных высказываниях, безусловно будет приводить к корректировке сложившихся в обществе отрицательных представлений о нравственных качествах агентов института права.

Такие важные моральные ценности как *добросовестность, честь, достоинство, совесть* также находят объективацию в текстах рассматриваемого дискурса, а соответствующие качества представителей юридической профессии транслируются адресантами на массового адресата:

- *«Порядочный и честный адвокат, для которого важным является не размер гонорара, а профессиональная честь, достоинство, совесть, никогда не примет на себя решение проблемы, которая не основана на законе» [Сидоров, 2014: 13].*
- *«Ошибки могут быть у любого. Добросовестный адвокат сам предложит вам попытаться исправить положение. Уважающий себя защитник сочтет для себя лучшим отказаться от гонорара, чем быть обвиненным в недобросовестности или корысти» [Сидоров, 2014: 26].*
- *«Мне было интересно мое занятие, я получал от него удовлетворение даже в тех случаях, когда результат был не таким, как я хотел. Это удовлетворение основывалось на том, что я не допустил ошибки, действовал профессионально и добросовестно» (Николай Рогачев) [Румянцева-Томашевич, 2023: 23].*

Еще одной важной ценностью, акцентируемой адресантами при репрезентации лингвокультурного типажа «российский юрист», выступает *гуманизм*, отмеченный нами ранее как одна из основополагающих ценностей правового института и проявляющийся в данном случае в любви к своим доверителям.

- *«Скажу высокопарные, но абсолютно искренние слова. Если юрист не любит людей – пусть немедленно сменит профессию. <...> Но если вы настроены помогать людям, тогда вы выбрали одну из наилучших профессий» [Барцевский, 2014].*

Нами также отмечено стремление агентов института права популяризировать образ представителя юридической профессии посредством жанров художественного юридического дискурса, в которых ключевые ценности института также получают объективацию:

«– Занимается ли Федеральная палата адвокатов популяризацией адвокатской профессии?»

– Да, для нас это очень важно. Ведь в художественной литературе, кино, видеоконтенте формируется образ адвоката. Думаю, что адвокаты заслуживают того, чтобы о них говорили добрые слова. Их труд требует полной самоотдачи, умения разобраться в нюансах дел, где они являются их участниками. <...>

Для поощрения деятелей искусства, создавших лучшие произведения об адвокатах, учреждены две специальные номинации, а именно Национальные премии «Золотое перо» и «Закон и муза». Я буду рада и в этом году вручить его тем, кто объективно, правдиво показывает труд адвокатов как компетентных участников правосудия, способствующих вынесению судами законных и справедливых решений» (С. Володина) [Гранкин, 2023: 9].

Таким образом, положительный образ российского юриста имеет ключевое значение для трансляции ценностей института права. Такие аксиологически значимые качества юриста как честность, принципиальность и добросовестность делают его надежным гарантом защиты интересов граждан и государства. По нашим представлениям, надлежащая с профессиональной и этической точки зрения работа юристов необходима для достижения социальной справедливости и построения общества, которое основано на принципах законности и гуманизма. В связи с этим популяризация деятельности агентов института права, осуществляемая в разных подвидах юридического дискурса, также отвечает целям правового просвещения массового адресата.

Выводы по главе 5

Правовая культура как исторически сложившаяся разновидность общечеловеческой культуры материализуется посредством аккумулированных ценностей, задача по трансляции которых возложена на представителей института права. Основным отличием ценностей юридического дискурса от аксиологических установок других институциональных дискурсов выступает то, что они объективируются в конкретных законодательных нормах, разрешающих или запрещающих индивиду то или иное поведение, и таким образом легитимирующих указанные ценности. Аксиологическая цель популярно-юридического дискурса заключается в соотнесении правовых норм с важнейшими ориентирами человеческого поведения.

Было установлено, что объективация ценностей в текстах популярно-юридического дискурса осуществляется посредством: 1) базовых правовых концептов; 2) юридических скриптов; 3) аллюзий к прецедентным феноменам; 4) невербальных эмблем института права.

Аксиологические концепты юридического дискурса, используемые для создания правовых норм, широко эксплицированы в текстах популярно-юридического дискурса и играют большую роль в формировании общественного правового сознания. Было выявлено, что наибольшей плотностью аксиологических концептов, таких как *«право»*, *«законность»*, *«правосудие»*, *«добросовестность»*, *«мораль»* и др. характеризуются жанры «научно-популярная книга о праве» и «публичная лекция правовой тематики», принадлежащие к просветительскому типу дискурса.

Было доказано, что дискурсивно-специфической особенностью изучаемого подвида юридического дискурса выступает субъективный подход адресанта при интерпретации правовых норм или разъяснении понятий, выражающийся в

эксплицитной оценке содержания высказывания. *Правовое знание*, важность которого приоритизируется адресантами популярно-юридического дискурса, выделено в качестве дискурсивно-специфической ценности данного дискурса.

Такие ценности как «*справедливость*», «*свобода*», «*безопасность*», «*равенство*», «*гуманизм*» и др., являющиеся *терминальными* согласно рассмотренной классификации М. Рокича, зачастую накладываются друг на друга в текстах популярно-юридического дискурса и оказывают значительное влияние на интерпретацию правовых норм и принципов адресантами. *Витальные* ценности «*здоровье*» и «*безопасность*», а также *социальная* ценность «*труд*» демонстрируют широкую экспликацию в текстах изучаемого дискурса.

Используемые в текстах инструктирующего типа популярно-юридического дискурса юридические скрипты не только служат трансляции ценностей института права, но и помогают адресату ориентироваться в различных ситуациях институционального общения.

Прецедентные феномены в текстах популярно-юридического дискурса обладают значительным аксиологическим потенциалом, служа источником моральных норм, идеалов и образцов поведения для массового адресата. Было установлено, что при апелляции к социумно-прецедентным феноменам, адресанты дискурса прибегали к обязательному декодированию их смысла и разъяснениям. Отсылки к прецедентным феноменам использовались адресантами в целях аргументации или служили экспрессивизации высказываний.

Отличительной особенностью популярно-юридического дискурса выступает использование художественной литературы в качестве источника прецедентных текстов. Было доказано, что наложение друг на друга социумных, национальных и универсальных прецедентных феноменов в коммуникативном пространстве популярно-юридического дискурса становится возможным в силу его гибридной

природы, а также отсутствия ограничений, накладываемых на адресантов «трафаретным» характером профессионального юридического дискурса.

Объективация ценностей в текстах популярно-юридического дискурса осуществляется также посредством невербальных эмблем: изображений богини Фемиды, весов, судейского молотка, зданий судов; государственной символики РФ; профессиональной формы одежды сотрудников правоохранительных органов и судей. Было показано, что невербальные эмблемы не просто аддитивно участвуют в коммуникации в условиях популярно-юридического дискурса, но находятся во взаимосвязи с вербально объективированными ценностями и создают аксиологические смыслы, укрепляющие авторитет института права. Апелляция к невербальным эмблемам ускоряет процесс передачи сообщения, так как они воспринимаются быстрее вербального компонента коммуникации.

Рассмотрение ценностных характеристик в структуре лингвокультурного типажа «российский юрист» позволило выявить значимые для современного российского общества ориентиры поведения представителя юридической профессии. Было установлено, что амбивалентность репрезентации образа юриста в текстах популярно-юридического дискурса разных типов не позволяет однозначно охарактеризовать его как положительный или отрицательный типаж в современной русской лингвокультуре.

Отрицательный образ юриста (адвоката, судьи, полицейского, следователя и др.), сформировавшийся в результате диссонанса его ценностных характеристик с ценностями русской национальной культуры, стереотипизирован в сознании российских граждан. Поскольку негативный образ может служить катализатором правового нигилизма, культивируя пренебрежительное отношение к органам государственной власти и закону, адресанты презентационного типа популярно-юридического дискурса придают большое значение его корректировке. Популяризация деятельности агентов института права, осуществляемая в разных

подвидах юридического дискурса, на наш взгляд, также отвечает целям правового просвещения массового адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило, что современная дискурсология перешла на эволюционный этап, на котором определяющим вектором развития становится изучение гибридных форм институциональной коммуникации. Предложенная операциональная формула гибридного дискурса в ее бинарном или трехчастном варианте (базовый дискурс + транслирующий дискурс + (инкорпорируемый дискурс)) продемонстрировала свою продуктивность, поскольку позволила разграничить процесс гибридизации и процессы смешения/комбинирования дискурсов, объясняя сохранение гетерогенности коммуникативного пространства гибридного дискурсивного образования и приобретение им уникальных свойств, не редуцируемых к простой сумме характеристик взаимодействующих дискурсов.

Вследствие своей априори межотраслевой предметной сферы и опоры на традиции, сложившиеся в рамках других культурных институтов, юридический дискурс характеризуется высоким индексом гибридизации в периферийных сферах, детерминирующим интенсивность процессов популяризации права в средствах массовой информации. Популярно-юридический дискурс занимает особую позицию в ряду гибридных образований, поскольку является производным от одного из самых влиятельных институциональных дискурсов современности.

Анализ эмпирических данных показал, что российский популярно-юридический дискурс реализуется преимущественно в дистантном и дистантно-виртуализованном форматах (примерно 80%), что коррелирует с актуальными тенденциями современной цифровой эпохи. По коммуникативной цели доминирует инструктирующий тип дискурса (примерно 70%), ориентированный на передачу процедурного правового знания, способствующего выработке поведенческих

алгоритмов и механизмов защиты прав адресатом в типичных юридических ситуациях.

Теоретико-модельный вклад исследования заключается в применении четырехпараметрической рамки (текстовый, коммуникативный, инструментальный и аксиологический параметры) для комплексного описания популярно-юридического дискурса, которая может быть экстраполирована в качестве модели изучения на другие популярные дискурсы. Были выделены жанровые разновидности популярно-юридического дискурса: «научно-популярная книга о праве», «книга юридических советов», «юридическая консультация», «правовой комментарий для неспециалиста», «публичная лекция правовой тематики», а также продемонстрированы различия между жанрами по тематике, композиции и целеполаганию.

Ключевым механизмом приспособления специального знания к когнитивным возможностям массового адресата выступает адаптация, представляющая собой многоуровневый процесс, который включает трансформацию специального текста как в плане выражения, так и в плане содержания. В работе были выделены и описаны устойчивые модели симплификации специального текста, предполагающие его расширение либо компрессию. Было доказано, что в текстах популярно-юридического дискурса преобладает понятийный способ вторичной концептуализации информации, в то время как оценочный и образный способы выполняют вспомогательные функции, оптимизируя интериоризацию сложной информации в сознании неспециалиста.

Коммуникативная политональность популярно-юридического дискурса служит облегчению восприятия сложного материала массовым адресатом, поддержанию его внимания и ценностной навигации. Отношения участников коммуникации в условиях популярно-юридического дискурса сохраняют статусную асимметрию, характерную для данного вида институционального общения.

Аксиологическое измерение популярно-юридического дискурса показало, что популярно-юридический дискурс служит не только ретрансляции ценностей правового института, но и их переосмыслению в соответствии с общечеловеческими ценностями и моральными нормами. Было установлено, что аксиологические концепты юридического дискурса, актуализируемые в текстах популярного подвида, имеют большое значение для формирования правового сознания членов социума, а моделирование положительного образа представителя закона в текстах популярно-юридического дискурса способствует профилактике правового нигилизма в обществе.

В целом, полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что популярно-юридический дискурс является устойчивым гибридным образованием в сфере современной институциональной коммуникации. Его жанровая система, стилевая принадлежность, тональность и аксиологические установки поддаются описанию в рамках единой модели, а выявленные механизмы адаптации специального знания могут подлежать целенаправленному проектированию.

Перспективы исследования видятся, в частности, в корпусной и вычислительной верификации полученных данных для количественного подтверждения выявленных закономерностей, что позволило бы разработать *индекс гибридизации* институционального дискурса как вычисляемый показатель. Кроме того, полученные результаты предоставляют широкие возможности для кросс-культурных и межкультурных сопоставлений, в том числе в области изучения жанровых разновидностей популярно-юридического дискурса, выделенных, но не описанных в данной работе (устный правовой комментарий, подкаст правовой тематики, судебное шоу и др.). Сравнение русскоязычного популярно-юридического дискурса с аналогичными англо-, франко-, китайскоязычным и другими подвидами, позволит сопоставить их жанровые палитры, механизмы адаптации специальной информации, оценить соотношение типов передаваемого знания, что послужит дифференциации универсальных и культурно-специфичных характеристик.

Дидактический потенциал исследования видится в создании скриптовых баз или библиотек, в которых были бы собраны типовые юридические скрипты для наиболее распространенных жизненных ситуаций, что также послужило бы повышению общего уровня правовой грамотности массового адресата.

Наконец, диахронические исследования изменения образа юриста в обыденном сознании под воздействием популярно-юридического дискурса позволили бы выработать эффективные стратегии презентации, укрепляющие авторитет представителей института права в российском обществе.

Библиография

1. Абрамов Р.Н. Профессионализация научной журналистики в России: сообщество, знание, медиа / Р.Н. Абрамов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 1(25). – С. 111–123.
2. Абушенко В.Л. Аксиология / В.Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. – 2002. – С. 21–23.
3. Аверин А.С. Популярно-юридический дискурс: формирование концепции / А.С. Аверин // Филология и культура. – 2020. – № 1 (59). – С. 6–18.
4. Аверин А.С. Популярно-юридический дискурс в англоязычном медиапространстве: от криминальных сводок к правовым интернет-сайтам / А.С. Аверин // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 104–117.
5. Аверин А.С. Англоязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности: дис. ... канд. филол. наук / А.С. Аверин. – Воронеж, 2022. – 780 с.
6. Аверин А.С. Англоязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности: автореф. дис.... канд. филол. наук / А.С. Аверин. – Воронеж, 2022. – 23 с.
7. Акаева Э.В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: автореф. дис.... канд. филол. наук / Э.В. Акаева. – Омск, 2007. – 22 с.
8. Алексеевичева С.Ю. К определению понятия «научно-популярный тип текста» [Электронный ресурс] / С.Ю. Алексеевичева // Царскосельские чтения. – 2010. – Т. 4., № XIV. – С. 233–236. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-nauchno-populyarnyy-tip-teksta>.
9. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.

10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт [Электронный ресурс] / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Наука», 1998. – 339 с. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutunova/text.pdf>.
11. Архипенкова А.Ю. Концепт «совет» в английской и русской лингвокультурах / А.Ю. Архипенкова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2005–2006. – № 1. – С. 164–170.
12. Атагимова Э.И. Проблемы отрицательного влияния интернета на нравственное воспитание подростков в информационном пространстве и пути решения / Э.И. Атагимова // Правовая информатика. – 2013. – № 1. – С. 21–24.
13. Атагимова Э.И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности / Э.И. Атагимова // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 4 (17). – С. 16–22.
14. Атагимова Э.И., Макаренко Г.И. Правовое просвещение: проблемы и пути решения / Э.И. Атагимова, Г.И. Макаренко // Мониторинг правоприменения. – 2015. № 1 (14). – С. 64–68.
15. Багана Ж., Кривчикова Н.Л. Композиционные и параграфические особенности отображения прагматической ситуации в текстах французских законодательных документов / Ж. Багана, Н.Л. Кривчикова // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 4. – С. 144–147.
16. Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.О. Багдасарян. – Краснодар, 2000. – 23 с.
17. Багдасарян Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») / Т.О. Багдасарян // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – С. 240–245.

18. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр / Е. А. Баженова, И. А. Иванова // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 4 (20). – С. 125–131.
19. Баламакова А.В. Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе: на материале американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Баламакова. – Иваново, 2010. – 24 с.
20. Баранов А.Г. Динамическая стилистика (контекстуализм VS актуализм) / А.Г. Баранов. – Пермь: ПГУ, 1994. – С. 19–29.
21. Баранов В.М. Антология юридического анекдота / В.М. Баранов. – М.: Блок-Принт. – 2024. – 864 с.
22. Барканова Е.В. Популяризация истории как медийная проблема / Е.В. Барканова // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 2. – С. 1–4.
23. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.
24. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. М. Бахтин. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). – 880 с.
25. Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград, 2001. – 18 с.
26. Бейлинсон Л.С. Дискурсивные формулы профессиональной речи / Л.С. Бейлинсон // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 5 (29). – С. 42–46.
27. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения / Л.С. Бейлинсон // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 145–149.

28. Белошицкая Н.Н. Дискурсивная тональность как предмет лингвистического анализа (на примере научной статьи) / Н.Н. Белошицкая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 2-2. – С. 153–156.
29. Белошицкая Н.Н. Специфика драматургической тональности дискурса (на примере новостного корпоративного дискурса) / Н.Н. Белошицкая // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23. № 5. – С. 76–84.
30. Богатырев А.В. К особенностям понимания текста в рамках юридического дискурса / А.В. Богатырев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (96). – С. 80–85.
31. Богатырев А.В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Богатырев. – Волгоград, 2016. – 26 с.
32. Богданова Л.И. Мир русских ценностей сквозь призму языка / Л.И. Богданова // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XIV международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург. – 2023. – С.8–16.
33. Богомазова В.В. Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе / В.В. Богомазова: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 221 с.
34. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики / Л.А. Борисова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2016. – С. 133–151.
35. Босов А.Е. Юридический язык и юридический дискурс. Сущность и особенности анализа / А.Е. Босов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 1-2. – С. 25–28.
36. Буряковская, В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): моногр. / В.А. Буряковская. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 228 с.

37. Буянов Н.В., Бурова Г.П. Понятие дискурса в современной гуманитарной парадигме: опыт осмысления / Н.В. Буянов, Г.П. Бурова // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6 (25). – С. 15–17.
38. Васильева С.Л. Специфика актуализации архетипического конструкта «свой – чужой» в политическом дискурсе XX века / С.Л. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2 (6). – С. 33–40.
39. Васильева И.В., Возженикова О.С. Психосемантическое исследование профессионального образа сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] / И.В. Васильева, О.С. Возженикова // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6, № 2. – Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/42503/view#article-text>.
40. Вежбицкая А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99–112.
41. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263–305.
42. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке [Электронный ресурс] / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 2 (4). – С. 6–34. – Режим доступа: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2002-2/6-34>.
43. Викулова Л.Г., Корнеева В.А. Языковые средства популяризации актуальных научных знаний (на материале журнала «Коммерсантъ Наука» / Л.Г. Викулова, В.А. Корнеева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 4 (48). – С. 102–117.
44. Волошина Т.Г., Миронова Г.В. Семантика и прагматика косвенных речевых актов вопросительных конструкций (на материале англоязычных сценарных текстов) / Т.Г. Волошина, Г.В. Миронова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2 (69). – С. 72–74.

45. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 229 с.
46. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
47. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta* [Электронный ресурс]: монография / С.Г. Воркачев. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 333 с. – Режим доступа: <https://znanium.ru/read?id=360826>.
48. Воркачев С.Г. *Lumen naturale*: аксиология интеллекта в языке: монография / С.Г. Воркачев. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 296 с.
49. Воронцова Т.А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2013. – № 37 (328). Вып. 86. – С. 26–29.
50. Воронцова, Т.А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 88, № 6 (335). – С. 38–42.
51. Гапутина В.А. Проявления гибридности в современном русскоязычном медиадискурсе моды: автореф. дис. ...канд. филол. наук / В.А. Гапутина. – Москва, 2019. – 16 с.
52. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. – М.: Проспект, 2024. – 256 с.
53. Глинская Н.П. Юридический термин “privacy” как предмет системно-динамического исследования / Н.П. Глинская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 33–50.

54. Глищенко А.С. Популярный юридический дискурс в США: общая характеристика и перспективы исследований / А.С. Глищенко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 36–39.
55. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.
56. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 8–41.
57. Голев Н.Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка / Н.Д. Голев // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 39–57.
58. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка / Н.Д. Голев // Юрислингвистика. – 2006. – № 7. – С. 8–39.
59. Голев Н.Д. Эволютивная юридизация лексики: теоретические и методические аспекты / Н.Д. Голев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – Т. 21. – № 2. – С. 5–18.
60. Голев Н.Д., Иркова А.В. Неполная юридизация лексики текста закона как лингвистическая и лингво-юридическая проблема / Н.Д. Голев, А.В. Иркова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 86. – С. 5–17.
61. Головушкина М.В. Юридический дискурс в художественных произведениях англо-американских авторов [Электронный ресурс] / М.В. Головушкина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9. № 2 (34). – С. 51–58. Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525.
62. Голощапова Т.Г., Дьяконова Т.Н. Латинизмы в официальном юридическом дискурсе / Т.Г. Голощапова, Т.Н. Дьяконова // *Lingua mobilis*. – 2014. – №3 (49). С.54–58.
63. Григорьева Л.М. Биографический очерк в современной российской журнальной периодике / Л.М. Григорьева: дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 2010. – 161с.

64. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
65. Гуторова Н. А. Взаимодействие расследовательской и научной журналистики при создании медиатекстов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2019. – Т. 16 (1). – С. 66–74.
66. Данилова С.А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсная гетерогенность [Электронный ресурс] / С.А. Данилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 316–320. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/65134.htm>.
67. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Электронный ресурс] / Т.А. ван Дейк. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с. – Режим доступа: file:///C:/Users/svyat/Downloads/yazyk_poznaniye.pdf.
68. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В.В. Дементьев // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 34–44.
69. Дементьев, В. В. «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи / В.В. Дементьев // Вопросы стилистики. Человек и текст. – 1998. – Вып. 27. – С. 21–33.
70. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
71. Дементьев В.В. Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» / В.В. Дементьев // Жанры речи. – 2016. – № 2 (14). – С. 9–24.
72. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) / В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 223–235.
73. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.

74. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 1999. – № 2 (2). – С. 5–12.
75. Демьянков В.З. Дискурс как мостик между языком и видением мира / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 3 (64). – С. 41–48.
76. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «английский колониальный служащий» / В.В. Деревянская // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 202–211.
77. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» / О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 74–88.
78. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей / О.А. Дмитриева // Известия ВГПУ. – 2006. – № 2 (15). – С. 29–35.
79. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типаж России и Франции XIX века: монография / О.А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
80. Дмитриева О.А. Ценностные характеристики в структуре лингвокультурного типаж / О.А. Дмитриева // Система ценностей современного общества. – 2009. – С. 55–59.
81. Дивеева Н.В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Дивеева. – Воронеж, 2015. – 186 с.
82. Дигмай В.Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста: общее и различное / В.Н. Дигмай // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 56–66.
83. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
84. Добросклонская Т.Г., Смольская Н.Б. Медiateкстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи /

- Т.Г. Добросклонская, Н.Б. Смольская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 4. – С. 118–135.
85. Добросклонская Т.Г. Средства выражения идеологической модальности в массмедийном дискурсе / Т.Г. Добросклонская // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов. Материалы V международной научной конференции. – Москва, 2024. – С.59–63.
86. Дубнякова А.И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан / А.И. Дубнякова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С.19–21.
87. Дубровская Е.М. Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук /Е.М. Дубровская. – Омск, 2017. – 25 с.
88. Дубровская Е.М. Типология лингвокультурных типажей: опыт систематизации / Е.М. Дубровская // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 2 (57). – С. 364–366.
89. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т.В. Дубровская. – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
90. Дубровская Т.В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса / Т.В. Дубровская // Юрислингвистика. – 2010. – № 10 (10). – С. 25–35.
91. Дубровская Т.В. Методы исследования языка правовой сферы: речежанровая модель / Т.В. Дубровская // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2012. – С. 55–68.
92. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах: монография / Т.В. Дубровская. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

93. Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 272 с.
94. Дускаева Л.Р. О жанровых текстовых категориях / Л.Р. Дускаева // Жанры речи. 2016. – № 2 (14). – С. 25–32.
95. Дьякова А.А. Когнитивные механизмы адаптации в текстовой коммуникации / А.А. Дьякова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. Серия 2. «Языкознание». – №1 (7). – С.50–57.
96. Дьякова А.А. Интердискурсивная адаптация текста [Электронный ресурс]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.А. Дьякова. – Волгоград, 2009. – 20 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/interdiskursivnaya-adaptatsiya-teksta/read>.
97. Дьякова А.А. Основные характеристики функциональных типов текстов юридического дискурса, адаптированных к условиям медийного дискурса [Электронный ресурс] / А.А. Дьякова // Lingua mobilis. – 2011. – № 6 (32). – С. 79–86. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-funktsionalnyh-tipov-tekstov-yuridicheskogo-diskursa-adaptirovannyh-k-usloviyam-mediynogo-diskursa/viewer>.
98. Дьякова А.А. Усложнение текста: структурно-семантический аспект / А.А. Дьякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – №1 (105). – С. 158–165.
99. Елина Е.А. Старая русская армия и ее типы / Е.А. Елина // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 116–128.
100. Жолос Л.М., Шевченко М.С. Особенности репрезентации аргументирующих функций в военно-правовом дискурсе / Л.М. Жолос, М.С. Шевченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 116–128.

101. Журавлева А.А. Подкастинговое вещание: структура, жанрово-тематическое разнообразие, особенности развития в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] / А.А. Журавлева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 1 (35). – С. 112–119. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkastingovoe-veschание-struktura-zhanrovo-tematicheskoe-raznoobrazie-osobennosti-razvitiya-v-sotsialnoy-seti-vkontakte/viewer>.
102. Зайцева В.В. Когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Зайцева. – Тамбов, 2011. – 24 с.
103. Зайцева И.Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) [Электронный ресурс] / И.Д. Зайцева. – 2010. – С.35. – Режим доступа: <http://diskursivnye-osobennosti-tekstov-yuridicheskikh-dokumentov-obshchaya-harakteristika>.
104. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. [и др.]. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
105. Золотайко А.И. Метафорическое моделирование образа правоохранительных органов в неинституциональном полицейском интернет-дискурсе США и Великобритании: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.И. Золотайко. – Екатеринбург, 2020. – 24с.
106. Золян С.Т. Как слово становится «делом»: прагмасемантика политического дискурса / С.Т. Золян // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: Сборник научных трудов. – Калининград, 2023. – С. 25–27.
107. Ивакина Н.Н. Совмещение элементов научной и официально-деловой речи в синтаксисе юридического документа [Электронный ресурс] / Н.Н. Ивакина // Язык и

стиль научного изложения. – М., 1983. – С. 45–59. – Режим доступа: <https://booksite.ru/fulltext/yazikistil/text.pdf>.

108. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.В. Ионова. – Волгоград, 2006. – 37 с.

109. Ирисханова О.К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания / О.К. Ирисханова // Жизнь человека и этноса в языке: сб. науч. ст. / Вестник МГЛУ, серия «Языкознание». – М.: РЕМА, 2010. С. 27–44.

110. Ирисханова О.К. Гибриды – экзотика или универсальные ингредиенты семиотических систем? / О.К. Ирисханова // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика: тезисы докладов Междунар. научн. конф. – М.: Рема, 2011. – С. 62–63.

111. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

112. Исаева О.Н. Полифункциональные аспекты прецедентности (на материале названий глав, частей, параграфов из учебников по американскому гражданскому праву) / О.Н. Исаева // Вестник СамГУ. – 2014. – № 9. – С. 133–140.

113. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

114. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 227–232.

115. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени / О.С. Иссерс. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.

116. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.

117. Кабакчи В.В. «Инокультурная литература» и «внутренний перевод» / В.В. Кабакчи // Проблемы современного переводоведения. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – С. 78–91.

118. Кайда Л.Г. Диалог «читатель – автор»: стилистическая концепция [Электронный ресурс] / Л.Г. Кайда // Мысль. Текст. Стилъ: сб. науч. ст. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 82–91. – Режим доступа: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1540587108_5755.pdf.
119. Календр А.А. Жанрово-стилистические характеристики американского популярно-медицинского дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук. / А.А. Календр. – Астрахань, 2017. – 23 с.
120. Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов, 1998. – С. 185–197
121. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
122. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
123. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
124. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж / В.И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – № 5. – С. 86–89.
125. Карасик В.И. Коммуникативная тональность / В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. – С. 99–109.
126. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009а. – 406 с.
127. Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2009b. – Вып. 7. – С. 32–47.
128. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2012. – 320 с.

129. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65–75.
130. Карасик В.И. Языковое проявление личности / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2015а. – 384 с.
131. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2015b. – 432 с.
132. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В.И. Карасик // Известия ВГПУ. – 2015с. – С. 73–79.
133. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Russian Journal of Linguistics. – 2016. – № 20 (4). – С. 56–77.
134. Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография / В.И. Карасик. – М.: Дискурс, 2019. – 524 с.
135. Карасик В.И. Медийно-просветительский дискурс [Электронный ресурс] / В.И. Карасик // Лингвистика первой четверти XXI века: сборник научных трудов международной научной конференции. – Тверь: Тверской государственный университет. – 2023. – С. 190–195. – Режим доступа: https://ciu.nstu.ru/library_admin/files/publications/1708096954_372945.pdf.
136. Карасик В.И. Характеристики просветительского дискурса / В.И. Карасик // Современная речевая коммуникация в разных сферах общества: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвящённой 100-летию профессора Ольги Борисовны Сиротининой. – Саратов: Техно-Декор. – 2024b. – С. 115–122.
137. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–126.

138. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательство: ЛКИ, Эдиториал УРСС, 2002. – 261 с.
139. Катермина В.В. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе / В.В. Катермина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 142–152.
140. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика / А.А. Кибрик // Когнитивные исследования – IV. – М.: ИП РАН, 2010. – С.134–152.
141. Клушина, Н.И. Культура в медиапространстве: структура и эффекты / Н.И. Клушина // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин. Первый международный научный colloquium. Белгород, БелГУ, 26 – 27 сентября 2013 г.: сб. науч. работ. – Белгород: ИПЦ «Политерра», 2013. – С. 37–43.
142. Кобзева Н.А. Edutainment как современная технология обучения [Электронный ресурс] / Н.А. Кобзева // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 2, № 4. – С. 192–195. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/edutainment-kak-sovremennaya-tehnologiya-obucheniya/viewer>.
143. Кожемякин Е.А. Дискурсная матрица институциональной культуры / Е.А. Кожемякин // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2007. – Т. 5, вып.2. – С. 58–63.
144. Кожемякин Е.А. Дискурсные основания культуры общественных институтов / Е.А. Кожемякин // Труды института системного анализа Российской академии наук. – 2008. – Т. 40. – С. 227–237.
145. Кожемякин Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2010. – № 2 (97). – Вып. 15. – С. 32–47.
146. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Е.А. Кожемякин // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 131– 145.

147. Кожемякин Е.А., Тен ван Дейк: О трендах в дискурсном подавлении, европейском национализме и гуманитарной ядерной бомбе [Электронный ресурс] / Е.А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. – 2013. – Вып. 9. – С. 4–9. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.ru/ada9/st61.shtml>.
148. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс / Е.А. Кожемякин // Дискурс-Пи. – 2013. – № 3 (13). – С. 126–127.
149. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Колесникова. – Ставрополь, 2007. – 19 с.
150. Комбарова О.В. Лингвокультурные типы «Hausfrau – домохозяйка» в обыденном сознании // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 174–185.
151. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Коновалова. – Челябинск, 2008. – 25с.
152. Коньков В.И. Публицистичность, медийность, публицистический стиль / В.И. Коньков // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – С. 50–57.
153. Коньков В.И. Популяризация научных знаний в медийной среде: речевые стратегии / В.И. Коньков // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография. – СПб.: Медиапир, 2022. – С. 61–66.
154. Косоногова О.В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного / О.В. Косоногова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С. 188–192.
155. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры / О.В. Косоногова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 1. – С. 61–68.

156. Костяшина Е.А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е.А. Костяшина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306. – С.7–10.
157. Костяшина Е.А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е.А. Костяшина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306. – С. 7–10.
158. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе / А.Ю. Коровина // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 223–233.
159. Кох В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа [Электронный ресурс] / В.А. Кох // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149–171. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/nov_1978/text.pdf.
160. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Крапивкина. – Иркутск, 2011. – 20 с.
161. Крапивкина О.А., Непомилов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства [Электронный ресурс] / О.А. Крапивкина, Л.А. Непомилов // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 9. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855>.
162. Краснаярова О.В. Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификация видов / О.В. Краснаярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5, № 1. – С. 45–57.
163. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных // – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

164. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
165. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
166. Красных В.В. Единицы языка vs единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) / В.В. Красных // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 53–58.
167. Кудрина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий / Н.А. Кудрина // Вестник ТГУ. – 2005. – № 4 (40). – С. 5–11.
168. Кургаева О.Л. Особенности юридического дискурса и его дидактические параметры / О.Л. Кургаева // Kant. – 2018. – № 1 (26). – С. 61–64.
169. Курова Н.Н., Вяткина Л.А. Оказание бесплатной юридической помощи в России: развитие института // Н.Н. Курова, Л.А. Вяткина // Адвокат. – 2014. – № 8. – С. 39–46.
170. Кэндо Т. Досуг и популярная культура в динамике и развитии / Т. Кэндо // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II, № 2 (3). – С. 244–265.
171. Левицкий А.Э. Взаимодействие дискурсивных практик в процессе передачи информации: подход к анализу / А.Э. Левицкий // Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Тверь, 2023. – С. 23–28.
172. Левицкий А.Э. Театральный дискурс в культуре XXI века: основные тенденции анализа / А.Э. Левицкий // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. Материалы IV Международной междисциплинарной научной конференции. – Москва, 2024. – С. 26–31.

173. Левицкий А.Э. Аргументативная стратегия в дискурсе англоязычных музыкальных блогов // А.Э. Левицкий // Германистика – 2023: nove et nova. Материалы VI международной научной конференции. – Москва, 2024. – С. 160–163.
174. Лиханов М.В. Взаимодействие субдискурсов экскурсионного дискурса (на материале жанров путеводителя и экскурсии) / М.В. Лиханов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 12–16.
175. Логинов Н. Клиповое мышление: психический процесс, которого не существует [Электронный ресурс] / Н. Логинов. – 2021. – Режим доступа: <https://postnauka.org/longreads/156614>.
176. Лущиков В.А., Терских М.В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов / В.А. Лущиков, М.В. Терских // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2018. – Т. 4. № 14. – С. 57–75.
177. Мазнева Ю.А. О юридическом дискурсе и его функциях [Электронный ресурс] / Ю.А. Мазнева // Философия права. – 2015. – № 5 (72). – С. 68–72. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yuridicheskom-diskurse-i-ego-funktsiyah/viewer>.
178. Макаренко Г.И., Михалевич В.В. Дистанционное оказание юридических услуг населению через создание всероссийского бюро справедливости / Г.И. Макаренко, В.В. Михалевич // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 4. – С. 6–11.
179. Макарова Д.А. Обыденный и официальный дискурс в правовой интернет-коммуникации (модус и диктум) / Д.А. Макарова // Филология, иностранные языки и медиакommunikation: Материалы симпозиума в рамках XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2023. – С. 254–258.
180. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический проект; “Фонд «Мир»”, 2005. – 496 с.

181. Мальцева, В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Мальцева. – Челябинск, 2011. – 25 с.
182. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67–79.
183. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Т.В. Маркелова. – М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. – 300 с.
184. Маркелова Т.В., Савина А.П. Деривационные свойства прагмемы как особой единицы оценочной лексики / Т.В. Маркелова, А.П. Савина // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 4. – С. 176–186.
185. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: ООО Издательство «Питер», 2014. – 399 с.
186. Матяшевская А.И. Интернет-лекция как особый жанр / А.И. Матяшевская // Жанры речи. – 2020. – № 3 (27). – С. 238–245.
187. Медведев Д.С., Щитова О.Г. Межстилевой характер научно-популярного юридического интернет-дискурса / Д.С. Медведев, О.Г. Щитова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (199). – С. 70–76.
188. Митрофанова А.А., Кузаков Д.В. Правовое просвещение как основа правовой культуры общества: некоторые актуальные вопросы / А.А. Митрофанова, Д.В. Кузаков // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 3 (17). – С. 67–70.
189. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания / Е.В. Мишалова // Эпистемология & философия науки. – 2012. – Т. XXXI. № 1. – С. 157–173.
190. Медведева М.С. Юридический текст как объект профессионально-ориентированного дискурса / М.С. Медведева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 92–94.

191. Мищенко М.В. Лингвокультурный типаж «американский ковбой» / М.В. Мищенко // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 166–173.
192. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 9–18.
193. Молчанова Г.Г. Генерационная поликодовость коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 9–16.
194. Молчанова Г.Г. Терминологический код как субъязык для специальных целей (LSP) / Г.Г. Молчанова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 4 (60). – С. 149–156.
195. Морозов А.А. Анализ концепции ценностей Шварца Ш. / А.А. Морозов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2024. – Т. 10 (76). – № 2. – С. 3–12.
196. Мубориева А.Р. Прагматический и когнитивный аспекты научно-популярных текстов на экономическую тематику (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Мубориева. – Воронеж, 2009. – 23 с.
197. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: дис. ...канд. филол. наук / И.А. Мурзинова. – Волгоград, 2009. – 194 с.
198. Наумова К.А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): автореф. дис. ...канд. филол. наук / К.А. Наумова. – Челябинск, 2021. – 23с.
199. Нестерова В.Е. Конструирование ценностной модели образа полиции России и США в газетном дискурсе / В.Е. Нестерова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 172–179.

200. Нефедов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С.Т. Нефедов, В.Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.
201. Олянич А.В. Презентационный дискурс / А.В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – Т.12, № 3-4. – С. 148–150.
202. Очерedyко Ю.В. Когнитивно-семантические, жанровые и стилистические характеристики англоязычного религиозно-популярного дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю.В. Очерedyко – Волгоград. 2010. – 21с.
203. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Палашевская – Волгоград, 2001. – 24 с.
204. Палашевская И.В. Юридические императивы / И.В. Палашевская // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2010а. – № 3 (32). – С. 99–104.
205. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников / И.В. Палашевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010b. – № 5 (2). Т. 12. – С. 535–540.
206. Палашевская И.В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты / И.В. Палашевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010с. – № 6 (50). – С. 28–32.
207. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход / И.В. Палашевская // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – № 2. – С. 146–151.
208. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография / И.В. Палашевская. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.
209. Палашевская И.В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права / И.В. Палашевская // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 144–156.

210. Паршина О.Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) / О.Н. Паршина // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. – 2004. № 3. – С. 85–94.
211. Первухина С.В. Виды пресуппозиций в адаптированном тексте / С.В. Первухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (24), ч. 1. – С. 165–168.
212. Первухина С.В. Особенности номинаций в адаптированных текстах / С.В. Первухина // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 1. – С. 125–129.
213. Первухина С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: дис. ... док. филол. наук / С.В. Первухина. – Ростов-на-Дону, 2015. – 305 с.
214. Петрова Н.В. Эволюция понятия «прецедентный текст» / Н.В. Петрова // Вестник ИГЛУ. – 2010. – С. 176–182.
215. Петрук К.А. Семантико-синтаксические характеристики речевого жанра «дискламация» в англоязычном юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Петрук. – Волгоград, 2007. – 18 с.
216. Петушинская Е.Г. Язык популярного экономического дискурса (на материале англоязычной публицистики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Петушинская. – Москва, 2008. – 28с.
217. Полуйкова С.Ю. Современный просветительский дискурс: когнитивно-прагматический аспект / С.Ю. Полуйкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2. Т. 1. – С. 106–109.
218. Полуйкова С.Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе / С.Ю. Полуйкова // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 4 (10). – С. 63–67.

219. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Попова. – Краснодар, 2005. – 20 с.
220. Потапов Ю.А. Правовая грамотность журналиста: постановка проблемы и пути решения / Ю.А. Потапов // Журналистика XXI века: в координатах исторического времени: матер. международной научно-практической конференции. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2018. – С. 258–264.
221. Почепцов Г.Г. Имиджология / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 768 с.
222. Распопова С.С., Саблина Т.А. Подкастинг: учеб. пособие для вузов / С.С. Распопова, Т.А. Саблина. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 112 с.
223. Сафронова Т.С. Особенности понятия «юридический дискурс» / Т.С. Сафронова // Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник. – 2016. – № 5-4. – С. 86–91.
224. Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 7. – Саратов, 2007. – С. 6–27.
225. Седов К.Ф. Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности / К.Ф. Седов // Жанры речи. – 2011. – № 7. – С. 25–46.
226. Селезнева Л.В. Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология: дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Селезнева. – Тверь, 2018. – 360 с.
227. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов: сб. статей. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.
228. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170–194.

229. Силанова М.А. Медиатизация юридической терминологии в дискурсе современных СМИ: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Силанова. – М.: МГУ, 2017. – 260 с.
230. Сиротинина О.Б. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? / О.Б. Сиротинина // Филология в XXI веке. – 2019. – № 51. – С. 264–270.
231. Скачко Е.Ю. Лингвокультурный типаж «английский рыцарь» / Е.Ю. Скачко // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 88–104.
232. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 311 с.
233. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Лсадетиа, 2000. – 128 с.
234. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 39 с.
235. Снегова Т.И. Стереотипный образ юриста в языковом сознании россиян XX столетия / Т.И. Снегова: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 192 с.
236. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О.В. Соколова. – М.: Гнозис, 2014. – 2-е изд. – 304 с.
237. Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов / О.В. Соколова // Слово. ру: балтийский акцент. – 2020. – Т.11, № 1. – С.50–86.
238. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2001. – 256 с.
239. Соловьева Ю.О. Популярно-юридический дискурс vs медийный юридический дискурс / Ю.О. Соловьева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2022а. – Т. 19, № 1. – С. 15–21.

240. Соловьева Ю.О. Новые формы популяризации правовых знаний в популярно-юридическом дискурсе и его жанрах / Ю.О. Соловьева // Жанры речи. – 2022b. – Т. 17, № 3 (35). – С. 205–211.
241. Соловьева Ю.О. Юридическая реклама как гибридный тип текста: жанровые особенности и национальная специфика / Ю.О. Соловьева // Иностранные языки в экосистеме современного университета: материалы Международной научно-практической конференции. – 2022с. – С. 67–71.
242. Соловьева Ю.О. Журналист как популяризатор правовых знаний / Ю.О. Соловьева // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. Сер. «Язык в координатах массмедиа». – Санкт-Петербург, 2022d. – С. 67–74.
243. Соловьева Ю.О. Популяризация правовых знаний в РФ посредством возможностей современных медиаплатформ / Ю.О. Соловьева // Диалог культур и цивилизаций: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. – 2022е. – С. 437–446.
244. Соловьева Ю.О. Полиmodalность как свойство текстов современного популярно-юридического дискурса (на примере интернет-лекций правовой тематики) / Ю.О. Соловьева // Когнитивные исследования языка. – 2022f. – № 4 (51). – С. 567–571.
245. Соловьева Ю.О. Особенности концептуализации и категоризации понятия «право» в текстах популярно-юридического дискурса / Ю.О. Соловьева // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 787–791.
246. Соловьева Ю.О. Образ полиции в современном российском дискурсе правового просвещения / Ю.О. Соловьева // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: материалы II Международной научной конференции. – Москва, 2023. – С. 220–225.
247. Соловьева Ю.О. Семантико-прагматический аспект моделирования имиджа современного адвоката (на материале журнала «Российский адвокат») / Ю.О.

- Соловьева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 3. – С. 75–84.
248. Соловьева Ю.О. Поликодовый и полимодальный характер текстов современного российского популярно-юридического дискурса / Ю.О. Соловьева // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения: сб. науч. трудов. – 2024. – С. 320–326.
249. Соловьева Ю.О. Коммуникативная политональность современного российского популярно-юридического дискурса / Ю.О. Соловьева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – Т. 28, № 2. – С. 134–144.
250. Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / О.А. Солопова, К.А. Наумова // Филологический класс. – 2018. – № 4 (54). – С. 15–21.
251. Соцуро Л.В. Неофициальное толкование норм российского права [Электронный ресурс] / Л.В. Соцуро // Социальные и гуманитарные науки: Государство и право. – 1997. – С. 19–22. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-02-005-sotsuro-l-v-neofitsialnoe-tolkovanie-norm-rossiyskogo-prava-m-izd-vo-ros-un-ta-druzhby-narodov-1996-106-s-bibliogr-s-100-105/viewer>.
252. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности [Электронный ресурс] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С.35–73. – Режим доступа: <https://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov.htm>.
253. Степанова, Е.С. Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса / Е.С. Степанова // Вестник ТГПУ. – 2019. – № 4 (201). – С. 95–101.

254. Ступникова Л.В. Сущность и особенности юридического дискурса английского права / Л.В. Ступникова // Вестник МГЛУ. Профессиональное общение: когнитивно-функциональный аспект. – 2007. – Ч.1, Вып. 519. – С. 213–220.
255. Сулейманова О.А., Борботько Л.А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? / О.А. Сулейманова, Л.А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21. – № 4. – С. 919–929.
256. Сухая Е.В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания / Е.В. Сухая // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – 2012. – Ч. 2, Вып. 6 (639). – С. 212–219.
257. Торгашева М. В. Функционально-стилистические особенности юридического дискурса / М.В. Торгашева // Юрислингвистика-11: Право, как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 2011. – С. 157–163.
258. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
259. Троян (Фадеева) Н.А. Современный подход и перспективы развития правовой грамотности и правосознания граждан / Н.А. Троян (Фадеева) // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 77–85.
260. Тупикова С.Е. Понятие коммуникативной тональности (модальность и тональность) / С.Е. Тупикова // Вестник ТГУ. – 2010. – Вып.1 (81). – С. 247–251.
261. Туранин В.Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса / В.Ю. Туранин // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 1 (13). – С. 103–109.
262. Тюленева Т.В. Формирование лингвистической креативности студентов неязыковых специальностей: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т.В. Тюленева. – Волгоград, 2012. – 24 с.

263. Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Тютюнова. – Волгоград, 2008. – 19 с.
264. Устинова Т.В. Лингвистическая креативность как сущностное свойство речемыслительной деятельности человека / Т.В. Устинова // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 10–14.
265. Уфаева И.Ю. Лингвокультурный типаж Hispanic: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Уфаева. – Нижний Новгород, 2008. – 24 с.
266. Федотова Н.А. Рекреативные функции в системе функций СМИ: теория и концепции / Н.А. Федотова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2011. – Т. 1, № 7. – С. 52–58.
267. Федулова М.Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Федулова. – М., 2010. – 21 с.
268. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Ювента, 1999. – 320 с.
269. Филатова Н.В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония / Н.В. Филатова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 3. – С. 41–46.
270. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.
271. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Изд-во «Икар», 2007 – 480 с.
272. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] / К.Г. Фрумкин // Топос: литературно-философский журнал. – 2010. – № 9. – Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/7371>.

273. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Пер. с франц. К.: Ника Центр, 1996. – 208 с.
274. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования / Т.Н. Хомутова, Е.А. Шефер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика. – 2019. – №3 (6). – С. 44–53.
275. Хотног А.В. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) / А.В. Хотног // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. Вып. 8. – С. 190–194.
276. Храмцова Н.Г. Ценности и ценностные ориентации правового дискурса / Н.Г. Храмцова // Общество и право. – 2005. – № 4 (10). – С. 158–159.
277. Храмцова Н.Г. Правовой дискурс в теории права [Электронный ресурс] / Н.Г. Храмцова // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-diskurs-v-teorii-prava>.
278. Храмцова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности: монография / Н.Г. Храмцова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 396 с.
279. Чернышев А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики / А.В. Чернышев // Слово. ру: балтийский акцент. – 2016. – № 2. – С. 22–28.
280. Чинина Д.С. Латинский язык в юриспруденции. Влияние рецепции римского права на юридический дискурс / Д.С. Чинина // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – №1 (21). – С.99–109.
281. Шашок Л.А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) / Л.А. Шашок // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6 (72). – С. 116–119.
282. Шевченко Ю.В. Авторские стратегии популяризации в разножанровых научно-популярных текстах / Ю.В. Шевченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, Вып. 3. – С. 947–953.

283. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326с.
284. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие / А.В. Шипилов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.
285. Шишкина Е. В. Лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик участников коммуникативной ситуации «допрос»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Шишкина. – Волгоград, 2013. – 23 с.
286. Шлепнев Д.Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении / Д.Н. Шлепнев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-2 (78). – С. 174–177.
287. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–98.
288. Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник»: на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Щеглова. – Волгоград, 2010. – 25 с.
289. Щипицина Л.Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации / Л.Ю. Щипицина // Жанры речи. – 2019. – № 3 (23). – С. 215–226.
290. Щитова Н.Г., Неговора Н.А. Сферы-источники прецедентных феноменов в англоязычных СМИ / Н.Г. Щитова, Н.А. Неговора // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2021. – Вып. 1. – С. 227–232.
291. Шульга М.А. Популяризация, просвещение или изучение: научное знание на развилке / М.А. Шульга // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2019. – С. 773–778.
292. Юдина Н.В. Организация деятельности органов государственной власти по правовому просвещению населения / Н.В. Юдина // Вестн. науч. конф. – Тамбов, 2016. – № 11–4 (15). – С. 117–120.
293. Ярмахова Е.А. Коммуникативный типаж «чудак» в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Ярмахова. – Волгоград, 2005. – 19 с.

294. Юридический перевод: учебное пособие по переводу с английского языка на русский / под ред. П.В. Рыбина. – М.: Проспект, 2018. – 536 с.
295. Alexy R. Jurgen Habermas's Theory of Legal Discourse [Электронный ресурс]. Cardozo Law Review / R. Alexy. – 1996. – Vol. 17. № 4–5. – P. 1027–1034. – Режим доступа: <https://larc.cardozo.yu.edu/clr/vol17/iss4/12/>.
296. Bauman R. Speech genres in cultural practice / R. Bauman // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam; London: Elsevier, 2006. – P. 745–758.
297. Bhatia V.K. Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings / V.K. Bhatia. – London; N. Y.: Longman, 1993. – 246 p.
298. Bhatia V.K. Legal genres / V.K. Bhatia // Encyclopedia of Language and Linguistics. Amsterdam; London: Elsevier, 2006. – P. 1–7.
299. Bhatia V.K., Flowerdew J., Jones R.H. Advances in Discourse studies / V.K. Bhatia, J. Flowerdew, R.H. Jones. – Routledge. London and New York, 2008. – 273 p.
300. Biber D. Register, Genre, and Style / D. Biber. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 352 p.
301. Brown B. Legal discourse [Электронный ресурс] / B. Brown. – Routledge Encyclopedia of Philosophy, Taylor and Francis. – 1998. – Режим доступа: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-discourse/v-1>.
302. Cheng L., Danesi M. Exploring legal discourse: a sociosemiotic reconstruction. [Электронный ресурс] / L. Cheng, M. Danesi // Social Semiotics. – 2019. – V. 29. – P. 279–285. – Режим доступа: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:150966825>.
303. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – Routledge. London and New York, 2014. – 215 p.
304. Dijk T. van. Discourse as Social Interaction: a Multidisciplinary Introduction / T. van Dijk. – L.: Sage, 1997. – 118 p.
305. Dijk T. van. Discourse and communication: a new journal to bridge two fields / T. van Dijk // Discourse and communication. – 2007. – Vol. 1. – No. 1. – P. 5–7.

306. Dijk T. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach / T. van Dijk. – Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
307. Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual analysis within discourse analysis / N. Fairclough // Discourse and society. – 1992. – No. 3. – P. 192–217.
308. Fletcher G.P. The Universal and the Particular in Legal Discourses [Электронный ресурс] / G.P. Fletcher // BYU L. Rev. – 1987. – P. 335. – Режим доступа: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/1070.
309. Foucault M. Archeology of Knowledge / M. Foucault. – London, New York: Routledge, 2002. – 256 p.
310. Fultner B., editor. Jürgen Habermas: Key Concepts / B. Fultner. – Routledge London and New York, 2014. – 264 p.
311. Gavins J. Text World Theory: An Introduction. / J. Gavins. – Edinburgh University Press. – 2007. – 193 p.
312. Gee J. P. Educational Linguistics. The Handbook of Linguistics / J.P. Gee. – Malden, Mass., Oxford: Blackwell, 2002. – P. 647–663.
313. Gibbons J. Forensic Linguistics: An introduction to language in the justice system / J. Gibbons. – UK: Blackwell publishing, 2003. – 337 p.
314. Goodrich P. Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis / P. Goodrich. – London: The Macmillan Press Ltd, 1987. – 266 p.
315. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
316. Hudson T. The Discourse of Advice Giving in English: 'I Wouldn't Feed Until Spring No Matter What You Do' / T. Hudson // Language and Communication 10. – 1990. – No. 4. – P. 285–297.
317. Kress G. The multimodal landscape of communication / G. Kress. – Medien Journal. – 2002. – V. 4. – P. 4–19.

318. Lahlali, El. M. Critical Discourse Analysis and Classroom Discourse Practices / El. M. Lahlali. – München: LINCOM Europa, 2007. – 197 p.
319. Machin D., Mayr, A. How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction / D. Machin, A. Mayr. – Sage Publications Ltd, 2023. – 360 p.
320. Mattila Heikki E.S. Comparative Legal Linguistics [Translated by Christopher Goddard] / Heikki E.S. Mattila. – Burlington, VT: Ashgate, 2006. – 347 p.
321. Mayr A. Language and Power: An Introduction to Institutional Discourse / A. Mayr. – London, New York: Continuum, 2008. – 204 p.
322. Niemi-Kiesiläinen J., Honkatukia P., Ruuskanen M. Legal Texts as Discourses / J. Niemi-Kiesiläinen, P. Honkatukia, M. Ruuskanen // Exploiting the Limits of Law. – Routledge. – 2016. – P. 69–88.
323. Rokeach M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – New York: The Free Press, 1973. – 438 p.
324. Searle J. R. Speech acts: an essay in the philosophy of language / J.R. Searle. – London: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
325. Searle J. The Construction of Social Reality / J.R. Searle. – N.Y.: The Free Press, 1995. – 241 p.
326. Searle J. Language and Social Ontology / J.R. Searle // Theory and Society. – 2008. – Vol. 37, №5. – P. 443–459.
327. Solan L.M. The Language of Judges / M.L. Solan. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 218 p.
328. Solan L.M., Tiersma P. Speaking of crime. The language of criminal justice / L.M. Solan, P. Tiersma. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 2005. – 289 p.
329. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

330. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S.H. Schwartz // *Advances in experimental social psychology*. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.
331. Tiersma P.M. *Legal Language* / P.M. Tiersma. – Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1999. – 328 p.
332. Tiersma P.M. *Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions* / P.M. Tiersma. – Williamsburg, VA: National Center for State Courts, 2006. – 37 p.
333. Tiersma P. Language of legal texts / P. Tiersma // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London; Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 549–556.
334. Tiersma P. Textualizing the law / P. Tiersma // *International Journal of Speech, Language and the Law*. – 2001. – Vol. 8, No. 2. – P. 73–92.
335. Weiss G., Wodak R. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinary* / G. Weiss, R. Wodak. – Palgrave Macmillan Ltd, 2003. – 334 p.
336. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese* / A. Wierzbicka. – New York: Oxford University Press, 1997. – 293 p.
337. Zhenhua W. *Legal Discourse: An introduction* / W. Zhenhua. – Equinox Publishing. 2019. – P. 95–99.
338. Zurn Ch. “Discourse Theory of Law”. *Jürgen Habermas: Key Concepts*, edited by B. Fultner / Ch. Zurn. – Durham, England: Acumen Publishing, 2011. – P. 156–173.

Список источников фактического материала

1. Агранович М. Век безграничного набора закончился. Что будут учитывать при распределении платных мест в вузах [Электронный ресурс] / М. Агранович. – 2025. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/05/29/dogovor-dorozhe-deneg.html>.

2. Анекдоты // Человек и закон. – 2022. – № 8. – С. 71–72.
3. Баршев В. Штрафы за нарушение ПДД: что меняется с 1 января 2025 года [Электронный ресурс] / В. Баршев. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/12/27/s-1-ianvaria-shtrafy-dlia-voditelej-vyrastut-v-poltora-raza.html>.
4. Барщевский М. «Если юрист не любит людей – пусть немедленно сменит профессию» [Электронный ресурс] / М. Барщевский. – 2014. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/interview/559055/>.
5. Белов С. «Дела судебные» – ток-шоу с судьей в качестве ведущего [Электронный ресурс] / С. Белов. – 2022. – Режим доступа: <https://veved.ru/chel/chel-news/175336-dela-sudebnye-tok-shou-s-sudej-v-kachestve-veduschego.html>.
6. Белозерцева Н.А. Государственные символы РФ и ответственность за нарушение порядка их официального использования [Электронный ресурс] / Н.А. Белозерцева. – 2023. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/ff4a9931141b28d62c5e972283d48016/?playlist=151421>.
7. Букридер К. Интервью с Владимиром Кизяковским [Электронный ресурс] / К. Букридер. – 2021. – Режим доступа: <https://literatura.today/interview/intervyu-s-vladimirom-kizyakovskim/>.
8. Внесены изменения в закон о связи [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/66084>.
9. Гранкин И. К взрыву не причастен... / И. Гранкин // Человек и закон. – 2023. – № 2. – С. 12–20.
10. Гранкин И. Поспешишь – людей насмешишь / И. Гранкин // Человек и закон. – 2023. – № 4. – С. 11–17.
11. Гранкин И. Президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Светлана Володина: «Наш труд требует полной самоотдачи в защите прав граждан» / И. Гранкин // Человек и закон. – 2023. – № 6. – С. 4–12.

12. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2022а. – № 7. – С. 39–48.
13. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2022b. – № 8. – С. 29–39.
14. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2022с. – № 9. – С. 43–51.
15. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2022d. – № 10. – С. 33–42.
16. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2022е. – № 12. – С. 27–34.
17. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023а. – № 1. – С. 41–50.
18. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023b. – № 2. – С. 43–52.
19. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023с. – № 3. – С. 29–40.
20. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023d. – № 4. – С. 29–37.
21. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023е. – № 5. – С. 35–44.
22. Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023f. – № 6. – С. 47–55.
23. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В. Даль. – 3-е изд., без перемен. – Санкт-Петербург; Москва: Издание Т-ва М.О. Вольф. – 1904. – 276 с.
24. «Дистанционка» для лекарственных средств // Человек и закон. – 2022. – № 12. – С. 5–7.

25. Дубинина Ю. Адвокат для дилетантов: гид по праву / Ю. Дубинина. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 256 с.
26. Жесткие меры // Человек и закон. – 2023. – № 6. – С. 17.
27. Зал суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tricolor.ru/channels/zal-suda/>.
28. Кизяковский В. Занимательное правоведение / В. Кизяковский. М.: ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 2019. – 724 с.
29. Князева А.Р. Семейное право: права и обязанности родителей [Электронный ресурс] / А.Р. Романова. – 2024. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/8473d853a52fa7e6970a1d91444c6b26/>.
30. Н. Квартира по соглашению / Н. Козлова // Российская газета. – 2022. – № 223 (8871). – С. 7.
31. Козлова Н. Внесены поправки в закон о частных детективах [Электронный ресурс] / Н. Козлова. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/12/04/syshchik-v-zakone.html>.
32. Козлова Н. Весной 2025 года начнет действовать запрет на продажу детям товаров с газом [Электронный ресурс] / Н. Козлова. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/12/05/ballonchik-ne-igrushka.html>.
33. Козлова Н. Пистолет без срока давности: что нужно знать о новых правилах хранения и ношения оружия / Н. Козлова. – 2025. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/08/06/pistolet-bez-sroka-davnosti.html>.
34. Крюкова Е.С. Криминалистика и масс-медиа (интерактивная лекция) [Электронный ресурс] / Е.С. Крюкова. – 2022. – Режим доступа: <https://festivalnauki.ru/program/archive/interaktivnaya-lektsiya-kriminalistika-i-mass-media-220628140125/>.
35. Куликов В. Упрощена регистрация личных фондов [Электронный ресурс] / В. Куликов. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/08/15/perejdut-k-delu.html>.

36. Куликов В. Нотариусов обязали предупреждать наследников обо всех долгах в наследстве [Электронный ресурс] / В. Куликов. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/11/26/naslednikov-nachnut-preduprezhdai-o-dolgah.html>.
37. Курить – здоровью вредить // Человек и закон. – 2023. – № 6. – С. 13.
38. Луц П.В. Ответственность за взятку [Электронный ресурс] / П.В. Луц. – 2024. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/082ad1235e180f0907e4095dd3bf50a5/?playlist=151421&playlistPage=1>.
39. Мало не покажется... // Человек и закон. – 2023. – № 6. – С. 16.
40. Николаева Е. Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах [Электронная книга] / Е. Николаева, 2019. – 175 с.
41. Новогодние анекдоты // Человек и закон. – 2023. – № 1. – С. 63–64.
42. Обязали хранить информацию...до трех лет // Человек и закон. – 2023. – № 5. – С. 8.
43. Ополченцев Донбасса наделили статусом // Человек и закон. – 2023. – № 6. – С. 19.
44. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2011/07/14/pravosoznanie-dok.html>.
45. Оробинский В. Основы права: теория, практика и как с этим жить / В. Оробинский. – Изд. 2-е, испр. – Ростов н/Д: Феникс, 2022. – 336 с.
46. Подписан закон о статусе ветерана боевых действий для ополченцев Донбасса и других добровольцев [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/71043>.
47. Постановление Правительства РФ от 1 июля 2022 г. № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/404936297/>.

48. Правовая грамотность россиян. На пути к гражданскому обществу 2020 [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/>.
49. Правовое просвещение граждан (онлайн-опрос) [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: https://opros.myopenugra.ru/polls/vote_result/?VOTE_ID=18.
50. Правовой центр «Человек и закон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chelovekizakon.ru/news>.
51. Румянцева – Томашевич Ю. Романтик адвокатуры / Ю. Румянцева – Томашевич // Российский адвокат. – 2023. – № 1. – С. 16–24.
52. Русакович А. Семь советов авторам-юристам: как написать хороший учебник [Электронный ресурс] / А Русакович. – 2015. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/3/19/sem_sovetov_avtoramyuristam_kak_napisat_horoshij_uchebnik.
53. Русакович А. Правоведение для всех /А. Русакович. – М.: Издатель Русакович А.А., 2017а. – 440 с.
54. Русакович А. Веселые ролики об основах права: «Обществознание без цензуры» [Электронный ресурс] / А Русакович. – 2017б. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/12/05/vesyolye_roliki_ob_osnovah_prava_obschestvoznanie_bez_cenzury.
55. Русакович А. Как устроено право: простым языком о законах и государстве / А. Русакович. – Москва: Эксмо, 2024. – 480 с.
56. Саяпина Т. Заключение брачного договора по загранпаспорту [Электронный ресурс] / Т. Саяпина. – 2024. – Режим доступа: <https://pravo.rg.ru/rubrics/question/69834/>.
57. Саяпина Т. Как узнать собственника квартиры [Электронный ресурс] / Т. Саяпина. – 2024. – Режим доступа: <https://pravo.rg.ru/rubrics/question/68834/>.

58. Сидоров А. Если ты сам себе адвокат, значит твой клиент идиот! [Электронная книга] / А. Сидоров, 2014. – 51 с.
59. Сидоренко Е. Спортсменка, комсомолка... и так далее / Е. Сидоренко // Российский адвокат. – 2023. – № 1. – С. 22–29.
60. Сидоренко Е. Адвокат, преподаватель, яхтсмен / Е. Сидоренко // Российский адвокат. – 2023. – № 1. – С. 46–53.
61. Слинкова Л.А. Международный день борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Л.А. Слинкова. – 2024. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/e86fd11126e484de27d9ea465f1d3721/?playlist=151421>.
62. Токарева А.А. Основания трудовых отношений и защита права работника [Электронный ресурс] / А.А. Токарева. – 2024. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/40ad415aa2eb3fd5d8bfb44e59ea73b6/?playlist=151421&playlistPage=1>.
63. Трубилина М., Капранов О. Провайдеров пустят в дома / М. Трубилина, О. Капранов // Российская газета. – 2024. – № 78 (9320). – С. 10.
64. Тютрина Ю.М. История создания прокуратуры России [Электронный ресурс] / Ю.М. Тютрина. – 2024. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/eb5856261a84274a5309135cda5cdcf5/?playlist=151421>.
65. Упразднили возрастную маркировку // Гранкин М., Чайка А. Общественная приемная журнала «Человек и закон» / М. Гранкин, А. Чайка // Человек и закон. – 2023. – № 2. – С. 9.
66. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039>.
67. Федеральный закон от 18.03.2023 г. № 75-ФЗ «О внесении изменений в статью 56–2 Федерального закона «О связи» [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/49043>.

68. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2024/12/05/chastnye-detektivy-dok.html>.
69. Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2024/12/28/koap-izmen-doc.html>.
70. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статьи 9 и 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2025/04/25/fz100-dok.html>.
71. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2025/05/30/fz-114.html>.
72. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/49271>.
73. Фиников В.Э. Актуальные вопросы исполнения законодательства в сфере ответственного обращения с животными [Электронный ресурс] / В.Э. Фиников. – 2024. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/c534b7295125430c262092b8f0bd9920/?playlist=151421&playlistPage=1>.

74. Шейкина А. Глава Минюста предложил ввести «вправляющего мозга» медиатора для разводящихся пар [Электронный ресурс] / А. Шейкина. – 2025. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2025/06/20/glava-minyusta-predlozhil-vvesti/>.
75. Шкинев А.В. Гражданская ответственность присяжных заседателей при отправлении правосудия [Электронный ресурс] / А.В. Шкинев. – 2024. – Режим доступа: [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/471f57668fdc9f0a929cd1cb19e354af/?playlist=151421&playlistPage=1>.
76. Чепрунова Н. Иноагентам запретили вести любую просветительскую и образовательную деятельность [Электронный ресурс] / Н. Чепрунова. – 2025. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/04/24/inoagentam-ne-pozvoliat-nas-uchit.html>.
77. Public legal education [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://www.lawsociety.org.uk/campaigns/public-legal-education>.

Словари

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.
3. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. / С.М. Вишнякова. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 583 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Издательство "Русский язык", 1998. – 846 с.

6. Психолого-педагогический словарь / сост. Е.С. Рапацевич / Е.С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2006. – 928 с.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Мир и образование, 2022. – 624 с.
8. Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinonim.org/s/межстилевой>.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожиной. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 312–315. – Режим доступа: https://mgmtmo.ru/edumat/GES/lit_ru/Kozhina_stylistic_encyclopedic_dictionary.pdf.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список примеров

***Пример 1.** «Судебные прецеденты – это решения судов по конкретным делам, которыми другие суды впоследствии обязаны руководствоваться при рассмотрении аналогичных дел. В переводе с латыни «прецедент» означает «предшествующий». Такой способ решения дел возник в Англии при решении имущественных споров. В XI в. там была создана единая судебная система. Судьи в разных уголках страны разбирали споры между людьми на основании обычаев, королевских указов и здравого смысла. Если одна из сторон была недовольна решением, она подавала жалобу в вышестоящие суды в Лондоне, а те уже решали – правильное это решение или нет, и подробно обосновывали свое мнение. Такое решение суда с подробным обоснованием и называется прецедентом. В последующем при рассмотрении аналогичных дел нижестоящие суды обязаны были учитывать эти обоснования вышестоящих судов» [Русакович, 2024: 43].*

***Пример 2.** «Судебный прецедент – решение суда по конкретному делу, которому придается обязательная сила при вынесении решений по аналогичным делам, возникшим после этого решения. Этот источник характерен для стран с англосаксонской системой права, где суд признается правотворческим органом, создающим правовые нормы (в познавательном и профессиональном плане знакомство, например, с американскими прецедентами очень любопытно и полезно, их великое множество; так, известен иск гражданина к «Макдональдсу» о том, что употребление продукции этой фирмы ведет к ожирению, иск, если он будет удовлетворен, позволит предъявить аналогичные претензии половине населения США; имел место массовый иск автовладельцев к корпорации «Даймлер-Крайслер» по поводу «опасности подушек безопасности»: в результате удовлетворения иска 75*

тысячам автовладельцев была выплачена компенсация по 730 долларов каждому)» [Кизяковский, 2019: 69].

Пример 3. «Прецедент в английском (классическом) понимании – это решение суда по одному делу, которое одобрено вышестоящими судами (т.е. не отменено) и обязательно для другого суда, рассматривающего аналогичное дело. Отступить от прецедента суд первой инстанции может только в трех случаях:

- 1) есть два взаимоисключающих прецедента;
- 2) прецедент прямо не пересмотрен палатой лордов (Высший суд), но противоречит практике Высшего суда;
- 3) прецедент принят по ошибке.

Пример работы прецедента в Англии. 13 ноября 1891 г. в газете Pall Mall на весь разворот появилось громадное объявление: «НАГРАДА 100 ФУНТОВ». Компания Carbolis Smoke Ball Co. заплатит 100 фунтов любому, кто будет принимать наше лекарство Smoke Ball (дословно «дымовой шар») три раза в день, две недели подряд, согласно инструкции, приложенной к каждому лекарству, и тем не менее заболеет гриппом или иной простудой. В доказательство искренности наших намерений мы внесли 1 000 фунтов на депозит в Союз-Банк».

Вам 100 фунтов кажутся мелочью? Зря. Тогдашние 100 фунтов равны 7 000 фунтов современных. Если в долларах – около \$9 000, т.е. около 600 000 рублей. При таком щедром посуле народ мел чудо-лекарство, как горячие пирожки.

Луиза Элизабет Кэрлил тоже честно купила лекарство. Принимала согласно инструкции. И – слегла с гриппом. Компания Carbolis Smoke Ball Co. платить отказалась. Луиза пошла в суд. Позиция: между нами заключен договор. Платите. Позиция компании свелась, в частности, вот к чему: договора нет, так как, давая рекламу, компания Carbolis не имела намерения создавать правовые последствия.

Суд удовлетворил требования Луизы. Помимо иных доводов, суд положил в основу решения по этому делу более ранний прецедент – старое решение по похожему делу» (Williams v Carwardine (1833) – прим. наше Ю.С.) [Оробинский, 2022: 244].

Пример 4. *«Медиа́ция – это способ урегулирования спора как в суде, так и до суда с участием нейтрального посредника, медиатора, и регулируется она ФЗ от 27.07.2010 № 193 – «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Дубинина, 2019: 243].*

Пример 5. *«Медиа́ция — это альтернативный способ урегулирования спора при помощи специалиста — медиатора.*

В ситуациях с разводами, когда дети тяжело переживают расставание родителей, а родители слишком увлечены свои конфликтом, пытаются сделать большее друг другу, высказывая все новые обвинения и претензии, — сложно говорить об учтенных интересах ребенка и его эмоциональной безопасности.

В России медиативные услуги пользуются меньшим спросом, чем в США, Канаде и странах Европы. Возможно, это связано с низкой осведомленностью населения о медиации как о возможном альтернативном способе разрешения спора и невозможностью реализации права на медиацию из-за дефицита компетентных специалистов. Большинство граждан либо вообще не слышали о медиации, либо имеют искаженные понятия о процедуре. Кто-то считает, что задача медиатора — привести стороны к примирению любой ценой, навязав или подтолкнув их к решению. Но это не так, наоборот, медиатор не дает никаких намеков на решение. Его роль заключается не в решении конфликта сторон, а в создании благоприятных и комфортных условий для их взаимодействия» [Николаева, 2019].

Пример 6. «Пособие по беременности и родам (БиР) (в народе «декретные») выплачивается женщинам, которые готовятся к родам, и женщинам, усыновившим ребенка в возрасте до трех месяцев. Продолжительность отпуска по беременности и родам от 140 до 194 дней, зависит от того, как проходят роды, и количества детей. Обычно это 70 дней до родов и 70 дней после, если же в процессе родов были осложнения, отпуск по БиР продлят и доначислят пособие. Размер пособия зависит от размера зарплаты, т. е. выплачивается в размере среднего заработка, рассчитанного за два календарных года, предшествующих году наступления отпуска по беременности и родам» [Николаева, 2019].

Пример 7. «Оплата по результату («гонорар успеха») – при ней стоимость работы, проделанной адвокатом, находится в зависимости от исхода дела. «Гонорар успеха» всегда зависит от исхода дела: обычно он прямо пропорционален присужденной судом (возвращенной) сумме, и в среднем составляет от 5 до 15 % цены иска» [Сидоров, 2014: 14].

Пример 8. «Гражданским браком называли сожительство в Российской империи в XIX веке, потому что единственной официальной формой брака признавался брак церковный. Про пары, которые не связывали себя церковными брачными узами, говорили, что они живут гражданским браком.

В современной России продолжают называть гражданским браком сожительство, но это ошибочно, так как гражданским браком правильно называть именно брак, оформленный в соответствии с законодательством, в органах ЗАГС.

Кто-то делает выбор в пользу штампа в паспорте, а кто-то – за отношения, ничем не обременяемые. Фактически же есть семья, не важно, что нет документов, это подтверждающих. В общем-то, основная разница между официально зарегистрированным браком и сожительством в их различном правовом статусе.

Сожительство, в отличие от официально зарегистрированного брака, не порождает никаких семейных прав и обязанностей» [Николаева, 2019].

Пример 9. ВОПРОС: *«Что такое «оферта»? М. Семенов, г. Пермь.*

ОТВЕТ ЮРИСТА: *«Малопонятное слово «оферта» означает «предложение». Причем предложение особого содержания. Оферта – это предложение, адресованное другим лицам о заключении гражданско-правового договора на определенных условиях. То есть на условиях, которые изложены в оферте. Предлагаемая другой стороне договора оферта может быть отправлена почтой, факсом, иными средствами электронной связи. В оферте содержится информация о цене товара или услуги, времени исполнения договора, другие существенные условия его реализации. Оферта действует с момента ее получения возможной стороной договора» [Гранкин, Чайка, 2023f: 55].*

Пример 10. ВОПРОС: *«Относится ли гараж к недвижимым вещам? Л. Карпухин, г. Серпухов.*

ОТВЕТ ЮРИСТА: *«Понятие «недвижимые вещи» и их основной признак закреплены в ст. 130 Гражданского кодекса РФ. К ним относятся земельные участки, участки недр, обособленные объекты и все, что прочно связано с землей, включая леса, многолетние насаждения, здания и сооружения. Отличительный признак недвижимых вещей проявляется в том, что их перемещение невозможно без несоразмерного ущерба, т.е. их перемещение приведет к разрушению либо иному нарушению их сущности. К недвижимым вещам относятся и гаражи» [Гранкин, Чайка, 2023f: 54].*

Пример 11. ВОПРОС: *«Можно ли отменить договор дарения на дом, если одариваемый умер?» Е. Сомлин, г. Сызрань.*

ОТВЕТ ЮРИСТА: «Согласно пункту 4 статьи 578 Гражданского кодекса РФ даритель вправе отменить дарение на объект недвижимости в случае, если он пережил одариваемого, если такое условие было закреплено в договоре дарения. Некоторое время назад в судах рассматривалось заявление гражданки С-вой. Она подарила К-ву комнату в трехкомнатной квартире. После оформления этой комнаты в его собственность он умер. С-ва решила вернуть комнату в свою собственность. В условиях ее договора с одариваемым было записано, что если она переживет одариваемого, то комната возвращается в собственность дарителя.

Однако решением уполномоченного органа С-вой было отказано в государственной регистрации в ее собственность комнаты, которую она подарила К-ву. Отказ мотивировался отсутствием документа, подтверждающего отмену дарения. Такое решение С-ва оспорила в суде. Но суд первой инстанции оставил в силе решение об отказе в государственной регистрации ее собственности. Не нашла С-ва поддержки и в апелляционной инстанции. Лишь судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ восстановила право С-вой на комнату, которую она подарила К-ву, отменив решения нижестоящих судов. <...> Это решение было принято в строгом соответствии с упомянутой статьей 578 Гражданского кодекса РФ. <...> Закон предусматривает возможность для дарителя отменить дарение без судебного решения только на основании факта смерти одаряемого» [Гранкин, Чайка, 2022d: 42–43].

Пример 12. ВОПРОС: «Гражданин РФ хочет заключить брачный договор в консульстве за границей с гражданкой этого государства. У нее есть загранпаспорт РФ, а внутреннего паспорта РФ нет. Девушка – уроженка России. Будет ли этот брачный договор действителен в России?» Михаил (Москва), 14.05.2024.

ОТВЕТ ЮРИСТА: «Брачный договор можно оформить в консульском учреждении Российской Федерации, находящемся в соответствующей стране, и такой договор будет иметь юридическую силу. Самое главное, чтобы применимое в брачном договоре право страны не было нарушено, в противном случае договор можно будет признать недействительным полностью или в части.

На основании п. 2 ст. 1195 ГК РФ, если лицо наряду с российским гражданством имеет и иностранное гражданство, его личным законом является российское право.

В соответствии со ст. 40 СК РФ брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения.

Согласно ст. 1205 ГК РФ право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится.

Брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению (п. 2 ст. 41 СК РФ).

Также обратите внимание на то, что в консульском учреждении Российской Федерации, находящемся в соответствующей стране, можно заключить брачный договор по загранпаспорту. Исходя из общих положений ст. 9 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации, является действующий внутренний паспорт. За пределами Российской Федерации таким документом является заграничный российский паспорт» [Саяпина, 2024].

Пример 13. ВОПРОС: «Относится ли кухонный нож к холодному оружию?» М. Усканов, г. Липецк.

ОТВЕТ ЮРИСТА: *«Нет, не относится. Кухонный нож предназначен для нарезки хлеба, других продуктов. Его используют при приготовлении пищи и в многочисленных других бытовых случаях. В общем, это удобный инструмент, без которого не обойтись людям при приготовлении пищи и во время еды. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ 11 июня 2019г., под «холодным оружием» понимаются изготовленные промышленным или самодельным способом предметы, предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектами поражения. Непосредственно к холодному оружию относятся кинжалы, боевые, национальные, охотничьи ножи, сабли, мечи и другое клинковое оружие, а также штыки, копья, боевые топоры, иное режущее, колющее и рубящее оружие. В группу холодного оружия относятся также кастеты, нунчаки, кистени и другое оружие ударно-дробящего воздействия» [Гранкин, Чайка, 2023f: 47].*

Пример 14. ВОПРОС: *«Какое оружие считается пригодным для самообороны?» Н. Мультон, г. Рязань.*

ОТВЕТ ЮРИСТА: *«Перечень применяемого гражданами оружия для самообороны велик. В него входит прежде всего огнестрельное гладкоствольное и длинноствольное оружие. Причем на нем не должно быть приспособлений для бесшумной стрельбы и механизмов для ведения огня очередями. В случае применения оружия такие патроны должны образовывать на стреляных гильзах следы оружия, содержащие комплекс признаков, в том числе выступов и углублений, с помощью которых можно идентифицировать ружье. Конструкция оружия должна быть такой, чтобы не было возможности стрелять патронами к огнестрельному оружию. Недопустимо, чтобы само оружие было изготовлено из боевого ручного стрелкового и служебного огнестрельного оружия.*

Кроме названного, к оружию самообороны граждан относятся травматическое оружие, газовые пистолеты и револьверы, а также различные механические распылители, аэрозольные устройства и некоторые виды электрошокеров. Полный перечень оружия для самообороны граждан утвержден Приказом Министра внутренних дел РФ, который вступил в силу с 29 июня 2022 г.» [Гранкин, Чайка, 2023b: 48–49].

Пример 15. «В статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции приведены определения основных понятий, используемых для целей данного федерального закона, а именно, под коррупцией понимается, в том числе, злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего служебного положения, вопреки законным интересам общества, государства, в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера; иных имущественных прав для себя и для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Предметом взятки являются деньги, материальные ценности, оказанные безвозмездно, но подлежащие оплате услуги, а также льготы, дающие право на имущество, такие как: предоставление туристических путевок, предоставление на льготных условиях кредитов и т.д.

Под вымогательством взятки следует понимать требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действие/бездействие, которые могут причинить вред правоохраняемому законом лицу, от которого взятка требуется. При этом не имеет значения была ли у должностного лица реальная возможность осуществить указанную угрозу или у лица, передавшего взятку, имелись ли основания опасаться осуществления этой угрозы. Например,

следователь, зная, что уголовное дело подлежит прекращению в связи с отсутствием в деянии состава преступления, угрожает обвиняемому направить дело с обвинительным заключением прокурору, а, получив взятку, дело по предусмотренным законом основаниям прекращает. Санкция, предусмотренная статьей 201 Уголовного кодекса России, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет со штрафом в размере от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки» [Луц, 2024].

Пример 16. «В связи с расширением компетенции суда присяжных заседателей особое значение приобретает отношение общественности к роли и значимости статуса «судьи от народа». Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан участвовать в правосудии путем отправления правосудия через статус «присяжный заседатель». С участием присяжных заседателей чаще всего в судах рассматриваются уголовные дела об убийствах, о сбыте наркотических средств, причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть.

В настоящее время одной из проблем, с которой сталкиваются правоприменители при отборе и формировании коллегии присяжных заседателей – это нежелание наших граждан являться в суд, когда они получили приглашение из суда принять участие в качестве присяжного заседателя. Многие граждане, получив такое приглашение, ссылаются на занятость по своим делам, на невозможность принять участие в судебном заседании поскольку не обладают юридическим образованием. Однако действующее законодательство у нас не предъявляет каких-либо принципиальных требований к кандидатам в присяжные заседатели. Нет такого обязательного требования, что кандидат в присяжные заседатели обязательно обладал высшим юридическим образованием. Присяжный заседатель решает, прежде всего, вопросы о виновности подсудимого по своему внутреннему убеждению и совести, руководствуясь здравым смыслом и жизненным опытом.

Труд присяжного оплачивается за счет федерального бюджета. Его компенсационное вознаграждение составляет половину должностного оклада судьи, рассматривающего уголовное дело, пропорционально числу дней от участия в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка кандидата в присяжные заседатели, если он был отобран по месту основной работы» [Шкинев, 2024].

Пример 17. *«Право в объективном смысле или объективное право – это система правил поведения, установленных и охраняемых государством. Мы употребляем слово «право» в этом значении, когда говорим: «Он – знаток права», «Я учусь на факультете права», «правовое государство», «уголовное право» или «гражданское право» [Русакович, 2017b].*

Пример 18. *«Субъектами правоотношений могут быть люди или организации. Причем к организациям относятся: государства, например, Россия или Германия, государственные органы, скажем парламент или правительство, регионы государства, например, Вологодская область или республика Дагестан, города, деревни, а также коммерческие и некоммерческие организации, например, «Газпром», «Российские железные дороги», «Сбербанк», русская православная церковь или партия “Единая Россия”» [Русакович, 2017b].*

Пример 19. *«Чтобы понять, как соотносятся друг с другом эти источники права попробуем сравнить государство с компьютером или смартфоном. Нормативные правовые акты для государства – это что-то вроде программы или приложения для компьютера. Каждый из них указывает процессору и другим устройствам, что они должны делать в определенных ситуациях. Заранее прошу прощения у специалистов, если я где-то что-то напутал. Тем не менее, если мы возьмем такую аналогию, то главный закон страны Конституция – это что-то вроде операционной системы*

Android, Windows или MacOS. Это главный документ, который определяет всю работу государства и которому должны соответствовать все другие документы. А остальные законы – это соответственно остальные программы и приложения. Их можно разделить на системные, т.е. те, которые помогают работать операционной системе и которые просто так не удалить, и обычные – те, которые легко установить и удалить. Соответственно, системные приложения – это федеральные и конституционные законы, а обычные приложения – это просто федеральные законы. Наконец, ко многим программам можно добавить расширение, которое будет помогать им в работе. Скажем, Adblock помогает браузеру скрывать рекламу, а frigate – посещать сайты, заблокированные Роскомнадзором. Аналогичным образом к законам принимают подзаконные акты, которые помогают им выполнять некоторые функции» [Русакович, 2017b].

Пример 20. *«Получить высшее профессиональное образование в России можно по программе бакалавриата, специалитета и магистратуры, разница в содержании и продолжительности обучения. Для освоения программ бакалавриата или специалитета необходимо иметь среднее общее образование, для программ магистратуры — высшее образование любого уровня (бакалавриат или специалитет). Специалитет — это привычная для нашей страны форма получения высшего образования с пятилетним сроком обучения» [Николаева, 2019].*

Пример 21. *«Профпереподготовка — отличная возможность для получения компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новых навыков, новой квалификации» [Николаева, 2019].*

Пример 22. «Ценник – это публичная оферта, и обязанность продавца – продать товар по указанной в нем стоимости (п.2 ст. 494 ГК РФ)» [Дубинина, 2019: 214].

Пример 23. «Налоговые вычеты – это возможность уменьшения налоговой базы налогоплательщика. Налоговые вычеты подразделяются на стандартные, социальные, имущественные» [Николаева, 2019].

Пример 24. «Единый налоговый платеж — это денежные средства, которые гражданин может добровольно перечислить в бюджетную систему Российской Федерации одним платежом. Сумма зачисляется на соответствующий счет Федерального казначейства для уплаты налога на имущество, транспортного и земельного налогов. Платежи будут распределяться в бюджеты по месту нахождения соответствующих объектов налогообложения» [Николаева, 2019].

Пример 25. «Платежеспособность — наличие доходов, позволяющих получить и оплачивать кредит, либо иные денежные средства, достаточные для оплаты средней стоимости жилья в части сверх предоставленной государством субсидии» [Николаева, 2019].

Пример 26. «Рефинансирование ипотеки – это процедура погашения кредита в одном банке с помощью нового займа в другом. Т.е. вы ищете банк с более низкой процентной ставкой, берете у него кредит, закладывая им ту же квартиру. Бывает, банки сами снижают процент, если заемщик готов уйти в другой банк» [Дубинина, 2019: 152].

Пример 27. «Наложенный платеж – это дистанционная покупка, когда стоимость вносится после получения» [Дубинина, 2019: 197].

Пример 28. «Личный кабинет налогоплательщика — информационный ресурс, который размещен на официальном сайте ФНС России и может быть использован для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей» [Николаева, 2019].

Пример 29. «1) пункт 1 статьи 3 дополнить подпунктами 23 и 24 следующего содержания:

23) лица, принимавшие в соответствии с решениями органов государственной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 года;

24) лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года;»;

2) статью 4 дополнить подпунктами 9 и 10 следующего содержания:

9) лица, принимавшие в соответствии с решениями органов государственной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 года, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в связи с участием в указанных боевых действиях;

10) лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по содействию выполнению указанных задач» [kremlin.ru, 2025].

Пример 30. *«Федеральным законом предусматривается отнесение к ветеранам боевых действий и инвалидам боевых действий лиц, принимавших в соответствии с решениями органов государственной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 года;*

Кроме того, федеральным законом статусом ветеранов боевых действий и инвалидов боевых действий наделяются лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года» [Человек и закон, № 6, 2023: 19].

Пример 31. *«1. Порядок выдачи удостоверения ветерана боевых действий единого образца лицам, принимавшим в соответствии с решениями органов государственной*

власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 года, устанавливается Правительством Российской Федерации с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом от 17 февраля 2023 года № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

5. *Порядок выдачи удостоверения ветерана боевых действий единого образца лицам, заключившим контракт (имевшим иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года, устанавливается Правительством Российской Федерации» [kremlin.ru, 2025].*

Пример 32. *«пункт 9 дополнить подпунктами 5 и 6 следующего содержания:*

5) хранение на территории Российской Федерации информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений, а также иной информации о взаимодействии пользователей информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, функционирующих в технологических сетях связи, собственники или иные владельцы которых имеют

номер автономной системы, и информации об этих пользователях – в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;

б) предоставление уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, информации, указанной в подпункте 5 настоящего пункта, и иной информации, необходимой для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами. Состав информации, подлежащей хранению в соответствии с подпунктом 5 настоящего пункта, место и правила ее хранения, порядок ее предоставления уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, устанавливаются Правительством Российской Федерации» [kremlin.ru, 2025].

Пример 33. «Федеральным законом предусматривается обязанность собственников или иных владельцев технологических сетей связи, имеющих номер автономной системы, обеспечивать хранение на территории Российской Федерации определенной информации в течение трех лет.

В случаях, установленных федеральными законами, такая информация должна предоставляться уполномоченным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» [Человек и закон, № 5, 2023: 8].

Пример 34. «2) пункт 10 изложить в следующей редакции:

10. Порядок взаимодействия собственников или иных владельцев технологических сетей связи, имеющих номер автономной системы, с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, а также

порядок контроля за деятельностью собственников или иных владельцев технологических сетей связи, имеющих номер автономной системы, связанной с хранением информации, указанной в подпункте 5 пункта 9 настоящей статьи, устанавливается Правительством Российской Федерации» [kremlin.ru, 2025].

Пример 35. «4) в статье 12.8:

а) в абзаце втором части 1 слово «тридцати» заменить словами «сорока пяти»;

б) в абзаце втором части 2 слово «тридцати» заменить словами «сорока пяти»;

в) в абзаце втором части 3 слово «тридцати» заменить словами «сорока пяти»;

5) в статье 12.9:

а) в абзаце втором части 2 слово «пятисот» заменить словами «семисот пятидесяти»;

б) в абзаце втором части 3 слова «одной тысячи до одной тысячи пятисот» заменить словами «одной тысячи пятисот до двух тысяч двухсот пятидесяти»;

в) в абзаце втором части 4 слова «двух тысяч до двух тысяч пятисот» заменить словами «трех тысяч до трех тысяч семисот пятидесяти»;

г) в абзаце втором части 5 слова «пяти тысяч» заменить словами «семи тысяч пятисот» [rg.ru, 2024].

Пример 36. «Начнем с самого сурового нового штрафа. В КоАП появляется новая статья: за повторное управление незастрахованным по ОСАГО транспортным средством. До сих пор за такое нарушение инспектор выписывал на дороге постановление о штрафе 800 рублей. С 1 января такое нарушение будет стоить в разы дороже – от 3 до 5 тысяч. Сумма 5 тысяч рублей не дотягивает до средней стоимости страховки. Но если это будет несколько штрафов, то, очевидно, автовладелец предпочтет страховать свою машину. Слишком дорого обойдется ее эксплуатация.

Кроме того, увеличиваются в полтора раза штрафы за любимые лихачами нарушения: превышение скорости, пересечение сплошной разметки, нарушение требований знаков, управление в нетрезвом виде или отказ от медосвидетельствования. То есть было 500 рублей, придется платить 750 рублей. Было 1,5 тысячи рублей, придется выплатить 2250 рублей. Причем такие подвижки сделаны по составам, которые составляют массовую часть нарушений. Это проезд на красный свет, нарушение разметки, требований знаков» [Баршев, 2024].

Пример 37. *«Сегодня в стране такие сыщики занимаются поисками людей и пропавшего имущества, проверкой контрагентов, поисками прослушки в офисах и на предприятиях, могут проверять анкетные данные соискателей. Правда, только с их разрешения. И на последнем месте у сыщиков – выявление супружеских измен. Хотя граждане почему-то думают, что это чуть ли не главное направление их работы. А еще они могут заниматься охраной коммерческой тайны. Детективы имеют право собирать доказательства по гражданским и уголовным делам. Их можно на законном основании к этому привлекать» [Козлова, 2024].*

Пример 38. *«Иностранный агент не вправе осуществлять педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях и (или) просветительскую деятельность. Образовательная деятельность не может осуществляться организациями, признанными иностранными агентами» (Федеральный закон от 21.04.2025 г. N 100-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статьи 9 и 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»»)* [rg.ru, 2025].

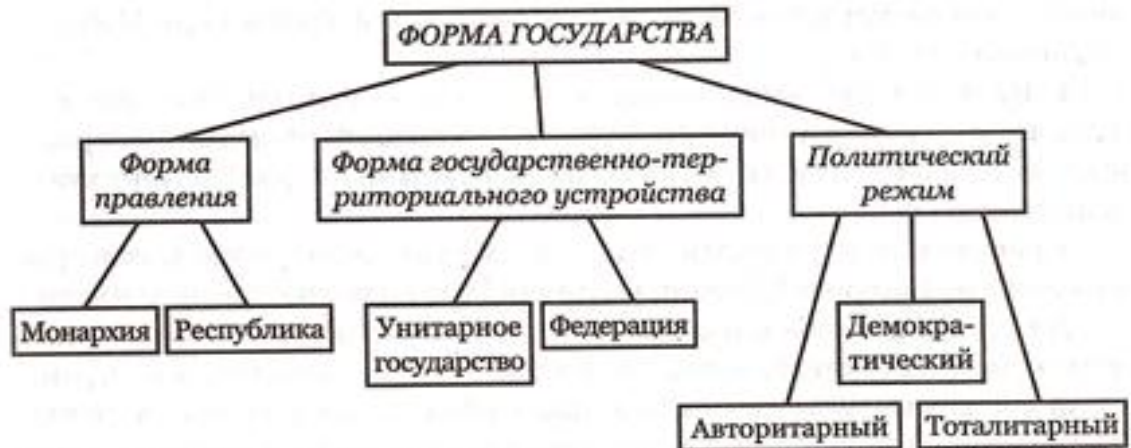
Пример 39. «Для граждан, признанных в России иностранными агентами, новым законом введен полный запрет на просветительскую или образовательную деятельность, причем вне зависимости от возраста учащихся. Напомним, что до этого иноагентам было запрещено заниматься образованием и просвещением только детей. Теперь к ним добавили и взрослых. И значит, у граждан, получивших статус иноагента, лицензия на образовательную работу будет сразу аннулирована» [Чепрунова, 2025].

Пример 40. «Перечень направлений подготовки и специальностей высшего образования, научных специальностей, по которым определяется предельное количество мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об оказании платных образовательных услуг, порядок и сроки определения предельного количества таких мест утверждаются Правительством Российской Федерации» (Федеральный закон от 23.05.2025 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”») [rg.ru, 2025].

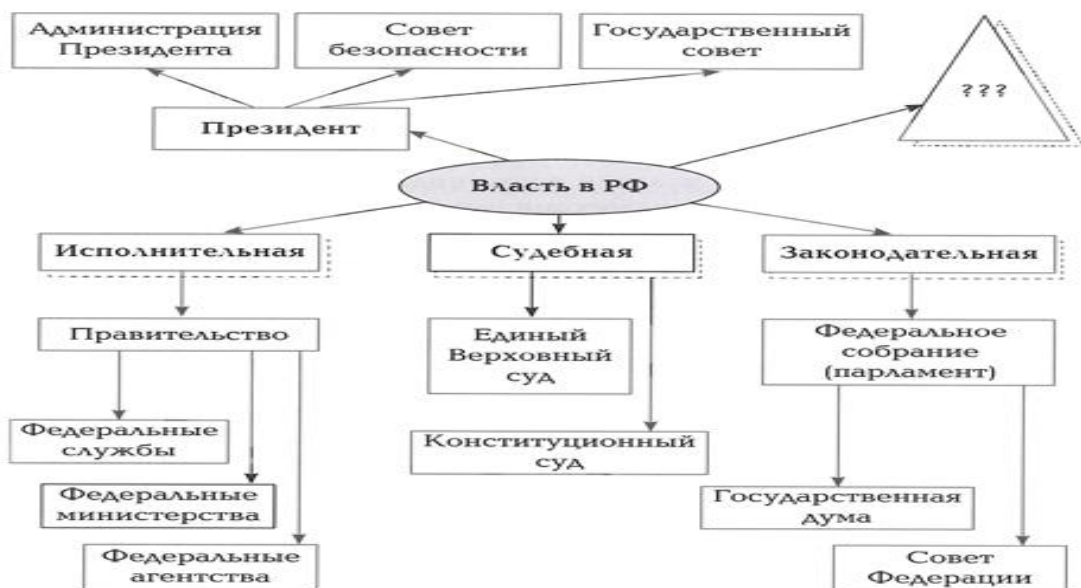
Пример 41. «Перечень направлений подготовки и специальностей высшего образования..., по которым определяется предельное количество мест... по договорам об оказании платных образовательных услуг, порядок и сроки определения предельного количества таких мест утверждаются Правительством Российской Федерации. Век безграничного платного набора закончился. Как было раньше? Абитуриенты, не прошедшие по конкурсу, но имеющие финансовые возможности, подавали документы на контрактное обучение. А многие сразу «целились» на платные отделения: конкурса там практически не было, и, честно говоря, зачастую студбилеты получали абитуриенты с минимальными знаниями. <...> Но сейчас в стране острая нехватка кадров на рынке труда, в особенности кадров инженерных.

<...> В правительстве уверены: платный прием тоже должен работать на задачи государства» [Агранович, 2025].

Пример 42. Схема 4. Формы государственного устройства из книги А. Русаковича «Правоведение для всех» [Русакович, 2017а: 185].

Пример 43. Схема 5. Иерархия ветвей власти из книги В. Оробинского ««Основы права: теория, практика и как с этим жить» [Оробинский, 2022: 33].

Пример 44. «Процесс появления на свет нормативных актов очень сложен и подвержен влиянию такого количества факторов, которое не поддается никакому учету; и чем выше орган правотворчества в структуре госорганов, тем многообразнее эти факторы. <...>

Что говорить о многосложных причинах появления и содержания законов, когда обычная сказка, например, «Золотой ключик» А.Н. Толстого (1936 г.), имела неоднозначные причины появления И, по мнению исследователей, сложнейший подтекст, а именно: была изображена в значительной части тогдашняя литературно-театрально-художественная элита России первой половины XX в. (Буратино – Максим Горький или актер, театральный деятель, с конца 30-хх гг. эмигрант Михаил Чехов, Папа Карло и Джузеппе – Станиславский и Немирович-Данченко, Тортилла – Н.К. Крупская, Пьеро – А. Блок, Мальвина – одна из красавиц-актрис, либо М. Андреева, либо О. Книппер-Чехова <...> Трудно предположить, что водило пером автора, непревзойденного в искусстве выживания и мимикрии, был ли это заказ «сверху», либо собственное желание, либо еще какие-либо неизвестные побудительные причины...» [Кизяковский, 2019: 67].

Пример 45.

Платонические правоотношения

По поводу сделок, в которых участвует государство, важно понимать одну вещь. В этой ситуации, как и во многих других, может возникнуть сразу несколько разных правоотношений, и не следует их путать.

Отношения между государством и его деловым партнером по договору – частноправовые, и тут стороны по идее вправе сами установить взаимные права и обязанности. Но отношения между государством, которое заключает договор, и чиновником, который выступает как представитель государства, – это уже

публично-правовые отношения. Они строго вертикальны, и ни о каком равенстве речи не идет. Чиновник обязан четко выполнять прописанные в законе правила и не вправе выбирать (по крайней мере, официально) знакомых предпринимателей для выполнения заказа [Русакович, 2017а: 83].

Пример 46. *«Вещи бывают движимыми и недвижимыми. Многим кажется, что разница между ними очевидна: движимые вещи могут двигаться, недвижимые – не могут. Однако это не совсем так.*

Изначально действительно вещи делили на движимые и недвижимые в зависимости от их способности перемещаться в пространстве. И именно поэтому возникла необходимость в разных режимах правового регулирования. Скажем, если человек продает стул, здесь все просто: он приносит стул, передает его следующему владельцу, и тот забирает его к себе домой. Стул можно двигать, поэтому новый владелец способен увезти его с собой и взять под контроль. Всем понятно, кому вещь принадлежала раньше и кому она принадлежит теперь. И в большинстве случаев человек, у которого находится движимая вещь, по умолчанию считаем собственником этой вещи. А вот с земельным участком все не так просто. Собственник не обязан всегда находиться на своем участке и объявлять всем, что тот ему принадлежит» [Русакович, 2024: 328–329].

Пример 47. *«Я скажу проще: пока вы творите, к вам никто не лезет, никто не мешает. Государство не вмешивается. Но вот как только ваше творчество придет к какому-то итогу, государство вам поможет, признавая за вами права творца на венец творения, т.е. на итог вашей творческой деятельности, и даст защиту вашему праву. Этому посвящена отдельная часть ГК РФ – часть 4, раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».*

На сухом языке закона все, что вы в принципе можете создать в ходе творчества, называется «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации». Обиходное название: “интеллектуальная собственность”» [Оробинский, 2022: 212].

Пример 48. *«Согласно статье 37 Конституции РФ труд – свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду и выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой-бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [Токарева, 2024].*

Пример 49. *«Гражданское правонарушение, оно же гражданско-правовое нарушение, – это либо нарушение договора, либо иное причинение вреда людям и организациям. Четкого перечня гражданских правонарушений нет, но все они основаны на положениях Гражданского кодекса РФ и других источниках гражданского права. Совершить гражданское правонарушение может человек или организация (в том числе государство). За гражданско-правовые нарушения предусмотрены три вида ответственности: возыскание убытков, возыскание неустойки и компенсация морального вреда» [Русакович, 2017а: 117].*

Пример 50. *«Исходя из того, что право на замену военной службы альтернативной гражданской службой является непосредственно действующим, федеральный законодатель не вправе ограничивать процедурными нормами, принятыми в целях рационализации деятельности государственных органов, свободу совести и*

вероисповедания и связанное с ней право на альтернативную гражданскую службу» [Оробинский, 2022: 147].

Пример 51. «Общие требования к кандидату на госслужбу можно вывести из ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ»:

- иметь российское гражданство (и не иметь иного);
- владеть государственным языком;
- быть в возрасте не моложе 18 лет;
- иметь соответствующее образование (в зависимости от категории и группы должности);
- отвечать другим законным требованиям, которые установлены иными специальными законами и правилами» [Оробинский, 2022: 169].

Пример 52. «Также государство гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за его пределами. Это означает, что если с гражданином РФ произошла беда за рубежом, то он может обратиться в российское консульство, где ему должны оказать помощь.

Еще гражданин РФ может иметь гражданство другого государства, а приобретение гражданства другого государства не приводит к прекращению российского гражданства» [Русакович, 2024: 301].

Пример 53. «К **существенным** (они отличаются от прочих тем, что по ним обязательно должно быть достигнуто соглашение между сторонами) относятся:

– **четкое обозначение сторон договора** по индивидуальным признакам – возраст, адрес, идентификационный налоговый номер, банковские реквизиты и другие: это два или несколько субъектов, которые законодательством признаются участниками гражданско-правовых отношений (по действующему ГК РФ – граждане,

юридические лица, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования» [Кизяковский, 2019: 114].

Пример 54. «Помимо возврата стоимости товара, за нарушение срока возврата денег с продавца можно взыскать неустойку (пеню) в размере 1% от цены товара за каждый день просрочки – п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей. При удовлетворении иска суд может также полностью или частично взыскать с ответчика заявленные вами судебные расходы, связанные с производством по делу» [Николаева, 2019: 108].

Пример 55. «Следует отметить, что никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи для вступления адвоката в дело (ч. 2. Ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») [Сидоров, 2014: 28].

Пример 56. «Право собственности на недвижимое и иное имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает у лица, которое приобретало это имущество с момента регистрации. Воспользоваться таким способом приобретения имущества вправе не только граждане, но и юридические лица. Такой порядок закреплен в ст. 234 Гражданского кодекса РФ» [Гранкин, Чайка, 2022: 37].

Пример 57. «Согласно статье 21.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях, за неявку гражданина по вызову военкомата без уважительной причины предусмотрена ответственность в виде предупреждения или штрафа в размере от пятисот до трех тысяч рублей» [Гранкин, Чайка, 2023: 47].

Пример 58. «Федеральный закон направлен на совершенствование правового регулирования рассмотрения судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа и центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел» [Гранкин, Чайка, 2023: 10].

Пример 59. «ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Тогда-то я и ООО «Ромашка» заключили договор о том-то. Тогда-то ООО «Ромашка» нарушила договор так-то. Его действия нанесли мне такой-то ущерб, что подтверждается тем-то.

Такой-то должен возместить пострадавшему ущерб, если сделает то-то (ссылка на закон). Кроме того, он должен выплатить неустойку в таком-то размере и компенсировать моральный вред (ссылка на закон).

Я обратился в ООО «Ромашка» с претензией тогда-то, но ответа не получил (либо получил ответ с отказом в удовлетворении своих требований)» [Русакович, 2017а: 329].

Пример 60.

«В _____
(наименование суда)

Заявитель: _____
(ФИО полностью, адрес, положение в деле)

ХОДАТАЙСТВО

о рассмотрении дела в отсутствие (истца, ответчика, третьего лица)

В производстве _____ (наименование суда) находится гражданское дело по иску _____ (ФИО истца) к _____ (ФИО ответчика) о _____ (указать сущность исковых требований).

Судебное заседание по делу назначено на «_» _____ г. в _____ час. (о времени и месте судебного заседания можно не указывать).

Явиться в судебное заседание не могу _____ (указать причины неявки)»

[Дубинина, 2019: 57].

Пример 61. «После написания заявления об увольнении по собственному желанию работник обязан отработать 14 дней.

Понятия «Уволить без отработки» в законе не существует и велика вероятность быть уволенным за прогул, если после написания заявления об увольнении по собственному желанию работник не вышел на работу. Если работа стала так ненавистна, что 2 недели работать невозможно, выход только один, отсидеться на больничном (разумеется, настоящем, ответственности за подделку документов никто не отменял). В противном случае нужно отрабатывать» [Дубинина, 2019: 141].

Пример 62. «Теперь законом закреплено, что продавец обязан отказать покупателю в любой продаже – хоть очно, хоть дистанционно потенциально опасных газосодержащих товаров бытового назначения, «если в отношении покупателя имеются сомнения в достижении им совершеннолетия, но продавец не может в этом удостовериться».

В случае сомнений относительно возраста покупателя продавец теперь обязан будет потребовать документ, удостоверяющий личность, или «иным способом убедиться в совершеннолетию клиента»» [Козлова, 2024].

Пример 63. «Закон будет способствовать выполнению поставленной президентом задачи – обеспечить к 2030 году доступ 98% всех домохозяйств к широкополосному интернету. Кроме того, он решит две острые проблемы – даст возможность каждому жителю выбирать оператора и наведет порядок в подъездах, отмечает глава Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Александр Хинштейн.

“Законопроектом впервые вводятся единые требования к системам связи, оборудованию, которое устанавливают в домах. Кроме того, устанавливается обязанность операторов привести оборудование в соответствие с уже утвержденными ранее техническими стандартами. Вся ответственность за сохранность общего домового имущества возлагается на операторов”, – говорит Хинштейн» [Трубилина, Капранов, 2024: 10].

Пример 64. «Нотариусов обязали предупреждать наследников о долгах, которые висят на наследстве. Тогда у человека будет возможность сознательно принять решение: вступить в наследство или отказаться. Соответствующий закон публикует «РГ».

Известный юридический факт: долги переходят по наследству. Но есть нюансы. Первое: если отказаться от наследства, то не будет и долгов. Второе: сумма долга не может превышать размер наследства. Допустим, человек получил по наследству миллион. Значит, никто не вправе требовать с него больше. Однако когда долги действительно огромны, то, может быть, легче вообще не вступать в наследство. Тогда не придется тратить время на юридические формальности, деньги на адвокатов, нервы на все прочее.

Между тем до сих пор на практике часто случались ситуации, когда наследники узнают о теперь уже своих проблемах постфактум, когда к ним

приходят люди из банка. И что-то изменить уже поздно. В случае же принятия предлагаемых норм неприятная информация будет вовремя сообщаться человеку.

<...> Кстати, результаты недавнего исследования ВЦИОМ наглядно показали, насколько велико доверие общества к нотариату. В частности, 90 процентов опрошенных заявили, что доверяют нотариусам. Люди видят, что правовая защита работает, нотариус сегодня надежен и доступен. Сейчас обсуждается много различных цифровых инициатив, расширяющих функционал нотариата. Например, в Госдуме рассматривается законопроект: дарить жилье разрешат только через нотариуса. Это позволит пресекать действия мошенников» [Куликов, 2024].

Пример 65. *«В нашем поселке одна известная личность постоянно «малюет» мерзкие картинки на автобусных остановках и других общественных местах. Что делать? Н. Грузлов, г. Орск.*

Надо обратиться к местному уполномоченному полиции. На любителей разрисовывать общественные места неприличными рисунками и нецензурными словами есть вполне действенная управа. Таковой является статья 214 УК РФ. Она называется «Вандализм». <...>

Данная статья относится к числу действующих, ибо находятся вандалы. Недавно суд в Вологодской области наказал штрафом в размере шести тысяч рублей шестидесятилетнего мужчину, который аэрозольным баллончиком с краской расписал нецензурными словами навесы на двух автобусных остановках. Кроме того, с виновного в совершении вандализма взыскали деньги в размере одиннадцати тысяч рублей, которые потребовались для того, чтобы навесы на автобусных остановках были приведены в первоначальное состояние» [Гранкин, Чайка, 2023: 42].

Пример 66. *«Сущность правотворчества – возведение (воплощение) государственной воли в общеобязательные правила поведения – правовые нормы.*

Правотворчество осуществляется не в произвольном порядке, а – обязательно – в рамках процессуальных норм-стандартов, содержащихся в конституции, кодексах, регламентах и уставах и других актах, включающих предписания определенных процедур» [Кизяковский, 2019: 67].

Пример 67. *«У каждого государства – своя система права. Но ни одна из них не возникла на пустом месте. Государства обмениваются опытом, заимствуют законы, отправляют друг к другу юристов на стажировку, издают юридические труды зарубежных авторов. Например, французский Гражданский кодекс и Германское Гражданское уложение легли в основу множества аналогичных законов в странах Европы и Латинской Америки, Японии, Китае, а также в России и других республиках бывшего СССР» [Русакович, 2024: 65].*

Пример 68. *«Государство следит за каждой сферой жизни. В каждой сфере создан особый госорган, который эту сферу опекает/курирует/надзирает. Так, в медицине – Министерство здравоохранения (Минздрав). В сфере безопасности – Министерство внутренних дел (МВД), а также Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС). На транспорте – Министерство транспорта РФ (Минтранс) [Оробинский, 2022: 106].*

Пример 69. *«Собственник – это тот, у кого есть право собственности на квартиру, и чем больше площадь, тем большим количеством голосов он обладает. Весь перечень вопросов, которые жильцы решают на собрании, содержится в ст. 44–47 Жилищного кодекса РФ. Например, выбираются способы управления многоквартирным домом и утверждается размер платы за содержание и ремонт*

жилого помещения в многоквартирном доме, там же обсуждаются дополнительные сборы на домофон, установку шлагбаума и другие» [Дубинина, 2019: 33].

Пример 70. *«Порядок создания наследственного фонда определен в ст. 123.20-8 Гражданского кодекса РФ. Он создается после смерти гражданина, который предусмотрел в своем завещании создание наследственного фонда, по заявлению нотариуса. Такое заявление он направляет в уполномоченный государственный орган» [Гранкин, Чайка, 2023: 30].*

Пример 71. *«Федеральным законом устанавливается, что в прокатном удостоверении на фильм должны содержаться сведения о запрете распространения фильма среди детей в случаях, если фильм содержит информацию, запрещенную для распространения среди детей, или сведения об ограничении распространения фильма среди детей определенных возрастных категорий в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Человек и закон, № 2, 2023: 9].*

Пример 72. *«Что делать в случае аварии?»*

Для начала – выдохнуть. Все живы-здоровы, ничего страшного, это всего лишь машина.

- 1. Включить аварийку и выставить знак.*
- 2. Если есть пострадавшие – вызвать карету скорой помощи.*
- 3. Вызвать сотрудников ГИБДД.*
- 4. Не подписывайте никакие документы и не соглашайтесь «разобраться на месте». Дамы обычно не могут оценить, насколько «влетели» ни они сами, ни другое авто. Если вы не просто снесли зеркало, лучше дождаться сотрудников.*

5. *Воспользуйтесь камерой телефона по назначению – сфотографируйте место аварии со всех сторон.*

6. *Запишите имена и фамилии всех участников ДТП. <...>*

7. *Инспектор ГИБДД на месте замерит все расстояния и составит схему. Ходите за ним и смотрите, что он там замеряет (!). В ДТП плюс-минус метр может существенно повлиять на виновность/невиновность. <...>*

Если вы не очень уверены в себе, или есть пострадавшие, с объяснением лучше не торопиться. Сошлитесь на шок и проконсультируйтесь с юристом» [Дубинина, 2019: 182–183].

Пример 73. *«В нашем поселке одна известная личность постоянно «малюет» мерзкие картинки на автобусных остановках и в других общественных местах. Что делать?»*

Н. Грузлов, г. Орск.

Надо обратиться к местному уполномоченному полиции. На любителей разрисовывать общественные места неприличными рисунками и нецензурными словами есть вполне действенная управа. Таковой является статья УК РФ. Она называется “Вандализм”» [Гранкин, Чайка, 2023: 42].

Пример 74. *«Мы проживаем с отцом в квартире (он прописан), собственник которой неизвестен. Ранее это был дедушка, но он давно умер. Платежки приходят на имя дедушки. Как узнать кто является собственником? Как далее оформить квартиру?»*

Антонина (Тула).

Вашему отцу, как прямому наследнику первой очереди (по закону), нужно обращаться в районный (городской) суд по месту нахождения квартиры с исковым заявлением об установлении факта принятия наследства и признании права собственности на квартиру. <...>

Таким образом, чтобы точно выяснить сведения о собственнике квартиры для суда, ваш отец вправе обратиться в МФЦ с просьбой предоставить Выписку из ЕГРН в отношении квартиры. Если во внесудебном порядке взять эту выписку не получится, ее можно запросить через суд. После вступления решения суда в законную силу у вашего отца появится возможность зарегистрировать право собственности на квартиру (п.5 ч.2. ст.14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»)» [Саяпина, 2024].

Пример 75. «Этот подход утверждает, что право – набор правил поведения, отражающих идеи добра, справедливости и разумности. То есть право приравнивается к тому, что люди считают правильным, разумным и целесообразным. А законы и реальная жизнь могут либо отражать, либо не отражать эти идеи. <...> Первый минус такого подхода к правопониманию: представление о добром, справедливом и разумном у разных людей в разное время отличается» [Русакович, 2017а: 8].

Пример 76. «Допустим, вы сказали: «Право и закон одно и то же...» Такой подход тоже встречается, как пишут в «Википедии»: «Конкретное определение права зависит от типа правопонимания, которого придерживается тот или иной ученый (то есть его представлений о праве)». Поэтому вы, как мыслящий и думающий человек, вправе (опять это **вправе!**) составить свое мнение. Тем более о соотношении права и закона сами юристы спорят уже лет триста» [Оробинский, 2021: 18].

Пример 77. «Разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат «бей разруху!» – я смеюсь. (Лицо Филиппа Филипповича перекосило так, что тянутый открыл рот). Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из

них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя мировую революцию, Энгельса и Николая Романова, угнетенных малайцев и тому подобные галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой <...>» (М.А. Булгаков, «Собачье сердце») [Кизяковский, 2019: 23].

Пример 78. «В Средние Века даже возник богословский спор: можно ли корпорацию (то самое юридическое лицо) отлучить от церкви. Папа Римский Иннокентий IV в 1245 г. по этому поводу заявил, что всякое отлучение распространяется на душу и совесть и что поэтому не могут быть отлучаемы от церкви корпорации, у которых нет ни души, ни совести, ни воли, ни сознания и которые являются лишь отвлеченными понятиями, правовыми наименованиями и фиктивными лицами» [Русакович, 2017а: 24].

Пример 79. «Будет ли являться оскорблением религиозных чувств неуважительный отзыв в отношении религиозных догм? Как отмечал философ-просветитель Поль Анри Гольбах: «Догмы всякой религии оказываются нелепостью с точки зрения другой религии, проповедующей иные, столь же бессмысленные доктрины» [Русакович, 2017а: 147].

Пример 80. «Здесь самое время процитировать булгаковского Воланда, ту часть его диалога с Берлиозом, где он весьма пренебрежительно характеризует Евангелия как исторические источники: «Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя он совершенно не совпадает с евангельскими рассказами (Берлиоз). – Помилуйте, <...> уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда» [Кизяковский, 2019: 126].

Пример 81. «Каждая религия дает главное – надежду на продолжение существования после земной телесной смерти всем без исключения <...> Вспомним для начала Смердякова из «Братьев Карамазовых»:

«– Алешка, есть бессмертие?

– Есть.

– И бог и бессмертие?

– И бог и бессмертие. В боге и бессмертие.

– Гм. Вероятнее, что прав Иван. Господи, подумать о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? Иван? В последний раз и решительно: есть бог или нет?

<...>

– И в последний раз нет.

– Кто же смеется над людьми, Иван?

– Чорт, должно быть, – усмехнулся Иван Федорович.

– А чорт есть?

– Нет, и чорта нет.

– Жаль. Чорт возьми, чтоб я после сделал с тем, кто первый выдумал бога!»

[Кизяковский, 2019: 127–128].

Пример 82. «Если волосы испорчены, и единственная реабилитация – стрижка «под коленку», фотографируете прическу ДО этой манипуляции. Чтобы было понятно, что у вас не было другого выхода, и вы не относитесь к фанатам солдата Джейн» [Дубинина, 2019: 217].

Пример 83. «А если в супе муха?

«В супе бывает не только муха. <...> Если ваш стейк недожарен, холодный, пересолен и пр., вы вправе требовать исправить недостатки (дожарить,

разогреть). Если исправить или заменить невозможно, вы вправе отказаться от своих обязательств по оплате. Но имейте в виду, что отказ не может звучать так: “Это было невкусно, платить не буду, а съел, потому что голодный был”» [Дубинина, 2019: 230].

Пример 84. «Есть такая поговорка у недобросовестных автомехаников: «Чем меньше ты понимаешь в автомобиле, тем дороже ремонт; а женщине по умолчанию двойной ценник». То же и с правом. <...> Если вы в праве «ни ухом, ни рылом», не удивляйтесь потом ни ценнику за услугу, ни плодами труда юриста» [Оробинский, 2021: 233].

Пример 85. «Относится ли кухонный нож к холодному оружию?

М. Усканов, г. Липецк

Нет, не относится. Кухонный нож предназначен для нарезки хлеба, других продуктов. Его используют при приготовлении пищи и в многочисленных других бытовых случаях. В общем, это удобный инструмент, без которого не обойтись людям при приготовлении пищи и во время еды. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ 11 июня 2019г., под «холодным оружием» понимаются изготовленные промышленным или самодельным способом предметы, предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектами поражения» [Гранкин, Чайка, 2023: 47].

Пример 86. «Первые поцелуи, предложение руки и сердца. Свадьба, дети... Кто перед замужеством задумывается о брачном договоре?

До сих пор считается, что, если перед походом в ЗАГС завести разговор о брачном договоре, значит, мысли корыстны и душа нечиста. И какой договор, когда любовь-морковь и платье, как пирожное с кремом.

Впереди – жизнь в богатстве и бедности, но лучше в богатстве, а договор – как лакмусовая бумажка, показывает, кто в семье хочет прибрать к своим грязным ручкам все нажитое в любви и согласии. Есть такое? А ведь в Европе брачный договор – норма, а не плевков в душу любимого <...>

Тогда скучно, но по делу:

Брачный договор – это соглашение лиц, лиц, которые планируют вступить в брак, или соглашение между супругами, направленное на определение имущественных прав и обязанностей каждого из них, как в браке, так и после его расторжения.

Он может быть заключен как ДО брака, так и в браке в любой момент.

Ключевое слово – имущественных прав и обязанностей!

В брачный договор могут быть включены любые условия, касающиеся имущественных отношений супругов, в том числе:

-порядок и способы несения семейных расходов;

-порядок предоставления денежного содержания друг другу (как в браке, так и после его расторжения);

-определение имущества, передаваемого каждому из супругов при расторжении брака» [Дубинина, 2019: 47–48].

Пример 87. *«Заключение брачного договора в России не столь частое явление среди супругов. Кто-то об имуществе даже не думает, потому что «развод – это не про нас, мы же так любим друг друга, и это на века». Кто-то воспринимает предложение о заключении брачного договора как знак недоверия партнера. Чаще заключают договор пары, которым есть что терять» [Николаева, 2019: 96].*

Пример 88. *Иллюстрация 1. Видеоэпизоды из лекции А. Русаковича «Что такое право».*

Пример 89. «<...> права на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Обнаруживаются иные, лично-философские, художественные оценки этого предмета (например, пушкинское “Из Пиндемонти”, написано незадолго до смерти):

*Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусства вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.*

– *Вот счастье! Вот права...*» [Кизяковский, 2019: 73].

Пример 90.

*«Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками*

*Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит [Русакович, 2017а: 235].*

Пример 91.

*«Спроси меня о командите.
Скажи семье своей:
«Верните Мой вклад в семейном капитале!»
Семья пошлет тебя подале.
Бюджет семейный не проверить.
Мужик, ты можешь только верить.
Ты вкладчик лишь, и будь ты проще,
В семье товарищ только теща! <...>
Спроси меня ты про **оферту**,
Представь, тревожно бьется сердце,
Увидел ты предмет мечтаний
И предложил ты ей свиданье.
Свиданье может состояться,
Но все же стоит опасаться:
Акцептом может быть любимым
Свирепый муж с большой дубиной!» [Кизяковский, 2019: 669–670].*

Пример 92. *«Всю ночь Игорь писал бумаги, и под утро дело достигло объема тома «Большой Советской Энциклопедии». Качество проделанной работы в Главке оценивалось взвешиванием дела на руке начальника, поэтому труд Филатина не должен был пропасть даром. Утром, сунув дело в папку, Игорь помчался на Литейный. На проспекте Стачек он неожиданно попал в перестрелку, устроенную операми соседнего отделения по случаю задержания рэкетиоров. <...> Но Филатину повезло – пуля угодила в папку, а сам он, упав от удара на землю, отделался лишь*

легким ушибом затылка <...>. Рассматривая впоследствии дело, Филатин обнаружил пулю, застрявшую на последних страницах. Уяснив для себя всю необходимость написания бумаг, Игорь плюнул на свою работу и целыми днями, запершись в кабинете, писал отчеты. За последующие два года он вообще не раскрыл ни одного преступления, но руководство придаться к нему не могло, так как в нужный момент он всегда представлял пухлый отчет с ворохом справок» [Русакович, 2017а: 388].

Пример 93. «Объясните, пожалуйста, что такое объективное вменение?

Г. Перекиднов, г. Омск

Объективное вменение – это один из принципов российского правосудия. Так. Согласно ч. 2 ст. 5 Уголовного кодекса РФ, под объективным вменением понимается невиновное причинение вреда. <...> Кроме принципов объективного вменения и вины, судьи в своей деятельности руководствуются принципами законности, равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма» [Гранкин, Чайка, 2023е: 37].

Пример 94. «Принцип справедливости. В науке, как всегда, разброд, «...среди специалистов в разных отраслях знаний нет общего понимания даже самого термина справедливость». Хорошо, а как мы с вами понимаем справедливость? Допустим, за одну и ту же контрольную с одним и тем же количеством ошибок Сидоров получил три, а Петров – пять. Справедливо? Нет. <...>

Давайте выведем общую закономерность. В обоих примерах получивший меньше ждал, что получит больше. Почему ждал? Потому что другой за то же деяние получил больше. Отсюда определил бы справедливость так: соответствие деяния и воздаяния.

Хорошо. А что значит справедливость применительно к праву? Для начала открываем Конституцию. Читаем преамбулу:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чья память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Обратите внимание на выделенное слово. Это – единственное место в Конституции, где упомянута справедливость» [Оробинский, 2022: 271].

Пример 95. *«В одном из интервью известный кинорежиссер, телеведущий «Бесогона», убежденный патриот российского государства Н.С. Михалков сказал: «Равенства быть не может, может быть только равноправие». Речь, очевидно, шла о том, что можно (на государственном уровне, законодательно) закрепить формальное равенство всех граждан в правах, собственно равноправие, но это не приведет к фактическому равенству людей в силу множества причин» [Кизяковский, 2019: 70].*

Пример 96. *«Принцип равноправия. То есть юридическое равенство граждан перед законом и судом. В отличие от принципа справедливости, принцип равноправия прямо прописан и раскрыт в Конституции, ст. 19:*

- 1. «Все равны перед законом и судом.*
- 2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.*

<...>

3. *Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации».*

Можно сказать, что принцип равноправия «вытекает» из принципа справедливости. Если бы было иначе – у одного больше прав, а у другого меньше – это было бы несправедливо» [Оробинский, 2022: 273].

Пример 97. *«К сожалению, проблема гуляющих по улице собак стоит как никогда остро. Необходимо отметить, что отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также употреблении нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными регулируются Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными» [Фиников, 2024].*

Пример 98. *«Можно ли завещать имущество любимой собаке?*

Л. Заблатова, г. Самара

В России еще до этого не дошли. <...> Но есть судебный инцидент: в Костромской области женщина завещала свое имущество приюту животных. <...> Этот случай – законный вариант обеспечения благополучия любимых животных. <...>, Кроме того, начиная с 2019 года в нашей стране появилась возможность учредить наследственный фонд. Такой фонд может отстаивать не только интересы родственников завещателя и других граждан. Завещатель может дать поручение лицам, которые будут управлять наследственным имуществом и проявлять заботу о его домашних животных» [Гранкин, Чайка, 2022е: 32].

Пример 99. *«У моей подруги случилась беда. Ее двухлетний сын выпал из окна четвертого этажа нашего дома. Вместо сочувствия, суд ее наказал штрафом. Кому жаловаться не знаем?*

А. Селантьева, г. Липецк

Надеемся, что ребенок выжил. Что касается ответа на ваш вопрос, то приговор суда обжалуется в вышестоящий суд. Составить жалобу вам может помочь адвокат. В то же время следует иметь в виду, что суды стали чаще наказывать матерей, проявивших, мягко говоря, беспечность, когда их дети оказывались на подоконниках многоэтажных домов, по статье 125 Уголовного кодекса РФ. Эта статья называется «Оставление в опасности».

Состав преступления образует заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни. <...> Оставление ребенка, едва научившегося ползать на подоконнике в полной мере относится к таким случаям. Прояви мать надлежащее внимание к ребенку, который ползал по подоконнику, такой беды не случилось бы. Ведь снять его с опасного места никакого труда не составляет» [Гранкин, Чайка, 2022а: 46].

Пример 100. *«В нашем городе несколько человек отравились водкой, купленной в магазине. Сажают ли отравителей в тюрьму?*

Н. Алагин, г. Суздаль

Да, лица виновные в производстве некачественных спиртных и прочих напитков, а также иной продукции, которые не отвечают требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, привлекаются к уголовной ответственности по ст. 238 Уголовного кодекса РФ. Под эту статью подпадают и лица, которые хранят, перевозят в целях сбыта или сбывают товар и продукцию, а также выполняют работы или оказывают услуги, которые не отвечают указанным требованиям. При этом в зависимости от тяжести совершенного преступления виновные могут быть лишены свободы на срок до десяти лет. Но чаще их наказывают штрафами до 500 тыс. руб.» [Гранкин, Чайка, 2023е: 49].

Пример 101. «Согласно статье 37 Конституции РФ, труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [Токарева, 2024].

Пример 102. «Неужели в нашей стране торгуют людьми?

Л. Десятова, г. Тверь

К сожалению, торговля людьми в России, хотя и в небольших размерах, существует. Все еще по стране рыскают всякого рода вербовщики, которые обещают красивую жизнь за границей слабохарактерным людям, лицам, злоупотребляющим алкоголем, наркоманам, а нередко и гражданам, которые попали в трудную жизненную ситуацию. Когда их обманным путем доставляют работодателям, у них отбирают документы, запугивают и заставляют трудиться на различных тяжелых работах без права отдыха.

Наше государство, конечно, противостоит такому мерзкому явлению. В Уголовном кодексе РФ есть специальная статья «Торговля людьми». <...> Кстати, за использование рабского труда виновных приговаривают к лишению свободы на срок до пяти лет» [Гранкин, Чайка, 2022d: 42].

Пример 103. «Была у нас в практике одна история: девушка обратилась в суд с иском к моему работодателю о восстановлении на работе и взыскании заработной платы. Руководитель отдела, в котором она якобы работала, на Трудовом кодексе клялся, что на работу ее не брал. <...> А в иске-то, между прочим, указано, что они делали

проект под ее руководством, вот только незадача: руководила она ими из библиотеки, в самом отделе никогда не появлялась и никаких бумаг о приеме на работу не подписывала, только отправила свое резюме на почту генеральному директору. Естественно, и в суде девушка не смогла подтвердить факт своей работы.

Это самая «лайтовая» история про трудоустройство, которого не было. Более распространенные случаи, когда оформляют гражданско-правовой договор вместо трудового договора.

Почему с позиции сотрудника это плохой вариант? Во-первых, с таким договором не возникает никаких трудовых отношений, т.е. сотрудник по факту только исполнитель какой-то конкретной услуги (например, по подготовке отчета или по организации какого-то проекта).

При заключении гражданско-правового договора не возникает трудовых отношений, следовательно, отсутствуют социально-трудовые гарантии: отпуск, больничный, выплата пособий, гарантии при сокращении и увольнении. Не вносится запись в трудовую книжку.

Поэтому, прежде чем соглашаться поработать по гражданско-правовому договору вместо трудового, нужно основательно взвесить все за и против и выбрать меньшее из зол» [Николаева, 2019: 39].

Пример 104. *«Юридически правильное отношение к документам лучше всего выразил Михаил Жванецкий: «Некоторые издеваются: справки – это все, что ты накопил к старости? – Все! Причем это копии. Оригиналы закопаны в таком месте, что я спокоен» [Русакович, 2017а: 324].*

Пример 105. *«В общем, будьте аккуратнее: одно неловкое движение – и вы уже в правоотношениях» [Русакович, 2017а: 21].*

Пример 106. «В одном из сюжетов М.М. Жванецкого российское общество сравнивалось с несущимся неизвестно куда табуном лошадей. <...> Табун разворачивается и несется в противоположном направлении, а возжаки каким-то непостижимым образом опять оказываются впереди табуна...» [Кизяковский, 2019: 27].

Пример 107. Или (это уже из «Собачьего сердца»): «...разруха не в клозетах, а в головах <...> И вот, когда он вылупит из себя мировую революцию, Энгельса и Николая Романова, угнетенных малайцев и тому подобные галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой» [Кизяковский, 2019: 23].

Пример 108. «– На танцах взяли. Намекнул одному шабером под ребра.

– С концами, что ли?

– Где с концами? Выжил, гад. Он, падла, на суде кричит: «Ерохина прощаю!» А прокурор – в отказ: «Вы-то – да, а общество простить не может...» [Русакович, 2017а: 80].

Пример 109. «Фемида (Темиды, Темис, др.-греч. Θέμις, лат. Themis) – в древнегреческой мифологии богиня правосудия, дочь Урана и Геи, одна из шести доолимпийских богинь-титанид, вторая – после богини мудрости Метиды – супруга Зевса, упомянута в гомеровской «Одиссее». <...> Первоначально у греков Фемида была без повязки на глазах, с весами (древний символ меры и справедливости, для взвешивания добра и зла, поступков, совершенных смертными при жизни; посмертная судьба зависела от того, какая чаша перевесит) в левой руке и рогом изобилия (символ воздаяния или невоздаяния представшему перед ее судом) – в правой.

*Жрецы богини Фемиды – слуги закона, судьи. Римляне стали именовать ее **Юстиция** (Justitia – правосудие, справедливость), изображать с повязкой на глазах (символ беспристрастия), с мечом вместо рога изобилия, что точнее, по-римски, символизировало кару за содеянное» [Кизяковский, 2019:10].*